

Глава VIII

12 – 7 гг. до н.э. = 742 – 747 гг. а.У.

Присоединившись в 13 г. к свите М.Агриппы и приехав в Рим, Иродов первенец Антипатр не прекратил интриговать против единокровных братьев; наоборот, дезигнированный в престолонаследники, он продолжал уже в письмах отцу, под видом сыновней заботы о нем, чернить Александра и Аристовула, расчетливо пугая Ирода исходящей от них для него опасностью. В лице и без того интриговавших против сыновей Мариамны Саломии и Фероры у Антипатра были при иерусалимском дворе естественные союзники. Кроме того, Александр и Аристовул, плюс активно замешанные в распрю их не любящие одна другую жены, своим поведением всецело способствовали ухудшению ситуации. Одним словом, все взаимоненавистно смешалось в хвором иродианско-хасмонейском доме, причем в 12 г. положение обострилось настолько, что царь-отец просто возненавидел юношей.

“...впрочем, пока он еще воздерживался от приведения в исполнение своих мрачных планов касательно их. Чтобы, однако, не совершить опрометчивости по недосмотру или по слишком большой поспешности, Ирод предпочел поехать в Рим и там пожаловаться императору на сыновей. При этом он желал избежать всего, чем он мог бы навлечь на себя подозрение в слишком большой жестокости. Прибыв в Рим, он поспешил в Аквилею, дабы тут скорее повидаться с Цезарем. Получив аудиенцию и попросив разрешения побеседовать о крупном, постигшем его горе, он поставил перед Цезарем детей своих и стал жаловаться на их недружелюбие и дерзкие замыслы, направленные к тому, чтобы всюду и всячески выказывать отцу враждебность и ненависть, которые-де клонятся к тому, чтобы умертвить его и таким безбожным образом овладеть царским престолом... Пусть скажут юноши, подвергались ли они когда-либо какому-нибудь стеснению с его стороны? Когда он был жесток с ними? Как же они смеют у него, столь справедливого человека, оспаривать право власти, которой он достиг после долгих трудов и опасностей! Как они смеют мешать ему пользоваться ею и предоставить ее тому, кого он найдет достойным ее?... Впрочем, он просит, чтобы его права не были попораны и чтобы ему не приходилось больше жить в постоянном страхе за себя; он надеется, что Цезарь не оставит долгие в живых тех, кто решился на такое ужасное дело: если они теперь избегнут кары, то им самим впоследствии придется также сильно

пострадать от людей, как они теперь причинили страдания ему” (И.д.16,4,1).

Болезненное нагромождение выдвинутых больным манией преследования Иродом обвинений и воззвание к высшей мере показывают до какой степени беспомощного отчаяния он дошел. Жадные престолонаследные планы и грязные письменные козни (из-за моря) отрекомендованного кесарю и временно осевшего в Риме Антипатра играли толчковую, но не ключевую роль в развитии семейной трагедии. Менее, чем за два года завидное царское благополучие полетело кувырком; бывшее счастье покровительствуемого, как говорили в Иудее, Божеством Ирода таяло, словно мираж; на фоне, по-прежнему, расточительного внешнего великолепия явственно проступило проклятие династии.

Страстно жалуясь на негодных сыновей Августу, вассальный венценосец, пожалуй, впервые в жизни выставил себя в гротескном свете. Жестокие, иногда чересчур поспешные превентивные удары он наносил противникам неоднократно, но сам еще ни разу не оказывался в столь жалком тупике, отчего с искренней надеждой на избавление от страданий, апеллировал к судейской решительности Верховного, перекладывал ответственность за “справедливый” суровый приговор на плечи старшего по званию. Не располагая, как сказано, правом приговорить кронпринцев без кесарской санкции к смерти, он, несомненно, испытывал в данном деле не досаду, но горькое облегчение.

Вероятно, вся эта семейная свара в доме сателлита неприятно ошарашила до сих пор не отягощенного семейными скандалами в собственном доме Августа. Акции безупречно-полезного протеза в глазах протектора несколько упали; дряхлеющему вассалу, увы, слабо сладить или совладать с родными детьми. В итоге третейское августейшее верховенство в Аквилее на Адриатике уняло раздор, т.е., выражаясь иначе, разрядило обстановку, до поры заглушило конфликт. Для уяснения сути происходящего и понимания химеричности Иродовых обвинительных преувеличений особой проницательности не требовалось. По ходу сбивчивой речи отца обвиняемые юноши расплакались и вызвали тем массовое сочувствие у присутствовавших при разбирательстве членов императорского двора. Затем поощренный миротворческим настроением кесаря старший из братьев, более речистый, одаренный и инициативный Александр, произнес длинную защитную речь* за себя и за брата.

Выслушав обе стороны, Август вменил принцам недостаточное уважение к отцу, а отцу — беспочвенную подозрительность; снял с юношей тяжеленное обвинение в покушении на отцеубийство и велел всем помириться и подружиться. Насколько видно из флавиевского рассказа, и та, и другая сторона были внутренне готовы, донятые раздором, к примирению, вернее, пока готовы, ибо болезнь еще не зашла безнадежно далеко. Да и поди не подчинись умиротворительному арбитражу повелителя мира!

* Информация к размышлению: в речи Александра (И.д.16,4,3) говорится, в частности, об Иерусалимском храме, строительство которого на момент ее произнесения завершено, что в приложении к 12 г. до н.э. верным быть не может. Вопрос-анонс: в чем дело?

Замирренные Иродиане горячо поблагодарили мудро-чуткого императора и “вместе, в сопровождении притворно выражавшего радость по поводу примирения Антипатра, удалились. В течение ближайших дней Ирод подарил Цезарю, который как раз устраивал для римского народа игры и раздачу денег, триста талантов. Цезарь в свою очередь подарил Ироду половину доходов с кипрских медных рудников и поручил ему заведование другой половиной; помимо того, он почтил царя всяческими другими дарами и вниманием; относительно же престолонаследия предоставил царю полную свободу в выборе себе либо одного преемника, либо нескольких, между которыми он по личному усмотрению мог разделить свое царство. Ирод хотел это сделать немедленно, но император не разрешил, указывая на то, что при жизни не следует отказываться от власти ни над царством, ни над своими детьми” (И.д.16,4,5).

Насчет выраженного Иродом вслух желания немедленно разделить царство между сыновьями и отказаться от власти, замнем, как говорится, для ясности. Насчет тяжеловесно-патриархального изречения республиканца Августа, независимо от того было оно произнесено или нет, он сам именно так всю жизнь поступал и именно так думал.

* * *

Приезд Ирода с подсудными Александром и Аристовулом на кесарев суд в Аквилею датируется летом 12 г. до н.э.

Аквилея – цветущий в древности город северной Адриатики у стыка Балканского и Апеннинского полуостровов, на расстоянии 60 стадий от берега, возник как римская колония в 181 г. до н.э. Помешав обосноваться тут, в земле кельтских карнов, новым галльским мигрантам (183 г.), и все чаще конфронтируя с истрийцами, римляне дальновидно заложили на узловом перекрестке мощную крепостную базу по охране внутрииталийских пределов и по контролю над дорогами от адриатического побережья к Альпам, из Италии на Балканы и в Норик. Первоначально *colonia Latina*, аквилейское поселение получило в I в. до н.э. статус муниципии. В годы активности Цицерона здесь проходила таможенная граница Италии; в качестве стратегической цитадели город фигурирует при Цезаре (“Галльская война” 1,10) и при Августе, откуда он, согласно Светонию, координировал боевые операции, в т.ч. в Паннонии: “...войны он поручал своим легатам, хотя при некоторых походах в Германию и Паннонию присутствовал сам или находился неподалеку, выезжая для этого из столицы до Равенны, Медиолана или Аквилеи” (Авг.20).

После альпийско-иллирийских достижений Силия Нервы, покорения Тиберием и Друзом Ретии и Винделики, после оккупации Норика, значение Аквилеи, как коммуникационного узла и опорного пункта военных предприятий в направлении соседнего Дуная, понятно, возросло. Племена среднедунайского бассейна противились романскому освоению региона и в 13 г. легату Иллирии М.Виницию пришлось, о чем мы знаем, попотеть. Едва сюда дошла весть о смерти Агриппы, как мятежные паннонцы взялись за оружие снова.

Одновременно во Фракии вспыхнуло восстание под предводительством фанатичного жреца Диониса Вологеса. Бесс Вологес* провозгласил себя посланцем богов и поднял местных “националистов”, в первую очередь воинственных единоплеменников, против верных римлянам одрисов. Юный одрисский династ, сын Котия Раскупорий пал в сражении, войско его опекуна Роиметалка в большинстве переметнулось к противнику. Роиметалк поспешно отступил в галлипольский Херсонес – личное владение Агриппы, перешедшее с кончиной наместника Заионики в собственность Августа. Инсургенты не удовлетворились одержанной победой и принялись опустошать Галлиполи. Плюс к тому, в македонское пограничье разорительно вторглись причерноморские сиалеты.

Об этих событиях Дион дает обобщительную информацию под 11/10 гг. до н.э.: “Ввиду злодеяний Вологеса и нападения на Македонию сиалетов, Л. Пизону был отдан приказ выступить против врага из Памфилии, легатом которой он тогда был” (54,34). Веллей, не приводя отправную точку Пизонова выступления, сообщает, что Л.Пизон с присущей ему храбростью привел в повиновение Фракию за три года: “Как легат Цезаря он в течение трех лет сражался с этими воинственными племенами” (98,2). Идентификация личности Пизона сомнений не вызывает: речь идет о сыне Л.Кальпурния Пизона Цезония Л.Кальпурния Пизоне Фруги** (консул 15 г. до н.э.) – об авторитетном префекте тиберианского Рима в пору написания Веллеем панегирической “Римской истории” (30 г. н.э.). Относительно трех названных историком, вероятно, инклюзивных лет войны во Фракии, мнения в науке разделились: 13-11 или 11-9 гг. до н.э. Но первый (наиболее научно-популярный) вариант не проходит как слишком ранний, второй – как слишком поздний: ратные деяния храброго Пизона, следует датировать не 13-11 и не 11-9, а 12-10 гг. до н.э.

Македония и Фракия входили в сферу заионической компетенции диарха Агриппы: взбунтуясь Вологес и опустоши он агриппианский Херсонес при жизни Випсания, наверное, такой вопиющий факт удостоился бы минимум упоминания в связи с еще здравствующим Агриппой. Между тем, Дион (26,54) однозначно презентует откомандирование оснащенного обновленными империяльными полномочиями сокедаря зимой 13/12 гг. в Паннонию, ни словом не упоминая ни Македонию, ни Фракию. Значит, там на 13/12 гг. царило спокойствие. Фракийцы осмелели и восстали весной-летом 12 г. приблизительно в одно время с опять восставшими паннонцами. Далее, легатура консуляра Пизона, соответственно Диону, в малоазийской Памфилии в период общеориентального мандата живого Агриппы трудно представима. За десять с лишним лет восточного начальствования гроссадмирала (23-12 гг.), никем у него до самой смерти не оспоренного, нигде на подведомственных ему территориях, кроме особо

* Знаменитое Дионисово святилище на Марице находилось в те годы во владении одрисов. Возможно, Вологес стал жрецом при нем после как бойцовского, так и внутрикомпромиссного умиротворения Фракии Лоллием и Квиринием? (19-17 гг.)

** RE 3 Calpurnius № 99; 1396-99.

статуированной сенатской провинции Азия, консулярские легаты не засвидетельствованы. Все-таки бесспорно второй, но не главный человек в государстве, диарх, а не монарх, начальствовал над управителями в основном преторского ранга. Стоило же ему умереть и прежний порядок сошел на нет, подлежал реорганизации, т.е. наступил переходный этап. Полномерно заменить незаменимого Агриппу Августу, увы, было нечем.

Заботы единоначальника генштаба он хочешь-не-хочешь взвалил на себя, апробируя в маршалских ампула Тиберия и Друза; тяготы же по контролю над целостностью Римской империи взвалились на кесаря вдвойне.

Не до, но после смерти Випсания прежний расклад изменился и в ключевой на Востоке Сирии вновь объявился консулярский легат Augusti propraetore — знакомый нам племянник дядюшки Мунация, убийца С.Помпея, многоопытно-многоликий М.Тиций, чье сирийское наместничество начинается никак не ранее весны 12 г. до н.э. Параллельно в управление кесарскими вотчинами Галатией и Памфилией вступил Л.Кальпурний Пизон. На качественное переоборудование всех теперь непосредственно подопечных кесарю (кесарских и сенатских) *агриппианских* территорий нужно было время. С одной стороны, Тиций — не Агриппа: Малую Азию, вдобавок к Сирии, закреплять за ним незачем; с другой, поспешно дробить обширные центральноанатолийские пространства, сердцевину Малой Азии, нецелесообразно и небезопасно: поспешишь — людей насмешишь. Оттого Пизон сделался наместником не единственно Памфилии, но временно объединенных Галатии и Памфилии*. Похожее временно-административное объединение в неординарных условиях произведет в дальнейшем, например, Гальба (69 г.). У Тацита в “Истории” находим: “Управление провинциями Галатией и Памфилией Гальба поручил Кальпурнию Аспрену” (2,9). Акцентируя Памфилию, Дион локализует местонахождение воинских сил, во главе которых Пизон двинулся на Балканы. И действительно, в горнокрайних, известных лихими людьми Галатии-Памфилии не могли не стационарироваться один или, скорее, два легиона, тогда как между Памфилией и Балканами, в сенатских провинциях *inermis* Азии и Вифинии легионов не было. Вместе с тем, на 15-12 гг. Македония, в отличие от Иллирии, очагом напряженности не являлась, т.е. боевые формирования вполне могли быть переброшены отсюда в мятежную Иллирию. Следовательно, восстание Вологеса, совпавшее с мощным выступлением паннонцев, застало державу врасплох. Наличных сил для оказания своевременной помощи одрисам и для защиты Херсонеса на месте не оказалось. Поражение союзников-одрисов и разгром Галлиполи вызвали нужду в срочном интервенировании. Мирная обстановка в Галатии-Памфилии позволяла снять оттуда боевые соединения и летом 12 г. Кальпурний Пизон, выпол-

* На 40-е гг. 1 в. до н.э. Памфилия относилась к провинции Азия; часть Памфилии предоставил Аминту Галатскому в 37/36 гг. Антоний (Дион 49,32), вероятно, образовав из другой ее части самостоятельную провинцию, так как под 25 г. Дион (53,26) сообщает о провинциализации Галатии и не очень внятно об объединении двух частей Памфилии после гибели царя Аминта.

няя отданный из Аквилеи приказ главкома, высадившись на галлипольском полуострове, причем Дион замечает: узнав о подходе римлян, вологесовцы сразу оттянулись вглубь Фракии (54,34), где, добавим, в 11 и 10 гг. будет идти упорная борьба с переменным успехом.

* * *

Ближе от аквилейской ставки (ко времени прибытия туда истца Ирода) в паннонском междуречье Дравы и Савы победоносно сражался Тиберий. Накануне похода он, по распоряжению Августа, дал развод Агриппине, дочери Агриппы от Помпонии, и стал нареченным женихом вдовой Юлии. Обе эти женщины в момент семейно-династической перетасовки были беременны. Юлия ждала последнего ребенка от Агриппы, Агриппина — второе дитя от Тиберия.

До того у них родился сын Друз (14 г.). С Агриппиной молодой Клавдий, питая к ней глубокую сердечную привязанность, жил счастливо, развелся против воли и нанесенную разводом рану никогда уже не залечил. Светоний пишет: “Об Агриппине он тосковал и после развода; и когда один только раз случилось ему ее встретить, он проводил ее таким взглядом долгим и полным слез, что были приняты меры, чтобы она никогда больше не попадалась ему на глаза” (Тиб.7)*.

С уходом Випсания сыновьям Ливии отводилась роль престололюбителей на цезарской службе до возмужания цесаревичей Гая и Луция. Посему 30-летнему Тиберию безоговорочно предназначалась вакантная Юлия: личные чувства — ничто, не заслуживающие учета частности перед государственными резонами. Этого принципа Август придерживался железно и приложительно к родной дочери, в конце концов, горько за это поплатился, так, впрочем, и не поняв или, точнее, не пожелав понять и признать свою долю ответственности за все случившееся. Всю жизнь единственная дочь была для него, любящего отца, всего-навсего арифметическим средством фамильной политики, родильным агрегатом, который повелитель безжалостно эксплуатировал в интересах созданной им системы, каждый раз выгодно *продавая* ее замуж. Легкая на помине, веселая, привлекательная и общительная, она совсем не подходила ни под образец послушной дворцовой инфанты, ни под августейший идеал чопорной матроны за веретеном. Суровый военно-государственник Агриппа годился супруге в отцы; бирюк Тиберий выглядел возле нее, как баобаб возле березки. Правда, в 12 г., когда до свадьбы полагалось переждать положенный траур, о последствиях несчастной помолвки ни устроитель, ни участники оной, конечно, не догадывались. И пока 27-летняя вдовица рожала Агриппу Постума, разведенный Клавдий решительно разбирался с паннонцами.

Вовлекши в союз скордисков и умело воюя, он сокрушил неприятеля в боях и разоружил население преданных мечу областей. Многие обращенные в рабство пленники пошли с торгов. Осенью главком наверняка был удовлетворен результатами придунайской кампании. Сенат декретировал

* После развода с Тиберием она вышла замуж за Г.Азиния Галла.

Тиберию триумф, низведенный императором, под чьими ауспигиями сын Ливии воевал, до первого в истории Рима присвоения полководцу новоучрежденной награды – *ornamenta triumphalia* (триумфальные украшения). Сам кесарь вкусил XI-ю императорскую аккламацию.

* * *

По Флавию, ошачливленный кесаревым судейством Ирод одарил Цезаря, который как раз устраивал для римского народа игры и дарственную раздачу звонкой монеты, тремястами талантов. В принципе эту денежную раздачу – *congiaria*, Цезарь мог устроить и резидируя в Аквилее, и после возвращения в Рим. Известно, что в 742 г. а.У. состоялись т.н. малые зрелищно-благотворительные поминки Агриппы; большие поминальные торжества имели место позже, в пятую годовщину смерти Випсания. Согласно Диону (54,29), гроссадмирал завещал римлянам, помимо завещанных в безвозмездное пользование садов и термов, по 400 сестерциев на брата, т.е., надо полагать, Ирод прибавил к общей сумме производившихся Августом от себя и от имени покойного пожертвований 300 талантов. Произвел ли император раздачу вкпе со зрелищами по возвращении из Аквилеи в столицу в сопровождении, в частности, Ирода и его сыновей? что как будто косвенно следует из Флавия (И.д.16,4,5) или Иродиане покинули Италию раньше, а римская раздача от имени Августа, б.м., последовала *in absentia*? – неизвестно и не суть важно.

“Деяния” содержат аккуратный перечень раздаточной щедрости кесаря: одна из конгиарий в размере 400 сестерциев рго голову падает на 12-й год его трибунской власти (3,15), т.е. считая с 1 июля 23 г., на годичный интервал с лета 12 до лета 11 гг., а это в интересующем нас контексте, если притянуть сюда анналистический синхронизм Диона (54,29), оптимально дает вторую половину 12 г. до н.э.

* * *

Куда направился вновь воспрявший духом Ирод с троицей сыновей из Италии? Разумеется, в свое царство, в Иудею, но с остановкой-задержкой в Греции, где он на радостях взял на себя спонсирование пришедших, из-за недостатка средств, в упадок олимпийских игр.

“И.в.”: “...то, что он сделал для жителей Элиды было благодеянием не для одной Эллады, а для всего мира, куда только проникала слава олимпийских игр. Когда он увидел, что эти игры, вследствие недостатка в деньгах, пришли в упадок и вместе с ними исчезал последний памятник древней Эллады, Ирод в год олимпиады, с которым совпала его поездка в Рим, сам выступил судьей на играх и указал для них источник дохода на будущие времена, чем и увековечил свою память как судьи на состязаниях” (1,21,12).

“И.д.”: “...олимпийским играм, по безденежью утратившим свою прежнюю славу, он даровал прежнее их значение и почет тем, что назначил им денежную субсидию и путем пожертвований и прочими подарками сделал

их вновь популярными. Благодаря своей щедрости, он был навеки записан элидцами в число почетных устроителей игр” (16,5,3).

Итак, “год олимпиады, с которым совпала его поездка в Рим.” Олимпиады ранее 12 г. до н.э. исключаются, поскольку, как мы убедились выше, Ирод побывал в Риме в 17 неолимпийском г. до н.э. С другой стороны, Шюрер (1,373) решительно возражает также и тем, кто связывает следующую после аквилейского разбирательства, т.е. заключительную поездку Ирода в Рим с олимпиадой 8 г. до н.э. Эту мимолетно упомянутую Флавием Иродову поездку в Рим (И.д.16,8,6; 9,1), которая для Шюрера еще очевидна, Отто (122-23) отверг вовсе и с тех пор она в исследовательской литетатуре попросту отрицается, точнее, без обиняков игнорируется: дескать, не бывал Ирод после 12 г. в Риме; мол, в тексте Флавия неоправданный дублет, несуразица и т.д. Текст Флавия, в том числе по данному пункту, действительно, оставляет желать лучшего, однако, это отнюдь не означает, что Ирод после 12 г. в Рим не ездил (ведь о поездке в тексте все-таки художественно сказано). Как раз напротив, ездил, в чем мы убедимся ниже, но сходно вояжу 17 г., не в олимпийском году (правда, и не в допускаемых Шюрером 10/9 гг. до н.э.).

Стало быть, вопрос **года** исчерпан. Неувязка лишь в том, что самолично Ироду выступить судьей на олимпийских состязаниях в 12 г. вряд ли пришлось, ибо олимпиады проводились в июне; предполагать же, будто Антипатриды уже в мае, прибыв из Иудеи, побывали в Аквилее (где Август, видимо, не ранее мая осел), откуда в июне успели, высунув языки, в Элладу на олимпиаду, вряд ли реально. М.б., Ирод выступил олимпийским рефери по пути в Рим? Ой не верится! Доведенный до белого каления драмой отцов и детей, спешащий на кесарев суд в центр венценосец не мог, не стал бы останавливаться в Греции, чтобы присуждать призы рекорсменам, браться спонсировать олимпийское движение и т.д. Значит, в тексте “Войны” очередное, задействованное информатором-источником Флавия патетическо-панегирическое преувеличение, чего, кстати, в “И. д.” нет, т.е. элидцы-олимпийцы просто навеки включили облагодетельствовавшего их во второй половине 12 г. (по окончании художочной олимпиады) Ирода в число почетных устроителей и судей грядущих игр.

* * *

Возвращение царя иудейского с принцами в Иерусалим имело место осенью, к концу судоходного сезона. Поведав об аквилейском арбитражном мире, Флавий продолжает:

“После этого Ирод вернулся в Иудею. Пока он был в отсутствии, значительная часть, а именно область Трахонская отпала от него. Впрочем, оставленные в ней военачальники вскоре опять справились с ней и привели ее к повиновению. Когда Ирод с сыновьями приплыл к киликийскому городу Элеусе, который теперь переименован в Себасту, он встретился тут с каппадокийским царем Архелаем; тот радушно приветствовал его, радуясь его примирению с сыновьями и особенно тому обстоятельству, что именно его зять Александр опроверг возведенное на них обвинение. Тут они обме-

нялись истинно царскими дарами. Отсюда Ирод поехал в Иудею и прибыв туда, вступил в храм, где сообщил обо всем произошедшем, подчеркнул расположение к нему Цезаря и все прочее, что считал полезным довести до сведения народа. Закончил он речь свою увещаниями жить дружно и обратился с этим увещанием не только к сыновьям своим, но и к придворным и ко всему прочему населению и объявил, что назначает себе в преемники по престолу сыновей своих, сперва Антипатра, а затем и сыновей от Мариамны, Александра и Аристовула. Пока же он просил смотреть на него одного как на царя и властелина, т.к. ему не мешают ни его старость, являющаяся наилучшим жизненным периодом для царствования, ввиду приобретенного опыта, ни что-либо другое: он еще в силах управлять государством и держать в повиновении детей своих. Затем он обратился к военачальникам и войску с указанием, что если они будут смотреть на него одного как на государя, жизнь их потечет спокойно и они сами будут способствовать собственному благополучию...” (И.д.16,4,6).

Мятежное отпадение усмирленного царскими военачальниками в отсутствие царя Трахона дополнительно свидетельствует о, в общей сложности, довольно продолжительном, с весны по осень, путешествии Антипатридов в Италию, с остановкой на обратном пути в Греции и затем в гостях у Архелая Каппадокийского. Элеуса – островная резиденция Архелая возле побережья включенной в 20 г. в состав его царства Киликии Трахея.

Свою неподражаемую речь по прибытии в Иерусалим Ирод произнес перед народом на территории храмового комплекса, в Царском или в Соломоновом притворе, в зависимости от того на какой стадии находилось строительство каждого из них.

В общем, к концу 12 г. до н.э. в Иудее, при дворе, зацарило сомнительно-неустойчивое, санкционированное кесарем псевдодовольствие-затишье, вернее, перемирие перед новыми более мощными бурями. Червоточина в антипатридском доме не была устранена. Наоборот, официально установленное и обнародованное Иродом конкурентно-иерархическое престолонаследие с целью держать сыновей в повиновении и на привязи сулило неминуемую эскалацию временно анестезированного аптекарским методом конфликта.

* * *

На римских еврофронтах 742 г. а.У. боевые операции велись не только в зоне балканского порохового погреба. 1 августа Друз Клавдий Нерон (Светоний “Клавдий” 2), проведя податную перепись в Галлии и увещательно созвав ропщущих галльских нотаблей в Лугдуну, освятил здесь алтарь *Ara Romae et Augusti**, после чего, не теряя времени, выступил навстречу намеревавшимся форсировать Рейн германцам, к чему, будучи заведомо проинформирован, хорошо подготовился. Расчет сигамбров на содействие

* Первым жрецом учрежденного в лугдунском центре *Tres Galliae* кесарско-романского культа стал, согласно выдержкам из Ливия (149), знатный представитель племени гедуров Г.Юлий Веркондарий.

недовольных цензом галлов не оправдался; попытка вторжения не удалась: Друз встретил врага во всеоружии и, нанеся ему жестокое поражение на переправе, отбросил назад. Потом он сам, сообразно Диону (54,32), форсировал Рейн, смял узипетов, опустошил, двигаясь вдоль берега, владения сигамбри, посадил свое пешее воинство на весла и тронулся вниз по течению реки — на море-океан и в страну фризов.

Разумно предположить, что прорытие Друзова канала на отрезке от крайнего рукава Рейна до залива Флево (часть системы зарейнских каналов *fossa Drusiana*) имело место до похода, т.е. в 13/12 гг., ибо кампания 12 г. заняла считанные месяцы, с августа (притом от Лугдуны до Рейна еще надо дотопать) до начала зимы: ни канал, ни каналы, ни прорытие, ни дорытие трудоемкого сооружения в них не уместись. Следовательно, строительство каналов было начато и осуществлено Друзом в период самостоятельного наместничества, частично в 12 г., частично позднее, причем однозначно после того, как между 16 и 13 гг. римские легионеры соорудили на Ксантской возвышенности мощный укреп. лагерь *castra Vetera*.

К фризам Клавдий проявил исключительное дружелюбие, обложив нищих туземцев, сообразно Тациту (Анналы 4,72), умеренной или, лучше сказать, символической данью: повелел им “сдавать бычьи шкуры для нужд нашего войска”. Автохтоны ответили дружелюбной взаимностью (против рожна не попрешь) и глава развед. экспедиции незамедлительно обзавелся верными союзниками, мало того, искусными проводниками на северноморском пути в ареал обитания хавков. Снявшись с якоря, он легко взял остров Борк, вошел в дельту Эмса, где в короткой стычке продемонстрировал романскую доблесть бруктерам, и снова вышел в море, горя нетерпением все-таки коснуться до прихода зимы, если не устья конечно-целевой Эльбы, то хотя бы промежуточного Везера. Помешала досадная, едва не приведшая к худшим последствиям, осечка. В одной из прибрежных бухт друзовские суда неожиданно сели на мель: не была учтена скоростная специфика океанских явлений — прилива и отлива.

Тем временем, зима скомандовала отбой. Что ж, корабли на мели (откуда они, разумеется, снялись) — несущественный эпизод. В остальном операция удачно завершилась и первопроходец Друз заспешил в Рим, чтобы облечь в новом году достоинство претора *Urbanus*, а с весной возобновить активное освоение Германии *Magna*. Блицпроба втянула в державную сферу Голландию и выявила возможность выдвижения имперских рубежей за Рейн, до заветного альбийского водораздела, в частности, со стороны Северного моря.

* * *

1 августа 12 г. до н.э. П. Сульпиция Квириния и Г. Вальгия Руфа сменили в консульстве суффекты — Л. Волусий Сатурнин и Г. Каниний Ребил.

Происходя из древнего рода этрусских корней, представители которого на гос. службе не поднимались, однако, выше преторства, Л. Волусий первым в роду поднялся до ранга консульского. Он родился, по всей вероятности, не позднее 56 г. до н.э., так как его умерший, согласно Тациту (13,30), в

56 г. н.э. на 93-м году жизни сын родился, соответственно, в 38 г. до н.э. Кстати, дочь Волусия Старшего замужествовала за сыном М.Лоллия. Следуя опять-таки Тациту (3,30), Волусий Маиор положил начало знатному в последующие времена богатству фамилии.

Г.Каниний Ребил был сыном одноименного и, главное, однодневного консула 45 г., который волей Цезаря стяжал анекдотичную известность, истолкованную некоторыми старореспубликанцами как глумление диктатора над принципами демократии. Светоний пишет: “Когда один консул внезапно умер накануне Нового года, он (Цезарь) отдал освободившееся место одному соискателю на несколько часов” (Цез.76). В 45 г. Каниний Маиор заместил консула К.Фабия Максима, скончавшегося, сообразно Плинию (7.181), “в канун январских календ”, т.е. 31 декабря и, к слову, в первый пореформенно-календарный год, когда декабрь впервые состоял из 31-го дня. Любопытно, что по прошествии 33-х лет дело повернулось и похоже, и непохоже: теперь на посту внезапно умер сын кесарского соискателя Каниний Минор (вторая консульская смерть в году!). Осмотрительно-чуткий к общественному мнению Август опыт приемного отца учел, гусей ни дразнить, ни смешить не стал, и Волусий Сатурнин преспокойно доконсульствовал в одиночку.

* * *

Еще несколько штрихов к портрету 12 г., предоставленному в наше распоряжение Дионом Кассием (54,30).

1. Кесарь и великий понтифик повелел отцам-сенаторам обязательно курить фимиам в куриях и воздавать божественные почести бессмертным богам, а не ему — смертному.

2. В ходе года С.Апулею и Меценату пришлось свидетельствовать в суде в пользу обвиняемого по делу о прелюбодеянии и тем навлечь на себя грубые нападки обвинения. Явившись в суд и опустившись в преторское кресло, принцепс запретил обвинителю не обвинять, но материть близких ему людей — племянника и друга. Сенат тотчас усмотрел в произошедшем великое торжество свободы слова и решил денежно скинуться для восславления *первого среди равных* новыми статуями

3. Народный трибунат утратил былую республиканскую привлекательность и больше не пользовался кандидатским спросом. Блокируя падение нравов, Верховный обязал сограждан выбирать трибунов plebis, в т.ч. от представителей всаднического сословия с цензом в 1 млн. сестерциев.

4. Вследствие разрушительного землетрясения, провинция Азия нуждалась в безотлагательной помощи. Август погасил годичный налог провинциалов за свой счет и, исходя из чрезвычайной ситуации, самолично назначил в Эфес консулярского наместника притом сроком на два года.

5. В мартовские дни смерти Агриппы над Римом висела зловещая комета. Не обошлось без пожаров: хижина Ромула на вершине Палатина, как сказано, сгорела, причем если верить Диону (54,29), от оброненных на нее воронами дымящихся кусков похищенного с алтаря жертвенного мяса.

* * *

И заключительный штрих года к портрету Августа из Светония: “В сане великого понтифика... он велел собрать отовсюду и сжечь все пророческие книги, греческие и латинские, ходившие в народе безымянно или под сомнительными именами, числом свыше двух тысяч. Сохранил он только Сивиллины книги, но и те с отбором; их он поместил в двух позолоченных ларцах под основанием храма Аполлона Палатинского” (Авг.31).

* * *

1 января 11 г. до н.э. = 743 г. а.У. консульство облекли П.Фабий Максим и К.Элий Туберон.

Не дожидаясь весны, Друз – городской претор, обязанный находиться на посту в столице, рванул из Рима к готовым следовать за ним в зарейнскую Германию галльским легионам. Начатой по весне правобережной кампании римлян как нельзя лучше подсобила вспыхнувшая среди германцев кровопролитная распря. Озлобленные сигамбры пошли воевать хаттов за отказ последних поддержать их в прошлом году и за саботирование попытки создания единого антримского фронта из среднегерманских племен в году нынешнем. Перейдя Рейн возле лагеря Ветера (у Дюссельдорфа), азартный Клавдий окончательно сломил узипетов, беспрепятственно миновал очаги занятых наказанием восточных соседей сигамбров, прорезал владения тенктеров и приветственно встреченный хаттами вышел к берегу Везера, где поочередно разбил в боях сначала херусков, затем хавков. Впервые римские знаменосные орлы зареяли в самом сердце Германии. Удача пока вполне улыбалась энергичному завоевателю. Пользуясь междоусобицей среди германцев, он, можно сказать, без серьезного противодействия выполнил поставленную задачу-минимум. На повестке дня стояла переправа через Везер: помешали недостаток провианта и близящиеся холода. Торопиться некуда; сперва нужно закрепить добытое.

По дороге сквозь неизведанные леса назад, в землю дружественных хаттов, легионы угодили в засаду. У Арбало (местоположение неизвестно), окруженные скрытым врагом в узкой ложине, они, не чуя худого, подверглись массивованному нападению. Накануне сигамбры, херуски и часть хаттов кое-как пришли к взаимному согласию и, скрепив ратный союз обычным для них жертвоприношением Циу-Марсу вражеских пленных, предприняли совместную атаку. Фортуна почти повернулась к Друзу задом: свирепый натиск грозил полной катастрофой, но в конце концов исход жаркой битвы решили преждевременное опьянение противника успехом, железная выдержка и умелые действия не потерявшего голову римского командира, дисциплинированность и стойкость не поддавшихся панике легионеров. Уверенные, что уже одержали победу, германцы принялись делить между собой недозахваченные трофеи; в диком ликовании пренебрегли боевым порядком, повели наступление расстроенными рядами и горько поплатились. Римляне разбили и отбросили незадачливого неприятеля, нанеся ему чувствительный урон в живой силе.

Сообразно Диону (54,33), плохой приметой перед сражением было появление в римском лагере пчел. Плиний (11,55) прямо противоположного мнения: вопреки суеверию вещунов, пчелиный рой совсем не дурной знак – ведь это пчелы, облепив уста маленького Платона, предрекли его выдающееся красноречие в зрелости – раз; и это снова пчелы споспешествовали друзовской победе при Арбало – два.

Столько о пчелах. Если же серьезно, то из конфигурации боя в лесистой теснине, который Друз выиграл, пожалуй, вырисовывается та роковая ловушка, в которой 19 лет спустя Вар проиграет.

Обратный марш в кампании 11 г. до н.э. победители продолжали браво: проигравшие держались подальше и, не рискуя более ввязываться в крупную драку, досаждали противнику мелкими осиными укусами. Итоги года Клавдий подвел закладкой на рейнском правобережье двух лагерно-крепостных бастионов: один – Алисо, был основан в районе слияния Липпе и Альмы, другой – диагонально южнее, в земле хаттов, на холме Тавн. За проявленную дружбу хатты получили хозяйский приказ переселиться в область сигамбров.

Со дней *clades Lolliana* не менее 50 малых и больших кастеллов (оборонительно ориентированных на запад и наступательно нацеленных на восток) выстроились прерывисто-зубастой цепочкой в 18-20 км друг от друга на всем протяжении от базельского угла до дельты защитного Рейна. Теперь Рим думал встать твердой ногой не просто при Рейне, но уже на правом берегу до сих пор пограничной реки. Покорение Германии в два этапа, до Везера и Эльбы, за которой геопознания и интересы римлян до поры... кончались, было в августейшем ходу.

Осень клонилась к закату, день рождения кесаря и отпразднованные 12-13 октября 743 г. а.У. Августалии* остались позади, когда досрочно аккламированный на старореспубликанский манер легионерами императором герой германского похода прибыл в родную столицу. Импературу и триумф Август похерил: Друз удовлетворился триумфальными украшениями, овацией и проконсульским рангом, уступив XII-ю императорскую аккламиацию пахану. Синдикат есть синдикат!

* * *

Весной того же 11 г. до н.э. старший Клавдий – Тиберий, отправился умиротворять Далмацию. Последствия сокрушения и колонизаторского порабощения придунайских паннонцев, естественно, легли тяжелым военно-поборным бременем на соседних приадратических далматинцев, которые в ответ возроптали и восстали. Отток части войсковых соединений из новоаннексированных областей для обуздания непокорных на юг сразу обернулся двумя опасными очагами мятежа. С учетом ведшихся тогда Г.Пизоном операций против бессов во Фракии, Балканы насчитывали итого три горячие точки внушительных размеров каждая.

Стянув боевые силы в кулак и сосредоточив их по центру на иллирийском театре между Далмацией и Паннонией, опираясь на крепости Сиския,

* Учреждены в 19 г. до н.э.

Поэтовиио, Эмона, а также на наличную и спешно развернутую в полевых условиях сеть фортификационных сооружений, Тиберий вместе с местным легатом М.Виницием, во-первых, не позволил инсургентам соединиться, во-вторых, обескровил тех и других точно рассчитанными действиями от круговой обороны. Хладнокровно отражая атаку за атакой бурный шапка-закидательский натиск повстанцев, римляне оттягивали фронтальное побоище до последней возможности, после чего, доведя атакующих до крайнего изнеможения, сами переходили в атаку, обращали врагов в беспорядочное бегство и избивали массами. В течение лета инициатива была перехвачена, сопротивление повсеместно подавлено, Иллирик приведен в повиновение.

Передача провинции из сенатского ведения в кесарское возражений ни у кого не вызвала. Разросшаяся, вкупе со свежепроизведенными паннонскими завоеваниями, территория Иллирика (резиденция наместника — Салона) охватывала пределы от Адриатики до Дуная, от Норика до Фракии и Македонии. Охрана внешних рубежей, внутреннего порядка и активная колонизаторская деятельность предполагали постоянное стационарирование здесь не менее 3-4-х легионов. Отныне Дунай на всем своем протяжении стал защитным щитом *Imperium Romanum*. В “М.А.” увековечено: “Паннонские народы, никогда прежде римлянам не подвластные, я победил и подчинил власти римского народа руками моего в то время пасынка* Тиберия Нерона и, таким образом, продвинул границы Римской империи до самого берега Дуная” (5,30). Прибыв осенью с победой в Рим, Тиберий удостоился, подобно брату, триумфальных инсигний, овации и ранга проконсула, плюс руки веселой вдовы Юлии.

* * *

Ближе к концу года умерла любимая сестра Августа — добродетельная Октавия. Царственный брат, снова отделенный (как великий понтифик) от мертвого тела завесой, и Друз, зять умершей, произнесли на пышно обставленных похоронах траурные речи. Честь нести останки покойной от храма божественного Юлия на Форуме до места кремации на Марсовом поле для последующего захоронения в августейшем пантеоне, возле праха Марцелла, выпала ее зятям: Друзу, Домицию Агенобарбу, Ю.Антонию и тому, за кого, вероятно, успела выйти замуж вдовая со времени смерти В.Мессалы Барбата Марцелла Младшая; кесарь не был радетелем продолжительного вдовства. Предложение отцов-сенаторов дивинизировать Октавию принцепс отклонил. О его внеримских передвижениях в 11 г. данных нет. Б.м., он выезжал, чтобы находиться поближе к германскому или иллирийскому фронтам не дальше Медиолана или опять Аквилеи, но в любом случае не ранее поздней весны, так как 7 мая собственноручно освятил, о чем сообщает Плиний (8,65), театр Марцелла. Это монументальное сооружение на

* Речь идет о паннонских событиях до усыновления Тиберия в 4 г. н.э., ибо в тексте “Деяний” (5.30) Август говорит о нем “*privignus*” — “пасынок”, а не “*filius*” — “сын”. Адоптивные сыновья уравнивались по римским законам в правах с родными.

склоне Тарпейской скалы, около Цестиева моста, на левом берегу Тибра задумал и начал строить еще Цезарь I. Строительство в основном закончилось уже в пору Секулярных торжеств, когда тут давались сценические представления. Однако, отделочно-доделочные работы затянулись, а официальная церемония торжественного открытия, скорей всего, была приурочена к болезни Октавии, так сказать, в радость больной, что, тем не менее, не помогло ей выздороветь.

В определенном смысле с Октавией ушла из римской истории последняя благородная Лукреция старого Рима. Времена изменились.

* * *

Падению нравов бой! Даешь златовековой ренессанс римской ортодоксии! Под 11 г. до н.э. Дион (54,36) извещает о великопontiфикальном назначении Августом фламينا Юпитера, фламнат которого уныло пустовал с 87 г., т.е. аж три четверти века!

Назначаемые оберпрокурором фламины *maior* и *rex sacrorum* (их высокий священский сан требовал обязательного наличия при них фламники и регины *sacrorum*, в связи с чем смерть жены влекла за собой уставное сложение вдовцом неведового жречества*), официально пользовались всеобщим почтением. Единоновременно они были повязаны множеством ритуальных ограничений, чем контрастно отличались от иных жрецов и не могли развернуться на курульно-служебном поприще. Так, наиболее стесненный запретами *flamen Dialis* не имел права находиться дольше двух дней и ночей вне Рима, лицедреть вооруженное воинство, ездить верхом, публично обнажать покрытую апексом голову и т.д., и т.п.**

Вплоть до II-I вв. до н.э. всей троице старших “брахманов” и “кукольному” царю возбранялось провинциальное губернаторство: *Sacra* не терпела отлучек и pontифик *maximus*, правда, иногда не без политических соображений, решительно пресекал суетные поползновения обмирщвленных пастырей***. Но если в I/I вв. участь фламинов Марса и Квирина была, в

* Фламинам и фламникам *maiores* предписывалось происходить от родителей-патрициев, сочетавшихся браком по обряду конфарреации и самим состоять в таком не подлежащем расторжению браке.

Confarreatio — самый благословенный патрицианский вид брака, который заключался в доме невесты, в присутствии верховного pontифика, жреца Юпитера и десяти свидетелей.

** Остриженные свободнорожденным цирюльником волосы и ногти “брахмана” Юпитера надлежало ритуально и втайне зарыть под счастливым деревом, чтобы злые силы не воспользовались ими для черной магии.

Одетой с головы до пят в алое фламнике *Dialis*, даже в случае всемирного потопа, запрещалось подбирать тунику или всходить более 3-х ступеней по открытой снизу и сбоку взорам профанов-мирян лестнице.

*** В 189 г. до н.э. фламин Квирина К.Фабий Пиктор не сумел, из-за противодействия великого pontифика П.Лициния Красса, добиться наместничества в Сардинии; в 131 г. одноименный внук Лициния Красса, тоже вел. pontифик, помешал фламину Марса, своему коллеге-соконсулу Валерию Флакку, ратно отбыть в Азию.

смысле различных ограничений, значительно облегчена, то фламин *Dialis* и “царь без царства”, по-прежнему, носили *золотые цепи*. Лишь в 200 г. до н.э. жрецу Юпитера впервые позволили сделаться курульным эдилом; в 183 г. — претором и только в 87 г., причем в экстремальных условиях — консулом. Им оказался заменивший изгнанного оптиматами консула-популяра Корнелия Цинну Л.Корнелий Мерула. Вскоре, однако, охлократы-демократы, завладев Римом, развязали в городе кровавый террор. Снаряженное против Мерулы следствие — элементарная формальность трибунально-революционного времени — неотвратимо грозило *гильотиной*. Предупреждая расправу, он заперся в храме Юпитера Капитолийского, проклял своих врагов и вскрыл себе вены над алтарем, обagrив старейший жертвенник собственной жертвенной кровью*.

Определенного в услужение Благому и Величайшему юного Ю.Цезаря, к счастью (или к несчастью) для человечества, вовремя блокировал Сулла. Целых 75 лет (Тацит “Анналы” 3,58) бурного века богоугодная вакансия зияла богохульным вакуумом, поскольку знатные патриции предпочитали жить, сражаться и обогащаться как за счет провинциального губернаторства, так и добываясь степеней известных в миру. И вот на 76-м году постыдного безжречества борец за римское религиозное возрождение Август восстановил, по неподражаемому словцу Светония (Авг.31), один из “древних забытых обрядов”, а именно — вызвал командно-административным порядком-назначением, казалось, навсегда вымерший “брахманат”, к тому же, со всеми распространяющимися на фламينا № 1 ограничениями**, к жизни.

Короче говоря, на публику — Римлянин *золотого века* повелевает и благоденствует, ибо он богобоязнен; на деле — нахальное кредо не столько богобоязненных, сколько и безбожных, и суевренных властителей мира — Августа и его римлян — звучало примерно так:

Мы смеялись над богом,
Сами были богами
И планета гремела у нас под ногами...

* * *

Соответственно “*Res gestae*”, в 11 г. до н.э., при консулах П.Фабии Максиме и К.Тубероне, сенат и народ квиритов снова единодушно предложили Августу пожизненную диктатуру, вновь им категорически отвергнутую (1,6).

В 11 г. до н.э. началась новая всеобщая перепись римских граждан, причем кесарь, читаем у Диона (54,35), представил, как всякий рядовой гражданин, опись всей своей частной собственности.

* Веллей (2,22); Валерий Максим (9,12,5); Флор (3,21).

** В 22 г. н.э., при упорно державшемся августовских положений Тиберии, фламин Юпитера Корнелий Малугинский так и не добился позволения на доступное фламинам Марса и Квирина годичное проконсульство в Азии или Африке.

Бывшее прежде в монопольном ведении Агриппы водоснабжение Рима, было возложено в 11 г. на специально учрежденную куратуру *aquarum*. Первым куратором “акварум” стал Валерий Мессала*.

* * *

1 января 10 г. до н.э. = 744 г. а.У. в консульство вступили Ю.Антоний и А.Фабий Максим.

Еще зимой Август в сопровождении обоих пасынков, “великих князей” Клавдиев, отбыл в Галлию для того, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией и заняться достигнутой Друзом окцидентальной конstellацией. Выходом на линию Везера часть дела была сделана; с приказом “вперед на Эльбу” верный своему девизу спешки без торопливости кесарь решил с годик повременить. Выгляди ситуация иначе, вряд ли сенат вынес бы в 10 г. предварительный вердикт об очередном закрытии батальных врат Януса Квирина, хотя привести это постановление в исполнение тогда, согласно Диону (54,36), не получилось. К концу зимы задунайские даки перешли по льду Истр и принялись опустошать Паннонию. Против них выступил иллирийский легат М.Виниций. В то же время в Далмации вспыхнуло восстание: из Лугдуны на Балканы спешно выехал Тиберий.

В правобережной Германии хатты воспротивились переселенческому диктату, раскаялись в коллаборационизме, побратались с вчерашними врагами сиграбрами и совместно взяли за оружие. Друз, не мешкая, двинулся в поход. Засим врата “праведной войны” остались стоять настежь: парадную церемонию пришлось отложить. Но в самом Риме, в народе квиритов царили полные мир и согласие; поэтому откладывать демонстрацию национального единства и гражданского благополучия представлялось нецелесообразным.

30 марта в столице состоялось праздничное освящение статуй трех божественных персонификаций: Мира – *Pax*, Согласия – *Concordia* и всеримского здравствования-процветания – *Salus publica populi Romani Quiritum*. Надо отметить, что скульптурные изображения “триптиха” были волей “великого кормчего” воздвигнуты на средства, собранные сенаторами для установления памятников лично ему. В отношении сего мероприятия 743 г. а.У. актуально следующее: привилегированное консульство, в возрасте 32-33-х, лет живого экспоната кесарского милосердия Ю.Антония. Входя в число полувенценосных nepoтoв, он, воспитанник и зять Октавии, занимал сообразно Плутарху (Ант.87), самую высокую после Агриппы и сыновей Ливии nepoтическую ступень в династической иерархии. Спрашивается, кому, как не ординарному магистрату Юлу причиталось прославить процедурой открытия теотриаду: *Pax Augusta*, *Concordia Augusta*, *Salus Augusta*? Кому, как не Юлу, следовало возблагодарить от имени римского народа умиротворителя и благодетеля общеримского дома? И потом, разве народу запретишь любить вождя, тем паче, в деловое отсутствие *первого среди равных*! Сама по себе торжественная постановка 30 марта являлась не отвлече-

* Фронтин “Вода для Рима” (99).

ченной абстракцией, но звучной увертюрой к освящению святейшего алтаря августейшего мира *Ara Pacis Augustae*, сооружение которого на Марсовом поле в тот год заканчивалось. Канун — не календы; зачем главному режиссеру “божественной комедии” торчать в кадре, если галльское пребывание за кадром и красноречивее, и полезнее.

* * *

И пока кесарь в 10 г. до н.э. объемно распоряжался на левом берегу Рейна, Друз ратоборствовал на правом: переправился через Рейн у Бонна (или у Майнца), нанес объединенным силам сигамбров и хаттов ряд поражений, поспредовал рассеявшегося противника, причем не всегда результативно, в лесах, и не доведя сезонную кампанию до всесторонней победной кондиции, вернулся к Верховному в Лугдуну.

Сведений о походе всего-ничего: Дион (54,36) предельно краток; от труда Ливия упецела убогая выдержка (141) о том, что в передних рядах римлян сражались и отличились два войсковых трибуна из числа бельгийских нервийев — Хумстинкт и Авекий. Их деды, как пить дать, ожесточенно противились в 50-е гг. Цезарю; внуки, напротив, обратились в стойких друзей римских цивилизаторов. В 10 г. Август, наверняка, полагал: придет час и непокладистые германцы последуют разумному кельтскому примеру. Не можешь — научим, не хочешь — заставим.

* * *

В юбилейно-знаменательный день 1 августа 10 г. до н.э. в Лугдуне родился младший сын Друза и Антонии, будущий кесарь Клавдий (Светоний Кл.2).

Освященный двумя годами ранее мраморный жертвенник *Ara Romae et Augusti* окружали 60 скульптур, изображавших 60 галльских племен. Ежегодный съезд племенных старшин *Tres Galliae* выбирал тут ежегодно сменного обержреца культа и председателя всегалльского консилиума. Вступая в должность в августовские календы секстилия, он возносил положенные молебствия и приносил жертвы тем, кому Галлия нынешним благоденствием была обязана — Роме и Августу. На сей раз Август отдал культ собственной личности персонально.

* * *

Единственный ребенок Тиберия и Юлии тоже родился летом 10 г., однако, в отличие от двоюродного брата, умер еще во младенчестве, что, в частности, послужило толчком к бесповоротному расколу между столь непохожими супругами.

Справимся у Светония: “С Юлией он поначалу жил в ладу и отвечал ей любовью, но потом стал все больше от нее отстраняться; а после того, как не стало сына, который был залогом их союза, он даже спал отдельно. Сын этот родился в Аквилее и умер еще младенцем” (Тиб.7).

Летнее времяпрепровождение беременной Юлии в обжитой кесарской ставке на солнечной Адриатике (в обществе свекрови Ливии?) вполне объяснимо ожиданием там мужа, отряженного Верховным из Лугдуны восстанавливать порядок в Далмации. По уверению Диона (54,31), Август крайне неохотно, руководствуясь жесткими гос.резонами, сделал старшего Клавдия преемником Агриппы, иначе говоря, вторым в государстве лицом, до совершеннолетия престолонаследников Гая и Луция. Правда, сорегентским трибунатом, наподобие агриппианского, Тиберий в те дни не надеялся, довольствуясь никем из авторов древности не сформулированным “великокняжеским” статусом зятя и пасынка Augusti. Как видно, М.Виниций пробыв сначала проконсулом сенатской, а затем легатом кесарской Иллирии довольно долго, с 13 по 8, сдал легатуру С.Апулею (Кассиодор “Chronika minora” 2,135) гг. до н.э. Проконсулом Виниция называет Веллей (2,96); об обуздателе паннонских разбойников в междуречье Дравы и Савы говорит, несомненно ведя под искаженным именем “Vinnius” речь о Виниции, Флор (4,12). Понятно, что оперируя в 12-9 гг. в иллирийских широтах, Тиберий, каждый раз появляясь здесь, превосходил местного наместника рангом. О том, чем закончился ледовый рейд даков, Дион не распространяется, вскользь отмечая факт разгрома вновь взбунтовавшихся далматинцев своевременно прибывшим из Галлии Тиберием (54,36). Тем временем, Виниций прогнал непрошенных гостей за Дунай и, б.м., в следующем 9 г. совершил карательный поход в Заречье, дабы отбить у всех “запорожцев за Дунаем” охоту показываться во владениях Imperium Romanum впредь.

Ну, а Тиберий, выполнив возложенное на него задание и, видимо, повидав в Аквилее разродившуюся жену Юлию, рванул назад в Галлию отчитываться перед генералиссимусом в содеянном.

Приблизительно в одно или в одно время с ним, осенью 10 г., в Лугдуне докладывал об усмирении Фракии Л.Кальпурний Пизон. Малоудовлетворительную, но все-таки ценную, за неимением лучшего, информацию находим у Орозия: “Пизон был снаряжен против винделикков. Одолев их, он явился к Цезарю в Лугдуну” (6,21). Когда в 15 г. до н.э. братья Клавдии побеждали ретийцев с винделиками, Пизон облакал эпонимическое консульство и, насколько известно, в альпийско-приальпийских геройствах сыновей Ливии не участвовал. Разбирая беспардонно сбитый в кучу фактически-риторический материал по боевым деяниям римлян эпохи Августа (от Кантабрийской войны до Тевтобурга) у грамотея Орозия, нужно в приложении к Пизону просто заменить явно ошибочных “винделиков” на “фракийцев”, и таким образом предложенная нами выше хронология Пизоновой деятельности во Фракии — 12-10 гг. до н.э. — найдет убедительное подтверждение. Не три, вопреки т.н. инклюзивному счету? преувеличению? или неуклюжему округлению Веллея? но свыше двух лет заняли подавленное на третий год мятежа восстание басса Вологеса и общая пацификация региона. Согласно Диону (54,34), сперва Пизон потерпел неудачу, позднее добился перелома и одержал победу. Причем Дион сообщает об этом, описывая события анналистически совмещенных им 11 и 10 гг. до н.э.: события 11 г. отмыкаются консульской эпонимией; не отделенные от них

события 10 г. замыкаются консульской эпонимией (54,32; 55,1). Ни в 11, ни в 9 г. Август в Галлии не был; в 10 г. он провел в Лугдуне много месяцев: стало быть, датировочный вопрос снят: победоносно завершив изнурительную войну, Кальпурний Пизон сдал македонское наместничество преемнику и проследовал в Галлию лично докладывать о результатах.

Кстати, RE (Calpurnius 99) предлагает иную правку Орозия: дескать, явку Пизона в Лугдуну следует связывать с покорением им не винделиков, а веннонетов – в бытность Кальпурния в 16 г., накануне его консульства, в пору галльско-испанской трехлетки кесаря, легатом Галлии Транспадана. Версия несостоятельна, поскольку в своем поверхностном рассказе Орозий (6,21) перечисляет лишь значительные победы полководцев-легатов Августа, к числу которых локальное покорение Пизоном неизвестных приальпийских веннонетов ни в коей мере не относится, тогда как предпринятое в 12-10 гг. замирение Фракии – победа, бесспорно, имперского масштаба. Не случайно о ней знают и Ливий (140)*, и Веллей, и Флор, и Дион, и Орозий.

Веллей подчеркивает исключительную воинственность фракийцев, кого “легат Цезаря Пизон разбил как в открытых сражениях, так и взяв на приступ их крепости, благодаря чему был возвращен мир Македонии и обеспечена безопасность провинции Азия” (2,98). Флор специально оговаривает свирепость побежденных Пизоном фракийцев, которые “в бессильной ярости грызли в плену надетые на них цепи” (4,12). Дион уведомляет о присвоении победителю триумфальных инсигний (54,34).

Куда податься с рапортом о важной большой победе? Разумеется, к главному в Лугдуну. Будучи дружен с Тиберием, Пизон, по его представлению, удостоился *ornamenta triumphalia*. Вовсе не исключено, что они встретились в Аквилее и вместе прибыли в Галлию.

* * *

Осенью 10 г. эскортируемый братьями Клавдиями Август – император XIII – воротился в Рим. Осерчав на безответственное отлынивание отцов-сенаторов от участия в заседаниях герузии, он чертыхнулся и упразднил доселе правомочный кворум в минимум 400 герузиархов. Вот люди! демократией, понимаешь, гнушаются!

В 10 г. до н.э. фаворитарный консуляр П.С.Квириний получил наместническое назначение в Галатию/Памфилию. Не будет удивительно, если когда-нибудь выяснится, что он сменил на данном посту П.Квинктилия Вара, сменившего за два года до того переведенного в Македонию Л.Пизона. Во-первых, т.н. пятилетний интервал между консульством и легатурой кесарь соблюдал или не соблюдал, когда хотел; во-вторых, ему импонировала последовательная должностная преемственность типа Вар – Квириний: поначалу смена на консульском, потом на губернаторском постах. Квиринию еще доведется сменить Вара, а Волусию Сатурнину самого

* Эпитоматор Ливия поместил умиротворение Фракии под событиями 11 г. до н.э.

Квириния на легатской вахте в Сирии, о чем мы побеседуем и в чем мы, не извольте беспокоиться, убедимся ниже.

* * *

Рассказом о возвращении Ирода в обществе трех сыновей из Италии в Иерусалим и назидательно-напутственным обращением царя к братьям-царевичам, плюс к собранному на исходе 12 г. в храме народу, Флавий завершает 4-ю главу 16-й книги “И.д.”

В 1-м абзаце главы 5 читаем: “Около этого времени закончилась отстройка города Цезареи Себасты, которую вновь отделал Ирод; десятый год со времени начала работ близился к завершению, а освящение города пало на 28-й год правления царя, в 192-ю олимпиаду. Для ознаменования освящения города был устроен необычайный праздник, к которому были сделаны блестящие приготовления. Царь обещал при этом случае устроить музыкальные и гимнастические состязания, заготовил огромное количество гладиаторов и диких зверей, позаботился о конском ристалище и вообще обставил все празднество бульшим блеском, чем то было принято даже в Риме или в других местах. Эти игры он посвятил Цезарю и распорядился, чтобы они проводились каждый пятый год. Император, в свою очередь, желая почтить преданность Ирода, послал ему из личных средств все нужное для игр. Равным образом и жена Цезаря Юлия* послала от себя особенно много ценных в Палестине вещей, дабы ни в чем не было недостатка. Стоимость этих даров исчислялась в общем до пятисот талантов. В город на игры собрались массы народа и целые посольства, которые отправили отдельные общины в знак благодарности за полученные благодеяния. Всех их Ирод принял радушно и гостеприимно и почтил непрерывными удовольствиями: днем увеселяли их театральные зрелища, а по ночам их ждали изысканные и дорогие удовольствия, так что щедрость царя вошла в поговорку. Во всех своих предприятиях Ирод всегда старался превзойти все, что было раньше. Говорят даже, будто Цезарь и Агриппа неоднократно заявляли, что страна Ирода слишком мала для его великодушия и что он достоин быть царем всей Сирии и Египта** (И.д.16,5,1).

Да, в душе Ирод был председателем всемирного интернационала, адептом державного братства народов, ориентальным ойкуменистом, не только не ставящим под сомнение планетарную гегемонию Запада, но состоящим у оного не за страх, а за совесть или и за страх, и за совесть на службе. Его декларативно-кокетливую готовность уйти в отставку кесарь отклонил: не выжатый до конца лимон рачительный хозяин не выбрасывает; да и пути назад нет: тираны, как сказано, на пенсию в 99 случаях из 100 не выходят

* Имя Юлия применительно к Ливии на 10 г. до н.э. — анахронизм, ибо Ливия стала Юлией, т.е. перешла в gens Iulia только в 14 г. н.э., после смерти Августа, будучи удочерена им по завещанию (Тацит Ан.1,8; Дион 56,46).

** Скорее, любой из державников-римлян, независимо от их партийной принадлежности, будь то Г.Кассий, М.Антоний или Август с Агриппой, вполне мог бы сказать об Ироде словами американского президента Рузвельта о никарагуанском диктаторе Самосе: “Да, это сукин сын. Но это наш сукин сын.”

— она им противопоказана. Что ж, семейная свара, слава кесарю, позади. Засим, вперед, по-прежнему, крепко держа вассальный штурвал, теперь уже навстречу не заре, а закату: есть еще, черт возьми, порох в пороховницах! Наивно веря в избавление таким “кесарским” образом от одышки, в реальности же, получив не более, чем передышку, Ирод всецело отдался одной из любимейших страстей — строительной горячке. Вот, где он — прирожденный монументалист-гигантоман, действительно, чувствовал себя, словно рыба в воде.

Дата освящения Цезареи приведена выше: это середина 10 г. до н.э. Кесария Палестинская строилась, в общей сложности, “в течение 12-летнего периода” (И.д.15,8,6). Строительство едва началось к весне или по весне 22 г.; далее Иудею постигли крупные бедствия — неурожай, голод и эпидемия 22/21 гг.; стройработы были приостановлены и снова возобновились, т.е. фактически начались, летом 20 г. до н.э. Сообразно сему, к лету 10 г. до н.э. “десятый год со времени начала работ близился к концу, а освящение города пало на 28-й (считая с 1 нисана 37 г.) год правления царя, в 192 олимпиаду”.

Цезарея Maritima превзошла все прочие градостроительные предприятия Антипатрида. “Заметив, что Стратонова башня, город в прибрежной полосе, клонится к упадку, он, ввиду плодородной местности, в которой она была расположена, уделил ей особенное внимание. Он заново построил этот город из белого камня и украсил его пышными дворцами; здесь в особенности он проявил свою врожденную склонность к великим предприятиям. Между Дорой и Иоппией, на одинаковом расстоянии от которых лежал посередине названный город, на всем протяжении этого берега не было гавани...; самый легкий ветер подымал в прибрежных скалах сильнейшее волнение, которое распространялось на далекое расстояние от берега. Но честолюбие царя не знало препятствий: он победил природу*, — создал гавань большую, чем Пирей, и превосходившую его многочисленностью и обширностью якорных мест” (И.в.1,21,5).

“Желая изменить характер этой местности, царь назначил для гавани настолько обширное пространство, что тут могли укрыться целые большие флотилии, и с этой целью приказал бросить в воду на глубину 20 аршин огромные камни. Большинство из них имело 50 футов в длину, не менее 18 футов в ширину и ок.9 футов в высоту. Впрочем, тут были камни и больше, и поменьше. Весь мол, который он воздвиг в море, достигал 200 футов в длину. Половина этого сооружения представляла собой оплот против набегавших волн, а другая половина представляла каменную стену с башнями...” (И.д.15,9,6).

“Примыкающие к гавани здания построены из белого камня. До гавани простираются городские улицы, отстоящие друг от друга в равномерных расстояниях...” (И.в.1,21,7).

* Я знаю — город будет,
Я знаю — саду цвести,
Когда такие люди
В стране в советской есть.

(В.Маяковский)

“Под всеми городскими улицами были проведены продольные и поперечные подземные каналы, которые так сообщались с морем, что по одним из них дождевая вода и нечистоты могли выгоняться в море, а по другим напирала морская вода и очищала каналы” (И.д.15,9,6).

“Насупротив входа в гавань был возведен на кургане замечательный по красоте и величине храм Августа, а в этом последнем его колоссальная статуя, не уступающая по своему образцу олимпийскому Зевсу, равно как и статуя Ромы, сделанная по образцу аргосской Юноны. Город царь посвятил всей области, гавань мореплавателям, а все творение в целом кесарю и дал ему имя Кесарии (Цезареи)” (И.в.1,21,7).

Каков размах! Днепрогэс; Магнитка; Беломор-канал; почти поворот северных рек! Наверное, ни один вассал не проявил столько сердечно-концептуальной прыти в деле внедрения культа личности Цезаря на Востоке, сколько Ирод – этот “медный” в истории народа Господня “всадник” на “троянском коне”. “...Во многих городах – пишет Флавий (И.в.1,21,4) – воздвигал Цезареи”, т.е. прилагал щедрую руку к воздвижению Ваалов и Астарт повсюду, где изыскивалась и представлялась возможность.

Со дней сдачи города-порта в эксплуатацию смешанное языческое население Кесарии преобладало над иудейским (И.в.3,9,1). При прокураторах Цезарея, их резиденция, станет полярным Иерусалиму центром римского империяльного владычества. Перефразируя Наполеона, сказавшего, что тот, кто владеет Антверпеном, держит в руках пистолет, направленный в сердце Англии, можно назвать отгроханные Иродом Кесарию, плюс Себасту, приставленной к иерусалимскому виску двухстволкой. Здесь, в Кесарии будут происходить кровавые столкновения между потенциально враждебными иудейским меньшинством и языческим большинством; отсюда, после того как Нерон объявит греко-сирийцев полновластными хозяевами жемчужины Средиземноморья (И.в.2,13,7;14,4; И.д.20,8,7;9), воспламенится бикфордов шнур Иудейской войны; здесь 20-тысячная еврейская община будет, согласно Флавию (И.в.2,18,1;7,8,7), погромно, в течение считанных часов, уничтожена.

Достоевский Скотопригоньевск – вот чем сделалась Цезарея для иудейских ортодоксов-изоляционистов, в отличие от их эллинизированной-левантизированных соплеменников, которых ведь тоже было немало, иначе не усидел бы Ирод десятки лет на троне, никакая “грань дружеских штыков” не помогла бы, да и не стояли при нем римские гарнизоны в Палестине. Поистине благими намерениями он дорогу в ад вымостил: волоком волок подданных – этот замкнутый народ немореходов к морю: прорубил-таки цезарейское “окно в Европу” и, тем не менее, в конечном итоге потерпел неудачу. Любое замешанное на политической фикции содружество народов обречено на совражество, любая дуто-державная идея – на жалкий провал. “Бойтесь закваски Иродовой и закваски фарисейской.”

А толкование Кесарии партией национально-религиозной сегрегации, как “крепости дьявола”, наиболее рельефно отражено в предании о конце гроссмейстера раввинистического иудаизма равви Акибы. Без Акибы нет ни двухтысячелетнего еврейства Рассеяния, ни пароля “через год в Иерусалиме”, ни сегодняшнего государства Израиль. С другой стороны, говорят, что увидев

Бар Кохбу, р.Акиба воскликнул: “Се — Царь-Мессия!” Р.Иоаханан бен Торда возразил: “Из черепа твоего прорастет трава, Акиба, а Мессия не придет, ибо не настало еще время оно” (Таанит 4,68д). Страшно казнив неустрашимого Акибу, кто умирал со словами молитвы “Слушай, Израиль”, в Цезарее, римляне запретили хоронить его истерзанное раскаленными крючьями тело (Семахот 8). Оно подлежало расчленению, а затем распродаже под видом мяса и, во избежание похищения, бдительно охранялось. Однако, глубокой ночью в застенок проник сам пророк Илия и вместе с верным учеником мученика Йошуа перенес останки в окрестности города. Там, в озаренном неугасимой лампадой гроте упокоился р.Акиба, причем священнослужитель Илия не осквернился прикосновением к труп! Вход в пещерную домовину тотчас закрылся и с тех пор никто не знает туда дорогу (Ялкупт Шимони 2,944). Убереженное от надругательства и погребенное Илией на подступах к нечестивой Цезарее тело Акибы суть залог крушения “твердыни дьявола”, провозвестие грядущей катастрофы Рима-Эдома*.

* * *

Интервал времени от постаквилийского конца 12 г. до освячительно-цезарейской середины 10 г. до н.э. Флавий преодолевает размахисто-небрежной формулировкой: “около этого времени”. Заполним полуторалетнюю лакуну при помощи самого Флавия. Следом за абзацем “И.д.”, посвященным отстроеной Кесарии, непосредственно за “льстивым” изречением верховно-римских друзей о сирийско-египетских масштабах царственного великодоушия Ирода читаем: “После этого празднества и игр царь воздвиг новый город на равнине, носящей название Кафарсава, выбрав для того богато орошенную и плодородную местность. Вокруг нового города текла река, а над ним возвышалась замечательная по величине деревьев роща. В честь отца своего Антипатра Ирод назвал этот город Антипатридой. Кроме того, он построил выше Иерихона в честь своей матери укрепление, отличавшееся как неприступностью, так и красотой, и назвал его Кипридой. В честь своего нежно любимого брата Фазаила он воздвиг великолепный мавзолей, а именно соорудил над самым Иерусалимом башню, не уступавшую по величине своей маяку в Фаросе. Башню эту он назвал Фазаиловой и она служила как для охраны города, так и для сохранения памяти о погибшем брате. Вместе с тем, он основал в честь того же брата также город при входе в северную часть иерихонской долины, чем поднял благосостояние дотоле бесплодных окрестностей города, так как о том позаботилось новое население его. И этот город был назван им Фазаилидой” (И.д.16,5,2).

Обращает на себя внимание сгусток построек, так сказать, внутрикланового толка-характера. Поэтому не от освящения апофеозно-ойкуменической Цезареи, но от фамильного мира, достигнутого в Аквилее, надобно выводить и импульс, и хронологию к закладке, пусть не всех, но хотя бы части из приводимых Флавием объектов.

* Согласно раввинскому преданию, Акиба — один из четырех раввинов, поднявшихся до *Седьмого неба* (Аравот), — единственный из них выдержал это испытание.

В 12 г. единокровные братья Антипатр, Александр, Аристовул удостоились официального статуса малых царей без корон, будучи отныне ранжированы по праву первородства-старшинства и снабжены миницарскими атрибутами каждый: уделами, доходами, почестями, малыми дворами. Предоставив им все это, Ирод, не без повода и не без умысла, взялся прославлять сыновнюю и братскую любовь в камне.

Заниматься поиском точных дат основания вышепоименованных новостроек мы не будем; достаточно уяснить, что они возводились во время после Аквилеи, начиная с 11 г. до н.э., и во время после освящения Цезареи в середине 10 г. до н.э.

Кстати, если в армянском переводе "Хроники" Евсевия строительство Антипатриды, одного из Иродионов? а также Анфедона* (переименованного в честь Агриппы, по его смерти, в Агриппион) отнесено на время до освящения Цезареи (ad Abr.2004, OI 192,1), то Евсевий у "Иеронима" датирует их сооружение-обновление временем после оногo (ad Abr.2006, OI 192,3)**.

Примем оба варианта: воздвижение перечисленных городов, памятников, крепостей началось до и продолжалось после спуска со стапелей Кесарии.

* * *

В "И.в." международной щедрости и повсюдошнему созидательству Ирода уделен специальный абзац. Собранный в нем материал никак не претендует быть хроникой, являясь средством *сотворения себе* (не Флавием) и в особенности "другим" *кумира*.

Воспользуемся, тем не менее, текстом Флавия, так как часть из презентуемых им внеиудейских благодеяний царя иудейского безусловно падает на интересующий нас сейчас зыбко безконфликтный в его закатной биографии период 12-10 гг. до н.э.

"В Триполисе, Дамаске и Птолемаиде он устроил гимнасии; Библос получил городскую стену; Берит и Тир – колоннады, галереи, храмы и рынки; Сидон и Дамаск – театры; морской город Лаодикея – водопровод; Аскалон – прекрасные купальни, колодцы и, кроме того, колоннады, возбуждавшие удивление своей величиной и отделкой; другим он подарил священные рощи и луга. Многие города получили от него даже поля и нивы, как будто они принадлежали к его царству. В пользу гимнасий иных городов он отпускал годовые или постоянные суммы, обуславливая их, как, например, в Косе, назначением в этих гимнасиях на вечные времена состязательных игр с призами. Сверх всего этого он всем нуждающимся раздавал даром хлеба. Родосцам он неоднократно и при различных обстоятельствах давал деньги на их флот. Сгоревший пифийский храм он еще роскошнее отстроил на собственные средства. Должно ли еще упоминать о подарках, сделанных им ликийцам или самосцам или о той расточительной щедрости, с которой он удовлетворял самые разнообразные нужды всей

* И.д.13,3,3; И.в.1,4,2;21,8.

** См.142,143: освящение Цезареи – 2-й год 192 олимпиады = 11/10 гг. до н.э.

Ионии? Разве Афины и Лакедемон, Никополь и мизийский Пергам не переполнены дарами Ирода? Не он ли вымостил в Антиохии Сирийской заболоченную улицу длиной в 20 стадий гладким мрамором, украсив ее для защиты от дождя столь же длинной колоннадой” (1,21,11).

Удостоверьтесь, география Иродовой благодетельности охватывает все заионическое Средиземноморье *Imperium Romanum*; время – всю его тронную и даже предтронную жизнь: от первой помощи родосцам на морском пути за короной в Тарент, далее, от соучастия в возведении Октавианом победного приакцийского Никополя и т.д. и т.п., до последней жизненной десятилетки неугомонного венценосца. Он взаправду неподдельно воспринимал и переживал исполинскую державу-сплотительницу, как общий дом единой братской семьи народов и стран, он жаждал быть создателем, строителем, творцом! При всем том в подтексте принадлежащего перу Николая Д. панегирика чувствуется острая горечь за посмертно “опороченное неблагодарными” подданными имя “монарха-филантропа”; панегирик ведет косвенную полемику против закадровых “клеветников”. Да и сам Флавий, присоединяясь в “И.в.” к Николаю, оценивает космополитические вклады Ирода положительно. Мимолетная и плохо вписывающаяся в хвалебный дамаскинский контекст критическая реплика: “можно, однако, возразить, что все эти дары имели значение лишь для тех народов, которые ими пользовались”, пожалуй, не в счет, ибо тотчас после нее снова следует подкрепленная конкретными примерами хвала (1,21,12).

В “Древностях” картина совсем иная: авторская позиция пересмотрена, переоценка ценностей произведена: оставаясь, как и прежде, непоколебимым римлянофилом, Иосиф решительно отвергает римлянофильство типа иродианского и саму персону Ирода-человека, Ирода-иудея, Ирода-царя (см. 16,5,4). На данном и прочих сходных примерах очень важно отметить равно самостоятельность и проницательность суждений Флавия-историка, его независимость от пользуемых источников и в конечном итоге его непопадение чьему-либо влиянию, будь то иродианец Н.Дамаский, антииродианец Птолемей Аскалонский, маккавейская, саддукейская, фарисейская, ессейская, или иудео-христианская традиции. Надо сказать, что часто ученые флавианисты настолько увлекаются поиском дремучих Флавиевых информаторов, настолько завывают их предположительную значимость, что собственно флавиевское перо сводится ими почти к нулю, будто вся заслуга Иосифа даже не в изучении и обработке, а просто в собирании и противоречивом переписывании чужих трудов.

Не без этого; но если сопоставить “Войну” и “Древности”, просеяв все как сказанное, так и недоговоренное в них через сито, то можно получить на удивление полный, с различными оттенками, портрет Ирода. Флавий не переписывает, точнее, отнюдь не безыскусно цитирует чужие труды; наоборот, он весьма искусно сталкивает мертвые блоки мертворожденных книг и таким образом, посредством Эзопова столкновения, неожиданно высекается огонь правды. Флавий – не саддукей, не фарисей, не ессей и не иудеохристианин; Флавий – флавианец? он всегда себе на уме. Это *киплинговский кот*, который ходит (во времени; в истории; между Древним и Новым Заветом) сам по себе.

* * *

Примечательно, что Ирод, единственный из детей в семье, был наречен при рождении не иудейским, не арабо-идумейским, но именно греческим именем (значение: *слава кожи*; или *отрасль героя*). Всё – система управления, государственные и армейские структуры, дворцово-династические нравы в иродианском царстве, финансы, экономика и т.д. пронизано духом-почерком добровольно подъяремной Риму декадентной греко-македонской государственности селевкидско-птолемейского ориентально-эллинистического типа. Эх, приди третий сын идумеянина Антипатра в мир тремя веками раньше, быть бы ему выдающимся *Михаэлитом*, сподвижником Александра Великого! Не вышло: не судьба: жребий не тот. Не нужен народу Закона-Завета квазиблистательный римоэллинизированный монарх. Он тот, кто властвует во имя и под крылом псевдомессианской доктрины *Pax Romana*; тот, для кого римский кесарь превыше Господа Бога; тот, кто обратил Сион в придаток *мерзости запустения*; тот, кто сердцем больше греко-римлянин, нежели иудей!...

* * *

Год освящения Цезареи совпал с годом шестидесятилетнего юбилея уже, увы, красящего волосы в намерении выглядеть помоложе царя Антипатрида (И.в.1,24,7). Тигр старился, изо всех сил стараясь бодро держаться. Итак, Цезарея посвящена кесарю и пушена в мировой державный оборот, в Ойкумену. Теперь на очереди храм Господень.

В отношении храма Ирод лично, напомним слова Флавия, “участвовал в воздвижении галерей и внешних стен, которые и были воздвигнуты им в течение восьми лет”. Весной 9 г. до н.э. восемь, считая с весны 17 г., лет, ушедших на отстройку-обновление внешних стен, галерей и храмовых притворов – от притвора Язычников до ступеней недоступного мирянам, в т.ч. царю, притвора Священников – истекли. С весны 9 г. обученные зодчеству священнослужители приступили к (полуторалетней) реконструкции собственно святилища.

* * *

1 января 9 г. до н.э. = 745 г. а.У. в римское консульство вступили Д.Клавдий Нерон и Т.Квинкий Криспин.

30 января, в 49-й день рождения государыни-императрицы Ливии, на Марсовом поле был торжественно освящен знаменитый алтарь августейшего мира *Ara Pacis Augustae*.

В дальнейшем монумент исчез под спудом веков, ушел, не пережив бурные исторические потрясения-перемены, под землю и вновь начал показываться на свет после первых археологических раскопок 1550-68 гг. Впрочем, если его идентификация возымела место лишь в XIX в., то окончательная реконструкция пришлась на век XX. Новоосвящение восстановленного в 100 метрах от бывшего местопребывания памятника состоялось в

1938 г., в год двухтысячелетия Августа, в присутствии “последнего”, по мнению Гитлера, “римлянина” Муссолини, который, в свою очередь, считал Ю.Цезаря “первым фашистом”.

В период до кропотливой реконструкторской сборки далеко не сразу опознанных, в XVI-XIX вв. распиленных и географически распыленных блоков алтарного сооружения, разноголосица писавших о нем касалась как размеров монумента, так и богатого барельефного орнамента к нему. На деле величина совсем не колоссального, почти квадратного сооружения составляет 11,6 x 10,6м: четырехугольная мраморная стена высотой 6м снаружи, внутри же, под открытым небом, на высоте в восемь ступеней алтарь, доступ к которому открыт с запада и востока. Запечатленная в каррарском мраморе на северном и южном фризах внешних продольных стен сцена представляет величественную культово-государственную процессию с кесарем и длинной вереницей из членов императорской фамилии во главе. Хронология и содержание действия? священнодействия? спорны. Что это? постгалльская встреча Верховного в день конституирования (*constitutio*) алтаря 4 июля 13 г. до н.э.? или дедикация (*dedicatio*), т.е. церемония освящения, в день 30 января 9 г. до н.э.? Засим консульские персоны справа и слева от Августа под вопросом: кто это? Тиберий и Квинктилий Вар – консулы 741? или Друз и Квинктий Криспин – консулы 745 г. а.У.? Среди прочих участников процессии различаются (не без подгонки-натяжки) Агриппа, маленькие Г. и Л.Цезари, Ливия, Юлия, Октавия, малыш Германик, обе Антонии, Домиций Агенобарб, Ю.Антоний – короче, *domus Augusti*. С достаточной убедительностью можно констатировать сценическое присутствие четверицы *больших* фламинов: это фламины *Dialis Martialis*, *Quirinalis* и сопричисленный к ним фламин божественного Юлия – *flamen Iulialis*.

АРА визуализирует универсализм августовского пацификаторства с фигурой суперпацификатора романского очага и всей вселенной в сакрально-идеологическом центре. Мир и Согласие между римлянами; мир между Римом и покоренными-упорядоченными Римом ради их же блага странами и народами; мир этих стран и народов между собой – все суммарно ориентировано на фигуру *Князя Мира*, как на притягательно-излучительное светило. Одним словом, замиренные Августом народы и миры метафорически вращаются вокруг него, словно планеты солнечной системы вокруг Солнца. Причем наглядно увитый лавровым венком, он – скромный пуп земли (или *оно* – божество, ибо *Pax*, *Concordia*, *Salus* есть не что иное как его многоликие сиятельные проявления) – не тиран, не узурпатор, не диктатор, но спаситель отечества и учредитель наилучшего общественно-государственного строя, реализатор златовековой мечты всего прогрессивного человечества – *Ceter*, Эпифан и т.д. *Vivat Pax Romana = Pax Augusti!*

При двухсторонних, западном и восточном, входах-подступах к жертвеннику актуально-важельная современность переходит в не менее актуальную метаисторию, в миф. На западной стороне первооткрыватель *Нового Света*, троянский Колумб – Эней, приносящий в жертву Юноне свинью; питаемые волчицей младенцы Ромул и Рэм; родитель близнецов – бог Марс, и попечитель найденышей – пастух Фаустил. С востока фигурно

увековечены Вода, Воздух, Небо, (благословенная *мать сыра земля*) Италия и богиня Рома.

Интересно, что внутри, в сердце капища, на собственно алтарном малом фризе мраморно детализированы девственные весталки и ведомые на заклание жертвенные животные – телец, телица, овца.

* * *

Овидий в “Фастах” (1,709-25) славит под предпоследним днем января увенчанный Акцийским венком вечный для всей земли мир. Всему миру должно либо трепетать пред Энеидами, либо (тем, кто не трепещет) любить Рим. ”Курите ладан, жрецы, над алтарем *Paх Augusta*. Закалите белоснежную окропленную вином жертву!”

* * *

Не беспокойтесь: закрытие незатворенного, из-за даков, Янусова святилища – впереди. В 9 г. до н.э. виновников прошлогоднего вторжения в пределы Римской империи и, б.м., заодно с ними вороватых заречных гетов, впрок наказывают, оперируя за Дунаем, кесарский легат Иллирии М.Виниций и проконсул сенатской Македонии, вероятный преемник Л.Пизона Г.Корнелий Лентул Авгур (консул 14 г. до н.э.). Римская армия – не демон войны ради войны! Войны ведутся ради мира во всем мире.

* * *

Неспроста в 9 г. до н.э., одновременно с АРА, на Марсовом поле появились приобретшие широкую известность солнечные часы *Norologium Solarium* или *Norologium Augusti*. В качестве гномона к ним был задействован специально доставленный из Египта, пересаженный из соляного Гелиополя в Рим и установленный здесь под ученым руководством математика Новия Факунда (Плиний 36,72) гигантский 34-метровый обелиск*. Изумительно, что равноденственная (эквinoктиальная) линия этих пущенных мозговитым Новием Факундом в ход солнечно-календарных чудо-часов делила алтарь *Aga Pacis* ровно посередине и тем самым непосредственно указывала на рожденного под “фемидальным” знаком Весов, в осеннее равноденствие 23 сентября, “повелителя всего земного круга”.

Ну, а как быть с Козерогом, со знаком зимнего солнцеворота и восходящего солнца? Ведь в 45/44 гг., т.е. вскоре после гениального цезарско-календарного нововведения, 18-летний Г.Октавий учился вместе с Агриппой в Аполлонии и Светоний рассказывает об однажды произошедшем там случае. “В бытность свою в Аполлонии он поднялся с Агриппой на башню

* В 10 г. в Рим были доставлены морем два египетско-гелиопольских обелиска. Один из них высотой 38 м времен Рамзеса II (XIII в. до н.э.; XIX династия) Август установил в Большом цирке; второй – “часовой” – времен Псаметиха II (VI в. до н.э.; XXVI-я династия) – на Марсовом поле.

к астрологу Феогену. Агриппа обратился к нему первый и получил предсказание будущего великого и почти невероятного; тогда Август из стыда и боязни, что его доля окажется ниже, решил скрыть свой час рождения и упорно не хотел его называть. Когда же после долгих упрашиваний он нехотя и нерешительно назвал его, Феоген вскочил и благоговейно бросился к его ногам. С тех пор Август был настолько уверен в своей судьбе, что даже обнародовал свой гороскоп и отчеканил серебряную монету со знаком созвездия Козерога, под которым он был рожден” (Авг. 94).

Противоречие? Нередко полагают, будто созвездие Козерога сопутствовало рождению Октавиана по неисправленному доюлианскому календарю. Да неужто Цезарь II пренебрег юлианским гением Цезаря I и ухватился за доцезарский псевдокалендарь, который согласно тому же Светонию, ”из-за нерадивости жрецов, произвольно вставлявших месяцы и дни, был в таком беспорядке, что уже праздник жатвы приходился не на лето, а праздник сбора винограда не на осень”. Полноте, негоже профанировать *первого среди равных* сверх меры: за чужую путаницу? ошибку? профанацию? Светония (или светониевского источника) он не отвечает.

Под знаком Козерога Август разумел свое зачаточное воплощение* в утробе матери на земле. Древние непрофаны понимали “генезис” именно как зачатие (conceptus, а не natus). Зодиакальный Козерог** отделен от зодиакальных Весов девятью месяцами беременности: 23.12.64 – 23.09.63 гг. до н.э.*** Вот и вся загадка совсем не двойного Августова рождества. Если в пору декабрьского солнцеворота (по пролептическому юлианскому и по солярно-хорологическому часам-календарю) “солнечный герой” сошел на землю, то в равноденственном сентябре он вошел в мир.

* * *

Вероятно, днями после освящения АРА неутомимый воитель Друз, консульски поучаствовав в торжестве, снова сорвался к войскам на север, чтобы основательно доутихомирить германцев и на сей раз непременно водрузить победоносное римское знамя мира во всем мире над заветной Эльбой. Зима не задержала, тревожные, сообразно Диону (55,1), предзнаменования не остановили решительного полководца. Перед походом он успел побывать на границе Бельгийской и Лугдунской Галлий, в очаге обитания племени лингонов, где освятил воздвигнутый ими локальный жертвенник Роме и Августу. Весной боевая кампания началась.

Пройдя с кровопролитными боями земли хаттов и свебов южнее Майна, младший Клавдий двинул на север, ударил по херускам, разорил некоторые их очаги, переправился через Везер и, сметая все на своем пути, достиг

* Про сверхестественный характер оного см. Светоний (Авг.94).

** Сохранились “козероговые” монеты Августа с изображением на них Козерога как обладателя-распорядителя земного шара.

*** Нелишне освежить в памяти: ежегодно 23 декабря, в Ларенталии, фламин Квирина кудесничал совместно с понтификами над могильником одной из праматерей Рима – Акки Ларенции.

Эльбы. По словам Диона, римляне даже захотели форсировать реку, но почему-то не сумели; маркировали победным курганом из вражеских трофеев (Trophaeum) завоеванное левобережье и повернули назад. Тут, как пишет Дион, судьба явила грозному сокрушителю грозное видение в облике исполинской бабы, которая представ перед ним во весь нечеловеческий рост, пророчески молвила: “Ну, куда ты прешь, ненасытный Друз! Прочь отсюда: тебе не дано властвовать здесь: смерть твоя уже на подходе” (55,1). У Светония сказано: “...лишь тогда остановил свой натиск, когда призрак варварской женщины, выше человеческого роста, на латинском языке запретил победителю двигаться далее” (Кл.1). Конечно, над этим “ретроспективным” пророчеством авторов II-III вв. зримо тяготеет мрачная тень Тевтобурга. Но, так или иначе, случившееся (или не случившееся) в германских лесах провозвестие символично: за Рейном римско-имперской экспансии был заведомо положен предел. В Германии Magna у старороманского империализма не было шансов на успех. Противостояние между Римом и уничтожившими в лице Римской империи древний мир германцами продолжится в средние феодальные века, пронизет все средневековые и перейдет в новое время на иных уровнях: коронация папой Львом Карла Великого; покаянное хождение Генриха IV в Каноссу; трагический конфликт Штауфенов и пап; Реформация; Тридцатилетняя война...

Впрочем, сейчас речь не о том. В данный момент Клавдий Нерон Minor уверенно одержал верх и бодро марширует назад. Кроме того, его германские предприятия 9 г. до н.э. не исчерпываются ратоборством. 1.Тогда же римляне приступили к строительству на правом рукаве рейнской дельты дамбы для увеличения пропускной способности судоходного канала из Рейна в залив Флево*; 2.на самом Рейне была организована военная флотилия; 3.намечался, кажущийся делом недалекого будущего, проект сооружения крепостных лагерей вдоль Везера и Эльбы.

* * *

Тем временем верховный цензор Август занимался в Риме, в русле проводимого с 11 г. ценза, сенатом, исправлением нравов, разоблачением-наказанием заговорщиков-антиавгустинцев** и общим оздоровлением атмосферы. Отныне совету старейшин предстояло заседать регулярно, два раза в месяц, в календы и иды, за исключением, разумеется, “отцеубийственного” дня 15 марта, о котором много раньше, еще в дни дивинизации Цезаря, вышло постановление — никогда в этот день не созывать сенат. Вместо 15-го числа в марте использовалось 14-е. За уклонение от участия в парламентских заседаниях, дебатах, голосованиях, т.е. за неуважение к Республике, демократии и прогрессу, принципс, видя, что общественное

* Начатая при Друзе, т.е. не позднее 9 г. до н.э., и заброшенная вскоре дамба будет, согласно Тациту (Ан.13,53), возведена спустя 63 года, т.е. либо не в 58, как полагает Тацит, а в 55 г. н.э., либо же, не через 63 года, но спустя 66 лет.

** В подробности о разоблаченном заговоре и заговорщиках 9 г. Дион (55,4) не вдается.

порицание не действует, ввел конкретные финансово-штрафные меры. Так, каждому прогульщику полагалось дисциплинарное взыскание, на каждого пятого налагалась крупная денежная пеня. Прелиминарное решение кесаря о снижении сенаторского кворума для принятия правомочных решений было ратифицировано, требование ко всем герузиархам курить фимиам тому богу, в чьей обители происходит собрание, настоятельно повторено. Сенаторам вменялось не лениться, блюсти плюрализм мнений и свободно дискутировать по различным вопросам. При себе Цезарь II завел выборную – сроком на полгода (по жребию) – сенатскую комиссию, дабы обсуждать с ней и в ней насущные проблемы-решения перед представлением их полному составу сената.

* * *

С зимы-весны 9 г. Тиберий орудовал в Далмации и Паннонии: довершил умиротворение и провинциализацию, создал дунайскую боевую флотилию, обеспечил тыл предположительной задунайской экспедиции М.Виниция.

Уладив иллирийские дела, старший Клавдий возвратился летом в Рим, где удостоился малого триумфа-овации и признания за собой первой императорской аккламации. На радостях он устроил щедрое угощение для сограждан-мужей, в то время как Ливия и Юлия попотчевали трапезой женщин. Затем император и императрица выехали, сопровождаемые Тиберием, навстречу покорителю Германии Друзу в Тицин (Павия). Его ожидали по прибытии сходные братниным чествования и в столице шли соответствующие приготовления, вылившиеся, однако, в незапланированные похороны.

На обратном марше от Эльбы Друз, в результате случайного падения с лошади, сломал где-то в районе между Везером и Рейном бедро и, не будучи в состоянии продолжать путь, слег в наскоро разбитом лагере, прозванным впоследствии Проклятым – *castra Scelerata*. Травма такого рода могла бы не возыметь печальных последствий при иных обстоятельствах, но в походных условиях она вызвала гангрену и стала гибельной. Борьба со смертью длилась 30 дней (Ливий 142). Тотчас снаряженные гонцы понеслись, что было мочи, с вестью о несчастье за Альпы. Август, немедля, отрядил Тиберия в Германию, а сам остался в напряженном ожидании в обществе Ливии в Тицине. Преодолев длинный тернистый путь в рекордно короткие сроки, Тиберий успел застать умирающего брата живым. 14 сентября 9 г. до н.э. Друз скончался (*Fasti Antiates CIL I² p.328 “infer Drusi”*),

По этому поводу современник кесаря Тиберия льстивый, сродни Веллею, автор Валерий Максим не преминул провести хвалебную аналогию с Кастором и Поллуксом (5,5,3). Причем согласно Максиму, балканский победоносец примчался обнять родителей в Тицин, откуда, надев сапоги-сороходы, устремился на север*. Согласно Тациту, Август выехал встречать

* Притом отходящий Друз будто бы выслал ему навстречу легионы с приказом приветствовать брата как императора. Насколько все-таки и стиль, и тон творивших при тирании Веллея и Максима схожи! Максим невзначай возносит

в Тицин уже не живого пасынка, а катафалк и к тому же зимой. В “Анналах” читаем: “Ведь в разгар зимы он проехал вплоть до Тицина, и не отходя от тела покойного, вместе с ним вступил в Рим” (3,5). Если Максим, пусть очевидец эпохи, строго говоря, не прав в том, что Тиберий прибыл (из Иллирии) прямо в Тицин, т.к. Дион (55,2) яснее ясного сообщает о предстоящем тиберианском микротриумфе, то Тацит однозначно ошибается и в том, что Август выехал в Павию навстречу уже мертвому телу, и в том, что кесарский выезд случился посреди зимы. Во-первых, не только из Максима, но и из Диона следует, что Август снарядил Тиберия к брату, находясь вне Рима; во-вторых, скорбный путь Тиберия, кто, по словам Светония, всю дорогу шел пешком впереди (Тиб.7) с телом покойного из Германии в Италию, в любом случае, не мог продолжаться около 4-х месяцев до разгара зимы. Следовательно, похоронный кортеж добрался с середины сентября до Тицина, а из Тицина в сопровождении Августа и Ливии до Рима не позднее глубокой осени, в канун зимы.

Светоний пишет: “Тело его несли в Рим знатнейшие граждане муниципиев и колоний, от них его приняли вышедшие им навстречу декурии писцов, и погребено оно было на Марсовом поле. Войско в честь его насыпало курган, вокруг которого каждый год в установленный день солдаты устраивали погребальный бег и перед которым галльские общины совершали всенародные молебствия; а сенат среди многих других почестей постановил воздвигнуть арку с трофеями на Аппиевой дороге и присвоить прозвище “Германик” ему и его потомкам (Кл.1). Тацит уведомляет: “...катафалк окружали изображения Клавдиев и Юлиев; умершего почтили оплакиванием на Форуме, хвалебной речью с ростральных трибун; было исполнено все завещанное от предков и добавленное позднейшими поколениями”(3,5).

По Диону (55,2), Тиберий держал погребальную речь на Форуме, Август – во Фламиниевом цирке, “и так – сообразно Светонию (Кл.1) – восхвалял умершего перед народом, что даже молил богов, чтобы молодые Цезари (Г. и Л.) были во всем ему подобны, и чтобы он сам мог умереть так же достойно, как умер Друз. И не довольствуясь этой похвалой, он украсил его гробницу стихами собственного сочинения, а о жизни его написал воспоминания в прозе.”

Прах Друза упокоился в кесарском мавзолее. Безутешной Ливии сенат предоставил персональное право сооружения посвященных сыну памятников, почтил статуями ее саму, уравнивал императрицу в правах с привилегированными матерями троих детей. Некий безымянный стихотворец, кого в средние века идентифицировали с Овидием, адресовал ей дошедшую до нас “Песнь утешения” – “*Consolatio ad Liviam*”.*

Тиберия выше Друза, Веллей – выше Августа. Сам же Тиберий в их придворном изображении вполне уподобим придурковатому Вильгельму II Гогенцоллерну, который, как говорят, хотел быть на всех крестинах крестником, на всех свадьбах женихом, на всех похоронах покойником.

* Теоретически можно возразить, что Анцийские фасты (составлены ок.50 г. н.э. при Клавдии) разумеют под почившим 14 сентября Друзом не брата, но

* * *

Скорбь Августа была искренней, потеря — огромной. В лице любимого пасынка он лишился незаурядного воеводы, способного гос. мужа, надежной опоры в фамильной, внутренней и внешней политике.

Слухи о том, будто Друз являлся убежденным республиканцем, более того, якобы открыто намеревался при первой возможности восстановить республику (Светоний Кл.1), не могут соответствовать действительности. Легенда, без сомнения, возникла позже и замешана на гипертрофированном противопоставлении мрачно-замкнутого тирана Тиберия его сравнительно демократичному и доступному в общении с народом брату. Ушедший всего лишь на 30-м году жизни Друз не был или не успел стать ни бирюком, ни мизантропом, но он никогда не помышлял об упразднении августейшего принципата, точнее, он был республиканцем никоим образом не в большей мере, чем сам Август*. Это позднейшая ненависть к Тиберию, усугубленная инкриминированной ему смертью сына Друза, Германика, породила среди римлян миф “праведных Германиков” — фикцию, безосновательно развенчанную после кесарства по-разному ослабившихся отпрысков Друзова семени — Калигулы и Клавдия.

* * *

В 9 г. до н.э., накануне исправления великим понтификом запутанного (по вине ли Лепида?) юлианского календаря, проконсул Азии П.Фабий Максим провел славящую кесаря календарную реформу в провинции Азия. Старший из братьев Фабиев, Павел, приходился Августу родственником, поскольку был женат на Марции, дочери младшей сестры его матери Атии (от консула 39 г. Г.Марция Цензорина) и принадлежал к числу ближайших друзей принцепса. Выше отмечалось, что, отконсульствовав (11 г.), П.Фабий — императорский протеже — отправился уже на следующий год, без соблюдения минимального перерыва, в престижный консулярский Эфес проконсульствовать. Причем привилегия досрочников — трое детей, которых у 35-летнего Павла в 10 г. не было (RE Fabius 102, 1780-89), здесь ни при чем: дружба *первого среди равных* всегда важнее!

умершего в 23 г. н.э. сына Тиберия — Друза Minor. Т.е. возникает вопрос: не умер ли Друз Major позднее 14 сентября и, стало быть, не прав ли касательно похоронного разгара зимы Тацит? Но дело в том, что в данных Fasti Antiaties за октябрь, ноябрь, декабрь, которые прочитываются полностью, упоминаний о смерти какого-либо Друза нет, тогда как смерть Друза Старшего при возвращении из похода не ранее и не позднее осени, несомненна: т.е. речь под 14 сентября идет именно о нем. (Соответственно, Друз Младший умер до 1 июля, в календарно не сохранившейся первой половине года.)

* Б.м., Ливий, кого Август в шутку называл помпеянцем, закончил свою “Историю” 9-ым г. до н.э. (или годом смерти Друза) не без умысла, ибо этот год совпал с 500-летним юбилеем, провозглашенной, согласно Ливию (2.8,6-8), в 509 г. до н.э. Римской республики. Такого рода республиканство “республиканцем” кесарем, навверняка, поощрялось.

Список азийских губернаторов важен для нас в плане предстоящего выяснения хроноспорного наместничества в Азии Квирина; засим возьмем квиринских предшественников под лупу. В 12-10 гг. Азия, ввиду чрезвычайки, из-за постигшего ее землетрясения, управлялась, о чем мы знаем, в течение двух лет кесарским назначенцем, имени коего анналы не сохранили. Верную хронологию проконсульства Фабия — 10/9 гг. вывел на основе эпиграфических данных о реформированном им календаре Моммзен (Athen.Mitt.XXIV 285), опровергнув тем самым предпосылочно-проконсульский *terminus ante quem* — 4/3 гг. — как несостоятельный. Развивая точку зрения Моммзена, известный нумизмат XIX в. аббат Ч.Каведони предложил со ссылкой на нумизматические свидетельства (RE Fabius 1783) “продление” проконсульских полномочий Фабия еще на год. Версия заслуживает доверия: мы к ней охотно присоединимся и датируем не ординарный, но и отнюдь не беспрецедентный фабианский проконсулат “льготной” двухлеткой 10-8 гг. до н.э.

Фабиева реформа преобразила обычный для ориентально-эллинистической Ойкумены лунно-соларный календарь греко-македонского типа в солнечный юлианского образца с длиной месяцев 30/31 день и со вставкой високоса в короткий месяц через каждые четыре года. Инициативный наместник представил ежегодному собранию местных нотаблей рескрипт и вынес на их рассмотрение предложение сделать началом года, плюс празднично-рабочим днем вступления провинциальных функционеров в должность, день рождения “солнца вселенной” — 23 сентября. Так новгородно-осенний месяц официально усвоил наименование “кайсар”. Полное словословий по адресу “мудрейшего из мудрых” изданное на двух языках, латинском и греческом, постановление было решено навеки поместить в святилище Ромы и Августа в Пергаме. Копии разобрали на бессрочное хранение города Апамея, Приен, Эвмения и др.

К слову сказать, если Азия скромно ограничилась переименованием только одного, и притом во славу кесаря, месяца, то более сервильные киприоты еще раньше, между 15-12 гг., нарекли именами членов дома Augusti многие месяцы. На Кипре эквивалентный сентябрю-октябрю месяц “себастос” продолжался октябрьско-ноябрьским месяцем “агриппайос”; наличествовали месяцы Ливии, Октавии, Тиберия, Друза.

Сам по себе обычай персонифицировать месяцы, дни и чуть ли не часы именами членов императорской фамилии возник в Египте и довольно быстро нашел отклик повсюду*.

Симптоматично, что в период 9-9 гг. до н.э. и н.э. сродственные киприотско-азиатским прокесарские календарно-именные преобразования-модификации имели место во многих частях и полисах восточной половины Римской империи. Б.м., и в Иудее праввернейший из вассалов, царь Ирод,

* В 17 г. н.э., когда льстивые сенаторы предложат Тиберию назвать месяц ноябрь (16 ноября Тиберий родился) его императорским именем, он откажется, не без юмора заметив: “А что вы будете делать, когда Цезарей станет 13?” (Дион 57,18; Ксифилин 134,32-135,4; Зонара 11,2).

ввел и использовал параллельно традиционно-синедриональному (т.е. лунно-солнечному календарю) календарь юлианский, типа тирского – с началом года в ноябре; или типа азийского – со стартом 23 сентября; или даже, чем черт не шутит, типа римского – с Новогодьем 1 января.

* * *

Между тем, 1 января 8 г. до н.э. = 746 г.а.У. в консульство вступили Г.Марций Цензорин и Г.Азиний Галл.

Итак, в период великопontiфикального начальствования Лепида понтифики задействовали вместо 9-ти “четырёхлетних” високосов 12 “трехлетних”, в связи с чем високосными оказались: 42,39,36,33,30,27,24,21,18, 15,12,9 гг. до н.э. О причинах вставного излишка ученые мнения расходятся и ни одно из них не убедительно: 1.суеверное стремление жрецов непременно избежать огнеопасного совпадения первого дня недели с первым днем Нового года; 2.использование жрецами метода включительного счета; 3.неграмотность; 4.попытка консервативных мракобесов скомпрометировать юлианский календарь и т.д. Спрашивается: неужели ошибку на протяжении свыше 30-ти лет никто не заметил? Так или не так, но в 746 г. а.У. великий понтифик Август постановил: с 8 г. до н.э. по 8 г. н.э. високосным годам не быть; с февраля 8 г. н.э. вставку 29-го дня-числа возобновить и производить регулярно раз в четыре года.

Послушаем Светония: “Календарь, введенный божественным Юлием, но затем по небрежению пришедший в расстройство и беспорядок он восстановил в прежнем виде*; при этом преобразовании он предпочел назвать своим именем не сентябрь, месяц своего рождения, а секстилий, месяц своего первого консульства и славнейших побед” (Авг.31).

Дион пишет: “... переименовал месяц секстилий в август, хотя народ желал назвать так сентябрь, месяц его рождения; однако, он отдал предпочтение месяцу своего первого консульства и славных побед” (55,6).

Цензорин сообщает: “Месяц секстилий был переименован решением сената в консульство Марция Цензорина и Азиния Галла, на 20-м году кесаря Августа, в его честь” (22,16). Под т.н. кесарско-цезарскими годами или под кесарской эрой Августа имеется в виду эра известная как *anni Augustorum* с эпохой эры – 1 января 27 г. до н.э.** (Цензорин 21,8); причем январская отсчетная точка действительна для Рима, тогда как на Востоке, к примеру, в Сирии, за исходный месяц этой эры брался отнюдь не январь (см.ниже).

* Прежнего “високосного” вида у юлианского календаря на практике не могло быть, т.к. Цезарь, предприняв календарное нововведение в 45 г., погиб годом позже, т.е. при нем не вставлялся ни один високос.

** Эру Августа римляне исчисляли с 1 января 27 г., несмотря на то, что сенат присвоил Октавиану почетное имя Август не 1, а 16 января.

* * *

Переименование месяца секстилий в август Макробий (Сатурналии 1, 12,35) связывает с плебисцитом народного трибуна С.Пакувия. На данном, в частности, основании в RE 10 “Iulius Augustus” (361-62) делается вывод о том, что секстилий был августизирован еще в 27 г. до н.э., поскольку-де Дион (53,20) повествует о расчетливо раболепном нар.трибуне С.Пакувии именно под 27 г. Вывод ошибочен: по всей видимости, в 8 г. активничал сын того самого Пакувия, охлократический плебисцит которого не наткнулся 19-ю годами раньше на позитивный кесарский отклик (см.выше). 8 г. до н.э., как год преобразования восьмого юлианского месяца в август, освидетельствован двумя авторами III в., Дионом и Цензорином, и отрицать их четкие свидетельства, у Диона – анналистическое, у Цензорина – специальное, не резон. Сборно-эпитомированному Ливию (134), у кого, т.е. у эпитоматора, *секстилий* превращается в *август* в 27 г., оппонировать Диону с Цензорином слабо. Вместе с тем, ничего не мешает нам принять, наряду с версией “отца и сына Пакувиев”, частные случаи августизации августа в период до 746 г. а.У.

* * *

Занимаясь календарными вопросами урегулирования времени и пространства, Верховный озадачился делом о коррупции: эпонимические консулы и прочие магистраты попали в должности не без подкупа. Стыд и позор: Г.Марций Цензорин (его сестра замужествовала за П.Фабием Максимом) – потомок царя Анка Марция и Марция Рутила Цензорина, беспримерного в Республике дважды цензора 294 и 265 гг. Г.Азиний Галл – сын неподкупного фрондера Азиния Поллиона, тот, кто, родившись в 40 г., отождествлял себя с чудо-младенцем из обращенной к Поллиону Старшему IV эклоги Вергилия. Решив, не расследуя криминал, закрыть в нарушение собственного закона *lex Iulia de ambitu* глаза и замять скандал, Август ограничился следующим, так сказать, предупредительным постановлением: отныне выборным кандидатам следовало вносить под залог крупную денежную сумму и (вдобавок к уголовной ответственности?) лишаться ее при вскрытии каких-либо злоупотреблений. “Холопьев своих мы вольны казнить и вольны миловать” (Иван Грозный). Впоследствии, четыре десятка лет спустя, злопамятный Тиберий заморит возненавиденного им за Випсанию старика Галла голодом в каземате, как будто это из-за него, а не из-за пресловутых гос.резонов Августа, рухнуло семейное тиберийское счастье.

* * *

Весной 8 г. до н.э. кесарь, имея при себе Тиберия и взяв с собой 12-летнего Г.Цезаря, отправился улаживать германские дела в Галлию. Он гневался на германцев за смерть Друза и считал, что с кончиной пасынка потерял гораздо больше, чем приобрел. Но побежденные в прошлом году германцы об августейшем гневе не ведали и, договорившись между собой,

направили к главному римлянину – все, кроме сигамбров – мирную делегацию из знати разных племен просить союза и дружбы римского народа. Главный римлянин отказался сесть за стол переговоров без участия сигамбров, которые в ответ продемонстрировали добрую волю и тоже снарядили парламентариев, вероятно, в Лугдуну. Ан нет! Удовлетворенный дипломатическим трюком повелитель приказал заключить всех зарейнских вождей под стражу, разлучить и интернировать в захолустье. Увидя себя коварнейшим образом обманутыми, лишенные свободы “курфюрсты” гордо покончили самоубийством. Столь вопиющее попрание элементарных норм международного права еще выйдет Августу в Германии боком. Пока же Тиберий преспокойно переправился через Рейн и не встречая сопротивления со стороны обезглавленного германства, проник вглубь страны, распорядившись ею как новозавоеванной провинцией. Сведений о походно-колонизаторской деятельности Тиберия в 8/7 гг. за Рейном мало. С достаточной уверенностью можно сказать о переселении им 40 тыс. сигамбров и свебов в Галлию, “на поля близ Рейна”. У Светония об Августе находим: “Он положил конец набегам дакийцев, перебив трех вождей их с огромным войском, оттеснил германцев за Альбий, а подчинившихся ему свебов и сигамбров перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна” (Авг.21). Что касается даков, вернее, обстановки на Дунае*, то в 8 г. М.Виниций сдал иллирийскую легатуру кесареву племяннику С.Апулею, который, согласно “Малой хронике” Кассиодора (2,135), сокрушил очередной мятеж паннонцев. Факт перевода сигамбров и свебов в Галлию Светоний оговаривает и в биографии Тиберия: “... захватил 40 тыс. пленных, перевел их Галлию и отвел им землю возле берега Рейна” (Тиб.7). То же подтверждают Евтропий (7,9) и Орозий (6,21). Флор пишет о полном замирении Германии Августом, но, переходя к рассказу о ее горькой потере, философски замечает, что чужие страны и народы гораздо легче завоевать, нежели утвердить за собой: “Сила завоевывает, а справедливость утверждает. Германцы были больше побеждены, чем умиротворены” (4,12). Панегирист Веллей, поведав об устройшем не одну кровавую баню германцам и достигнутую смертью на 30-м году жизни в ранге консула Друзе, приступает к восславлению Тиберия: “... не понеся ни малейшего урона в живой силе, проявляя неослабную заботу о доверенных ему воинах, он победоносно прошеествовал через всю Германию, после чего удостоился нового триумфа и второго консульства” (2,97). Тиберий и вправду удостоился за германскую кампанию 8 г. второй императорской аккламации, второго консульства и настоящего большого триумфа, намеченного по совместительству на новогодний день вступления консула *iterum* в должность, т.е. на 1 января 7 г. до н.э. Сам Август от триумфа солидно отмахнулся, довольствовавшись XIV-й императорской аккламацией. Отрекомендованный галльско-германским легионам отрок Г.Цезарь поиграл на берегу Рейна в героя Друза и прослыл одним из покорителей Германии.

* Сообщение о трех перебитых с огромным войском вождях даков суммарно и касается, конечно, не только задунайского похода в 9 г. (если таковой имел место), но римских акций против задунайских племен за весь период правления Августа.

Вернувшись в Рим, кесарь торжественно раздвинул сакральную границу Померия в знак расширения им за счет завоеванного германского правобережья границ Римской империи.

* * *

В самом конце сентября 8 г. до н.э. умер, тяжело и продолжительно отболев, Меценат. 27 ноября, пережив друга всего, сообразно Светонию, на 59 дней, скончался Гораций (Vita Horati 60). Дружба связывала обоих мужей настолько, что в столице поговаривали, будто Гораций добровольно последовал за наперсником в смерть.

Меценат давно страдал нервным расстройством и лихорадочно температурил, к чему в последние три года, по-прежнему, преимущественно невоздержанного или безудержного времяпрепровождения прибавилась хроническая бессонница. Напрасно больной искал улизнувший сон в успокоительных звуках музыки и в усыпительном плеске фонтанов в своем окруженном райскими садами дворце на Эсквiline. Неумная жажда наслаждений, вперемешку с излишествами, первооткрывательством и извращениями — неравнодушие как к красивым женщинам, так и к мальчикам, гурманское введение в трапезную моду молодой осятины*, изобретение тахиграфической тайнописи и т.д. и т.п. — не прошли великому покровителю искусств даром. Он родился 13 апреля (Гораций Satm. 4,11,13) неведомо какого, предположительно, ок.70 г., происходя, насколько известно, из тирренского города Арреций от этрусских предков царских кровей. Принадлежал к всадническому сословию и никогда не согласился на переход в сенаторское. С 44 г. шел рука об руку с Октавианом, участвовал в битве при Филиппах, получил во владение значительную долю богатств пленного и казненного республиканца М.Фавония. О бесконечном доверии Октавиана к Меценату, о его незаменимости как советчика, искусного дипломата или особополномоченного распорядителя Рима-Италии в пору отсутствия Цезаря II мы знаем. История с заговором Мурены (23 г.) и Теренцией несколько омрачила взаимоотношения закадычных друзей, но не положила конец их дружбе. Август, как и прежде, дружески высмеивал чересчур манерный слог ("напомаженные завитушки")** и слишком экстравагантный туалет*** Мецената, не переставая высоко ценить друга. Меценат же, даже уже дистанцированный от двора и политики, все-таки, когда нужно, появлялся в кадре, смело укрощал гнев венценосца****, вновь давал другу дельные советы, регулярно делал ему в дни рождения царские подарки и вот, умирая бездетным, завещал Августу все свое огромное состояние.

Ни мавзолея, ни монументов, лишь укромный могильный холм в садах на Эсквiline, где благодаря Меценатову меценатству некогда обзавелся жильем Вергилий и где следом за Меценатом упокоился возле него Гораций. Он

* Плиний (8,170).

** Светоний (Авг.86).

*** Ювенал (12,39).

**** Дион (55,7).

тоже умер бессемейно-бездетным и тоже оставил все по завещанию Августу, причем не будучи в силах самолично подписать в смертный час завещание, назначил кесаря единственным наследником то ли движением губ, то ли выражением глаз. К месту вспомнить предсмертные слова Пушкина: “Передайте государю, что если бы не умер, весь был бы Его.” Вокруг 55-летнего Августа становилось одиноко: птенцы гнезда Августова, вернейшие паладины, ушли один за другим. Недаром говорят, что старый друг лучше новых двух. Да и не сыщешь новых друзей, ни сидя на троне, ни в возрасте 55 лет.

Имя Меценат издревле нарицательно и, согласитесь, такое нарицание не зазорно, ибо без меценатов нет ни Вергилиев, ни Горациев. “Дайте нам Меценатов – ностальгически воскликнет во второй половине I в. н.э. Валерий Марциал (8,55,5) – и будут Вергилии!”*

* * *

Некролог 8 г. до н.э. необходимо дополнить траурным сообщением о безвременной гибели, видимо, именно в этом году, притом не где-нибудь, а на Кубани нашего старого знакомого Полемона Евсевия Понтийского. Ишь ты, куда к черту на кулички забрался Полемон Зенонич! Мы оставили его оженившимся в 14 г. бывалую внучку Митридата Динамис во главе унированного брачно-агриппианскими узами Понтийско-Боспорского царства. Не позднее 12 г. двоебережный династ взял в жены Пифодориду (Страбон 12,3,555-56), дочь богача азиарха Пифодора Тралльского от его брака с дочерью М. Антония Антонией. Напомним, до Фульвии Антоний был женат на своей кузине, от которой имел дочь и кому дал около 44 г., обвинив ее в супружеской измене, развод. Около 34 г. александрийский автократор выдал обретавшуюся на востоке, при отце, Антонию (обрученную ранее с сыном Лепида) за дружного в прошлом Помпею денежного мешка в летах Пифодора, с кем т.о. выгодно породнился.

При каких обстоятельствах Полемон сосватал не обедневшую и, как видим, не упавшую в августейшую эпоху рангом внучку М. Антония, истории неизвестно, ибо дальнейшая судьба Динамис под вопросом. По одним предположениям, она вскоре умерла, по другим, рассорилась с Полемоном, сбежала в восточное Приазовье к своему сыну от Асандра Аспургу и возглавила в паре с ним движение сопротивления. Вторая версия выглядит реалистичнее, т.к. следы Динамис, похоже, не обрываются столь рано, хотя неоспоримых доказательств ее последующего здравствования нет. В то же время первый летальный вариант базируется на крайне шаткой предпосылке обязательной приверженности Полемона Евсевия моногамии и уже отсюда на недопустимости расторжения заключенного под эгидой Рима союза. Правильно: произвольный развод тут неуместен и плохо вообразим: не для того Агриппа собирал “свадебную” флотилию в Синопе. Но и вдовство восточно-эллинистического династа совсем не обязательное условие для женитьбы. “Если б я был султан, я б имел трех жен...”

* Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.

(Л.Озеров)

Старая домакедонская Греция чуралась полигамии: в Афинах, например, многоженство запрещалось. Однако, отец Александра Великого Филипп Македонский имел, в общей сложности, семь жен и ни с одной из них не разводился. Сам Александр женил македонян на персиянках, вовсе не побуждая мужей посылать разводные письма европейским женам, и в пост-александровской ойкумене неоднаженство сделалось, если не тотальной нормой, то, во всяком случае, признаком хорошего тона, вне зависимости от эллина, иудея, варвара, грека и т.д. Антипатрид Ирод поимел за 70 лет жизни итого 10 жен, девятью из них владел единовременно и за полигамию, за избыток наследников строгий одноженец Август царя иудейского ни разу не пожурил. Вместе с тем, незачем приписывать многоженство эллинолюбивого римлянофила Ирода исключительно его еврейству: оно, без сомнения, фактор ойкуменический. Другое дело, что не все жены покорно мирились с баболобием мужей и не все мужья имели много жен. Иродиада, к примеру, согласится уйти от законного мужа к Ироду Антипе, поставив ему предварительное условие-ультиматум: изгнание законной и, надо понимать, единственной супруги – дочери набатейского царя Арета IV (И.д.18,5,1).

В общем, скорее, не смерть Динамис, а ее разрыв с мужем и бегство к Аспургу побудили Полемона жениться, по рекомендации Рима, на богатой Пифодориде. Должно быть, союз в немалой степени содействовал финансированию дорогостоящих боевых операций в зоне северного Причерноморья. Хронология брака – не позднее 12 г. – выясняется из того, что до Полемоновой гибели в 8 г. до н.э. Пифодорида успела родить от него троих детей: двух сыновей и дочь.

За пятилетку 13-8 гг. энергичный Полемон подчинил все северо-восточное побережье Понта Эвксинского и разрушил цитадель аспургианцев – цветущий город в устье Дона – Танаис. Вероятно, на исходе старой эры в основном пантикапейскими либо фанагорейскими греками Танаисе (V в. до н.э.) преобладали майотские азовчане, т.е. оппозиционные Полемену сторонники национальной партии. Наконец, в 8 г., ожесточенно воюя врага в устье Кубани, царь Понто-Боспора попал в плен к аспургианцам и был убит (Страбон 11,2,495;12,3,555). Его монеты пресекаются 8/7 гг. до н.э. – время, с которого овдовевшая Пифодорида зацарствовала соизволением Рима над Понтом*, не притязая более на Боспор. Там, по всей видимости, реституировалась, стяжав римское признание, Динамис, кому уже в конце

* Сохранилась монета Пифодориды, датированная 63-м годом анонимной эры. RE 24,1 (Pithodoris 585) предполагает эру Актиаса, согласно которой отсчитанный от 31 г. до н.э. 63-й год дает 32/33 г. н.э., из чего, в частности, делается вывод, будто царственная Пифодорида не пережила 33 г. и будто после ее кончины Понт в 32/33-37/38 гг., до воцарения там Калигулой Полемона II, стоял при Тиберии под секвестром, т.е. будто лишь смерть Тиберия отодвинула намеченную им провинциализацию до нероновских времен. Подобный расклад маловероятен – 4/5-летнее стояние под секвестром – это неестественно долго. Скорее, речь здесь надо вести о кесарской эре Августа; в сем случае отсчитанный от нее, причем не с римского января, но с понтийского сентября 63-й год упрется в 36/37 гг. и “секвестральная” версия сама собой отпадет либо продолжительность секвестра сократится до вполне естественного минимума.

правления Августа наследует признанный Римом Асандрид Аспург. Иначе говоря, августовская политика создания двоебережного вассалитета с использованием опыта Митридата Эвпатора потерпела неудачу. Кесарь отставил снаряжение карательной экспедиции в *Тмутаракань*, предпочтя восстановление прежнего статус-кво. Нерентабельную унию снова задевает, предоставив дуалистическую корону внуку Полемона I Полемену II (37-63 гг.) Калигула; Клавдий вернется, передав Боспор сыну Аспурга Митридату, к старому порядку вещей; Нерон же поставит в 63 г. точку, аннексировав царство Понтийское и продолжая дружить с царством Боспорским.

* * *

В 8 г. до н.э. Август, “нехотя”, вновь как бы не сумев отказать сенату с народом, продлил свою всеобъемлющую проконсульскую империю – *imperium proconsulare* – сроком на 10 грядущих лет. Ну и что? Разве президент Рузвельт не избирался президентом четыре раза без ущерба для принципов американской демократии?

* * *

В 8 г. до н.э. оберцензор *sine collega* увенчал всеобщую перепись квиристов очистительно-искупительной люстрацией. Непятилетний *lustrium* завершился. *Census* насчитал 4 233 000 римских граждан (М.А. 2,8).

* * *

Пора в Палестину – к покинутому нами в государственных заботах и строительных работах 10/9 гг. до н.э. царю Ироду.

“Расходовавши большие деньги на внешние и внутренние дела царства, Ирод как-то узнал, что предшественник его Гиркан открыл гробницу Давида и похитил оттуда 3 тыс. талантов серебра, но что там осталось весьма много денег, которыми можно было бы покрыть все расходы; поэтому он довольно долго обдумывал план воспользоваться этими суммами. И вот однажды ночью он с большими предосторожностями, чтобы никто из граждан не узнал о том, распорядился открыть гробницу и в сопровождении преданных друзей своих вошел в нее. Впрочем, денег, подобно Гиркану, он тут не нашел, но зато обрел огромное множество золотых украшений и разных драгоценностей. Все это он взял себе. Желая основательно ознакомиться с содержимым склепов, он захотел проникнуть глубже в гробницы, к тому самому месту, где покоились тела Давида и Соломона. Тут, однако, погибли двое из его оруженосцев, как говорят, от пламени, которое вылетело на них, когда они сделали попытку проникнуть внутрь склепа. В полном ужасе Ирод выбежал из склепа и затем распорядился воздвигнуть в знак умиловления Предвечного памятник из белого камня при входе в гробницу. На это он израсходовал огромную сумму денег. Об этом памятнике упоминает также современный Ироду историк Николай, но не говорит о том, что царь проник в самую гробницу, т.к. понимает все неприличие

подобного деяния. Впрочем, и в других случаях этот писатель поступает подобным же образом. Живя в его царстве и находясь с царем в личных сношениях, он писал лишь в угоду ему и чтобы ему льстить, останавливаясь при этом исключительно на таких фактах, которые могли возвеличить Ирода, оправдывая многие из явных его несправедливостей и даже особенно тщательно скрывая их...” (И.д.16,7,1).

Бравируя ниже своей независимостью от придворной лейб-хронографии Дамаскина, Флавий и сам не в курсе насколько он от нее зависим. Тем не менее, писательству Иосифа нельзя не воздать должное: его читают вот уже 2 тыс. лет и будут читать еще через 2 тыс. лет, ибо без **библиотеки Флавиана** нет ни истории евреев, ни исторического моста из старой эры в новую. А в чем собственно Флавия обвиняют? В том, что он сдался в плен? Но один из образованнейших людей эпохи не мог ни жить, ни служить под началом ефрейторов, выкравших генеральские сапоги. С какой стати ему, человеку планетарного кругозора, было “геройски” умирать за зримо обреченную узколюбую авантюру? Чтобы оставить нас без “Войны” и “Древностей”? Разве он мог приветствовать яacobинско-большевистский террор *пламенных революционеров* или, точнее, *Достоевских бесов* типа Менахема, Иоханана Гисхальского, Симона бар Гиоры? Разве он мог принять черный шабаш зилотов с сикариями в погибающем Иерусалиме? Нет и еще раз нет! Сдавшись в плен и взывая к согражданам из-под стен осажденного города, он уподобился пророку Иеремии, причем иудеи себе же на беду его, как и Иеремию, не послушали. И это не Симон с Иоахананом, но именно Иосиф Флавий спас после Иудейской войны международную честь еврейства.

Приведем лишь два красноречивых отзыва о нем без комментариев.

Смиренно поблагодари также своего Творца,
Что дал тебе Иосифа, столь верного автора,
Пером которого определенно водил Бог
Всегда, когда он описывал деяния иудеев:
Потому что, хотя он использовал цветистый язык греков,
Он далеко не предан их нравам,
Он скорее искал истинную цель истории,
Нежели подражал жеманному языку.

П.Традеан “Французскому народу” 1558 г.**

Карл Моор: О, как мне гадок становится этот век бездарных борзописцев, лишь стоит мне почитать в моем милом Плутархе о великих мужах древности.

Шпигельберг: Почитай-ка лучше Иосифа Флавия.

Ф.Шиллер “Разбойники” (Сцена вторая)

* Кто они есть? Не кто иной как ушедший из-под креста бандит Варрава!

** Цитируется по книге Т.Раджак “Иосиф Флавий. Историк и общество” Библиотека Флавиана (Еврейский университет в Москве) Москва-Иерусалим 1993-5754.

Ну, а касаясь профессиональных ошибок Флавия-историка, чьим пером все-таки далеко не всегда водил Господь Бог, то наше дело, не отказываясь от великого флавиевского наследия, эти ошибки раз и навсегда исправить. Не так ли?

* * *

Рассказ о разграблении Иродом на примере Иоанна Гиркана (И.д.13,8,3) царской усыпальницы и о неудавшейся затее проникнуть к тому самому месту, где покоились тела Давида и Соломона, звучит, пожалуй, правдиво, хотя наводит на размышления: неужели сведения или слухи о сокровищной гробнице не дошли до фараона Сусакима, Навуходоносора или Антиоха Эпифана? неужели они не заинтересовались ею? Вместе с тем, сходное воспламенение при взломе герметически закрытого помещения воздуха произошло, например, когда иудеи вознамерились приступить в IV в. к восстановлению с санкции Юлиана Отступника Иерусалимского храма.

Интересно следующее: могильно-кладоискательское святотатство Ирода в конце 10 или в начале 9 г. до н.э. предваряет по времени и активный рецидив склоки внутри антипатридского клана, и начало работ по отстройке священнослужителями храмового святилища.

В “И.д.” читаем: “После его безбожного посягательства на гробницу домашне дела Ирода стали видимо ухудшаться... В придворном кругу был такой разлад, какой бывает в момент междоусобной войны; всюду чувствовалась ненависть, выражавшаяся в чудовищных взаимных наветах. Антипатр постоянно ковал крамолу против своих братьев; он очень ловко навлекал на них обвинение извне, тогда как сам притворялся нередко их заступником. Делал он это с целью выказать им якобы свое расположение и преданность, на самом же деле, преследуя свои личные планы. Таким образом действий он ловко обманывал своего отца так, что последний был убежден, что он все предпринимает исключительно в видах его блага. Ввиду этого Ирод подчинил Антипатру даже своего главного министра Птолемея и стал советоваться относительно государственных дел с его матерью. Одним словом, эти люди стали отныне играть главнейшую роль, могли делать что бы ни пожелали и возбуждать царя против кого угодно. Тем временем сыновья Мариамны все сильнее ощущали тягость своего положения...” (16,7,2).

Так в 9 г. до н.э. все в царском доме снова тлетворно смешалось. От установленного кесарем в Аквилее “вечного мира” не осталось камня на камне. Ведь, откровенно говоря, трудно было придумать менее удачную иерархизацию принцев крови и распределение между ними царственного наследства, нежели то, которое произвел, с одной стороны, из самосохранительного расчета, с другой, из искренних патриархально-отцовских чувств Ирод. “Александр и Аристовул увидели себя уничтоженными тем, что за Антипатром утверждены права старшинства; Антипатр не мог простить братьям уже одно то, что они были поставлены ближайшими после него” (И.в.1,24,1).

Обзорная информация “Войны” суммарна и проглатывает, в отличие от

“Древностей”, ок. двухлетний мирно-строительный период в жизни Ирода. Повторим, престолонаследные братья Иродиане отнюдь не сразу воспротивились и не могли тотчас воспротивиться декретированному самим кесарем миру. Официально утвердив или подтвердив за Антипатром право первородства, царь-отец по-прежнему, т.е. в доаквилейском духе, обуздывал хасмонеysкую гордыню сыновей Мариамны. Еще в 13 г. он выдал за своего призванного из данастического небытия первенца дочь последнего тронного Маккавея Антигона, дабы, во-первых, поднять в глазах народа акции сына простолюдинки Дориды, во-вторых, уравнивать Антипатовых детей-наследников в правах с детьми Александра и Аристовула. Заключение этого брака не ранее 14/13 гг. выводится из того, что прежде Антипатр был изгнанником и допускался в Иерусалим лишь по большим праздникам, т.е. его женитьба на потомственной Хасмонеysке до его реабилитационного призыва ко двору просто исключена. Брак, несомненно, сопутствовал выходу галилейского? ссыльного из-за кулис и, разумеется, ок.30-летний молодой человек не являлся к моменту вступления в престижный союз холостяком, как, впрочем, и безымянная дочь казненного в 34 г. Антигона наверняка не ходила на 14/13 гг. в невестах, успев побывать замужем и вовремя овдоветь.

На единство и территориальную целостность Иудейского царства в перспективе Ироду, как видно из завещательной легитимации им наследников (и из его последующих завещаний), было глубоко наплевать. Точнее, вассально-государственный суверенитет Израиля в маккавейско-иродианских границах не представлял для него никакой самоценности, будучи всецело подчинен – прижизненно – собственным, а посмертно – клановым интересам царя или царьков-сателлитов в едином, либо раздробленном Иудейском царстве на службе у Рима.

Итак, аквилейские припарки принесли только временное облегчение. За т.н. миротворный отрезок времени 12-10 гг. загнанная в подпол болезнь глубоко метастазировала и вот вновь начала скандально вырываться наружу. Притом Антипатр не столько обманывал своего не столь уж наивного отца, сколько Ирод хотел быть обманутым, потому что не мог избавиться от хронического недоверия к сыновьям Мариамны и, соответственно, видел в Антипатре защитный барьер против, как ему мерещилось, восстающей из гроба маккавейской гидры.

В новый виток межродственной напряженности, естественно, встряли и Саломия с Феророй, не питавшие в видах потенциального воцарения “любимых” племянников никаких для себя иллюзий. Племянники платили тетушке с дядюшкой той же монетой, однако, как и раньше, скверно-словили менее умело и хитро. В общем Антипатр ковал в адрес злоязычных братьев крамолу не на совсем пустом месте, но делая из мухи слона и поднося в раздутом виде отцу. В “И.в.” Флавий верно замечает: “Жизнь Антипатра можно не без справедливости назвать таинственным служением злу” (1,24,1). Не забывший и не простивший унижения цесаревич-обиженный – это, что называется, хуже не бывает.

События, описанные в 7,8-й главах 16-й книги “И.д.” и в 24 главе 1-й кн. “И.в.”, т.е. от возобновления антипатридского конфликта до мироносного прибытия в Иудею Архелая Каппадокийского, охватывают период с начала 9 до начала 7 гг. до н.э. Архелай примчится в Палестину мирить зятя и родную дочь с Иродом зимой 8/7 гг. до н.э., после чего уже весной Ирод предпримет последнюю в своей жизни поездку в Рим.

Займемся хронореконструкцией и все прояснится. В 3-м абзаце 7-й главы 16-й кн. “И.д.” сказано о гневе Ирода на Ферору, кому царь предназначил в жены сначала одну из дочерей Мариамны, потом вторую, но от обеих страстно увлеченный любовью к рабыне Ферора поочередно отказался.

“Он навлек на себя особенное подозрение и ненависть, поскольку совершенно подчинился одной из рабынь, так недостойно увлекся любовью к ней, что оскорбительно забросил невесту, дочь царя, и думал только о рабыне. Ирод почувствовал себя опозоренным со стороны брата, которому он оказал такие значительные благодеяния, которого он сделал своим соправителем и который, как он видел, платил ему теперь злом за добро. Он не желал его даже видеть. Не считая Ферору достойным этой девушки, Ирод выдал ее за сына Фазаила; лишь по прошествии времени, когда он мог предположить, что страсть погасла в его брате, он вступил с ним вновь в переговоры о браке и предложил ему в жены свою вторую дочь, звавшуюся Кипридой. Вместе с тем и Птолемей стал советовать Фероре прекратить оскорбительное для брата поведение и покончить со своим любовным увлечением. При этом первый министр указывал, что постыдно в угоду рабыне лишать себя расположения со стороны царя, возбуждать последнего и подавать ему повод к сильной ненависти. Видя всю пользу такого изменения вещей, Ферора вспомнил, что и раньше ему простили одну провинность, и отторгнул рабыню, успевшую родить ему ребенка. Вдобавок к тому, он выразил царю согласие на брак со второй его дочерью, назначил сроком свадьбы 30 дней и поклялся при этом, что отныне прекратит все свои отношения с отторгнутой рабыней. По истечении 30-дневного срока, однако, он настолько был одержим любовью к рабыне, что отказался решительно от всех своих намерений и вновь вернулся к любимой женщине. Это окончательно расстроило и взорвало Ирода, который не скрывал своего гнева. Отныне царь в разговорах постоянно делал разные намеки и многие, основываясь на гневе Ирода, делали эти замечания исходной точкой разных наветов против Фероры. Вообще теперь не проходило ни дня, ни даже часа, чтобы царю не приходилось волноваться. Более того, постоянно ему докладывали о новых распрях между его родными и наиболее близкими ему людьми...”

Меньшой брат Ирода, четвертый из четырех сыновей Антипатра, Ферора, родился, вероятно, никак не позднее 65-60 гг. до н.э., потому что второй из братьев, Ирод, появился на свет не ранее 70 г.; кто из младших Антипатридов, сестра Саломия или брат Ферора, старше — неизвестно. Мы в курсе, в 20 г. до н.э., когда Август инспектировал Восток, царь иудейский выхлопотал для Фероры переийскую тетрархию. В “И.в.” о нем читаем:

”...состоял сорегентом Ирода только без короны, имел 100 талантов собственных доходов, пользовался также доходом всего заиорданского края, как подарком от своего брата, который с разрешения императора сделал его еще тетрархом и удостоил браком с царской принцессой, женив его на сестре своей жены. По смерти этой жены он назначил ему свою старшую дочь и 300 талантов приданого. Правда, Ферора из любви к одной рабыне уклонился от женитьбы на царской дочери, и Ирод, отдав дочь за своего племянника, павшего впоследствии в войне с парфянами, остался очень недоволен отказом Ферора. Но вскоре, однако, он, снисходя к его любовной страсти, забыл эту обиду” (1,24,5).

Показательны противоречия “Войны” и “Древностей”: в “И.в.” фигурирует лишь одна невеста Фероры — дочь Ирода; в “И.д.” две сестры — старшая и младшая дочери венценосца. Начнем сначала. Т.о., согласно “Bellum”, Ирод однажды удостоил Ферору браком с царской принцессой, женив его на сестре своей жены. В “И.д.” об этом ни слова. О какой жене и о какой сестре идет речь? У внучки Гиркана Мариамны I сестры не было, т.к. у дочери Гиркана Александры родились от кузена Александра (и достигли брачного возраста) двое детей — “миловидная Мариамна и прекрасный Аристовул”. Следовательно, Ирод не мог осчастливить Ферору браком с несуществующей сестрой Мариамны I, но он вполне мог женить минимум 35-летнего брата (не первым браком) на сестре Мариамны II, на которой сам женился в 25 г. По смерти сестры Мариамны II, увлекшийся рабыней дамский угодник Ферора пренебрег в 11/10 гг. невестой, “старшей дочерью царя”. Вопрос: старшей дочерью от Мариамны I или от Мариамны II? О наличии у последней дочерей Флавий молчит; текстуально ее потомство вроде бы исчерпывается сыном Иродом. Мариамна I, напротив, имела двух дочерей. В “И.в.” сказано: “из пятерых детей, которых родила ему Мариамна, были две дочери и три сына” (1,22,2). В “И.д.” порядок перечисления иной: “впоследствии она родила ему трех сыновей и двух дочерей” (14,12,1). Согласно “И.д.”, старшую дочь звали Салампсио, младшую — Киприда (18,5,4). Но... дочери Мариамны I родились — одна — в 36, вторая — около 31 гг. до н.э., либо, в любом случае, не позднее 29 г. — дата казни Мариамны. А теперь вспомним: иудейские отроковицы выдавались замуж в возрасте 12/13-15/16 лет; Ферора отверг старшую царскую дочь в 10, младшую — в 9 гг. до н.э. Эти отвержения имели, судя по “И.д.”, место в ориентировочной орбите 10 г. (фиксированная дата освящения Цезареи) и нет никаких оснований переносить датировку (в угоду каким бы то ни было схемам) на более ранние сроки. Если попробовать вести речь о старшей дочери Мариамны I, то ей применительно к 10 г. до н.э. должно быть около 25-ти лет отроду; если же, приложительно к 9 г. вести речь о ее младшей сестре, то ей не может быть меньше 20-ти лет отроду. Вообразимы ли ориентальные принцессы в возрасте 20-ти, тем паче 25-ти лет незамужними? Нет. Кто мешал Ироду своевременно выдать их замуж в традиционном и отвечающем узово-династической политике возрасте 13-15 лет?

Можно, конечно, представить, что дочери Мариамны I успели озамужиться около 20-15 гг. и к 10 г. овдоветь, после чего-де были просватаны за Ферору, но такая конструкция будет чересчур надуманной.

Текст недвусмысленно толкует об отроковицах на выданье, каковыми дочери Мариамны I в 10/9 г. быть не могли, но каковыми дочери Мариамны II в 10/9 г. быть очень даже могли. По всему, они родились в 24-22 г. до н.э., будучи старше родившегося в 21 г. брата – Ирода Боэта. Соответственно, обе были в 11/10/9 г. поочередно невестами и от обеих повязанный страстью к рабыне Ферора поочередно отказался. Кого в реальности звали Салампсио и Киприда – на сегодня не существенно: для нас это имена дочерей Мариамны II*. Важно усвоить, что, либо не разобравшись, из-за противоречивости (скудости) источников, в генеалогическом сумбуре обширного царского клана, либо у кого-то позаимствовав путаницу, Флавий небрежно и путано свел дочернюю иродианскую четверицу, т.е. дочерей двух Мариамн, к двоице, иначе говоря, слил два в одно, превратил два в моно!

* * *

Следующий абзац “И.в.” усугубляет кашу-малу (чем дальше влез, тем больше дров): “Уже раньше, когда жила еще царица, Ферора обвиняли в покушении на отравление царя. Теперь же выступило такое множество обвинений, что Ирод, как ни любил он искренно брата, все-таки должен был поверить показаниям и стал его опасаться. Подвергая пыткам многих из заподозренных, он добрался, наконец, и до друзей Ферора. На допросе никто из них не сознался в формальном заговоре против жизни царя; но было указано на то, что Ферора собирался увезти свою возлюбленную и вместе с ней бежать к парфянам и что муж Саломии, Костобар, готов был споспешествовать плану бегства. Сама Саломия тоже не осталась свободной от обвинений: брат ее, Ферора, обвинял ее в том, что она тайно обручилась с Силлеем, эпитропосом аравийского царя Обода, смертным врагом Ирода. Хотя она была вполне уличена в этом и во многих других проступках, раскрытых Феророй, она, тем не менее, была помилована; да и самого Ферора царь объявил свободным от всех тяготевших над ним обвинений” (1,24,6).

Перед нами знакомый, нередко встречающийся у историков древности почерк: двадцатилетний отрезок времени грубо сплюснен вмятку. Хроноуказание “уже раньше, когда жила еще царица”, т.е. Мариамна I, обязывает не переступать рубеж 29 г. до н.э.; сватовство набатейского везира Силлея, участника аравийской экспедиции Элия Галла, к вдовой Саломии падает на 9/8 г. до н.э. (см.ниже); намерение Фероры бежать с какой-то возлюбленной к парфянам и готовность Костобара споспешествовать плану бегства нельзя датировать сроками позднее 22 г., когда Костобар, второй муж Саломии, был казнен. Одним словом, нелепых несостыковок хватает. Теоретически Ферора, разумеется, мог обвиняться однажды, не позднее 29 г., в покушении на жизнь царя или подозреваться однажды, не позднее 22 г., в намерении бежать с нелюбой Ироду любовницей, при содействии Косто-

* О взрослой судьбе дочерей Мариамны I сведений нет. Умерли ли они до замужества? или, успев выйти замуж, в молодости? неизвестно.

бара, к парфянам. Однако, наиболее вероятно, что эти дутые обвинения в адрес отчасти настоящего, отчасти прошлого Фероры всплыли в русле придворной кампании против него, из-за упорной связи с рабыней и в общем ходе грязных дворцовых интриг 10/9 г. Правда, можно не сомневаться, что на рассматриваемый период времени, т.е. на 9 г., Ирод не в первый раз прощал младшему братцу мелкие и покрупнее пакости, а тот не в первый раз крамольничал и даже грозился сбежать от братниной тирании куда глаза глядят, хоть к парфянам.

Ферора и Саломия — два сапога — пара — интриговали то напару, то порознь, то объединяясь, то ссорясь, то вместе, то вразброд.

“Так, например, Саломия дошла в своем озлоблении против сыновей Мариамны до того, что вмешалась в супружеские отношения своей родной дочери, бывшей замужем за Аристовулом... и побудила ее рассказать и сообщить ей о многом, чего та собственно не должна была говорить. Этим она вызывала раздоры и новые поводы к подозрениям, разузнавала все, что происходило между юношами и сеяла разлад между дочерью и ее мужем. В угоду матери дочь часто сообщала Саломии, как братья, оставаясь наедине, вспоминают о Мариамне, как ненавидят отца и как грозят, в случае, если когда-либо достигнут царства, обратить сыновей Ирода от прочих жен в сельских писарей (к чему-де они, благодаря своим теперешним занятиям и по своей подготовке только и способны), и как они грозят, если видят царских жен в царственном убранстве их матери, облечь их в мешки и бросить в темницу, где бы они не видели даже солнечного света. Все это через посредство Саломии немедленно сообщалось царю, который узнавал о том со скорбью в сердце, но все-таки старался об общем умиротворении. Впрочем, все эти наветы мучили его, он лишь более озлоблялся и в конце концов начинал верить всему. Хотя он тогда относительно сыновей держал себя все еще довольно милостиво, вследствие того, что они сумели оправдаться перед ним, однако, зато впоследствии произошло крупное горе.

Дело в том, что Ферора явился к Александру, женатому, как мы упомянули, на дочери Архелая, Глафире, и сообщил ему со слов Саломии, что Ирод воспылил страстью к Глафире, и притом страстью неудержимою. Услышав это, Александр, по юности и страстности своей страшно разгорячился и на основании навета стал особенно подозрительно относиться к проявлениям нежности Ирода к молодой женщине (а Ирод, действительно, неоднократно выражал ей свое расположение) и принимал их с самой скверной стороны. Наконец, он почувствовал себя более не в силах сдерживать свое горе, отправился к отцу и со слезами поведал ему то, что услышал от Фероры. Ирод окончательно вышел из себя и не будучи в состоянии снести столь гнусной для него и, притом ложной клеветы, страшно заволновался; он громко стал жаловаться на гнусность своих родных, которым он оказал столько благодеяний и которые столь неблагодарны к нему, послал затем за Феророй и обрушился на него с проклятиями: “Гнуснейший мерзавец...” (И.д.16,7,3,4).

Хвастовство, плюс оскорбительные речи Глафиры, яростно подхлестывали ненависть Саломии к сыновьям Мариамны, которые, не приходится сомневаться, и впрямь грозилась обратить подрастающих младших братьев

в сельских старост, натянуть на царских жен власяницы и посадить их за ткацкий станок вместе с чернью (И.в.1,24,3).

Глафира дразнила Беренику, Саломию и Иродов гарем (из простонародных красавиц) безродностью; зять Саломии Аристовул громко сокрушался о преимуществах женатого на настоящей царевне брата, тогда как “он получил в жены простую мещанскую дочь”. Береника в слезах информировала обо всем свою интриганку-мамашу, та лязгала зубами, переплетала информацию с дезинформацией и бежала к Ироду рвать на себе волосы, предупреждать брата о смертельной опасности и т.д. и т.п. “Обо всем этом Ирод узнавал со скорбью в сердце и все-таки какое-то время “старался об общем умиротворении”. Налицо окруженный бесчисленной родней, но при всем том бесконечно одинокий, отягощенный грехами старик, кто жаждал патриархального согласия в семье и кому никто не пришел на помощь. Он ведь так и не уразумеет, в какой степени родная сестра толкала его на преступления; он щедро вознаградит ее за постоянную преданность в завещании, с горечью вымолвив, что она-де, в отличие от других, ни разу не покушалась на его жизнь.

Поистине Саломия ни разу не была уличена ни в мыслях, ни в замыслах против жизни Ирода, но она лучше, чем кто-либо изучила характер, знала натуру, знала слабые места брата и почти всегда без промаха, умея выждать или временно отступить, метила, била и попадала через него в цель. Утоляя свою ненасытную злобу, эта уникальная ведьма испытывала едва ли не оргиастическое наслаждение при гибели поверженных жертв. Словно способные преследовать намеченную добычу на расстоянии сотен километров гиеновые собаки, она шла по следу годами и в конце концов умудрялась подтолкнуть дважды-трижды занесенную царскую руку на роковой удар. Срывы и временные неудачи ее не смущали. Вот и в навете о безудержной похоти седовласого свекра к молодой снохе (а навет делался в расчете на бунтарский гнев Александра и на расправу с ним под горячую руку отца) произошла досадная осечка.

Обрушив потоки брани на мерзопакостного брата, Ирод порывно обещал возлюбить сыновей в гораздо большей мере, чем они того достойны. Трусливый Ферора страшно перепугался и тотчас выдал сестру, от кого, мол, и исходят подлые наговоры. “Лишь только услышала это присутствовавшая тут же Саломия, как она притворно возопила, что все это ложь относительно ее, что все желают навлечь на нее ненависть царя и погубить ее за преданность Ироду, которого она всегда предвещает об угрожающих ему опасностях; в настоящую минуту возбуждение против нее достигло еще больших размеров, потому что она была единственной, кто убеждала брата отречься от нынешней жены своей и жениться на дочери царя; очевидно, что он и возненавидел ее за это. Пока она так говорила, она рвала на себе волосы и неоднократно била себя в грудь. Все это по виду убеждало в ее искренности, но гнусность ее характера явно свидетельствовала о притворстве с ее стороны. Тем временем Ферора стоял посреди них и не имел возможности приличным образом оправдаться. Эта перебранка и спор между ними продолжались порядочное время. Наконец, царь с чувством гадливости отпустил от себя как брата, так и сестру, похвалил сына за силу

воли и за то, что он передал ему все эти наветы, и уже поздно вечером подумал о том, чтобы дать телу своему покой и отдых...” (И.д.16, 7,5).

Короче, в 10/9 г.до н.э. Ферора отвел супружеские кандидатуры двух царских дочерей, обзавелся ребенком от околдовавшей его рабыни и женился на ней. Т.о., если интриганскую активизацию “добродетельного” брата-поджигателя Антипатра можно датировать первой половиной 9 г.до н.э., то массивная придворная кампания против Фероры и неудачный выстрел Саломии посредством сексуального розыгрыша Глафиры в Александра — события середины/второй половины того же 9 г., в заключительной стадии которого объектом дворцовых нападков сделалась сама попавшаяся с поличным на мерзкой клевете Саломия. “Все были уверены — пишет Флавий — что навет все-таки исходил от нее. Жены царя были и без того настроены против нее, т.к. знали ее скверный характер и ее непостоянство, в силу чего она становилась с ними то во враждебные, то в дружеские отношения. Поэтому они постоянно имели сказать Ироду что-нибудь против нее...” (И.д.16.7,5). А одно ЧП придало им больше решимости.

Посмотрим какое.

* * *

“Арабский царь Обод был человеком недеятельным и апатичным по характеру и поэтому все дела его лежали на Силлее, муже способном, еще молодом и красивом. Однажды Силлей по какому-то делу прибыл к Ироду. Обедая вместе с последним, он увидел Саломию и почувствовал влечение к ней. Зная к тому же, что она вдова, он вступил с ней в разговор. Саломия, в свою очередь, теперь не пользовавшаяся таким расположением брата, как некогда, и отнесаясь тепло к молодому человеку, согласилась на брак с ним. После этого все присутствовавшие за трапезами женщины убедились, что между Силлеем и Саломией установились необыкновенно короткие отношения. Обо всем этом женщины донесли царю, причем смеялись над неприличным поведением обоих. Ирод обратился по этому поводу к Фероре и поручил ему проследить за столом, как те относятся друг к другу. Ферора сообщил, что, судя по их жестам и взорам, они, очевидно, пришли к взаимному между собой соглашению. Затем араб уехал, оставаясь под подозрением. Спустя, однако, два или три месяца он приехал вновь и теперь уже прямо явился к Ироду с предложением выдать за него Саломию. При этом он указывал, что такое родство будет бесполезно для него в смысле вступления царя в более тесное общение с царством арабским, которое, в сущности, у него уже теперь почти в руках, а впоследствии, наверное, перейдет к нему. Когда Ирод передал сестре своей это предложение и спросил ее, согласна ли она на такой брак, та немедленно ответила утвердительно. Тогда от Силлея потребовали перехода в еврейство (иначе брак был невозможен); тот, однако, на это не согласился, ссылаясь на то, что в таком случае арабы побьют его камнями. С этим он уехал. Между тем Ферора стал обвинять Саломию в несоблюдении целомудренности, тем более, что и женщины утверждали, что у нее установились слишком интимные отношения к арабу...” (И.д.16,7,6).

Продвинемся вперед во времени и датируем безрезультатное сватовство Силлея, с учетом двух-трех месяцев от делового визита великого везира до сделанного им официального брачного запроса-предложения, зимой 9/8 г. до н.э. Несоответствие столь т.н. поздней датировки хронологии научной обязывает к обстоятельному разбору.

Возражая тем, кто рискует помешать означенное событие в постаквилийский 11 г., чтобы хоть минимально соблюсти флавиевскую событийную последовательность, Отто (100) отрицает ее состоятельность указанием самого Флавия на молодость жениха Силлея, участвовавшего в 25/24 г., причем уже в ранге набатейского *мажордома*, в сабейской экспедиции Элия Галла. Дескать, раз Силлей в момент сватовства все еще молод, значит, оно не может далеко отстоять по времени от его (ошельмованного Страбоном) походного сталкерства. Но апатичный царь Обод сменил покойного царя Малха в 30 г. до н.э., стало быть, ничего не мешает всесильному канцлеру-эпитропосу, “другу и брату” повелителя Обода, родиться ок. 50/49 г. и впервые появиться в кадре уже в 25 г. до н.э. Спрашивается, зачем Флавию называть сорокалетнего мужа старым, если он в 9/8 г. до н.э. еще молод (особливо в сравнении с перешедшей за грань бальзаковского возраста Саломией), плюс деятелен и красив.

Удостоверимся на аналогичном примере. В Книгах Царств (3,14,21) и Хроник (2,12,13) возраст сына Соломона Ровоама при его воцарении исчисляется в 41 год. Нерадивый Ровоам, один из виновников разделения царства, отвергает совет старейшин и советуется “с людьми молодыми, которые выросли вместе с ним” (2-ая Пар.10,8); “и говорили ему молодые люди, которые выросли вместе с ним” (3-я Ц.12,10). Коли ровесники 41-летнего Ровоама могут называться молодыми людьми, то с чего бы в возрасте около 41-го года не быть молодым мужем Силлею?

Нет также оснований сомневаться в продолжительном вдовстве Саломии с 22, а не с 25 и, тем более, не с 28/27 г. Сверхтемпераментная царская сестра приложила руку к гибели двух мужей и пользовалась относительной самостоятельностью, пребывая на братниных харчах вдовой; наверно, и Ироду жилось так спокойнее. После прелюбодеятельного навета 9 г. Саломия, попав в немилость, почувствовала себя неуютно при иерусалимском дворе и сановный араб подвернулся весьма кстати. Казалось, ей представилась возможность с достоинством подвенежно удалиться из Иерусалима, где почва под ногами заметно раскалилась.

Кроме того, Отто усматривает в факте отказа жениху, из-за нежелания того перейти в иудаизм, публично-политическую якобы в ущерб собственным интересам, проиудейскую манифестацию Ирода. Отсюда делается предположение о хронологической взаимосвязи Силлеева сватовства, то ли с Иродовыми заботами о правах еврейской диаспоры в 14 г. (самосский арбитраж Агриппы), то ли с временами еще более ранними.

Однако зима 8 г. до н.э., как время брачного провала необрезанного араба, в свете повышенной приверженности Ирода иудаизму, подходит куда больше, ибо осенью этого года состоится освящение Иерусалимского храма. Правда, главная причина отказа Силлею, похоже, в ином — в видах самого Ирода на царство Арабское по смерти вялого созерцателя Обода (кто,

просидев четверть века на троне, видимо, ограничился тем, что философски перебирая четки, изрек и увековечил какую-нибудь восточную мудрость типа: “Сколько халву ни хвали, она от этого слаще не станет”). Впоследствии, в 5 г. до н.э., мы узнаем о намерении Августа передать царю иудейскому, матерью которого была знатная арабка Киприда, набатейскую корону по совместительству. Надо полагать, что облеченный августейшим доверием вассал не исключал сию перспективу уже в 9/8 г., когда дни Обода меланхолично клонились к закату. Одновременно, петрейское замужество дружной императрице Ливии Саломии могло поднять царственные ставки-шансы Силлея, чего предприимчивый эпитропос не скрывал, но содействовать чему в планы Ирода не входило.

* * *

Впрочем, оставим виртуальности, перейдем к реальностям. Сообразно современным тематическим источникам, царь Обод умирает в 9 г. до н.э. (к примеру, в RE Nabatoī 16,2,1459), хотя, как мы видим, на 8 г. он жив, относительно здоров и, поверьте, проживет-проздравствует еще три года. На чем прежде всего покоится научная датировка? На псевдофундаменте: на преждевременной дате смерти Ирода в 4 г. до н.э., понуждающей датировать казнь сыновей Мариамны 7 г. и т.д. и т.п. Обратимся к хронологии набатейских царей. Вспомним: предшественник Обода Малх умер в 30 г. до н.э. Сколько времени царствовал Обод? В XIX в. французский историк и нумизмат Л. де Саулки приводил его монету, датированную 26-м годом правления (RE 17,2 Obodas 1736-37). Монета вошла в противоречие с ученой хроно схемой, посмела выйти за пределы Ободовой “смерти” в 9/8 г. и была благополучно элиминирована, мол, она неправильно прочитана. Ан нет: все правильно. Вне зависимости от того, каким именно календарем (календарями?) пользовались в I/I вв. набатейские арабы, Новый год выпадал у них либо на фиксированное солнечно-календарное Новогодье 21/22 марта, что почти бесспорно, либо, если допустить лунно-солнечный календарь, на нисановский март-апрель. Малх скончался в начале 30 г. до н.э., не дожив до новогоднего рубежа; Обод умрет весной 5 г. до н.э., пережив новогодний рубеж, т.е. на 26-м году правления. Спасибо нумизматике.

* * *

Теперь придется мельком заглянуть в будущее. Ободу наследует Арет IV Филопатер, монеты которого идут до 48-го года правления. Общепринято брать интервал 9 г. до н.э. — 40 г. н.э. В эмендированном виде годы Аретова царствования будут выглядеть иначе: 5 г. до н.э. — не ранее 43/44 г. н.э.

Заключительные нумизматические сведения о долгоцарственном Арете — это фигурирующее в “И.д.” (18,5) военное поражение, нанесенное им Ироду Антипе (36 г.)*, и упоминание “царя Ареты” во Втором послании к

* Самовластная война вызвала гнев кесаря Тиберия и приказ сирийскому легату Вителлию покарать агрессора. Лишь Тибериева смерть (16.03.37 г.) уберегла Арета от сурового наказания. Калигула отнесся к нему очень милостиво.

Коринфянам святого Апостола Павла: “В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук” (11,32). Дело было в 37 г., спустя три года после обращения Павла (Послание к Галатам 1,18), когда Калигула поощрительно присоединил к владениям арабского царя Дамаск*. Предпоследний набатейский венценосец Малх II правил с около 48 по 71 г.: с одной стороны, его “максимальная” монета имеет 23-й год правления, с другой, в 71-106 г., до аннексии Nabatei при Траяне, в Петре Аравийской, несомненно, царствовал царь Рабель. Засим Арет IV восседал на троне, по меньшей мере, до 43 или 44 г. Вопрос 4/5-летней лакуны между ним и Малхом II, т.е. вопрос о том наследовал ли Малх непосредственно Арету? или некоему промежуточному калифу на час можно оставить открытым**.

* * *

Возвращаемся назад; на дворе зима 9/8 г. до н.э. Саломии не удалось выйти на старости лет замуж; красавец-араб, держа на Ирода зло, уехал. “...Между тем Ферора стал обвинять Саломию в несоблюдении целомудренности, тем более, что и женщины утверждали, что у нее установились слишком интимные отношения к арабу. Тогда Саломия попросила выдать за сына своего от брака с Костобаром ту девушку, которую царь первоначально предназначал в жены своему брату, но которую не взял Ферора, т.к., сообразно нашему сообщению, он был увлечен рабыней. Царь сначала согласился на этот брак, но затем склонился на убеждения Фероры, который указывал на то, что юноша этот не будет надежным зятем, т.к. его отец был казнен Иродом, и что было бы куда правильнее выдать девушку за его собственного сына, будущего владельца тетрархии. Вместе с тем он просил прощения у Ирода, и тот согласился на это. Т.о., девушка, переменяв жениха, вышла замуж за сына Фероры и царь подарил ей в приданое сто талантов” (И.д.16,7,6).

Данное сообщение о брачной судьбе одной из двух отвергнутых Феророй дочерей Ирода вызывает недоумение: ибо старшая из них, Салампсио, пошла замуж за Иродова племянника Фазаила, а младшая, Киприда, выступает в дальнейшем как жена сына Саломии и Костобара — Антипатра (И.д.18,5,4). Загвоздка в том, каким образом неудовлетворенная просьба Саломии все-таки оказалась удовлетворенной? Поищем, констатировав грубый флавиевский ляпсус, выход. Сколько итогов (и от кого) сыновей имел

* Не случайно кесарские дамасские монеты времен Калигулы и Клавдия отсутствуют; с Нерона появляются снова.

** В “И.д.” Флавий, ведя рассказ как раз о середине 40-х гг. I в. н.э., говорит о разгромленном Изатом Адиабенским “арабском царе Авии” (20,4,1). Но если это набатейский царь, т.е. вассал Рима, то как он мог начать войну против заевфратской Адиабены, да еще призванный адиабенскими верхами против Изата из-за перехода последнего в еврейство?! Т.о., “набатеизм” Авии крайне проблематичен, хотя годы его царствования вполне могли бы уместиться между 44 и 48 гг. н.э.

Ферора — неизвестно. По смерти Ирода, в ходе разбирательства в Риме двое из них, оба безымянные и неведомого возраста, будут (не то очно, не то заочно) обручены Августом со своими кузинами, предположительно, с Роксаной и Саломией, дочерьми царя от жен Федры и Эльпиды (И.в.2,6,3; И.д.17,11,5). Другие сыны переийского тетрарха в анналах не значатся. Но кто сказал, что у ок. 55-летнего на 8 г. до н.э. Фероры не было старшего сына, первенца и наследника, “будущего владельца тетрархии”? А если был, то мог ведь и безвременно умереть естественной смертью (никогда не став владельцем тетрархии), после чего овдовевшая Киприда сделалась супругой сына Саломии Антипатра.

* * *

Весной 8 г. до н.э. Ирод забыл брату и сестре их гнусные проделки. Параноидальное воображение царя Шер-Хана целиком поглотил “заговор Александра”.

В “И.в.” Флавий пишет: “Среди царских евнухов были три, — пользовавшиеся особым доверием Ирода, как это видно было из тех обязанностей, которые им вверялись; один был его виночерпием, другой — хлебодаром, а третий приготавливал его ложе и сам спал в его близости. Этим трех евнухов Александр посредством больших подарков сделал орудиями своей похотливости. Царь узнал об этом и приказал допросить их под пыткой, в развратных похождениях они тотчас же признались, но кроме того, они рассказали еще какими обещаниями они были обольщены. От Ирода, говорил Александр, им нечего ожидать многого; он — старый повеса, красящий волосы, но через это он не может помолодеть; пусть только они слушаются его, Александра; скоро он силой отнимет власть у Ирода, отомстит своим врагам, а друзей сделает богатыми и счастливыми, и прежде всего их самих. Знатнейшие люди давно уже присягнули ему втихомолку и обещали ему свое содействие, а высшие и низшие офицеры в армии имеют с ним тайные совещания” (1,24,7).

По “И.д.” (16,8,1), евнухи, сразу выдав Александра как блудника, дали показания о его замыслах против отца лишь после того, как заплочных дел мастера “в угоду Антипатру особенно старательно мучили их” Евнухофилия вполне укладывается в рамки царивших при светском иродианском дворе, но чуждых иудейству ориентально-эллинистических нравов. Наряду с тем, не секрет — царские евнухи на Востоке — лица многоуважаемые и чрезвычайно влиятельные, отчего доверительная близость чающего когда-нибудь заполучить трон престолонаследника с кравчим, хлебодаром, плюс постельничьим монарха, объяснима и без евнухофилии.

Заново начав плести по прошествии достаточного времени со дней аквилейского примирения мерзкую паутину против братьев, Иродов первенец Антипатр, вдруг, незаметно отошел в тень; в 9 г. на переднем плане мельтешили Саломия и Ферора, тогда как удар Антипатра был нанесен в 8 г., когда опростоволосившимся Саломии и Фероре пришлось стусеваться. Издерганный Ирод не успел еще передохнуть и, только расслабившись, пренеприятнейшим образом напоролся на *минное поле* (“кто-то донес”) —

на сыновний заговор “врагов народа”. Где правда? где ложь? Выживший из ума волокита, красящий седые волосы, чтобы выглядеть помоложе, кажется, правда: Александр очень даже мог поделиться сим злорадным замечанием с друзьями-евнухами, поскольку внутренне не поверил или не до конца поверил отцу в вопросе Глафиры. Разговоры старшего сына Мариамны о его преимущественных правах на престол, о симпатиях к нему в армии также не содержат ничего удивительного, причем последнее, т.е. симпатии в определенных армейских кругах, отчасти соответствовало действительности. Однако, в серьезное разветленно-конспиративное предприятие горе-заговорщиков (Александра и евнухов), в хитроумный план объединенных фанатичной идеей свержения тирании соблудников-революционеров что-то не верится. Ирод поверил, увидел, захотел увидеть и поверить. “Сон разума рождает чудовищ”. Тигра дернули за хвост. И началось, и пошло...

“Эти показания до того устрашили Ирода, что в первое время он даже не осмеливался действовать открыто; он разослал тайных агентов, которые шныряли по городу денно и ночью и должны были докладывать ему обо всем, что замечали, видели и слышали: кто навлекал на себя подозрение, немедленно лишался жизни. Двор переполнился самыми ужаснейшими преступлениями. Каждый измышлял обвинения, каждый клеветал, руководствуясь личной или партийной враждой, и многие злоупотребляли кровавым гневом царя, обращая его против своих противников. Ложь мгновенно находила себе веру, и едва произнесено было обвинение, как уже совершалась казнь. Случалось, что только что обвинявший был сам обвинен и вместе со своей жертвой шел на смерть, ибо царь из опасений за свою собственную жизнь, осуждал без следствия и суда. Его дух был до того помрачен, что он не мог ласково глядеть на людей, хотя совершенно невинных; даже к друзьям своим он относился в высшей степени недружелюбно. Многим из них он прекратил доступ ко двору, а кого не достигла его рука, тех он уничтожал жестокими словами” (И.в.1,24, 8; ср.И.д.16,8,2).

За весну и лето 8 г.до н.э. волна кровавого террора захлестнула Иерусалим. Лихорадочная мания преследования и бешенство расправы всецело овладели царем. Неистовствуя, он губил множество невинных, тут же каляя в их гибели, но боясь пропустить хотя бы одного виноватого, лишь усиливал террор. Говорят, Сталин как-то раз пренебрежительно выразился о своем историческом олицетворении — Иване Грозном: “Казнит кучку бояр, а потом две недели кается, грехи замаливает. Тоже мне, хлюпик”. Неужели Ироду все-таки больше сродни Иоанн Васильевич? В чем-то да. Ирод и Антипатр: чем не Иван Грозный и сын его Иван? или чем не Сталин и Берия? Впрочем, Ирод универсален: это прототип, сочетающий в себе черты обоих тиранов. Просто Сталин настолько боялся показаться кому-нибудь смешным или жалким, настолько не хотел прослыть хлюпиком, что, помня о мятущихся предшественниках и о возможности постнасмешки над собой, предпочел остаться на публику подчеркнуто грозным, без единой слабинки в душе, без единого ёка в сердце.

В немилость при иерусалимском дворе попали, в частности (отправленные в ссылку или на непочетную пенсию) давнишние друзья Ирода, Андромах и Гемелл, “которые оказали ему многочисленные услуги... и

немало поддерживали его во время посольств и совещаний, равно как воспитывали его сыновей... Андромаха царь удалил оттого, что сын его был близок к Александру, Гемелла же потому, что знал личную преданность старика Александру, которого он воспитал и обучил и с кем не разлучался в пору пребывания его в Риме” (И.д.16,8,3). Речь идет о влиятельных членах придворной камарильи из числа грекоязычных язычников, т.е. о нелюбых иудеям чужаках в ближайшем окружении царя.

Так родной сын Александр пуще прежнего преобразился в покрытых пеленой глазах отца в жуткого монстра, в хасмонеиское отродье, в прямую угрозу жизни и власти. Он стал для Ирода окруженным сворой тайных и явных приверженцев врагом. Скверну надлежало выжечь каленым железом и железо жгло нещадно.

Провокатор Антипатр – холодная голова, горячее сердце, нечистые руки – которого Флавий клеймит главным виновником несчастья, понявшим страшное действие распущенности родителя (И.д.16,8,4), продолжал смачно укрупнять и смачно распутывать несуществующий заговор из серии “прорытия тоннелей от Бомбея до Лондона”.

* * *

Над Иудеей опустилась черная ночь. Заведенная карательная машина работала на полную катушку, потроша элиту и челядь государства, требуя новых и новых жертв. Ну, а народ? Обычно народы в таких случаях замирают и безмолвствуют, томительно ждут. Вместе с тем, не со вчерашнего дня известно – в период красно-черного террора, в атмосфере охоты за ведьмами, лжемессиянствующим диктаторам особенно присущи парадно-сакральные манифестации единства с народом. Был ли Ирод исключением? Нет, не был. Представилась ли ему в 8 г. до н.э. возможность зарекомендоваться несравненным ревнителем блага народного? суперапологетом Закона-Завета? Да, представилась: при наступлении в сентябре праздничного месяца тишри, когда произошло знаменательное событие – освящение храма Господня.

Перелистаем “И.д.” в обратном направлении: “Сам храм был отстроен священнослужителями за один год и шесть месяцев*. Весь народ преисполнился радости и возблагодарил Господа Бога, во-первых, за быстрое окончание работы, а затем и за ревность царя. При этом был устроен радостный праздник в честь освящения храма. Царь принес в жертву Предвечному триста волов; остальные жертвовали каждый сообразно своим средствам; впрочем, невозможно установить совершенно точное число принесенных тогда в жертву животных. При этом день освящения храма совпал с днем восшествия царя на престол (а этот день всегда праздновался) и поэтому празднество отличалось особенным блеском.

* Согласно части флавиевских манускриптов, “за один год и пять месяцев”, что (крайне выразительно!) означает начало Иродом реконструкции храма, по подобию Соломонову, в месяце Зиф=Ияр, который есть второй месяц, а освящение святилища – в месяце Афаним=Тишри, который есть седьмой месяц.

Одновременно был сооружен для царя также подземный ход, ведущий из цитадели Антония до самого храма, вплоть до восточного входа. Тут Ирод воздвиг для себя башню, куда он мог проникнуть подземным ходом в случае народных волнений...”* (15,11,6,7).

Смотрим “И.в.”: “К собственно святилищу, возвышавшемуся посередине, вели 12 ступеней. Фронтон здания имел как в высоту, так и в ширину сто локтей; задняя же часть была на 40 локтей уже, ибо с обеих сторон фронтона выступали два крыла, каждое на 20 локтей. Передние ворота храма, 70-ти локтей высоты и 25-ти ширины, не имели дверей — это была эмблема бесконечного открытого неба. Лицевая сторона этих ворот была вся покрыта золотом и через них виднелось первое и большее по размерам отделение храма. Внутри ворот все кругом блистало золотом. Внутреннее помещение святилища распалось на два отделения, но открытым из них оставалось только переднее, которое имело 90 локтей в высоту, 50 в длину и 20 в ширину. Ворота, которые вели в это отделение, были, как сказано выше, сплошь позолочены, равно как и вся стена, окаймлявшая их. Над ними находились золотые виноградные лозы, от которых свешивались кисти величиной в человеческий рост. Из двух отделений храмового здания внутреннее было ниже внешнего. В него вели золотые двери 55-ти локтей высоты и 15-ти ширины; над ними свешивался одинаковой величины вавилонский занавес, пестро вышитый из гиацинта, виссона, шарлаха и пурпура, сотканный необычайно изящно и поражавший глаз замечательной смесью материй. Этот занавес служил символом вселенной: шарлах обозначал огонь, виссон — землю, гиацинт — воздух, а пурпур — море; два из них — по сходству цвета, а два — виссон и пурпур по происхождению, ибо виссон происходит из земли, а пурпур из моря. Шитье на занавеси представляло вид всего неба, за исключением знаков зодиака.

Через этот вход входили в нижнюю часть храмового здания. Последняя имела 60 локтей высоты, столько же длины и 20 локтей ширины; в свою длину она опять разделялась на два отделения: первое из них, перегороденное от второго на длине сорока локтей, заключало в себе три достопримечательных, всемирно известных произведения искусства: светильник, стол и жертвенник для курений. Семь лампад, на которые развешивался светильник, обозначали семь планет; двенадцать хлебов на столе — зодиак и год; кафельный жертвенник, наполненный тринадцати родов кафельными веществами, взятыми из моря, необитаемых пустынь и обитаемой земли, указывал на то, что все исходит от Бога и Богу же принадлежит. Самая внутренняя часть храма имела 20 локтей и была отделена от внешней также завесой. Здесь собственно ничего не находилось. Она оставалась запретной, неприкосновенной и незримой для всех. Она называлась Святое-Святых.

* Эту цитадель, замок Варис, возвышавшийся над северо-западом Храмовой горы воздвиг Иоанн Гиркан. Ирод перестроил Гирканово строение и нарек именем Антония еще в 30-е гг., когда снабдил крепость сильным гарнизоном и мощной башней, после чего (в ходе реконструкции святилища) прорыл отсюда подземный ход к храму. Из Антонии осуществлялся надзор за храмом в будни и в праздники.

По бокам нижнего отделения храма находились многие сообщавшиеся между собой трехэтажные помещения, которые с обеих сторон были доступны через особые входы. Верхнее отделение храма не имело никаких подобных пристроек, так как оно было и уже, и выше почти на 40 локтей. Вместе с тем оно было проще отделано, чем нижнее. Если прибавить к 60-ти локтям от земли упомянутые 40, то в общем получится высота в 100 локтей.

Внешний вид храма представлял все, что только могло восхищать глаз и душу. Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами, он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи. Чужим, прибывавшим на поклонение в Иерусалим, он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел. Вершина его была снабжена золотыми заостренными шпицами для того, чтобы птица не могла садиться на храм и загрязнять его. Каменные глыбы, из которых он был построен, имели до 45 локтей длины, 5-ти толщины и 6-ти ширины. Перед ним стоял жертвенник (всесожжения) вышиной в 15 локтей, тогда как длина и ширина его были одинакового размера в 50 локтей. Он представлял собою четырехугольник и имел на своих углах рогообразные выступы: с юга вела к нему слегка подымавшаяся терраса. Он был сооружен без железного инструмента и никогда железо его не коснулось. Храм вместе с жертвенником были обведены изящной, сделанной из красивых камней решеткой около локтя вышины, которая отделяла священников от мирян..." (5,5,4-6).

Архитектурные изменения вряд ли коснулись закрытого отделения святилища; скорее, тут возымело место надстроечное увеличение здания и придание ему особого наружного великолепия, равно как обновление внутренних, исключая Святое-Святых, частей дома Божия.

Интересно прообразное христианское истолкование святилищных святынь: жертвенник всесожжений — Христос и Его искупительная смерть, умиловительство за грехи наши; Медное море (умывальница для священников) — Христос — освящение наше, возрождение Духом Святым; золотой кадильный жертвенник — Христос в небесах, Посредник и Ходатай; золотой семиветвенный светильник (менора) — Христос и церковь искупленных — как свет миру; стол для хлебов предложения — Христос — Начало и Виночник общения верных.

Во Втором храме, точнее, в средоточии оно не было (неизвестно когда и куда исчезнувших из Первого храма) ковчега завета (стоял меж двумя изваяниями херувимов) с манной небесной, Моисеевых скрижалей и посоха Аарона. На их месте в Святом-Святых находился, сообразно Талмуду (Йома 53б), загадочный фундаментальный камень основы.

* * *

Подведем "святилищный" итог. Итак, на 18-м году своего правления, т.е. в 17 г. до н.э., Ирод приступил к реконструкции храма. 8 лет, с весны 17 по весну 9 г., ушли на комплексно-храмовые и на многие прихрамовые работы. Приплюсуем сюда еще год и шесть месяцев — за этот срок священнослужители надстроили-отстроили-обновили "сам Храм" — притвор Свя-

щенников — Улам, Святилище — Хекал, Святое-Святых — Давир, и получим осень 8 г. до н.э., вернее, 1 тишри, праздничный день восшествия царя на престол (и осеннего Нового года!), всегда, соответственно Флавию, праздновавшийся.

Так в бравурные тронные именины царя (устроенные им в пику низвергнутому Антигону 26 лет назад, 1-го тишри 34 г. до н.э.), по истечении 8+1,5 лет от начала работ, был с ослепительной помпой, со щедрой царевой жертвой в 300 волов (вол — иудейская парабола для Мессии — сына Иосифа) освящен Иерусалимский храм — единственная в тогдашнем мире обитель Бога Истинного, Бога Единого.

Впрочем, строительные работы по Храму в пределах храмового комплекса, на эспланаде, продолжались еще долгие десятилетия и завершились за считанные годы до гибели святилища.

* * *

Напомним: согласно сегодняшнему научному мнению, событие освящения падает не позднее, чем на 10 г. до н.э., ибо наука ошибочно идет к нему из 20/19 гг. Мы, однако, сумели прийти в освятительный 8 г. без спешки, проследив хронику год за годом. Таков результат *перспективного* поиска из *прошлого в будущее*. А теперь взглянем *ретроспективно* — из *будущего в прошлое*. Отложим Флавию; раскроем Евангелие от Иоанна.

“После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим.

Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов;*

В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды;

Ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какую бы ни был одержим болезнью.

Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет.

Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров?

Большой отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня.

* Местонахождение купальни Вифезда — дом Милосердия — подножье холма Визафа, за внешней крепостной стеной храма, напротив цитадели Антония, около Овечьих ворот. Ирод богато обустроил целебный ареал пятью крытыми ходами-портиками, пятый из которых пролегал посередине, деля чудодейственный водоем на две неравные части. Во II в. н.э. римляне, превратив Иерусалим в Элия Капитолину, переобустроили купальню Вифезда под кумирню Эскулапа. В историчности купальни критиканы-библиоведы долго сомневались: дескать, внеевангельских подтверждений нет, а использованием ходового числа “5” евангелист-символист образно обыграл Моисеево Пятикнижие. С археологическими раскопками и кумранскими находками сомнения отпали.

Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи.

И он тотчас выздоровел, и взял постель свою, и пошел. Было же это в день субботний... (5,1-9).

Об этом единственный раз не уточненном в специализирующемся по деятельности Иисуса в Иудее Евангелии от Иоанна празднике Иудейском толкователи полемизируют давно. В древности Тациан и Ириной склонялись к Пасхе; Ориген сомневался; Епифаний не мог выбрать между Пятидесятницей и Поставлением Кущей; Иоанн Златоуст и Кирилл Александрийский решительно выступали за Пятидесятницу*; в последующие времена, с эпохи Реформации и в новое-новейшее время, плюрализм мнений усилился, предел колебаний расширился: многим экзегетам полюбился Пурим. В общем, спор не окончен: современный русский синодальный текст оперирует в примечаниях Пасхой; секулярные и несекулярные комментаторы Запада демократично оставляют под вопросом три больших паломнических праздника.

Спрашивается, к чему полемика, если тут и так, честно говоря, двух мнений быть не может. Коли исцеление больного 38 лет происходит в праздник Иудейский, не нуждающийся в прецизации, то это — очевидно Судный день — 10 тишри; причем в данном конкретном случае — суббота; причем в сем случае — суббота суббот, а именно 15 сентября 31 г. н.э.

Уместно вспомнить: на Пасху 30 г. н.э. Иудеи сказали Иисусу: ***“Сей храм строился 46 лет...”*** (Ио. 2,20). Разве эти 46 лет не привели нас посредством элементарной арифметики из пасхальной весны 30 г. н.э. в стартовую храмово-строительную весну 17 г. до н.э. Удостоверьтесь, Евангелист Иоанн последователен: куда ведут 38 “больных” лет из сентября 31 г. н.э.? где, когда начинается болезнь? В сентябре 8 г. до н.э., в год кровавого террора царя Ирода и в год, несмотря ни на что, великой святилищной радости народа Завета, ибо спасение — от Иудеев, ибо спасение — в новоосвященном храме Иудейском. Разве Иисус не говорит женщине Самарянской (в конце 30 или в начале 31 гг., по дороге из Иудеи в Галилею, после заключения Иоанна Крестителя в темницу) у колодца патриарха Иакова:

“Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев.

Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе:

Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине” (Ио.4,22-24).

“Но настанет время и настало уже”! Разве Иисус не говорит исцеленному от 38-летней болезни, встретив его затем не где-нибудь, а в храме: ***“вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже”*** (Ио.5.14).

* T.Zahn “Kommentar zum Neuen Testament. Evangelium des Johannes” 270-71, B. 4, 1 und 2 Aufgabe, Leipzig 1908.

* * *

38 (два 19-летних лунных цикла) — число не ходкое, малоинтенсивное, бедно раскладывается, худо дробится, в числовых спекуляциях к Книге Книг встречается реже прочих: зачастую считают, что оно плохо либо трудно объяснимо.

Впрочем, общеизвестно, Второзаконие выделяет 38 лет из сорока странственно-скитальческих лет Израиля в пустыне:

“С тех пор, как мы пошли в Кадес-Варни и как прошли долину Заред, минуло 38 лет и у нас перевелся из среды стана весь род, ходящих на войну, как клялся нам Господь.

Да и рука Господня была на них, чтоб истреблять их из среды стана, пока не вымерли” (2,14,15).

Как видим, ветхозаветное слово приложительно к сроку в 38 лет тоже о больных, но об обреченной Господом на оздоровительное для избранного народа вымирание массе больных рабством. В Евангелии же на повестке дня не вымирание по прошествии 38 лет болезни, но исцеление индивидуальности милосердной волей Христа. Обратите внимание на категорический императив: встань, возьми постель твою и ходи. Действие происходит в определенное историческое время и сотерология Иоанна содержит, в частности, определенную историческую информацию. Нет метаистории без истории! Чтобы постичь космос, надо, живя на земле, знать ее летопись. Христос не остался в световых небесах: Он сошел на землю.

* * *

Весной 31 г. н.э. некоторые из фарисеев укоряли Иисусовых учеников в Галилее за срывание колосьев в “первую по втором дне” и, тем не менее, в обычную весеннюю субботу (Лк.6,1). Осенью 31 г. иудеи в Иерусалиме не то, что укоряли, но гнали и искали убить Иисуса за то, что он нарушил покойный запрет субботы (суббот), более того, Отцом Своим называл Бога, деля Себя равным Богу (Ио.5,18). В чем нарушение субботы Судного дня? в исцелении? или в повелительном наклонении — встать, взять постель и ходить?

* * *

Только первосвященник и только раз в год, в 10-й день седьмого месяца, в день Всепрощения, в день Очищения, в день Искупления ступал за завесу в Святое-Святых храма, где на камне основы, на котором некогда стоял ковчег завета, совершал очистительно-искупительное жертвоприношение Господу.

Согласно Книге Левит, учредитель Судного дня (Йом-Хаккипурим или на позднейшем раввинском иврите — Йом-Киппур) — это Моисей, “по смерти двух сыновей Аароновых, когда они приступив с чуждым огнем пред лице Господне, умерли” (16,1).

“Надав и Авиуд, сыны Аароновы, взяли каждый свою кадильницу и

положили в них огня и вложили в него курений, и принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им.

И вышел огонь от Господа, и сжег их, и умерли они пред лицом Господним...” (10,1,2).

В 23 гл. Кн.Левит в законе о праздниках о дне Искупления сказано:

“Никакого дела не делайте в день сей; ибо это день очищения, дабы очистить вас пред лицом Господа, Бога вашего. А всякая душа, которая не смирит себя в этот день, истребится из народа своего.

И если какая душа будет делать какое-нибудь дело в день сей, Я истреблю ту душу из народа ее.

Никакого дела не делайте; это – постановление вечное в роды ваши во всех жилищах ваших.

Это для вас суббота покоя, и смиряйте души ваши, с вечера девятого дня месяца; от вечера до вечера празднуйте субботу вашу” (28-32).

Именно из-за этого грозного предупреждения ни один христианский богослов не посмел датировать исцеление больного 38 лет субботой Судного дня. Но разве слово Писания не исполнилось? Разве душа Иисуса из Назарета не истребилась из национально-религиозной общности еврейства, в котором он родился, к которому принадлежал. Истребилась, да еще как, ибо таинство Гологофы отменило древнезаветные приоритеты избранничества, ибо в идеале “нет больше ни эллина, ни иудея... но везде и во всем Христос”. Со дней события Гологофы Святой Дух – безродный космополит.

“И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцом своим называл Бога, делая Себя равным Богу.”

А что отвечал Иудеям Иисус?

“Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет кого хочет.

Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну” (Ио. 5,21-22).

“Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе.

И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий” (26,27).

Неужели вопрос не исчерпан? Перед нами однозначно суббота Судного дня.

* * *

Далее, чем обусловлено исцелительное выступление Иисуса и Его фактически первый антагонистический конфликт с Иудеями в Иудее, в Иерусалиме, в храме? ведь на Пасху 30 г. настоящего конфликта и антагонизма еще нет. Как чем? Вот уже девятый месяц Иоанн Креститель томится в заточении.

“Вы посылали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине.

Впрочем, Я не от человека принимаю свидетельство, но говорю это для того, чтобы вы спаслись.

Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порываться при свете его” (Ио.5,33-35).

Земное время Предтечи и время земных свидетельств истекает; на девятом месяце уз Иоанна рождается новое качество; лето Господне благоприятное кончилось; половина земной жизни Христа Космократора (20 месяцев из 39 в период с 6 января 30 по 3 апреля 33 гг.) позади. Середина пройдена! Час пробил!

Интересным образом на сентябрь 8 г. до н.э. минуло 55 лет со дней завоевания храма в Судный день Помпеем. Не менее интересным образом в сентябре 8 г. до н.э. оставалось 77 лет до разрушения храма Титом.

* * *

Любопытно привести современный еврейский комментарий к Судному дню из популярного издания “Символы еврейства”*.

“Йом-Киппур или просто Киппур, известнейший и наиболее почитаемый евреями всего мира праздник (праздник Иудейский!); чрезвычайное духовное событие. Человек – не пленник своего прошлого. Какие бы он ни совершил ошибки, заблуждения, прегрешения, – ему может быть прощено. Человек, решившийся измениться, заново спросить о себе и прийти в согласие с самим собой, обретает свободу: ему прощено и он отворяет себя вечности...”

Выше, в главе 5 с подзаголовком “Шаббат” значится: “Существенная основа еврейства, день священного покоя.” Ниже, по перечислении 39 субботних запретов во соблюдение богоугодного покоя, сказано: “Необходимо подчеркнуть: все субботние заповеди теряют силу, если дело касается спасения жизни или человека в опасности.”

Приложите сказанное к содеянному Иисусом в праздник Иудейский. Касалось ли дело об исцелении больного 38 лет (за 39 лет до гибели святылища) человеческой жизни и человека в опасности?

* * *

Красота погибшего в 70 г. иродианского храма стала легендой.

“Кто не видел храм Ирода – читаем в Талмуде – тот не видел красивого сооружения в жизни своей... Ирод построил дом Божий из мрамора и хотел облечь его целиком в золото**, но старейшины сказали ему: “Оставь, как есть; так он много краше, ибо подобен пенистому гребню волны морской” (Бава батра 4а).

* “Symbole des Judentums” Text von Marc-Alain Quaknin, Augsburg 1999, Kap. 11, “Jom Kippur”, 70.

** Не удивительно, что Ирод покусился на гробницу Давида перед богатейшей отстройкой-отделкой собственно Храма.

Флавий пишет: “Существует предание, что во все время производства работ по постройке храма днем ни разу не было дождя, который шел исключительно по ночам, чтобы не препятствовать правильному ходу работ...” (И.д.15,11,7). Про то же говорит Талмуд: “Дождь шел только по ночам. Утром налетал ветер и разгонял тучи, после чего выходило солнце и народ брался за работу” (Таанит 23а).

Сообразно р.Елеазару (Едувот 8,6), отделенные один от другого в ходе строительства завесами храмовые притворы строились по направлению изнутри наружу, тогда как собственно храм строился снаружи вовнутрь; т.е. благочестивые строители-храмовники, миряне и немиряне, работали спиной друг к другу.

Наряду с тем, талмудическая традиция кардинально отделяет храм от Ирода. Благочестив строитель-народ, но не тронный самозванец, чья т.н. ревность по дому Господню едко высмеивается. Вознамерившись приступить к делу и опасаясь взяться за него без санкции Центра, узурпатор получил мудрый совет (советчик Бава бен Бута – ученик Шамая, таннаит первого поколения)*: снаряди гонца с запросом на разрешение: пусть год добирается, год пребудет там, т.е. в Риме, и год потратит на возвращение: за это время ты успеешь и снести храм, и отстроить. Инициатор перестройки принял дельный совет; не лыком шитый Центр прислал ответ: если еще не снес – не сноси; если уже снес – не строй; если успел и снести, и построить, то плох раб, испрашивающий разрешение после претворения. Будь ты хоть при оружии, хоть нет, все равно твое родовое древо – не секрет: ты не царь и не царский сын, ты – Ирод – раб, и твоя страна порабощена” (Бава батра 3б)**.

Приговор, вынесенный раввинистическим иудаизмом Ироду, окончательный и обжалованию не подлежит. Что ж, оценка убийцы на троне точна. Правда, дело тут сложнее – ведь для талмудистов и Ирод, и Иисус – это прежде всего одинаково враждебные еврейской исключительности космополиты-эдомиты: *Ирод-Эдом, Рим-Эдом, Иисус-Эдом.*

* * *

Завершая освячительной концовкой спец. главу “И.д.” о храме (15,11), Флавий дает позаимствованную у небеспартийного информатора официальную сводку торжества в духе передовицы газеты “Правда” времен победного построения социализма к 20-й годовщине “великого Октября”***. Тем не менее, храм, отстроенный Иродом, точнее, Второй храм Зоровавеля и

* “Гитгин” 57а, “Беца” 20а.

** Соответственно Агаде, Бава бен Бута, единственный из “раббанан”, кого Ирод, ослепив и увенчав терновым венцом, оставил как непротивленца и как мудрого советника в живых. Это агадическое “первенство” ученика Шамая на исходе старой эры, еще при Ироде, косвенно подтверждает, что ко дням освящения храма и Гилель, и Шамай успели умереть.

*** И потом, праздник освящения куда приличнее смотрится, приуроченный к началу реконструкции святилища в благополучном 17, нежели в крайне неблагоприятном 8 гг. до н.э.

Иошуа, ни в коей мере не был антихрамом и, невзирая на все стремление “царя обетованного”, не сделался в восприятии народа храмом третьим, пусть даже честолюбивый вассал жаждал, чтобы иудеи поверили, будто он, действительно, превзошел Соломона. Помраченный умом, палачествуя, и не будучи в силах остановиться, беспомощный деспот особенно нуждался в народной признательности и поддержке, думал умиловить Предвечного, мнил заслужить отпущение грехов впрок. Нет, он не был верующим, но он был очень суеверен.

Впрочем, дружба с народом Завета дружбой, а служба имперскому Центру всегда службой. В начале сентября 8 г. до н.э. Ирод одной рукой освятил храм Божий, а другой водрузил над его фронтоном золотого римско-императорского орла. Нет оснований относить это торжественное водружение державного стержня на более поздние сроки: 8 г. — срок достаточно поздний; день восшествия царя на престол — день достаточно подходящий. Демонстрация подчеркнутой лояльности верного сателлита Риму и лично кесарю была при освящении грандиозного национально-религиозного комплекса просто непреложна. Да и не мог царь иудейский “amicus populi Romani”, титулуясь не красным словцом, но персональным титулом “друг Цезаря” (amicus Caesaris), поступить иначе. И кстати, хорошо осведомленный об иерусалимском торжестве Центр, приветственно на него откликнулся. У Филона находим: “...Юлия Августа украсила храм золотыми бокалами и чашами для возлияний и множеством других роскошных даров” (“Посольство к Гаю” 40). Так, иродианско-”, “мессианская” манифестация *микро* под эгидой августейшего “мессианства” *макро* храмово кульминировала.

* * *

Однако, праздник прошел, мрак не рассеялся, наоборот, тучи сгустились пуще прежнего. “Малютаскуратовскими” стараниями Антипатра органы безопасности разоблачали все новых и новых “врагов народа”. Удалив летом с глаз долой Андромаха и Гемелла (“благочестивый” жест Ирода, как борца с близкими блуднику Александру придворными язычниками), “царь стал подвергать пыткам всех, кого признавал за лиц, преданных Александру, и добиваться не знают ли они о какой-нибудь интриге против него. Все эти люди умирали, не ведая, что сказать. Это страшно озлобляло царя, т.к. он не мог допытаться ни о чем из предполагавшегося им. Антипатр при этом выказал необычайное умение представлять действительно невинных людей в качестве непоколебимых приверженцев Александра. Однажды одна из многочисленных жертв пытки сказала, что знает, как юноша неоднократно, когда его хвалили за высокий рост и умение стрелять и прославляли его доблесть, говорил, что все эти блага, которыми наделила его природа, скорее, вредны ему, чем полезны: из-за них-де отец сердится на него и завидует ему. Поэтому он во время совместных прогулок всегда нагибается, чтобы казаться меньше отца, а на охоте в присутствии отца всегда дает промах, ибо ему хорошо известно завистливое чувство отца ко всяким соперникам. Когда подвергшийся пытке получил некоторое облегчение, он

присовокупил к сказанному, что Александр в сообществе брата своего Аристовула решил устроить во время охоты засаду и умертвить отца, а затем бежать в Рим и добиться там утверждения на царском престоле. Вместе с тем было захвачено также письмо юноши к брату, где Александр обвинял отца в несправедливости, т.к. он предоставил Антипатру область с доходом в 200 талантов. Ирод решил, что тут у него в руках имеется уже существенное и непреложное, на его взгляд, доказательство виновности сыновей. Поэтому он распорядился схватить Александра и посадить в тюрьму...” (И.д.16,8,4).

Любое заведомо предвкушающее суровый приговор обвинение не может долго топтаться на месте; своевременное появление новых обвинительных пунктов — обязательная предпосылка инсценированного политического сыска: иначе жаровня следственной разборки охладает, стряпня умрет. В то же время обвинителю-сыскарю, разумеется, много проще лепить чернуху, если жертва не безвинна, если пущенная в оборот ложь содержит долю правды. Не один раз в истории из дерзкого пустословия и завиральных помыслов фабриковались-конструировались преступные замыслы. Александр, как пить дать, кому-то горько и язвительно ляпнул про, увы, вредные для него блага, которыми наделила его природа. Понятно, что этот некто, из числа арестованных ночью спросонья, не выдержал пытки на Иродовой Лубянке, где сам царь и главный чекист Антипатр изощрялись в применении допросов с пристрастием. Добровольное признание облегчает наказание: подает надежду взамен на нужную следствию словоохотливость избежать вышки.

Дальше — больше: обнаружилась записка старшего брата младшему. Вероятно, свободное междусобойное общение сыновей Мариамны было еще до ареста Александра ограничено или возбранено. Надо специально оговорить тот немаловажный факт, что, согласно флавиевскому рассказу, в дрызгах 9/8 гг., в которые замешан Александр, его всегда много более пассивный младший брат никакого прямого участия не принимает. В подпытных показаниях анонимной жертвы насчет злого умысла братьев убитых на охоте отца, об Аристовуле (в смысле его т.н. сообщничества) упомянуто впервые, тогда как юношеская угроза обоим сбежать в Рим равно не нова и вполне допустима. Разве они не грозились побегом в Центр при помощи Александрова тестя Архелая еще в 14/13 гг.! А вот готовый план покушения на охоте с последующим намерением сорваться за правдой к кесарю (не вели казнить, вели помиловать) — это уже явная стряпня, и заметьте, ее выдает подследственный, тот, кто почувствовал некоторое облегчение от пытки и был обнадешен пощадными посулами. Попадешь к казематным костоломам, наговоришь и на себя, и на других; неужто примеры XX в. не убеждают!

Братья-говоруны ни вместе, ни порознь не тянули на отцеубийство (провоцируя Александра слухом о Глафире на самоубийственный взрыв, Саломия знала, что он не в силах убить Ирода). Совершенно чуждую обоим способность к мало-мальской конспирации нельзя полностью списывать на молодецкую пылкость, либо на открытое забрало рыцарственных аристократов, поскольку нечистоплотной злости обоим, в особенности Александру, хватало, и оба, мягко выражаясь, не желали отцу доброго здравия.

Впору задать риторический вопрос Ивана Карамазова: “Кто не желает смерти отца?” Только убить не каждый может. Так, Александр не умел ни составить серьезный заговор, ни переступить через роковую черту. В подло распланированном намерении собственноручно пролить родительскую кровь и “расчетливо” податься в Рим сыновья Мариамны бессовестно оболганы. Видя предрасположенность отца верить всему, не слишком умный Антипатр хватил через край, вследствие чего даже параноик Ирод в результатах дознания усомнился: “при некотором размышлении царь приходил к выводу, что пока еще нисколько не обнаружались коварные замыслы юношей, да и очевидно было, что убийца никак не отправится в Рим?”

Но произошла ли из-за сомнений перемена в настроениях деспота? Нет, его необузданная, как выражается Флавий, преступность требовала новых жертв, а не милости. “Вместе с тем он хотел бы иметь в руках какое-нибудь более солидное доказательство незаконных происков сына и очень бы не желал, чтобы казалось, будто он чересчур поспешно решил посадить его в тюрьму. Поэтому он подверг пытке наиболее выдающихся друзей Александра, загубил множество их, но не добился от них ничего, на что рассчитывал. И вот в то самое время, когда Ирод решился на такие мероприятия, а во дворе все было преисполнено страхом и смущением, один молодой человек сказал под пыткой, что Александр поручил своим римским друзьям добиться у Цезаря скорейшего приглашения его в Рим, так как он имеет сообщить подробности направленного против императора плана, в силу которого отец его склонил на свою сторону против римлян парфянского царя Митридата. К этому юноша присовокупил, что Александр приготовил и держит в Аскалоне наготове яд.

Этому навету Ирод поверил, находя некоторое утешение относительно своей поспешности в лживых утешениях гнусных приближенных. Впрочем, несмотря на немедленно принятые меры, яда не нашлось. Между тем Александр, упрямо желая преисполнить чашу своих бедствий, нисколько не стал отрицать возводимые на него обвинения, но встретил страстность отца еще большей ошибкой, б.м., с целью пристыдить отца, готового внимать любой клевете, а, б.м., для того, чтобы, в случае, если ему поверят, загубить Ирода со всем его двором. Дело в том, что Александр составил в четырех письмах и разослал заявление, где говорилось, что нечего прибегать к пыткам и дальнейшему следствию, т.к. он, действительно, составил заговор, в котором приняли участие также Ферора и наиболее преданные друзья его, и что здесь замешана явившаяся к нему ночью Саломия*. Все заговорщики, говорилось далее, пришли к общему выводу: как можно скорее избавиться от царя и восстановить прочный мир и безопасность. В этом заявлении находилось также указание на причастность к делу Птолемея и Саппиния, особенно преданных царю людей. Старинные друзья теперь свирепствовали друг против друга, словно всех охватило какое-то ослепление; ни защита, ни обвинение не принимались более в расчет; над всеми тяготело сознание неизбежной роковой гибели. Пока одни томились в

* По “И.в.” (1,25,1), Саломия не только заговорщически явилась к Александру, но провела с ним против его воли ночь.

оковах, другие шли на смерть, а третьи с ужасом думали о подобной же предстоящей им самим судьбе... (И.д.16,8,4,5).

Охота за ведьмами, как и следовало ожидать, не застопорилась, напротив, разрослась. Пресловутое “бегство в Рим” переменяло характер, центр тяжести сместился к тайным контактам Ирода с парфянами, где-то в Аскалоне затаился яд.

Кто таков Митридат? По всей видимости, самозванец типа Трдата, т.е. родич-Аршакид или, скорее, вступивший в борьбу с шахиншахом-отцом и ненадолго узурпировавший в 9/8 г. до н.э. власть в Иране один из многочисленных сыновей Фраата IV. Подозревать Ирода эпохи Августа в переориентации с Тибра на Тигр! се — абсурд, равноценный возведенному черным юмористом Сталиным на брата Кагановича обвинению в том, будто Гитлер собирался назначить его, еврея, главой пронацистского правительства в Москве*. Но возникает вопрос: в связи с чем, на каком все-таки основании старшие Антипатриды не единожды увязываются с парфянами: почему им дважды инкриминируется, так сказать, склонность к Парфии? То, видите ли, Ферора хотел сигануть с возлюбленной за Евфрат; то, видите ли, Ирод, проданся или повторно проданся парфянскому империализму, снюхавшись с Митридатом. Нет ли тут намек на то, что у Антипатридов по отношению к парфянам рыльце в пушку (у старых грехов длинные тени): ведь братья-тетрархи Фазаил и Ирод изъявили в какой-то момент лояльность принцу Пакору, ведь они сотрудничали с парфянскими оккупантами Сирии в 40/39 г.

Впрочем, сейчас речь о другом. Мы в курсе, крупнейшая иудейская диаспора в подопечной Ктесифону Вавилонии была своеобразным анклавом Иерусалима в Диаспоре. В период храмостроительства взаимные связи иудеев Палестины и Месопотами функционировали, надо полагать, интенсивнее обычного, благотворительный приток средств, пожертвований из Междуречья в Иудею усилился. Видимо, ожесточенный развернутой против него травлей Александр, будучи еще на полусвободе, успел переслать “римскому другу” письмо с жалобами на отца, которое, всплыв в ходе следствия, переросло в сговор с парфянами или взаправду содержало навет такого рода. Во-первых, даже самый умеренный вассальный патриотизм всегда легко квалифицировать как национал-сепаратизм; во-вторых, кратковременно изгнавший Фраата IV из Ктесифона Митридат, не в пример отцу, трофейные знамена Риму не возвращал, дружбой Августа не дорожил и, значит, адептом римско-парфянского мира не считался. Так или иначе, в 7 г. до н.э. Ирод проследует с сыном в Рим, где на аудиенции у кесаря тема парфян, наверняка, будет затронута.

Самооговор и наговоры Александра в четырех арестантских письмах — безусловно, шаг отчаяния, стремление утопающего загубить родителя со всем его двором, вовлечь в катастрофу максимальное число ненавистников из родни, царедворцев и кого угодно. Потоп так потоп! Едва Саломия с Феророй чуть-чуть уgomонились и, пожалуйста, опять попали на передовую,

* Это “склонил на **свою** сторону против римлян парфянского царя Митридата” неподражаемо!

причем выдвинутые на сей раз не Антипатром, но именно Александром, кто в отместку за репрессированных друзей втянул в “заговор” еще и Птолемея (премьер-министр) с Саппинием — старинных кунаков-советников Ирода.

При таких вот обстоятельствах, в конце 8 г. до н.э. “невыносимой показалась Ироду вся жизнь его; великим наказанием ему было никому больше не верить и от всех ожидать чего-то плохого. Нередко его расстроенному воображению чудилось, что сын его восстает против него и он видит его подле себя с обнаженным мечом. В таком длившемся день и ночь духовном состоянии царя обуяла болезнь, не уступавшая бешенству или полному расстройству умственных способностей” (И.д.16,8,5).

“Параной (греч. безумие) — хроническое психическое заболевание, характеризующееся навязчивыми систематизированными бредовыми идеями, овладевающими сознанием больного и обуславливающими его действия.”

Кончился пролептический 8 г., на дворе стояла зима нового 7 г. до н.э. Царю иудейскому на исходе 30-го года со времени назначения его царем римлянами шел 63-й год жизни. Покинутый фортуной, стая в одичалом унынии, он проклинал свою судьбу, свирепствовал и не знал, как спастись.

* * *

“В таком положении находился Ирод. Узнав об этом, озабочиваясь судьбой дочери и ее мужа, и сочувствуя Ироду, с которым был дружен, каппадокийский царь Архелай прибыл в Иерусалим, потому что не строил себе иллюзий насчет действительности. Застав Ирода в таком состоянии, он счел в данный момент совершенно неуместным укорять его или указывать на преждевременность некоторых его мер; он понимал, что если начнет хулить его, то только урепит его в настойчивости, если же поспешит защищать зятя, то вызовет в нем еще больший гнев. Поэтому он избрал другую тактику, прикинулся, чтобы поправить столь несчастное положение разгневанным на юного зятя и говорил, что Ирод еще достаточно мягок, что не предпринимает ничего поспешно. Вместе с тем он указал на свое желание расторгнуть брак дочери с Александром, и не шадить даже ее, если окажется, что она знала что-либо и не донесла о том. Когда Ирод сверх всякого ожидания нашел Архелая таковым, особенно же когда увидел, как тот сердится за него, он стал несколько мягче...” (И.д.16,8,6).

По “И.в.” (1,25,1-4), громовой наигранный гнев примчавшегося в Иудею в дни, когда Ирод с ужасом занимался четырьмя письмами Александра, т.е. зимой 8/7 гг., Архелая завершается после тирады против преступного зятя и негодной дочери призывом к Ироду “обменяться судебными обязанностями и проникнуться каждый гневом другого” (1). В ответ обескураженный Ирод, неожиданно встретив столь отзывчивое, понимающее его сердце, предлагает царственному куму само- и всеразоблачительные Александровы “письмена” для совместного прочтения. Оба вчитываются, подробно останавливаясь на отдельных пунктах, и в ходе обсуждения Архелай осторожно начинает приводить хитро задуманный план в исполнение: он

перекладывает всю вину на поименованных в письмах-показаниях “со-заговошиков”, “преимущественно же на Ферору” (2.) Последний, вероятно, из-за недавней истории с Глафирой, был представлен Александром как главный крамольник. В результате плодотворных Архелаевых стараний, насмерть перепуганный Ферора в итоге явился к нему в трауре и смиренно попросил о заступничестве, а потом, следуя совету каппадокийца, повалился брату в ноги, “каяся в своем безрассудстве и помрачении, нашедшем на него под влиянием любви к жене” (3,4). Лишь теперь, примирив братьев, царя и тетрарха, хитрюга Архелай заговорил в примирительном тоне: “И я, сказал он, претерпевши от моего брата еще больше обид, покорился все-таки голосу природы, заглушающему в нас призывы к мести” (4). Это, разумеется, не все; заведомый миротворец и дальше действовал смекалисто: предельно ослабив сыновнюю вину Александра, но не сняв ее полностью, он продолжал делать вид, будто, по-прежнему, гневается и хочет разлучить дочь с непотребным мужем. Плюс к тому, он великодушно предложил Ироду, ради сохранения драгоценного родства между ними, выдать Глафиру замуж по собственному усмотрению за какого-нибудь менее недостойного представителя иродианской фамилии. Наконец, доведенный до сентиментальных слез Ирод, всхлипывая, сказал, что он, как подарок, примет из его рук сына, если дорогой кум не расторгнет брак; “ведь молодые люди имеют детей и юноша так нежно любит свою жену; если она останется при нем, то может удержать его от дальнейших ошибок; разлука же, напротив, может повести его к отчаянным поступкам. Медленно и нерешительно Архелай уступал и в конце концов помирился с юношей, помилив его вместе с тем и с отцом. Но, прибавил он, необходимо, во всяком случае, послать его в Рим, чтобы он оправдался перед императором, так как императору о случившемся уже написано” (5).

По “И.д.” (см. ниже), не Архелай, а Ирод уже успел написать кесарю. Гадать тут не приходится. Примем за верное: оба монарха, как иудейский, так и каппадокийский, писали, движимые разными чувствами, в Рим о случившемся*. В остальном Архелай выбрал единственно верную при архискверной конъюнктуре линию защиты и добился поставленной цели — утихомирил разгул иродианских страстей. Пользуясь, благодаря своему царскородственному рангу, преимуществом общаться с кумом на равных, он дальновидно не стал чернить облеченного полным отцовским доверием Антипатра, но отодвинул его на задний план и сам сделался лучшим советчиком Ирода, сделав вместе с тем из дурня Фероры небезвинного козла отпущения. Сентиментальность — младшая сестра жестокости, ее двойниковая отдушина; умело сыграть на ней означает суметь или получить шанс умиловить безнадежного, но тендирующего к слезливости тирана. Игра удалась — высоковольтное перенапряжение спало.

* Наверное, еще осенью Ирод известил Цезаря о происходящем и о заключении Александра в темницу, а Архелай, еще до приезда в Иудею писал в Рим, опасаясь за судьбу дочери и зятя. Также и тотчас после примирения каждый из них мог отправить по весне отчет в Рим.

* * *

К месту добавить, что несколько раз упоминаемый Плинием (37,46; 95;104;107) Архелай Саррадох был не только царем, но и равнодушным к литературе меценатом*, и ученым писателем, автором, в частности, труда по хорографии. Он активно переписывался с коллегой и похожим “академиком на троне” Иовом Мавританским. К сожалению, среди каппадокийцев не нашлось И.Флавия, вследствие чего непосредственной историей Архелая, наподобие Иродовой, мы не располагаем, хотя нам о нем не так уж мало известно. Согласно Валерию Максиму (9,15 ex 2), у него, видимо, в 20-е гг. I в.до н.э. оспаривал трон некий самозванец, который выдал себя за казненного в 35/34 гг. Антонием последнего Ариаратида, был разоблачен и обезглавлен Августом. Согласно Светонию (Тиб.8) и Диону (57,17), в молодости Тиберий защищал царя Архелая в суде на процессе с его собственными подданными (тяжба с братом?). Согласно Страбону (12,556), вдова Полемона Понтийского Пифодорида была сосватана Архелаем Каппадокийским. Время заключения этого брака, скорей всего, ближайшие годы конца старой эры, когда Август торопато заменит не оправдавшую себя двоебережную унию Понт-Боспор на более надежную сухопутную унию Понт-Каппадокия.

Впрочем, сейчас, по весне 7 г. до н.э., вдовой с совсем недавних пор Пифодориды на каппадокийских горизонтах еще нет.

“Т.о. Архелай довел до конца свой ловкий маневр, при помощи которого спас своего зятя. Веселье и пиршества последовали за заключением мира. Ирод подарил Архелая перед его отъездом 70 талантов, осыпанный драгоценными камнями золотой трон, евнухов и наложницу по имени Паннихия. И свита его щедро была одарена, всякий по достоинству своему, подарками. По приказанию Ирода и родственники его поднесли Архелая великолепные подарки. Ирод и его сановники провожали его до Антиохии” (1,25,6).

В “И.д.” читаем: “После этого Архелай вернулся в Каппадокию, успев себе, как никто в те времена, снискать благоволение Ирода, который почтил его весьма ценными подарками и, между прочим, торжественно причислил к наиболее преданным друзьям своим. Вместе с тем он обещал ему также поехать в Рим, тем более, что об этом уже было написано императору. До Антиохии они ехали вместе. Тут Ирод устроил примирение между сирийским наместником Тицием и Архелаем, которые были в ссоре, и затем вернулся в Иудею” (16,8,6).

* * *

Все приведенные выше, разложенные и разобранные нами хронологически пространные цитаты из Флавия позволяют читателю наглядно убедиться в совершенной невозможности общепринятой научной хронологии,

* Согласно “Библиотеке” патриарха Фотия (186), греческий мифограф Конон посвятил ему сборник из 50 мифов.

требующей казни сыновей Мариамны уже в 7 г. до н.э., ради смертного овра Ирода в якобы неопровержимом 4 г. до н.э. Как видим, на весну 7 г. Иродиане помирились и скоро Август высочайше закрепил в последний раз водворенный между ними мир в Риме.

* * *

1 января 7 г. до н.э. = 747 г. а.У. в консульство вступили Тиберий Клавдий Нерон (вторично) и Гн.Кальпурний Пизон*.

В тот же новогодний день Тиберий отпраздновал германский триумф (триумфальное шествие двинулось от расположенной за чертой Померия Октавиевой курии, где собрались отцы-сенаторы), потом дал от своего и умершего брата Друза имени торжественный обет новоотстроить храм Согласия и освятил вместе с матерью воздвигнутый Августом от ее, как выражается Светоний (Авг.29), лица портик Ливии. Тенистое, увитое, согласно Плинию (14,11), виноградными лозами сооружение**, источало приятную прохладу в жару и очень полюбилось гуляющим горожанам, что в стихах и прозе засвидетельствовали очевидцы – Овидий (*Arg amatoria* 1,71) и Страбон (5,236)***. Портик был выстроен на месте скрытого до основания чертовски пышного дворца Веддия Поллиона (+15 г. до н.э.), того, кто скандально ославился своим изуверским кормлением разводимых в садках муррен человечиною (Дион 54,23) и назначил друга принцепса единственным наследником в завещании. Ныне, в праздничное Новогодье 747 г. а.У., образ садиста и расточителя символически предавался забвению противоположительной хвалой благочестию и скромности в облике замужней весталки Ливии.

В заключение празднества триумфатор Тиберий устроил сенаторам щедрое угощение на Капитолии. Ливия не отстала и задала знатым матронам бабье пиршество на Палатине. “Одиссеем в юбке” назовет родную прабабку Калигула и не ошибется, верно угадав в ней черты эпохи.

Вскоре из Германии пришли тревожные вести о новых волнениях. Пришлось Тиберию расторопно направиться в Галлию и оттуда за Рейн. Засим торжества, посвященные счастливому возвращению из Галлии кесаря

* Это обвиненный впоследствии в отравлении Германика (19 г.) сын убежденного республиканца Гн.К.Пизона, сменившего Августа в кризисном консульстве 23 г. до н.э. Ему, Пизону – консулу 7 г. до н.э., и его брату Луцию – консулу 1 г. до н.э., адресована-посвящена “*Arg poetica*” Горация. В RE (Calpurnius 99) адресатами названы сыновья музолобивого консула 15 г. до н.э. Л.К.Пизона Фруги. Но последний, кто согласно Тациту (Ан.6,16), умер в возрасте 80 лет в 32 г. н.э., родился около 49 г. до н.э. и, стало быть, вряд ли мог иметь к 10 или даже к 8 гг. до н.э. достаточно взрослых для горацианского посвящения сыновей. Помимо того, о каких-либо сыновьях Пизона Фруги никаких достоверных сведений нет, тогда как два сына Гн.К.Пизона, родившихся в 40-35 гг., налицо.

** По Плинию, виноград, собранный в портике Ливии, давал 12 амфор вина.

*** Овидий призывает пешеходов не пропускать достопримечательный портик; Страбон говорит о выставленных в нем произведениях искусства.

(как бы) организовал 13-летний Г. Цезарь при помощи второго консула Пизона.

Под 7 г. до н.э. Дион (55,8) уведомляет о поминальном агоне в честь М.Агриппы, приуроченном, надо понимать, к пятой годовщине смерти Випсания. Гладиаторские единоборства и групповые побоища состоялись в Юлиевой септе и в Дирибитории. Это Август достроил и передал свободным согражданам в вечное республиканское пользование грандиозное здание Дирибитория (огромный крытый зал для подсчета голосов при выборах), недостроенное Агриппой. Цирковые зрелища здесь и в септе, строительство которой начал сам Цезарь, продолжил Лепид, а достроил Агриппа, проводились в свободное от республиканских выборов “кесарское” время. Агональное мероприятие отличалось надлежащей помпой, причем все, включая принцев крови, присутствующие были, за исключением Верховного, облачены в черное. В память о брате сестра Випсания Полла приступила к возведению портика *Vipsania* на *via Lata* (Марсово поле). После ее смерти портик достроит кесарь: главной его достопримечательностью станет увековеченная по агриппианскому плану, в мраморе географическая карта мира (Плиний 3,17).

Нанесенный столице в районе Форума последним крупным пожаром (или, как поговаривали, поджогом) ущерб побудил венценосного пожарника реформировать прежнюю систему противопожарной безопасности и усилить полицейский надзор в Риме. Собственно город Рим был, естественно, не из-за пожаров, но в силу насущной потребности нового административно-территориального обустройства поделен на 14 округов*; округа в свою очередь на 265 кварталов – *vicī* (Плиний 3,66; Дион 55,8). Светоний пишет: “Весь город он разделил на округа и кварталы, постановив, чтобы округами ведали по жребию должностные лица каждого года, а кварталами – старосты, избираемые из окрестных обывателей. Для охраны от пожаров он расставил посты и ввел ночную стражу...” (Авг.30). Окружные должностные лица, т.е. преторы, эдилы, трибуны; старосты, т.е. *vicī magistri* – малые магистраты от “третьего сословия” и даже из числа вольноотпущенников: им поручался равно порядок в кварталах и отправление культа ларов в капеллах на перепутьях. Лары – добрые домашние духи-хранители, чтились как в каждом отдельном римском доме, так и общественным порядком на каждом перекрестке (*compita*).

С ок. 14 г. до н.э., вероятно, в пору зычно выраженной Горацием массовой ностальгии римлян по долго отсутствующему принцепсу, к двум традиционным ларам-покровителям прибавилось на гос.уровне третье и главное покровительское божество – *Genius Augusti* (Гораций “Оды”4,5,34)**.

* Изначально округа нумеровались; впоследствии обрели названия:

I – *Porta Capena*, II – *Caelimontium*, III – *Isis et Serapis*, IV – *Templum Pacis*, V – *Esquiliae*, VI – *Alta Semita*, VII – *Via Lata*, VIII – *Forum Romanum et Magnum*, IX – *Circus Flaminius*, X – *Palatium*, XI – *Circus Maximus*, XII – *Piscina Publica*, XIII – *Aventinus*, XIV – *Trans Tiberim*.

** См. также “Письма” (2,1,15). И “Ода” (4,5), и “Письмо” написаны в 14/13 гг.

7 г. до н.э. культ “тройственных” ларов в ведении квартальных старост, по четыре человека на квартал, покровительственно простерся над 14-ю учрежденными округами. Так Рим был, образно выражаясь, взят в *domus Augusti*.

Предпринятая Августом новоорганизация Вечного города пережила древний мир и просуществовала с незначительными изменениями аж до конца средних веков*.

* Что касается деления на 11 регионов Италии, то оно, видимо, последовало, вопреки распространенному мнению, не в 7 г., но позднее (Плиний 3,46). Ведь Рим вырос через Италию на полмира постепенно, а не сразу. Сегодня (цесарско-цензорской властью) — Рим; завтра — Италия; послезавтра — весь мир.

Глава IX

7 – 2 гг. до н.э. = 747 – 752 гг. а.У.

Итак, 8-я глава 16-й книги “И.д.” завершается “архелаевским” миром в иродианском семействе, Иродовым намерением поехать в Рим и проводами Архелая до Антиохии Сирийской, откуда Ирод воротился (перед отъездом) в Иудею. Глава 9 начинается словами: “Пробыв в Риме и вернувшись оттуда, Ирод...” Т.о., сомневаться в факте этой совершившейся в 7 г. до н.э. поездки просто неприлично, причем она реконструируется недвусмысленно, несмотря на все невнятности-двусмысленности флавиевского текста, посредством правильного хроносинхронистического воспроизведения флавиевского повествования.

То, что прощенный отцом, но не окончательно реабилитированный до кесарева слушания слишком далеко зашедшего дела царем Александр сопровождал монарха и родителя в поездке, подтверждается объективной экспертизой (пусть, удручающей в означенном пункте) Флавианы, ибо информации к догадливому размышлению в ущербных рассказах “И.в.” и “И.д”, тем не менее, достаточно. Так, в “И.в.”, в сцене якобы исключительно аквилейского разбирательства 12 г. из двух сыновей Мариамны фигурирует только Александр: “Одного из них, Александра, Ирод поволок в Рим и обвинил перед Цезарем в том, что он хотел отравить его ядом” (1,23,3). Однако, не отыскавшийся в Аскалоне яд проходил по материалам дела 8, а не 12 гг. И это в 8, а не в 12 гг. до н.э. Аристовул не состоял вместе с братом под следствием (не заключался под стражу, не заковывался в оковы, не освобождался), т.е. в Рим с Иродом ездил в 7 г. лишь вырученный плутовским маневром тестя Александр. И не важно в каком примирительном тоне шел разговор о т.н. аскалонском яде или об утке насчет мнимого сотрудничества Ирода с парфянами на кесарской аудиенции в Риме; важно другое – данная кесарская аудиенция имела место не в Аквилее 12 г.

Наряду с тем, в длинной оправдательной речи на суде кесаря, произнесенной опять-таки будто бы целиком в Аквилее, речистый Александр риторически вопрошает отца: “Разве благочестие и религиозность всего народа допустили бы, чтобы во главе правления стояли отцеубийцы и чтобы такие люди входили в священный храм, тобой же сооруженный...” (16,4,3). Но священный храм до притвора Израэлитов включительно, куда доступ, в

т.ч. Александру позволялся, был сооружен не в 12, но в 9 г. до н.э. Где александровская риторика смотрится более уместно – в разгарно-строительном 12 или в 7 г.? Ведь речь явно ведется об уже комплексно освященном в 8 г. сооружении.

Помимо того, в 1-м абзаце 9-й главы 16-й книги “И.д.” относительно последней поездки Ирода в Рим несуразно сказано: “Когда же он отплыл в Рим с целью обвинить там своего сына Александра и представить императору Антипатра...” Согласитесь, с конъюктурой поездки 12 г. (в момент которой Антипатр уже год находился в Риме), когда Ирод “поволок” в Аквилею не одного Александра, но обеих сыновей Мариамны, такая фраза вяжется в гораздо меньшей мере, нежели с конъюктурой поездки 7 г. И – подчеркнем еще раз – об Аристовуле в приложении к позднейшей поездке нет ни слова, тогда как в Аквилее братья-разбойники составляли неразлучную пару. Посему в 7 г. до н.э. именно Антипатр, но никоим образом не Аристовул ездил с отцом и Александром к кесарю в Рим.

Плюс к тому, в “И.в.”, в контексте дворцовых интриг 9/8 г. говорится о намерении Ирода поехать в Рим (1,24,4), т.е. подобное царское намерение существовало еще до необходимости ехать к императору в связи шумным делом Александра. Чем оно могло быть, в частности, обусловлено? Во-первых, вряд ли позднее 8 г. до н.э. младшие сыновья царя – Архелай, Антипа, Филипп – отбыли для получения воспитания-образования в Центр, и возможно, Ирод хотел отвезти их лично, от чего, из-за начавшего разматываться с весны 8 г. “заговора Александра”, отказался. Во-вторых, вполне вероятно, что взявшись в 12 г. субсидировать олимпийские состязания, иудейский венценосец собирался почтить по дороге в Италию игры 8 г. своим почетным судейским присутствием. Короче, отставим в сторону цель, выделив само вояжно-путешественное намерение 8 г.

Наконец, нелишне снова заострить внимание читателя: 1.на произнесенных Архелаем Кап. в 7 г. до н.э. словах о надобности послать Александра в Рим, чтобы он оправдался перед императором, т.к. Архелай уже сообщил ему о конфликте (И.в.1,25,5); 2.на обращенных самим Иродом после примирения 7 г. к Архелаю словах о намерении поехать в Рим, тем более, что он, Ирод, уже написал об этом императору (И.д.16,8,6).

Далее, согласно “И.в.” (1,23,4), Архелай приветствует возвращающихся из Рима Иродиан в своей прикилийской резиденции, на острове Элеуса, “тем более, что он сам обращался к друзьям в Риме с письменными просьбами содействовать Александру в его процессе с отцом”. Вновь в объективе Александр без Аристовула, т.е. событие 7 г.; Архелай же, как мы знаем, приветствовал Иродиан на Элеусе осенью 12 г. Но разве он не сделал то же самое с еще большей помпой в 7 г., на пути примиренных им перед тем родственников из Рима обратно в Иудею. Притом наверное, не в 12, а как раз в 7 г. каппадокийский царь провожал Ирода с Александром и Антипатром морем до расположенного восточнее Элеусы киликийского Зефириона.

Одним словом, дублетов, накладок, ошибок, сведийний dua к моно и даже наоборот у Флавия пруд пруди, но при всем том факт вышеразложенной именно последней поездки Ирода в Рим восстанавливается, по сцированному Флавию, бесспорно и ни малейшему сомнению не подлежит.

Как уже было замечено, некогда эту поездку относили на 8 г.: в XVII в. кардинал Э.Норисий; в XIX в. ван дер Хиз. В XVIII в. аббат Э.Санклемент предложил 10 г. Шюрер (1,373) сначала соглашался с Норисием, потом небезоговорочно поддержал Санклемента*, оставив открытой также теоретическую возможность 9 г. Тем временем, в XIX-XX вв. — параллельно Шюреру и позже — усилиями “модернистов” Л.Кораха, Э.Шварца** и Отто предпоследний Иродов вояж в Италию-Аквилею беспардонно аккумулировал последний и разделенные пятилетней путешествия упростились (будучи сведены на базе выявленных у бедолаги Флавия противоречивых удвоений к 12 г.) воедино.

Приоритет 10 г. перед 8-м обосновывает, со ссылкой на основополагающее исследование эмендатора эры “vulgaris”*** Санклемента, еще не сомневающийся в постаквилейской поездке Шюрер (1,373). Чем оперирует Санклемент? Синхронизмами и монетами: для него весна 4 г. до н.э., как дата смерти Ирода, вне подозрений (и исходя из этой “фундаментальной” даты, он занимается поиском даты Р.Х.)****. Вместе с тем, соответственно Флавию, Ирод скончался в период сирийской легатуры П.Квинктилия Вара. Сохранились три монеты, отчеканенные Варом в должности кесарского легата Syriae и датированные 25, 26, 27-м годами Антиохийской эры... или, как повелось весьма ошибочно думать, эры Actiaca, т.е. эры, исчисляющейся от Акцииской победы 2 сентября 31 г. до н.э. В сем последнем случае сирийская легатура Вара попадает на 6-4 гг. до н.э. и сим дату кончины Ирода (незадолго до Пасхи 4 г. до н.э.) вроде бы в унисон друг другу, но как бы независимо друг от друга подтверждают и нумизматика, и Флавий. С другой стороны, до Вара, т.е. не позднее якобы нумизматически завизированного за ним 6 г. до н.э., Сирией заведовал, согласно Флавию, Г.Сентий Сатурнин. Санклемент умозаключает: описанные Флавием события периода наместничества Сатурнина невозможно уместить в менее, нежели трехлетний срок; берет с запасом и датирует легатуру Сентия 744-

* Noris “Cenotaphia Pisana”, Diss.11 с.16, § 9, p.302, 1681.

E.Sanclemente “De vulgaris aerae emendatione”, p.338, 1793.

В своем объемном труде на латыни (Рим 1793 г.) аббат Санклемент обстоятельнее и учнее, чем кто-либо до него, отнес смерть Ирода на весну 4, а Рождество Христово на 25.12.7 гг. до н.э.

** L.Korach “Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums” 38, 533.

E.Schwarz “Nachrichten Göttingen. Gesel. philologisch-historische Klasse” 1906, 356,2.

*** Эрой “vulgaris” (т.е. всеобщая) в ученых кругах средневековой и послесредневековой Европы называли наше летоисчисление “от Дионисия Малого”.

**** Подумать только: дата смерти Ирода предопределяет или даже определяет дату Р.Х.! Причем современные ученые умники, не снимая очки-велосипед, пишут: “Точная дата Рождества Христова неизвестна и вряд ли когда-нибудь будет выяснена”. Поди не скажи голосом булгаковского Коровьева: “...подумаешь бином Ньютона!”.

48 г. а.У. = 10-6 гг. до н.э. Кроме того, если верить Флавию, Ирод перед отъездом в Рим мирит в Антиохии, неизвестно почему рассорившихся Архелая Кап. и наместника Сирии Тиция; а по возвращении царя иудейского назад Тиций больше не упоминается – в Антиохии наместничает Сатурнин. СанкLEMENTОВСКИЙ вывод: заключительный вояж Ирода в Рим – событие 10 г. до н.э., в колебательных пределах перехода легатской эстафеты от Тиция к Сатурнину. ШЮРЕР подчеркивает убедительность аргументации СанкLEMENTА в вопросах общей продолжительности сатурнинского наместничества и смены легатов, добавляя, правда, что категорически настаивать на 10 г. вовсе не обязательно, поскольку-де и 9 г. в качестве как путешественного, так и сменно-легатского вполне приемлем* (и выглядит, к слову сказать, квазиправдоподобнее, ибо в 10 г. Август с весны по осень находился в Галлии). Кстати, именно в связи с галльской отлучкой кесаря в 10 г. Норисий датирует финальную поездку Ирода в Италию 8 г. до н.э.; однако, в 8 г. Август, сходно 10 г., опять-таки с весны по осень обретался в Галлии, тогда как в 7 г. до н.э. он, насколько известно, Италию не покидал.

Отто (122) решительно отстаивает поездковую единичность 12 г.**, из чего вытекает: если незадолго до отъезда Антипатридов Тиций и Архелай подают благодаря Ироду один другому руки, значит, легатура Тиция начинается в 13/12 гг.

В общем, на основе приведенных (на сегодня твердо устоявшихся) ученых изысканий современные энциклопедии дают следующий перечень и даты легатов Augusti в Сирии:

П.Квинктилий Вар 6-4 гг. до н.э.

Г.Сентий Сатурнин 9-6 гг. до н.э.

М.Тиций 13/12-9 гг. до н.э.

Т.о., наука идет *задним ходом*, отталкиваясь в чересчур многом от “неподвижного фундамента Иродовой смерти в 4 г. до н.э.”

* * *

Мы пойдем путем другим, точнее, *ходом передним*. Нет оснований датировать заступление консуляра Тиция на сирийскую вахту 13 г. до н.э. при еще здравствующем Агриппе (см.выше), соответственно чему, Тиций резидировал в Антиохии не ранее весны-лета 12 г. до н.э. Принято (и не напрасно) считать, что продолжительность провинциально-кесарской легатуры при Цезаре II ограничивалась в порядке вещей сроком до пяти лет.

* См.ШЮРЕР: Сентий Сатурнин (1,321); Квинктилий Вар (1,322).

** В.Гардтхаузен (2,3;11,4,741-42) разделяет точку зрения ШЮРЕРА-СанкLEMENTА. Шварц (356) в послеаквилейскую поездку просто, без каких-либо аргументов, не верит. Шалит (613), возражая Отто, соглашается с ШЮРЕРОМ, не вдаваясь в хронологию.

Ханслик (RE Titius 2;6,2;1559-62) и Гроаг (RE Sentius 2;2,2;1519) комбинируют умозаключения СанкLEMENTА, ШЮРЕРА и Отто, т.е. принимая *легатскую* датировку СанкLEMENTА-ШЮРЕРА, отрицают послеаквилейскую поездку Ирода в Рим по версии Отто.

Архивной выпиской об этом мы, естественно, не располагаем: в нашем распоряжении вложенная Дионом (53,22) в уста Мецената цитата, где последний дает другу Октавиану в 29 г. дельные советы относительно обустройства республиканского единовластия. По поводу длительности облечения высшей императорской властью легатов на периферии Меценат советует: минимум — 3 года, максимум — 5 лет. Мотивация: чрезмерная кратковременность — непродуктивна: сановник не успевает реализовать накопленный опыт; чрезмерная долгосрочность — вредна: незачем слишком долго оставлять провинциальную власть в одних и тех же руках, во пресечение спешивости наместника и во избежание появления у него соблазнов к мятежу. Неизвестно в какой мере эти литературно стилизованные положения исходили от Мецената, но максимальная протяженность пребывания на посту сирийских наместников августовской постагриппианской поры их подтверждает: ни один из легатов *Syriae* не задержался у руля дольше пяти лет.

“Меценатово кредо” в науке премного акцептируется; следовательно, Тициева легатура безупречно укладывается в пятилетку 12-7 гг. до н.э., причем смена легатов обычно, хоть и не всегда, происходила летом. Что же касается деятельности хорошо нам знакомого Тиция в губернаторском амплуа, то в нашем распоряжении два источника: Страбон и Флавий. По Флавию, о чем мы уже знаем, Ирод посреднически гасит конфликт между Тицием и Архелаем в 7 г. до н.э. Посмотрим, о чем толкует Страбон.

“Фраат (IV) очень стремился стяжать дружбу Цезаря Августа и настолько дорожил ею, что не только вернул римлянам захваченные в прошлом парфянами победные трофеи, но еще и вступил в переговоры с наместником Сирии Тицием и передал ему в залог римско-парфянской дружбы четырех своих сыновей — Сераспадана, Родаспа, Фраата и Вонона вместе с четырьмя их женами и двумя детьми. Он поступил так, боясь мятежа, и зная, что никто из подданных не посмеет бунтовать, не заручившись прежде поддержкой кого-либо из Аршакидов, которым парфяне беззаветно преданы” (16,28,749). Выражаясь проще, Фраат, сообразно Страбону, почетно спровадил в Рим к Августу престолонаследных конкурентов.

Информация Тацита в “Анналах” страбоновской не противоречит: “Фраат, хотя он и изгнал римское войско и его полководцев, все же оказывал Августу всяческое почтение и ради укрепления дружбы отослал к нему часть своего потомства не столько из страха перед нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам” (2,1).

Согласно Флавию, на отсылку в Рим сыновей и внуков Фраата надумила любимая супруга, подаренная шахиншаху в 20 г. Августом “италийская рабыня” Формуза (или Тея Муза Урания). “Сперва он находился с ней в сожительстве, но с течением времени увлеченный ее красотой сделал ее законной супругой после того, как она успела родить ему сына Фраатака. Она вскоре достигла огромного влияния на царя и задумала приложить все старания, чтобы добиться для своего сына престола парфянского. Впрочем, она вскоре поняла, что достигнет этого не иначе, как если коварным образом избавится от других детей Фраата. Тогда она стала уговаривать последнего отправить законных сыновей в Рим в качестве заложников. Так оно и

было сделано (Фраат не был в состоянии отказать Формузе в чем бы то ни было) и Фраатак, оставшись один, получал теперь подготовку к будущему царствованию...” (И.д.18,2,4).

Мы в курсе, в 20 г. до н.э. между парфянским Ираном и Римом был без кровопролития заключен выигрышный для Рима мир: Парфия переживала кризис: эпоха т.н. старших Аршакидов заканчивалась; против царя царей не раз восставали недовольные его деспотичностью подданные; с северо-востока Ирану досаждали кочевники; в индо-парфянских государствах на иранском востоке царила нестабильность. “От двух заключительных десятилетий фраатовского правления... — пишет в “Истории Ирана” Гутшмидт — до нас дошла только одна монета: явный признак хворых времен.”* Аргумент, конечно, не железный, т.к. другие монеты могли до нас просто не дойти, но все-таки... Не пропавшая без вести денга отчеканена осенью 10 г. до н.э. и, соответственно предположению Гутшмидта, знаменует реституцию царя царей в Ктесифоне в связи с победой над очередным внутренним противником. Кто оспаривал у Фраата корону? Возможно, полагает Гутшмидт, названный в “Древностях” Флавия “парфянский царь Митридат”, с кем Ирод будто бы вошел в преступный контакт. Версия недурна и небеспопеченна: позаимствуем ее, выправив гутшмидтовскую хронологию. Монетная осень 10 г. не есть знак подавления очередного мятежа, напротив, нумизматика показывает, что еще осенью 10 г. дела Фраата IV шли о’кей. Смута разразилась чуть позже, в 9/8 гг., и во главе восстания стоял временно отобравший власть у отца аршакидский принц крови по имени Митридат. В течение 8 г. пожилой шахиншах подавил мятеж; узурпатор, очевидно, его старший сын, погиб. Затем Фраат, думая обезопаситься от избыточных наследников и обеспечить царское будущее любимца Фраатака, решил отправить прочих сыновей и внуков к дружественному кесарю в Рим, т.е. усласть потенциальных контрпретендентов от греха подальше. Сирийский легат М.Тиций принял парфянских царевичей и почетно переправил на Тибр. Сохранилась римская монета: на ней изображен муж в хламиде, передающий Августу ребенка: августейшая легенда гласит — *imperator XIV*. Август был аккламирован императором XIV к осени или осенью 8 г. до н.э. в Галлии, по возвращении Тиберия из-за Рейна; т.е., если денежный сюжет символически запечатлел передачу римлянину № 1 иранских принцев, то произошло это не ранее 8/7 гг. до н.э. Оппоненты возражают: муж в хламиде одет не по-парфянски. Мнение Гардтхаузена: Фраат одет на монете под бога либо героя, т.е. облачен идеально**. Согласно другой монете, на которую указывает в своем труде “*Das Geburtsjahr Christi*” Ф.Рисс, Тиций находился на легатском посту еще, по меньшей мере, в 8 г. до н.э.*** Да вот беда, в XX в. эту монету напрочь забыли, все реже решаясь продлить легату Тиция даже до 8, уж не заикаясь о 7 гг. до н.э., и все это на базе

* “Die Geschichte Irans. Arsacidische Periode”, 115-16.

** В.2,3; XI,4; стр.742

*** FI.Riess, стр.77.

Freiburg in Breesgan (Ergdnzungshefte zu Stimmen aus Maria-Laach 11 u. 12), 1880, Greswell, bei H.W.Scott. Formby, 1. с.

рациональных выкладок Санклемента и Шюрера о минимум трехлетнем наместничестве Сатурнина с 10/9 по 6 гг. до н.э. Мы (вместе с кесарем Августом) предоставим Тициеву преемнику Сатурнину не три минимальных года, но пять максимальных губернаторских лет в Сирии, с лета 7 по лето 2 гг. до н.э.

* * *

Впрочем, не будем забегать вперед. Пока, до лета 7 г. до н.э., Сирией управляет Тиций. В “Деяниях” Август пишет: “Парфянский царь Фрраат, сын Орода, отправил ко мне в Италию своих сыновей и внуков не потому, что он был побежден мною в войне, но в залог нашей дружбы, которой он добивался...” (6,32). Дестабилизация обстановки в Иране в связи с захватом власти узурпатором Митридатом не могла быть ни угодна, ни полезна располагавшему мирным междержавным перевесом Августу. Реституировавшись на троне, Фраат восстановил или подтвердил установленный в 20 г. (и *скрепленный* красавицей Формузой) статус-кво в пользу Рима. Касательно же аршакидских потомков-заложников — в истории римско-парфянских отношений произошло нечто беспрецедентное: царь царей добровольно предоставил соседней сверхдержаве перспективный карт-бланш; совершил, казалось бы, откровенно недостойный патриота, в ущерб интересам родины, шаг. Вместе с тем, удивление вызывает уже то, что завзятый тиран, отец-, брато- и сыноубийца не устранил “лишних” наследников привычным султанским методом обошелся с ними, во-первых, нетипично гуманно, во-вторых, публично манифестировал содеянным подопечность Ирана Риму. Изъяснясь фигурально, Восток повернулся в ту минуту к Западу именно лицом, а не азиатской рожой. Никогда прежде две фатально противоборствующие миродержавы не становились столь добрососедствующими. Не случайно Август в “М.А.” делает упор на аспекте доброй воли и дружбы, в счет своего мудрого величия и покорности соседа, разумеется. Одним словом, в кесарском слогое, в слогое князя мира звучит, пусть даже в духе мирового диктата *Rex Romana*, принцип мирного сосуществования государств.

Вероятно, весной 7 г. до н.э. в город-на-Тибре (еще до летнего приезда туда Иродиан)* прибыла экзотическая группа порфиородных ориенталов: сыновья, невестки и внуки Фраата IV. Светоний уверяет: “Парфянских заложников, впервые прибывших в Рим в праздничный день, он (Август) также привлек на зрелища и, проведя их через арену, посадил во втором ряду над собой” (Авг.44). Т.о., высокие гости, будучи проведены через

* Два косвенно-курьезных свидетельства в пользу поездки Ирода в Рим именно в 7 г. до н.э. содержат “Ар.Иосифон” и “Золотая легенда”. Согласно “Иосифону”, сопровождаемый Антипатром Ирод поволок Александра (об Аристовуле молчок), чтобы обвинить его перед Цезарем, в Рим на следующий год после освящения храма (4,80/81); т.е., если исходить из верной даты освящения храма, то поездка — событие 7 г. Согласно “Золотой легенде” (Von den Unschuldigen Kindlein 74/75), Ирод умирает спустя 7 лет после поездки в Рим; т.е., если исходить из верной даты его смерти, дата последней поездки в Рим — 7 г. до н.э.

арену, сделались диковинным зрелищем, как тигры или носороги. Запад дружит с Востоком не без сучка и задоринки. Помимо того, насчет азиатской рожи, не грех напомнить: гильотину, газовые камеры и атомную бомбу изобрели не на Востоке*. Но, так или иначе, миру мир.

Осенью 7 г. до н.э. Тиберий вернется из-за Рейна, утихомирив германские волнения, в Италию и всюду заздравствует августейшая пацификация. Разве не время реализовать отложенное в 10 г. сенатское постановление о третьем при кесаре Августе закрытии врат войны Януса Квирина!

Обратимся в данной связи к труду Орозия. Знакомая нам 21-я глава книги 6, хаотично перечисляющая приавгустовские завоевания-достижения римлян, заканчивается словами: “По принуждению и замирении Ойкумены, парфянами овладел страх, ибо они полагали, что отныне все взоры направлены в их сторону и что теперь Римская империя всей мощью обрушится на них; ведь римлян не переставали терзать угрызения совести, из-за все еще не отмщенной гибели Красса и устроенного его войску побоища. Поэтому парфяне добровольно вернули Цезарю захваченные трофеи, представили родовитых заложников и за проявленное смирение удостоились прочного союза.” Следующая 22-я глава открывается словами: “После того как от востока на запад, от севера на юг и вдоль океана среди всех народов были водворены порядок и мир, Цезарь Август самолично запер в 752 г. а.У. врата Януса в третий раз...”

Пресвитер Орозий подводит закрытие янусо-квиринских врат к Рождеству Христову, которое уверенно датирует 752 г. а.У.= 2 г. до н.э., что не мудрено, ибо, во-первых, 2 г. до н.э., как рождественский, был очень популярен среди авторитетов церкви, во-вторых, согласно христианским мартирологам, во дни Р.Х. повсюду на земле царил мир. Но нас сейчас занимает не ошибочная орозиевско-рождественская хронология, а соприкосновение наличествующих у Орозия свершений: прибытие парфянских принцев в Рим и поставление храма Януса на запор. Не произошли ли эти события в пределах одного и того же юлианского года, а именно не 2, но 7 гг. до н.э., соответственно, весной и осенью, по установлении кесарем Августом повсеместного мира**.

* В общем, на Востоке как на Востоке, а на Западе как на Западе. Например, в Варфоломеевскую ночь (24.08.1572 г.) пьяный от крови Карл IX бегал по Лувру от окна к окну, разряжая аркебузу за аркебузой в собранных под окнами гугенотов, и кричал: “Еще! Еще!”. Мрачный, всегда одетый в черное король Испании Филипп II смеялся, как говорят, один раз в жизни, в день, когда ему сообщили об избиении тысяч гугенотов в Париже. Узнав о парижской бойне, папа Григорий XIII служил благодарственный молебен в соборе св.Петра...

И все-таки лучше быть последним неудачником на Западе, чем царем на Востоке.

** Неспроста в суммариях-epitome Ливия (141) говорится, причем под 10 г. до н.э., только о возвращении парфянами трофейных знамен, но не о передаче Фраатом аршакидских принцев Августу, т.е. эта знаменательная передача имела место после 9 г. до н.э., точнее, после даты, которой анналист Ливий завершил свою “Историю ab Urbe”.

Совсем другое дело — суммарии неанналиста Помпея Трога (Юстин 42 10), где о возвращении трофеев и передаче заложных принцев говорится на одном дыхании, совокупно.

Реконструируя перечень-хронологию римских легатов Сирии конца I в. до н.э., некоторые историки XIX-XX вв. предположили лауну между Тицием и Сатурнином, т.е. в интервале 13/12-9/8 гг., и решили заполнить мнимый пробел т.н. первой сирийской легатурой Квириная.

Успокойтесь, господа, — деятельный лануиец пока, до самого конца старой эры, в Сирию не собирается. Мы расстались с ним, передавшим консульские фаски суффекту Волусию Сатурнину, во второй половине 12 г. до н.э.

Продолжаем квиринский некролог Тацита: “Этот Квириний... был удостоен при божественном Августе консульства, а позднее, овладев крепостями гомонадов в Киликии, триумфальных отличий...” (Ан. 3,48). Гроаг* сетует: в большинстве историки солидарны с Моммзеном (“*Römische Geschichte*” 5,309), дескать, удостоенный *ornamenta triumphalia* победитель гомонадов одолел их, будучи легатом Сирии. Моммзен, действительно, не одинок: Цумпт**, Шюрер (1,322), Рамсэй***, Блекманн**** и др. придерживаются аналогичного, либо похожего мнения. Правда, в вопросе датировки единства среди них нет. Согласно Моммзену, Квириний впервые правил Сирией и победно воевал где-то на границах западной Нагорной Киликии в 3/2 гг. до н.э., сделавшись сирийским преемником Квинктилия Вара. Блекманн ратует за 11-10 или за 11-9 гг., т.е. заполняет квиринской легатурой несуществующую лауну между Сатурнином и Тицием. Рамсэй отстаивает четырехлетнюю упорную борьбу в тяжелых условиях высокогорья с 10 по 6 гг. до н.э., причем уверен в совместном сирийском наместничестве Квириная и Сатурнина: один-де отвечал за сокрушение киликийских гомонадов, другой — за благоденствие в Сирии. Шюрер, не без доли скепсиса, присоединяется к Моммзену. Сам Гроаг, оппонировав всем, считает, что Квириний провел и успешно завершил гомонадскую операцию в ракурсе 9-6 гг. в ранге проконсула Азии*****.

Убежденность Моммзена зиждется на содержащей деяния анонимного консулара Тибуртинской мемориальной плите, в 1764 г. найденной, уже СанкLEMENTом Квиринаю адресованной, Моммзеном обстоятельно дополненной, додуманной и прокомментированной (R.g.161-78). С плитой мы разберемся ниже и, будьте покойны, *Titulus Tiburtinus* (CIL XIV, 3613) выразительно подтвердит связанную с гомонадами Квириниеву легатуру не в Сирии, но в Галатии-Памфилии. Впрочем, данную информацию не обязательно черпать из мемориальных обломков. Достаточно непредвзято

* RE Sulpicius Quirinius, 831-32.

** A.W.Zumpt “Das Geburtsjahr Christi”, 20-89, Leipzig 1869.

*** W.Ramsay “Jorn. of Rom. stud.”, 7, 1917, 229-83.

**** F.Bleckmann “Die syrische Statthalteschaft des P.Sulpicius Quirinius”, *Klio*, 1920, 104-11.

***** Легата Галатии-Памфилии предполагает в победителе гомонадов Квиринии датирующий его легатуру 9/8 или 4/3 гг. до н.э. Р.Симе (*Klio* 27,1934), аргументация которого нам, к сожалению, неизвестна.

прочесть Страбона. Касаясь, при подробном описании Ликаонии и Исаврии, печальной судьбы Аминта Галатского, очевидец эпохи пишет: “Кремну сейчас населяют римские колонисты; Сагаласс подчинен тому же римскому наместнику, которому ныне подчинено все царство Аминта. От Апамеи до Сагаласса день пути и почти 30 стадий отделяют расположенную на возвышенности крепость от самого города*... Аминту удалось овладеть Кремной. Затем он ступил во владения слывших совершенно неприступными гомонадов, уже покорил большую часть населенных ими районов и лично сразил их вождя, но попав в устроенную вдовой убитого засаду, лишился жизни. Квирин, однако, одолел гомонадов голодным измором и переселил 4 тыс. гомонадских мужей в окрестные города...” (12,6,5,569).

Неужто из цитаты не предельно ясно, что пишущий в первой четверти I в. н.э. Страбон однозначно понимает под небезызвестным в современной ему римско-имперской действительности Квирином-Квиринием кесарского легата (аннексированной Августом после гибели в 25 г. до н.э. царя Аминта) Галатии? Сообщение Флора (4,12) о квинринской победе над мармаридами вовсе не называет победителя проконсулом Крита-Киренаики, но тем не менее, применительно к мармаридам Моммзен и др. в статусе их одолителя, по геополитической логике вещей (хоть и ошибочно), не усомнятся. Отчего же здесь, в случае с гомонадами, где расклад недвусмыслен, ситуация выглядит иначе? Увы, нежелание видеть в оборителе таврских горцев легата Галатии-Памфилии продиктовано не преторским рангом Галатии и не прочими квазиконтраргументами, типа категорической нецелесообразности ее временного либо невременного объединения с Памфилией, а навязчивой идеей доказать при помощи Гомонады сирийскую итерацию Квирина. Квириний и вправду дважды заведовал Сирией — итерация доказуема и показуема, но Гомонада здесь абсолютно ни при чем. Спрашивается, зачем тянуться в Писидию и Ликаонию, в западную Киликию Трахея из сирийской Антиохии или из эгейского Эфеса, если гомонады обитают на таврском пограничном стыке Галатии-Памфилии (Ликаония, Писидия) и предоставленной в 20 г. до н.э. Архелаю Каппадокийскому Нагорной Киликии?!

Лучший, как говорят, знаток Малой Азии сэр В.Рамсэй, изучив анатолийские ландшафты вдоль и поперек, верно заключил: атака была возможна лишь с севера. Гроаг охотно соглашается с заключением английского ученого, опротестовывая его сирийский вариант: мол, невообразимо, чтобы наместник Сирии, важнейшей римской провинции на Востоке, оставил свои многочисленные наместнические обязанности и двинулся в обход Киликии вести длительную блокадную войну с маленьким народом киликийских горцев. Поистине невообразимо! Кроме того, зааманская Киликия не есть часть Сирии и нет ни одного указания на ее административно-территориальное объединение с Сирией при Августе.

* Кремна и Сагаласс — города-крепости в Писидии; Апамея Кибот — город во Фригии.

В 101 г. до н.э. римляне учредили в прибрежной Киликии провинцию Киликия *Pedia*. С 83 по 69 гг. до н.э. неримской Киликией владел Тигран Армянский. В 67 г. Помпей разгромил в Нагорной Киликии вертеп морских пиратов; в 66 г. центром римской провинции стал Тарс; в 51/50 гг. ею управлял Цицерон. В 37 г. Антоний поставил Сосия над Сирией и Киликией (Дион 49,22). В 27 г. до н.э., после отмены антонианских порядков, Киликия фигурирует у Диона (53,12) как отдельная кесарская провинция*. Автор III в. Филострат говорит в “Жизнеописании Аполлония Тианского”, под 17 г. н.э., о казненном за якобы соучастие в заговоре Архелая Каппадокийского наместнике Киликии при Тиберии (1,12)**. Согласно Диону (59,8), Калигула включил часть киликийских земель в царство Антиоха Коммагенского, из чего, в сочетании с сумбурным абзацем Тацита (Ан. 6,41)***, можно сделать вывод о подчинении на антонианском опыте Равнинной Киликии при тяготевшем к своему прадеду Антонию Калигуле наместнику Сирии. Но вот тот же Тацит (Ан.13,33) под 58 г. уведомляет о жалобе киликийцев на лихоимство местного губернатора Коссуциана Капитона. В 72 г. Веспасиан упразднил Коммагену, ликвидировал малые внутрикилийские вассалитеты и новоорганизовал римскую провинцию Киликия.

Разнорегиональность зааманской Сирии и относящейся никак не к Сирии, но к Малой Азии Киликии секрета не составляет. Они, конечно, могли быть временно объединены в чрезвычайных условиях или актом императорской воли-произвола, но в годы начальствования над Востоком Агриппы собственно Сирией управляли неконсулярские легаты, которые явно не управляли одновременно еще и Киликией (слишком жирно!), а после 12 г. до н.э. объединять разнорегиональные провинции не было (по подобию временно объединенных, причем однорегиональных Галатии и Памфилии) никакой надобности, ибо в благополучной провинциальной Киликии с центром в Тарсе царило полное “златовековое” спокойствие. Плюс к тому, хотя Страбон и называет гомонадов, убийц Аминта, киликийцами (12,4,3,569), а Тацит пишет о квинринской победе в Киликии (Ан.3,48: “*per Ciliciam*”)*, на деле Гомонада представляла собой разделительную ска-

* Была ли Киликия еще в 20-е гг., наподобие Кипра, передана из кесарского ведения в сенатское или нет? — вопрос.

** Из конфликтного выяснения отношений между Пизоном и Сатурнином по смерти Германика (Тацит “Анналы” 2,74-81) административно-территориальное единство Сирии и Киликии в 19 г. н.э., вопреки распространенному мнению, не выводится.

*** Этот тацитовский абзац сообщает под 36 г. н.э. о попытке умершего за 19 лет до того Архелая Каппадокийского провести перепись таврского народа клитов (или киегов), кто, не желая быть цензурованными, оттянулись в горы, в связи с чем сирийский наместник Вителлий снарядил против них 4 тыс. легионеров под командой летата Требеллия. По всей видимости, речь тут надо вести не о давно покойном Архелее, но об Антиохе Коммагенском в годы Калигулы. Вителлий начальствовал в Сирии в 35-39 гг., т.е. уже при Калигуле заведовал также тарсийской Киликией. При Клавдии положение оставалось неизменным (см. *Анналы* 12,55).

листую границу между Киликией Трахея, Писидией и Ликаонией. Не случайно, по Страбону (14,4,1) и Плинию (5,94), гомонады – соседи исаврийцев; а Исаврия, входившая в состав царства Аминта, входила, согласно Клавдию Птоlemeю (5,4,12), в провинцию Галатия. Не случайно акты Халкидонского собора (451 г.) числят епископа Гомонады среди епископов Ликаонии**. Наконец, не случайно гомонадов одолевал не римский наместник Киликии или Сирии и даже не владетель собственно Нагорной Киликии Архелай Саррадох***, но сначала галатский царь Аминт, а полтора десятилетия спустя римский наместник Галатии и Памфилии. Т.е. война велась с севера за невозможностью вести ее с юга.

* * *

Безусловная заслуга Рамсэя – археологические раскопки и ценные находки: свидетельства об основании римлянами ветеранских колоний и о прокладке дорог через галатско-ликаонскую и писидийскую Анатолию. Так, обнаруженные английским ученым верстовые столбы-милиарии на дороге *via Sebasta* севернее Тавра датированы 6 г. до н.э.; стало быть, ко времени прокладки дороги проблема безопасности была решена, налетам на округу положен конец, гомонады обезврежены. С другой стороны. Тацит относит гомонадскую победу Квирина на время по облечении им консульства: значит, хронология боевых действий сужается пределами 11–6 гг. до н.э.

Рамсэй отводит, как замечено, на затяжную изморную кампанию четыре года: невероятно много. Гроаг сокращает продолжительность военно-блокадной операции до двух лет и делает исходным пунктом оной Эфес – центр единственной консулярской провинции в Анатолии, откуда, мол, консуляр Квириний проконсульски выступил в поход. Но туда, где на горных кручах гнездились гомонады, до восточных оконечностей Писидии, в кряжистый ликаонско-киликийский Тавр границы провинциальной Азии никогда не дотягивались****. На юге Азия пресекалась в преддверии Ликии***** и памфильско-галатской Писидии; севернее, во Фригии, граничила с Галатией; выше, на севере, упиралась в Вифинию.

* Впрочем, “*per Ciliciam*” у Тацита – это, скорее не “в Киликии”= “*in Cilicia*”, а “вдоль границы Киликии” или “на границе Киликии”.

** *Norisius “Cenotaphia Pisana”*, 2, 16, § 12.

*** Будь даже Киликия трижды объединена с Сирией после смерти Агриппы, все равно от этого расположенная на крайнем таврско-киликийском севере Гомонада не становится (в отличие от обитавших на таврском и киликийском юге клитов) более доступной из Киликии, т.е. вариант одоления гомонадов наместником Сирии не проходит в любом случае.

**** *RE Homonada* (B.8, 2265) и Гроаг (830) без всяких на то оснований, прямо противоречат и Страбону, и Тациту, ищут Гомонаду не на восточной прикиликийской, а на западной приазийской окраине Писидии. Как могла Гомонада примыкать к кончавшейся на Апамее Кибот Азии, являясь окраиной Нагорной Киликии?!

***** Ликия, слитая с Памфилией в 43 г. при Клавдии (Светоний 25; Дион 60, 17), до того пользовалась самоуправлением и в состав провинции Азия не входила.

Сообразно версии Гроага, азийское проконсульство Квиринация было, вследствие трудоемкой операции, пророгировано и пришлось на отрезок 9-7 либо 8-6 гг. до н.э., поскольку-де достоверно известно, что в 10/9 гг. в Эфесе проконсульствовал П.Фабий Максим, в 6/5 гг. — Г.Азиний Галл. Нельзя ли прояснить несколько больше? Мы в курсе, в 13 г. до н.э. сочлен дома Augusti Ю.Антоний привилегированно (около 30-ти лет отроду) прошел претуру; в 10 г. облакал консульство; в постконсульский период удостоился чести заведовать, о чем информирует Флавий (И.д.16,6,7), сенатской Азией. Опала Юлу пока не грозила, следовательно, незачем тормозить его фаворитарное восхождение, т.е. в престижном консулярском Эфесе он подвизался в 7/6 гг. до н.э.*; ранее консула 8 г. до н.э. Азиния Галла.

Вакантна ли азийская двухлетка 9-7 гг. до н.э.? Не очень, ибо, во-первых, реформатор местного календаря П.Фабий Максим, предположительно, задержался в Азии на второй срок; во-вторых, в близлежащее время Азией управлял консул-орд. 16 г. до н.э. (сын Скрибонии) П.Корнелий Сципион**. Выпущенные в Мизии монеты увековечили лик и имя проконсула. Ненадолго дарованное афро-азийским наместникам право монетно запечатлевать себя удостоверяется монетами, отчеканенными не позднее 5 г. до н.э.: Азиний Галл — Азия; Квинтилий Вар — Африка. Короче говоря, однолетнее проконсульство Сципиона, как наиболее оптимального предшественника Ю.Антония, выпадает на 8/7 гг. до н.э.

Итак, два вакантных года на губернаторском посту в Эфесе Квиринация в 9-6 гг. точно не предоставишь; менее, чем за два года с архисложными гомонадами не справишься. Сим ответ дан: апробированная Гроагом в RE версия неакцептабельна по существу — раз, несостоятельна хронологически — два***.

* * *

Почему римляне вздумали, как принято думать, покарать убийц Аминта Галатского через 15 лет после его гибели?! Обычно “тайну запоздалого возмездия” объясняют сопряженными с высокогорной кампанией трудностями, недоступностью свирепого неприятеля, недостатком времени у перегруженного делами наместника Востока М.Агриппы. Все эти объяснения неудовлетворительны: ведь малоазийская Гомонада все-таки (как никак) не заморский Крым и не дальняя Кубань. Думается, **дело** 25 г. обстояло не столь однозначно, иначе державную кару внутри Анатолии не остановили бы природные препятствия; а тут вместо карательной акции произошло

* Причем вероятно, азийское проконсульство Антония совпало с субботным годом палестинских иудеев = 7/6 гг. до н.э. (см.выше).

** RE 4, Cornelius № 333, 1438.

*** В распоряжении проконсула сенатской Азии (провинция *inermis*) не было легионов. Гроаг (832) утверждает, что воинские силы могли быть ему, в силу чрезвычайных обстоятельств, на ограниченный срок предоставлены. Правильно, но зачем? если в непосредственно примыкавшей к Гомонаде кесарской Галатии-Памфилии легионы имелись (Дион 54,34).

упразднение вассалитета. Видно, Аминт и сам в чем-то провинился: превысил полномочия? чрезмерно увлекся? поспешил, не имея на то четких инструкций? Не будем гадать, гораздо важнее усвоить: обуздание гомонадов в постагриппианской Анатолии было обусловлено прежде всего не мстью за давно погибшего друга-союзника, но насущностями и перспективами колониального и дорожного освоения Ликаонии и Писидии.

Напомним, в 25-22 гг. Галатией управлял М.Лоллий, провинциализатор аннексированного царства и возможный основатель посвященного народами Азии Августу храма Анкирского. Имен галатских легатов Агриппы история не сохранила. По смерти Випсания ориентальные, в частности, центральноанатолийские соотношения подлежали новоурегулированию и Галатия была временно объединена с Памфилией, где, т.е. в обретшей на уровне временного объединения консульский статус Галатии-Памфилии*, стационарировались два легиона, выступившие в 12 г. до н.э. под командой галатско-памфильского легата, консуляра Л.Кальпурния Пизона Фруги, в объятую войной Фракию. Кому Пизон сдал едва облеченную малоазиатскую легатуру, неизвестно, однако, наверное, преемнику консуляру. В 12-10 гг. Кальпурний тотально замирил Фракию, что позволило вернуть уведенные легионы на места постоянной дислокации или разместить здесь за двухлетку 12-10 гг. два других легиона. Так или иначе, назначенный сюда в 10 г. кесарский легат П.С.Квириний взялся за решение следующих возложенных на него главных задач: за перепись в русле ценза 11-8 гг. представленных в немалом количестве в уже основанных римских колониях и в местных городах-широтах римских граждан; за основание новых колоний; за оборение вновь обнаглевших гомонадов. Далее, судя по надписям на обнаруженных Рамсэем милиариях, в 6 г. до н.э. уже преторский легат Галатии некий Корнелий Аквила** строил на юго-западе Ликаонии дорогу *via Sebasta*, которая соединила Антиохию Писидийскую с римскими ликаонскими колониями Листра и Парла.

Каков итог? 1.Закладка колоний предшествовала прокладке новой выдержанной по римским стандартам дороги к ним; соответственно, они были основаны до стройтрудов Корнелия Аквилы; 2.на 6 г. до н.э. Галатия бесспорно отделена от Памфилии и неконсульски статуйрована. Если, к тому же, принять к сведению, что Памфилией в 7-4 гг. до н.э. управлял, сообразно неподтвержденным сведениям, претор М. Плавтий Сильван*** (будущий соконсул Августа по XIII-му консульству), то *дуалистическая* галатско-памфильская легатура Квиринация без каких-либо осложнений устоит в трехлетнем интервале 10-7 гг. до н.э.

* Само по себе назначение в Галатию консульского легата могло последовать и без объединения с Памфилией; ведь преторскими Македонией или Иллирией управляли, когда того требовали обстоятельства, без какого-либо территориально-административного объединения, консуляры.

** RE 4 Cornelius № 60, 1259; Cornutus № 4, 1625; CIL 6974.

*** RE 18,3 Pamphilia, 379; эпитафия, найденная в Атталее: *suppl. epigr. Gr. VI* nr., 646.

* * *

Рассказа о высокогорной войне в нашем распоряжении нет. Страбону и Тациту подробности неинтересны; третий побочный информатор – Плиний (5,94), упоминает примечательный факт наличия в гомонадских горах 44 кастеллов (б.м., общее число уморенных блокадой и затем разоренных штурмовиком Квиринием орлино-осиных гнезд). Страбон говорит о плодородных прикрытых непроходимыми хребтами таврско-альпийских лугах во глубине оскалившейся на все четыре стороны света Гомонады. Пригодную для обработки землю гомонады прилежно возделывали, время от времени предпринимали грабительские вылазки и вновь возвращались под защиту гор. По всей вероятности, широкую программу империяльного освоения Ликаонии и Писидии задействовал в 16-13 гг., причем не исключено, что как раз путешествуя с Иродом от Синопа к Эфесу, диарх М.Агриппа. Его смерть, переходный этап в Заионике и демилитаризация Анатолии в момент пожара на Балканах, наверняка, придали смелости всем дерзким горцам округи. Пришлось образцовому квиристу Квиринию засучить рукава и блистательно справиться в порученной ему провинции равным образом с гражданским управлением, с боевыми, колониальными и цензорскими задачами. Помимо того, квиринская гегемония совпала по времени с заварухой в Иране, т.е. с периодом междержавной напряженности на Востоке, когда сирийские легионы были нужны в Сирии.

До лета-осени 7 г. до н.э. повсюду в экс-агриппианских местностях за Ионическим морем установилась миротворная тишина, промежуточная пятiletка завершилась и провинциальное отделение Галатии от Памфилии снова обрело нечрезвычайную целесообразность. Славно отлегалуривав, плюс зарекомендовавшись на сей раз как цензор, Квириний передал Галатию претору Корнелию Аквиле, Памфилию – претору Плавтию Сильвану, и отбыл в Рим (где готовилось закрытие врат Януса Квирина) за тирумфальными украшениями от сената по представлению кесаря.

* * *

Согласно “Протоевангелию”, местожительство Иоахима и Анны, очевидно, Иерусалим (5). Той же точки зрения придерживается “Псевдо-Матфей” (1). В апокрифе “De Nat.Mariae” местом рождения Марии назван Назарет (1); местожительством ее родителей – Галилея (8). Сходно полагает апокрифическое латинское “Евангелие от Фомы” (3). Ефрем Сирийский знает из апокрифического “Третьего послания Апостола Павла к Коринфянам” о Марии Галилеянке. Т.Цанн приводит древнесирийский фрагмент, оперирующий цитатой из некоего Юстина, “автора времен Августа, Тиберия и Гая”, который “в своей третьей книге писал”: “Мария Галилеянка, Матерь распятого в Иерусалиме Мессии...”*

Т.о., часть апокрифов прямо считает родиной Марии Галилею, что и понятно, т.к. из буквы Благовеста, при буквальном прочтении, не очень понятно почему в Ев.от Матфея Назарет Галилейский впервые появляется

* W.Bauer “Das Leben Jesu...” 17,18.

лишь по возвращении св. Семейства из Египта, тогда как в Ев.от Луки уже Благовещение происходит в Назарете. Имеются ли у позднейших прагматических потугов, вернее, у позднейших потугов прагматически свести **два** в **одно** более глубокие, исконно дуалистические корни? Несомненно. Суть дела в следующем: adoptивным очагом младшей из дочерей Иоахима и Анны стала с пятилетнего возраста, на шестом году ее жизни, после смерти родных отца и матери, Галилея – сначала, б.м., Сепфорис*, потом – Назарет.

Если подойти к проблеме в оба глаза, то необходимость прятаться за двойниковыми конструкциями самоликвидируется. О дальнейшей судьбе “св.Богоотцев” ранние и поздние апокрифы либо молчат, либо опять-таки расходятся во мнениях. Сообразно Гаимо Альберштадтскому, о чем нам известно, св. Анна по смерти Иоахима еще дважды выходила замуж и родила, в общей сложности, трех Марий – Trinubium. Сообразно византийско-константинопольскому автору IX в. Епифанию Монаху (“Житие Пресвятой Девы” 4), Иоахим умер вскоре по Введении Богородицы во Храм, причем в возрасте 80 лет. Сообразно средневековым народным верованиям и живописцам эпохи Возрождения, св.Анне довелось дожить до Рождества внука Иисуса. Мы позаимствуем версию “Армянского Евангелия детства” (3,2), согласно которой в пору воспитания посвященной Богу отроковицы Марии при храме Господнем ее родители (выполнив свою земную миссию) мирно почил. Это, действительно, могло случиться в период 10-7 гг. до н.э., когда ок. 55-летний Иоахим, а затем ок.45-летняя Анна (лета для древнего мира преклонные) поочередно скончались, в связи с чем их младшую дочь удочерили обитавшие в Галилее родственники**. Со стороны отца? или матери? У сестер Аронидок Елисаветы и Анны вполне мог быть младший брат; не его ли дочь – одна из трудноидентифицируемых евангельских Марий: “другая Мария”? Клеопова по мужу? мать Иакова Меньшого и Иосии? Не тут ли скрыта иная, менее сложная, чем у Г.Альберштадтского, разгадка Марианского троесестрия? Trinubium!

Спрашивается: разве adoptивное Аронидство не соответствует духу последнего благословения Моисея сынам Израилевым:

“И о Левии сказал: туммим Твой и урим Твой на святом муже Твоем, которого Ты искусил в Маасе, с которым Ты препирался при водах Меривы, Который говорит об отце своем и матери своей: “Я на них не смотрю и***

* Подчеркнуто израэлитский, т.е. неязыческий, характер старого Сепфориса (евр.Циппори) явствует из Талмуда (Киддушин 4,5); см.Шюрер (2,209-13). При Ироде город, видимо, был уже смешаннонаселенным, продолжая, однако, оставаться преимущественно иудейским.

** Моисееву законодательству чужд институт adoptionии типа римского. Однако, случаи усыновления или удочерения в отношениях между родственниками – факт. Так, Иаков усыновляет сыновей Иосифа (Быт 48,5); Иосиф – сыновей Манассии (49,23); Мардохей удочеряет Эсфирь или становится ее опекуном (Есф.2,7).

*** Урим и туммим (евр. свет и совершенство): предметы на напернике первосвященника, через которые давалось откровение воли Божией; способ откровения неизвестен.

братьев своих не признает и сыновей своих не знает. Ибо они, левиты, слова Твои хранят и завет Твой соблюдают,

Учат законам Твоим Иакова и заповедям Твоим Израиля, возлагают курение пред лице Твое и всесожжения на жертвенник Твой.

Благослови, Господи, силу его, и о деле рук его благоволи, порази чресла восстающих на него и ненавидящих его, чтобы они не могли стоять” (Втор.33,8-11).

Самое время вспомнить про многочисленные свидетельства “Завещания 12 патриархов”, “Дамасского манускрипта” и кумранских свитков о Двух Елеопомазанниках из Израиля и Аарона: звезда от Иакова, скипетр из Израиля. Верно! Но как именно? Кто и что есть Израиль? Царственное священство и священское царство Мессии!

Соответственно “Завещанию Иосифа” (19,1), “лучшего – по предсмертному слову Моисея (Втор.33,16) – из братьев своих”, жезлоносец Иуда будет вскормлен млеко Левия. Иосиф сновидит 12 оленей; девять из них рассеяны, три (Иуда? Ефрем? Аарон?) спасены: они преобразуются в Агнцев и Господь выводит их из тьмы к свету. Иосиф сновидит Деву из Иуды (из Иудеи?), рождающую беспорочного Агнца. Соответственно Книге Хроник (1,24), Давид учреждает 24 чреды из сынов Аароновых для каждого-недельного богослужения при скинии и при будущем храме, и одновременно сыновья Давида священствуют при дворе. Следовательно, израэлитское священство и, наипаче, священство времен полноты времен не исчерпывается Аронидами, будь даже Арониды единственными репрезентантами официального культа в домессианскую эпоху Второго храма*.

В Послании к Евреям Ап.Павел говорит:

“Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, – ибо с ним сопряжен закон народа, – то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться?”

Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона.

Ибо Тот, о котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику” (7, 10-12).

Человек сопринадлежит наследственному потоку народа не столько по отцу, сколько по матери! Разве случайно евреем считается дитя прежде всего матери еврейки?

В Послании Апостола Павла к Галатам сказано:

“Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону,

Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление” (4,4,5).

* Да и само аронидское священство не было исключительно прихрамовым, ведь кумраниты, которые не знали с храмом и пользовались солнечным богосужебно-священским календарем длиной в 364 дня тоже каким-то образом, с культом или без культа, были пасомы священниками Аронидами.

От жены из дома Иосифа и из рода Ааронова; из Иудеи — по рождению; из Галилеи — по удочерению.

* * *

7 г. до н.э. — се год знаменитого троекратного соединения Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб. Это соединение вдохновило в XVII в. И.Кеплера* на истолкование Вифлеемской звезды как гипотетической Nova; в XIX в. Л.Иделера** — на отождествление звезды волхвов с собственно троекратной конъюнкцией; в XX в. Феррари д’Оччиппо*** — на “вифлеемизацию” зодиакального света-сияния.

Впрочем, астро-конъюнкционную конъюктуру сегодня не вполне справедливо приписывают целиком Кеплеру. Еще в IX-X вв. один из последователей известного арабского астронома и астролога Абу Машара (787-886 гг.) вычислил и утверждал, что Иса бен Мариам родился 25.12.8 г. до н.э. Кроме того, мотив Р.Х. за семь лет до Р.Х. просматривается уже в “Золотой легенде” (XIII в.), где, как мы знаем, Ирод умирает спустя 7 лет после Р.Х. В еще большей мере, чем в вопросе “спровоцированной” необычным астросоединением Новой звезды, точнее, в вопросе рождественской актуализации-академизации оных, Кеплер преуспел в другом: он первым обратил и заострил историко-академическое внимание на смерти Ирода в 40-м юлианском году = 4 г. до н.э. Кеплеровская “эврика” базируется на безоговорочной идентификации предшествовавшего Иродовой смерти лунного затмения с затмением 12/13 марта 4 г. до н.э. = 750 г. а.У. (см. главы 8,9).****

* 10 октября 1604 г., после нетроекратного соединения Юпитера и Сатурна в 1603 г., Кеплер наблюдал восход Новой звезды (Nova), которую спроецировал на эвентуальное появление (после троекратного соединения названных планет в 7 г. до н.э.) звезды Вифлеемской, откуда пришел к мысли и выводу, что дата Р.Х. — 25 декабря 6 г. до н.э. По Кеплеру, Р.Х. приходится на 40-й (считая с 1.01.45 г.) юлианский год = 748 г. а.У. Правда, о какой-либо Новой звезде в 6 г. до н.э. сведений до сих пор нет и поэтому сегодня кеплеровско-рождественскую датировку нередко ошибочно переносят из 6 в 5 гг., когда китайскими астрономами, действительно, была зафиксирована звезда Nova.

См. Jo.Kepler, *Gesammelte Werke*, Band 5, M_unchen 1953; “De Anno Natali Christi”, 1614; “Bericht vom Geburtsjahr Christi”.

** L.Ideler, “Handbuch der mathemat. und techn. Chronologie”; B. 2, Leipzig 1826, S.399-411.

*** K.Ferrari d’Occhieppo “Der Stern von Betlehem”, Stuttgart 1991.

**** Григорианская календарная реформа(1572 г.) вызвала на рубеже XVI-XVII вв. повышенный интерес к хронологии. Выяснением даты Р.Х. усердно занялись и протестанты, и католики. Так, Скалигер датировал Р.Х. — 3, смерть Ирода — 1 г. до н.э.; около 1600 г. канцлер университета в Граце, ученый иезуит И.Деккерс отнес, по результатам тщательного исследования (публикацию которого орденское руководство запретило), Р.Х. — на 5, смерть Ирода — на 3 г. до н.э. В 1605 г. польский иезуит Л.Зыслуга выступил с научной работой в поддержку своего учителя Деккерса. Кеплер был лично знаком с Деккерсом, переписывался и полемизировал с ним.

Далее, эмендируя в XVIII в. эру *Vulgaris*, ее очередной, не первый и не последний эмендатор аб.СанкLEMENT, не обмолвившись ни словом о протестанте Кеплере, но, вероятно, приняв тезисы знаменитого астронома к сведению, во-первых, датировал Р.Х., без упоминания конъюнкции, воскресным днем 25.12.7 г. до н.э.*, во-вторых, привел отнюдь не лунно-затменные, но историко-нумизматические и историко-синхронистические доводы в пользу Иродовой смерти никак не позднее весны 4 г. до н.э.

XIX в. миновал под эгидой поиска рождественской хронологии в границах 7-4 гг. до н.э., все робче и реже выходя за начертанные авторитетными изыскателями пределы. В XX в. споры насчет фундаментально “кеплеризированной” даты смерти Ирода, за редчайшими исключениями, прекратились. Дата же Р.Х. продолжает беспомощно балансировать в интервале, с одной стороны, “звездного” 7, с другой, “заблокированного мертвым Иродом” 4 гг. до н.э.**

* * *

Расшифрованная в 1925 г. вавилонская клинопись из храмовой обсерватории Сиппар (севернее Вавилона) подхлестнула нездоровый ажиотаж вокруг 7 г. до н.э. Проследим наблюдения халдейских звездочетов***.

Уже к концу 8 г. до н.э. Юпитер и Сатурн были видны на западной половине неба после захода солнца не далее, чем в 16° друг от друга: Юпитер — в Водолее, Сатурн — в Рыбах. В феврале 7 г. обе планеты скрылись из виду и не показывались несколько недель. Новопоявление Юпитера имело место 13 адару 304 г. селевкидской эры = 16 марта 7 г. до н.э.; Сатурна — 3 нисану 305 г. эры Селевкидов = 4 апреля 7 г. до н.э. Юпитер находился в 8° западнее Сатурна; в течение последующих почти двух месяцев неотвратно сближался с ним и настиг на исходе месяца айяру — 29 мая: первая конъюнкция в знаке Рыб. В начале июня планеты разошлись; медлительный Сатурн отстал. Во второй половине июля они сначала замерли, потом снова пошли на сближение. 15 сентября вечером Юпитер сиятельно взошел; 16-го оказался в оппозиции к Сатурну; то же самое проделал отдаленный от Юпитера всего на 1° Сатурн. В полночь они стояли посреди звездного неба, неподалеку от точки весеннего равноденствия. Ближе и ближе Юпитер подкатывал к Сатурну и наконец подкатил вплотную. 3 октября обе планеты зримо, почти в обнимку, красовались на небесном своде, стоя высоко в меридиане и играя в жмурки с вечера до утра: второе соединение в знаке Рыб. Но быстрый Юпитер спешил дальше в направлении запада; в ноябре

* Зачем ходить в 7 г. до н.э.? если 25.12.1 г. н.э. тоже воскресенье!

** Публикацию своего труда Кеплер датировал годом “открытой” им эры от Р.Х. возле даты по “совершенно условной эре *Dionysiana*”.

Аб.СанкLEMENT назвал исправленную им эру от Р.Х. “эрой *Pia*” в честь папы Пия VI (в понтификат которого он эмендировал летоисчисление Дионисия) и предложил во всех документах пометать “недостающие” эре *vulgaris* годы.

*** P.Schnabel “Der jungste Keilschrifttext”, in: “Zeitschrift für Assyriologie”, NF 2(36), 1925.

оторвался, затем замедлил движение и снова пошел на встречный контакт. Третья встреча произошла 5 декабря, после чего участники незабываемого свидания расстались, чтобы вновь троекратно соединиться в созвездии Рыб через восемь или восемь с половиной веков. Три соединения Юпитера и Сатурна в одном и том же знаке Зодиака повторяются раз в 794 (Иделер, 403) или раз в 854 (Феррари д'Оччипео, 52) года*.

Юпитер издревле почитался звездой *Властелина мира*. И, наверное, не по случайному совпадению египтяне именно в конъюкционно-знаменательном 7 г. до н.э. установили на нильском острове Фила мемориал, посвященный повелителю мира — бого-кесарю Августу, восславив “благого и величайшего” под именем Юпитера.

Сатурн считали на месопотамско-вавилонском Востоке звездой Запада: в более локальном смысле — звездой западной от Вавилонии страны Амурру (Сирия); в еще более узком смысле — звездой Израиля.

Кому на стыке эр принадлежало халдейское Междуречье — классическая родина дружных звезд мудрецов-магов? Царю царей из дома Аршакидов — владыке (исповедника огненно-звездных таинств религии волхвов) арийского Ирана. Кому принадлежала Сирия по сю сторону Евфрата? Державному Риму. Совет читателю приложить некоторые земные реалии 7 г. до н.э. к космическим и нащупать между ними связь.

Ну, а что касается юпитерально-сатурнальных мессианских предвозвещений и земных сроков полноты времен, то здесь крайне уместно привести изречение известного еврейского библеиста, каббалиста и философа-рационалиста И.Абраванелла из его “Комментария к Книге Даниила”: “Наиболее важные перемены в подлунном мире предзнаменуются соединениями Юпитера и Сатурна. Моисей родился через три года после такого соединения в созвездии Рыб.”

То-то и оно: кто-то родился через три, кто-то родится через пять, шесть или семь лет! Ведь спешить, говаривал кесарь Август, надо, не торопясь. Посему не станем хватать с неба преждевременные звезды, вернемся-ка лучше на грешную землю.

* * *

6 г. до н.э. = 748 г. а.У., год консульства Д.Лаэлия Балба и Г.Антистия Вета, прошел под знаком видимого захода регентской звезды Тиберия и видимого восхода двоезвездия инфантов Юлиев.

К серьезному беспокойству принцепса подрастающие принцы не проявляли стремления подражать в повседневном благообразии деду, от скромности умирать не собирались, купались в роскоши и вообще вели себя не по-республикански надменно. Да и как могло быть иначе, если каждый их выход с раннего детства в свет оборачивался бурными овациями; если окружающие им наперебой льстили и прочили в безоговорочные наследники. Так, народ квиритов высказал единопорывную решимость произвести еще не надевшего тогу *virilis* 14-летнего Гая в консулы. Опомнитесь люди!

* Иделер датирет Р.Х. декабрем, Феррари — январем 7 г. до н.э.

низведение высокой магистратуры до свадебного парада или обряда ни в коей мере не означает превращение парада или обряда в форменную клоунату. Приемный папа отрока-цесаревича осерчал и публично (на личном опыте) заявил, что не дай Риму боги вновь стать перед печальной необходимостью предоставления консульских инсигний до-двадцатилетнему молокососу*. Консулом-де вправе стать лишь тот, кто не только сам настолько зрел, чтобы избежать заблуждений, но и настолько силен, чтобы суметь не поддаться (при надобности) страстям и напору толпы. Следом за тем 14-летний Гай сделался понтификом, удостоился обещания участвовать по получении тоги мужа в заседаниях сената, посещать зрелищные представления и праздничные трапезы с отцами-сенаторами на равных.

Эта информация имеется у Диона (55,9), где, т.е. в современных – в ново-новойшей изданиях “Римской истории”, о дальнейших действиях Цезаря II вводным курсивом сказано: “...и в намерении обуздать гордыню обоих юнцов он присвоил Тиберию (империальный) трибуна́т сроком на пять лет и поручил ему заняться Арменией, которая после смерти Тиграна все более и более отчуждалась...” Данная цитата 55-й книги “Р.и.” писана не непосредственно Дионом, но приводится из вторых рук, со слов его эпиноматоров, – византийских хронистов XI-XII вв. Ксифилина и Зонары Т.е. еще в XI-XII вв. или, иначе говоря, до разграбления Константинополя в 1204 г. крестоносцами, дионовский текст наличествовал целокупно. Позднее в нем обнаружались вопиющие пробелы. Например, из 55-й книги интересным образом исчезли или сохранились в скудных обрывках события с 6 г. до н.э. по 4 г. н.э. Разве пропажа около-рождественских анналов не удивительна?*

Но продолжим. Согласно реконструированному по Ксифилину (100,24-30) и Зонаре (10, 35) Диону (55,9), паритетное решение кесаря натолкнулось на двухстороннее непонимание. Если пятилетний тиберианский трибуна́т (вероятно, полуагриппианского толка) удручил и раздосадовал кронпринцев, то Тиберий испугался будущего гнева дезигнированных престолонаследников и обижено удалился под предлогом повышения образовательного уровня в бессрочную командировку на Родос.

Послушаем Светония: “Должности квестора, претора и консула он занимал раньше срока и почти без перерыва; а затем, спустя немного времени, получил второе консульство и трибунскую власть на пять лет*. Но среди

* О первом консульстве Октавиана в 43 г. до н.э. Светоний пишет: “Консульство он захватил на 20-м году жизни, подступив к Риму с легионами, как неприятель, и через послов потребовав этого сана от имени войска; а когда сенат заколебался, центурион Корнелий, глава посольства, откинув плащ и показав на рукоять меча, сказал в глаза сенаторам: “Вот кто сделает его консулом, если не сделаете вы!” (Авг.26).

** Кстати сказать, нечто похожее случилось и с Тацитом: в “Анналах” отсутствуют анналы 29-31 гг. (см.5,6), как раз тех лет, которыми уже в древности и в средние века особенно часто датировали события земной жизни Христа от Крещендо до Голгофы. Нет этих лет у анналиста Тацита, нет их в неэпиномированном виде, так же, как и лет на стыке эр, у анналиста Диона. А анналы 33 г. и у Тацита, и у Диона есть. Почему?

потока этих успехов, в расцвете лет и сил он неожиданно решил отойти от дел и удалиться как можно дальше. Быть может, его толкнуло на это отвращение к жене, которую он не мог ни обвинить, ни отвергнуть, но не мог и больше терпеть; быть может — желание не возбуждать неприязни в Риме своей неотлучностью и удалением укрепить, а то и увеличить свое влияние к тому времени, когда государству могли бы понадобиться его услуги. А по мнению некоторых, он, видя подросших внуков Августа, добровольно уступил им место и положение второго человека в государстве; в этом он следовал примеру Агриппы, который с приближением Марцелла к гос.делам удалился в Митилену, чтобы своим присутствием не мешать ему и не умалять его значения. Впоследствии Тиберий и сам указывал на эту причину. Но тогда он просил отпустить его, ссылаясь лишь на усталость от гос.дел и на необходимость отдохновения от трудов. Ни просьбы матери, умолявшей его остаться, ни жалобы отчима в сенате на то, что он его покидает, не поколебали его; а встретив еще более решительное сопротивление, он на четыре дня отказался от пищи.

Добившись наконец позволения уехать, он тотчас отправился в Остию, оставив в Риме жену и сына, не сказав ни слова никому из провожавших и лишь с немногими поцеловавшись на прощание. Из Остии он поплыл вдоль берега Кампании. Здесь он задержался было при известии о нездоровье Августа; но так как пошли слухи, будто это он медлит, не сбудутся ли самые смелые его надежды, он пустился в море почти что в самую бурю и достиг наконец Родоса. Красота и здоровый воздух этого острова привлекли его еще тогда, когда он бросил здесь якорь на пути из Армении.

Тут он стал жить, как простой гражданин, довольствуясь скромным домом и немногим более просторной виллой. Без ликтора и без рассыльного он то и дело прогуливался по гимнасию и с местными греками общался почти как равный” (Тиб.9-11).

Вторичный Дион приводит сходный набор пересудных предположений о причинах Тибериевой отлучки, но несколько расходится со Светонием в расстановке акцентов и по отдельным пунктам. Факт отъезда Клавдия без эскорта объясняется у Диона отнюдь не инициативой добровольного анахорета, а запретом Верховного, тоже, мол, бывшего не прочь удалить зятя, из-за интриг последнего против Гая и Луция. Поэтому, дескать, дабы опровергнуть подозрения в династических происках, Тиберий перед оставлением Рима вскрыл и зачитал в присутствии матери и Августа свое завещание. Нетрудно представить насколько щедро и насколько почтенно оно касалось императорской четы и обоих дофинов. Светониевскую аналогию с *Лесбосом* Агриппы в качестве причины *Родоса* Дион не проводит: сообразно слухам, сын Ливии отошел от дел потому, что обиделся на негласное понижение в ранге и не пожелал играть роль пешечного престололюбителя при взрослеющих цесаревичах.

Относительно увесистой доли влияния на тиберианскую робинзонаду распутства Юлии, Светоний и Дион высказываются сходно. Тацит же счи-

* Квестор — 23 г.; претор — 16 г.; консул I — 13 г.; консул II — 7 г. Неужели почти без перерыва?

тает Юлию главной виновницей самоссылки не любого ей и не переносившего ее супруга. В 1-й книге “Анналов” под 14 г. н.э., т.е. под годом кончины Августа, воцарения Тиберия и смерти ссыльной Юлии находим: “При жизни Гая и Луция Цезарей она была замужем за Тиберием, но пренебрегала им как неравным; это и было главной причиной его удаления на Родос...” (1,53). По Тациту, первым или собственно соблазнителем Юлии был Семпроний Гракх, “который знатный, наделенный живым умом и злоязычный соблазнил ту же Юлию, состоявшую в браке с М.Агриппой. Но его любострастие не успокоилось и тогда, когда она была выдана замуж за Тиберия. Упорный любовник разжигал в ней своенравие и ненависть к мужу; и считали, что письмо с нападками на Тиберия, которое Юлия написала своему отцу Августу, было сочинено Гракхом...”(1,53)

Семпроний Гракх происходил из скандально знаменитого рода революционных охлократов II в., отцов популизма братьев Гракхов. За прошедшее затем столетие многое изменилось, плебейский gens Sempronius взошел в патрициат и мирно примостился у нобилитетской кормушки. Надо полагать, соблазнитель Семпроний был ровесником или, м.б., даже младшим ровесником прочих представителей римской золотой молодежи, осужденных в дальнейшем по т.н. делу Юлии (Ю.Антония, Т.Квинтия Криспина, Ап.Клавдия Пульхра и др. светских львов). Снедаемый жаждой активного авантюризма честолюбец, он, как метко замечает Гроаг (RE 2; 2,2 Sempronius 41,1371-74), попросту опоздал родиться, не застав эпоху политических переворотов вживе. В застойных условиях августовского принципата эти блестящие молодые люди, любители острых ощущений, разнообразили изрядно поскучевшую жизнь охотой, в обход кесарского “Домостроя”, на замужних красавиц, злоязыкими эпиграммами и элегическим стихотворчеством*. “Гусарствующий корнет” Семпроний вполне мог входить в агриппианскую свиту наместника Заионики! В таком случае роман между ним и Юлией (трижды с 20 по 17 гг. от Агриппы рожавшей), скорей всего, завязался в Ионике, на более фривольном, чем внешне пуританистый августейший Рим, греко-востоке, причем в пору длительных отлучек гроссадмирала (Сирия; Понт). Впрочем, злая постмолва сделала Агриппу роганосцем, невзирая на ежегодные беременности Юлии, с самого начала их брака. Соответственно анекдоту Макробия (2,5,9) однажды, когда всегда легкую на помине Юлию спросили, каким это образом ей удается рожать столь похожих на мужа детей? она якобы не растерялась и ответила, что берет на борт гостевых пассажиров только, как груженое судно, т.е. ходит налево, будучи беременной.

Повелось думать, будто долгие годы один лишь Август не ведал о том, либо упорно не хотел верить в то, о чем денно и ночью судачил весь Рим. Полноте: неужели хитроумный Одиссей болван болваном. Вряд ли на любовных горизонтах Юлии, при Агриппе и до родосского уединения Тибе-

* Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен, но давай-ка без торговли:
брат сестерций с покрывающего тела
все равно, что дранку требовать у кровли.

(Бродский)

рия, подвизался еще кто-нибудь, кроме пока единственного в числе Гракха. Это позднее, притом отнюдь не сразу, в опустевшем без хозяина доме диапазон приемлемости инфанты расширился и друзей дома стало побольше. А перед тем венценосный отец, прекрасно зная тяжелый нрав и мрачную натуру нелюдимого пасынка, втихомолку прощал любимой дочери увлечение на стороне, ожидая от ненамертво повязанного домостроем зятя того же. Тиберий был нужен Августу временно, до достижения Гаем и Луцием соответствующего возраста, в то время как неприязнь обоих принцев к отчиму возникла не столько вследствие тронного соперничества, сколько передалась им от матери. Так или иначе, почти стариковский консенсуально-универсальный расчет кесаря на семейную взаимотерпимость полетел кубарем. Всегда послушный зять взъерепенился, не желая ни жить с вызывавшей в нем омерзение женой, ни унижительно престололюбостительствовать, чтобы через несколько лет все равно оказаться на политической свалке. Одним словом, в 30 лет он, после развода с искренне любимой Агриппиной, сделался несчастным; в 36 лет покинул Рим с ростками беспросветной мизантропии в сердце.

Его мать, конечно, глубоко переживала драму сына и все-таки однозначно покорствовалась мужу, уговаривая обиженного остаться. Смешно приписывать коварной мачехе-свекрови терпеливое собирание компромата на невестку для смертельного удара в грядущем. Кесарь куриной слепотой не страдал. Ливия, как и положено благочестивой матроне за веретеном (пусть даже Одиссею в юбке), могла попросить о чем-либо помиловании, но не она решала кого, когда и за что наказывать.

* * *

Итак, присвоение Тиберию пятилетнего трибуната и Родос — события 6 г. до н.э.* От задания урегулировать вновь обострившийся Армянский вопрос Клавдий решительно уклонился, бросив якорь (подобно и неподобно митиленцу Агриппе) там, где уже философски загорал 14 лет назад, после того как поставил царем над армянами римского протезе Тиграна и принял возвращенные парфянами трофеи. Напомним, царевич Тигран, коварно плененный в 34 г. вместе с царственным отцом Антонием, был отправлен в 30 г. покорителем Египта Октавианом из Александрии в Рим, дабы пройти на западе нужную вассальную подготовку и когда-нибудь занять армянский престол. В 20 г. проримская дворцовая партия в Арташате устранила дружного парфянам старшего сына Артавазда Арташеса II и интронизировала коронованного в римском лагере Тиберием Тиграна III.

“Армения, — пишет Тацит — находясь между могущественными державами парфян и римлян, была в отношении нас ненадежна из-за бесчестного

* В 7/6 гг. до н.э. полностью завершилось многолетнее покорение Альп. В ознаменование этого события сенат и народ Рима посвятили Цезарю Августу 30-метровый обелиск (Монако), возвещавший о приведении под августейшими ауспичиями в повиновение Риму всех, итого 46 племен, альпийцев на территории от Адриатического до Тирренского морей (Плиний 3,136).

поступка Антония, завлекшего под личиною дружбы, затем бросившего в оковы и, наконец, предавшего смерти армянского царя Артавазда. Его сын, Артаксий, враждебный нам в память отца, обезопасил себя и свое царство, опираясь на мощь Аршакидов. После того как Артаксий был предательски убит родичами, Цезарь дал армянам Тиграна, которого возвел на престол Тиберий Нерон. Но ни царствование Тиграна, ни царствование его детей, соединившихся по чужеземному обычаю в браке и правивших сообща, не были длительными. Потом по приказанию Августа власть над армянами получил Артавазд, который спустя некоторое время был свергнут ими не без ущерба для нас...” (Ан. 2,3)

У Тацита безымянные дети Тиграна, умершего, согласно Диону (55,9), раньше 6 г. до н.э. (т.к. к моменту отказа Тиберия заняться Армянским вопросом Армения уже успела достаточно отмежеваться от Рима), это – брат и сестра, соединившиеся в обычном для староегипетского (или птолемейского) или иранского Востока браке. У Диона (55,10, 20,21; 55,10а,4,5), и судя по недатированным царско-армянским монетам, именно эти царь и царица, зовущиеся Тигран и Эрато, действуют на авансцене не ок. 6 г. до н.э., а позднее, на рубеже старой и новой эр. Кто прав? кто нет? Что касается хронологии, то анналистической информации (пусть даже сотканного из лоскутков, пусть даже эпитомированного) Диона надо в данном случае отдать предпочтение перед неанналистическо-ретроспективной скороговоркой Тацита, т.е. Тигран и Эрато выступают при диадемах сообща не ранее, чем на рубеже эр. Однако, вовсе пренебрегать утлыми тацитовскими сведениями тоже нежеже. Следовательно: Тигран IV занимал престол Армении не однажды (вопреки Тациту), но дважды; один раз – наследовав своему отцу Тиграну III в одиночку; второй раз – (воцарившись после изгнания римского ставленника Артавазда) совместно с сестрой-женой Эрато. Т.е. парное царствование Тиграна и Эрато не предшествует, как получается из Тацита, недолгому царствованию Артавазда, но следует за ним*.

Попробуем реконструировать кризисную для Рима ситуацию в Армении. Надежно ориентированный на Рим Тигран III умер, вероятно, в 9/8 г. до н.э.**, т.е. в пору гражданской войны в Иране. Наследник покойного царя Тигран IV, с одной стороны, вряд ли вззошел на престол без санкции Августа, с другой, видимо, неосторожно проявил или мог проявить какие-то непроримские симпатии к парфянскому временщику Митридату. Но Митридат провалился, Фраат воцарился сызнова, скрепил дружбу с Августом отправкой в 7 г. на запад 4-х принцев крови и однозначно признал Армению сферой державных интересов Рима. (При Фраате Тигран IV отмежевался от Рима, если, конечно, он так поступал, на свой страх и риск.) В 7 г. до н.э. желанный кесарю *миру мир* установился повсюду; теперь смена вассала в Армении представлялась сугубо внутренним делом Римской империи, не

* Тацит упростиительно “проглотил” в обзоре первую, без Эрато, интронизацию Тиграна, точнее, не дифференцировал два его царствования, плюс нарушил хронологию.

** Тацит говорит о его в общей сложности непродолжительном, считая с 20 г., царствовании.

грозя ни обострением международной обстановки, ни дополнительными сложностями в регионе. Т.о., Август выждал, уладил, во-первых, галльско-германские, во-вторых, парфянские, в-третьих, янусо-квиринские дела, и вот решил перепоручить Армянское царство более лояльному, нежели сомнительно зарекомендовавшийся Тигран, сателлиту. Кем приходился Тиграну Артавазд: братом? или, как принято думать, дядей по отцу? строго говоря, неизвестно. Сопутствовать же Артавазду воцарению кесарь поначалу, т.е. в 6 г. до н.э., обязал Тиберия; но Тиберий подался вместо Армении на Родос.

Заметим, Веллей, вознося Тиберию хвалу за коронацию в 20 г. Тиграна III, ошибочно именуя его Артаваздом и добавляет: “Сам владыка парфян устрасился повсеместной тиберианской славы и отправил к Цезарю своих сыновей в качестве заложников” (2,94). Тут важно уяснить не грубый веллеевский анахронизм, а историко-хронологическую взаимосвязь между выдачей Риму в залог дружбы (плюс главенства римлян в регионе) парфянских царевичей (7 г. до н.э.) и последовавшей затем интронизацией Артавазда III. По всей видимости, в 4 г. до н.э., т.к. в 5 г. римский легат Сирии держал под прицелом набатейскую Аравию (см.ниже), Артавазд, при поддержке римлян, был увенчан, заменив смещенного, но не убитого Тиграна, царской короной.

* * *

По армянскому преданию, прародитель армян – потомок Иафета (Юпитер) hАйк (Орион), сын Торгома или Асканаза*, поселился на Армянском нагорье, придя сюда из Вавилонии, которую покинул, восстав против хамита Бела (= Нимрод), “кто начал быть силен на земле” (Быт.10,8). Разницу между самоназванием армян hայ (hայր) haj (hajk) и их наименованием у других народов Хоренаци (1,5) объясняет преемственно-генетически: сын патриарха hАйка из Дома Торгома (предтечи Дома Армянского – Հայր Աշխարհ) звался Араманеак = Арменак. Преследуемый Титанидом Белом hАйк поразил его в битве выпущенной из “широкого, как озеро, лука трехперной стрелой” (Хоренаци 1,11). Эпоха эры армянского языческого летоисчисления “от праотца hАйка” – 2493 г. до н.э.

Берущая истоки в III-II тыс. до н.э. в треугольнике великих озер – Ван, Севан, Капутан (Урмия), у подножья олицетворяющей все послепотопное человечество горы Арарат** (Шамбала), протоармянская древность малопроницаема. На фоне и под аккомпанемент эволюции Хурритского, Хеттского царств, Вавилонии, Ассирии, миграции в М.Азию при переселении народов моря балканских фрако-фригийцев и т.д., возникают, распадаются, расплозаются, варятся в собственном соку, исчезают и взаимосмешиваются племенные и протогосударственные союзы наири, хайаса, уратри, урумэ, мушку, алародии, т.е. те, к кому восходит праисторическое прошлое хайканского народа.

В XV–IX вв. оно переходит в историю в облике гос.образований hАйаса,

* Яфетиды: Фогарма=Тогарма (арм. Торгом) и Асканаз (см.Быт.10,13).

** Тот, кто хоть раз, по-настоящему, побывал в Армении, приобретает, как О.Мандельштам, “шестое араратское чувство притяжения горой”.

“Арарат” (арм. Масис) означает “Близнецы”.

Наири, Дома Тогармы в районе севернее Мелитены (Малатия) и гос-ва Урарту – Ванское царство с центром в Тушпе. Т.о., Армения и ванско-араратское армянство – это страна и народ между Кавказом, Ираном, Месопотамией и Анатолией. На исходе VII в. hАйкид Паруйр, сын Скайорди, вступил, сообразно Хоренаци (1,21), в мидийско-вавилонскую коалицию против Ассирии, помог мару Варбаку (мидийский царь Астиаг ок. 625-585 гг.) сокрушить в 612 г. Ниневию и стал под эгидой Мидийского Ирана первым армянским царем. Имя “Скайорди” примечательно, причем в некоторых рукописях “Истории Армении” оно пишется раздельно (“ска” и “ворды”), что в переводе означает “сын исполина” или “сын скифа”*. Термином “ска” армяне именовали скифов, а скифская генеалогия правомерно возводится к Яфетиду Асканазу. Интересно, что ученик и биограф создателя армянского алфавита Маштоца, Корюн (V в.), начинает свое повествование так: “О письменах страны Армянской и народа Асканазян”; под народом Асканазян он разумеет армян. Хоренаци же, как сказано, называет армян Торгомянами. Корюн писал раньше Хоренаци; соответственно, Торгомяны в армянской традиции безостаточно возобладали над Асканазянами лишь под влиянием последнего**.

На армянскую государственность в начале VI в.до н.э. и, кроме того, опосредованно на скифскую долю в этногенезе армян указывает пророк Иеремия, грозивший нечестивому Вавилону словами: “Созовите на него царства Араратские, Минийские и Аскеназские” (51,27). В Кн.Бытие (10, 2,3) читаем: “Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас. Сыны Гомера: Аскеназ***, Рифат и Фогарма.”

В 586 г. Навуходоносор завоевал Иерусалим и разрушил храм. На Переднем Востоке установилась гегемония Нового Вавилона. Говорят, что преемник Скайордида Паруйра царь hРачеа выпросил у вавилонского царя и поселил в Армении плененного иудейского князя именем Шмбат, от которого произошел нахарарский род аспетов-венцевозлагателей – впоследствии армянских и отпочковавшихся от них грузинских царей-Багратидов.

В середине VI в. до н.э. пальма первенства в Доме Иранском перешла от мидийцев к персам. Ахеменид Кир II Великий, чьим однокашником и товарищем по охоте Ксенофонт в “Киропедии” (3,1) называет армянского царевича Тиграна (в арм.традиции он – сын царя Ерванда Кратковечного), одолел своего тестя и антагониста – мидийца Астиага (585-550 гг.). В 539 г. пал Вавилон; вскоре иудеи получили Кирова позволение вернуться в Землю Обета и восстановить храм. Над древней Азией взошел крылатый диск иранско-персидского солнца Ахеменидов. Еще в IX в. персы обитали в районе озера Урмия (откуда они в VIII в. до н.э. мигрировали под предводительством Ахемена на юго-восток, в прибрежную часть Ирана,

* См. Б.Пиотровский “О происхождении армянского народа” Ереван 1946, 18.

** В VII-VI вв. скифы и киммерийцы проникли в Иран и Армению. С памятью о киммерийцах связано название армянского города Кумайры (Гюмры).

*** Аскеназ (Ашкеназ) – для средневековых евреев, выведивших родословие германцев от Аскеназа – эпоним Германии. Отсюда: еврей-ашкенази – это в узком смысле – немецкие, в широком – восточно-европейские евреи.

нареченную по их имени Парс). Вот, где, вероятно, коренится один из аспектов особого сближения Армении с Ираном, начиная именно с эпохи Ахеменидов – время, когда историческая Армения сделалась западной цитаделью Иранской ойкумены (Арианы) и вторым престолом в глобальном мире Арийского Ирана (третий престол – восточная цитадель Арианы – Бактрия). Умирая в 522 г. на обратном пути из Египта, завоеватель страны-на-Ниле сын Кира Камбиз завещал персам не уступать первенство в Иране мидийцам: период приоритетов Мидии безвозвратно миновал.

В 520 г. до н.э. знаменитая Бехистунская надпись сокрушителя “восстания магов”, победителя (черного) мага (мидийца) Гауматы – Дария, сына Гистаспа, или Дария I Ахеменида (522-486 г.) упоминает среди приведенных им к покорности стран и народов страну Армина. С тех пор на протяжении двух столетий Армения неразрывно связана с Ахеменидами. Сначала ею правили сатрапы Ервандиды (греч. Оронтиды) – согласно Страбону (11, 532), одна из семи знатнейших персидских фамилий, кто вполне могли быть потомками местных царей Скайордидов; позднее в Армении проходили тронную выучку ахеменидские престолонаследники. В 336 г. один из них Кодоманн короновался царем царей под именем Дария III.

В результате завоеваний Александра, Малая или Понтийская Армения осталась во власти добровольно принявшего сторону македонян сатрапа Михрана, тогда как Армения Великая оказалась по смерти *Мужа великой души* и войн диадохов в составе империи Селевкидов.

Около 250 г. от Селевкидов отпала и возглавила уникальный филоэллинский ренессанс Ирана Парфия – страна, в отличие от юго-восточной Персии и северо-западной Мидии, на среднеазиатском севере Дома Иранского. Эта расколота на две почти равные половины старой и новой эрами (без малого) 500-летняя эпоха охваченной старо- и новоперсами Парфии, как гегемона иранских арийцев, составляет сердцевину и квинтэссенцию летописи древнего Ирана.

При Антиохе III Великой Арменией и Софеной (арм. Цопк) правили его стратеги Арташес и Зарех (греч. Артаксий и Зариадр). Победа римлян при Магнесии послужила для обоих сигналом к отделению от Селевкидов и к принятию в 189 г. царского титула. Скоро Арташесом была основана великоармянская столица Арташат-на-Араксе. Согласно Страбону (11,529) и Плутарху (Лукулл 31), советчиком царя в данном деле выступил подвизавшийся со дней поражения во Второй Пунической войне на востоке беглый Ганнибал. В то же время Малая Армения* под властью Митридата из династии Ервандидов противостояла, союзничая с Понтом, Каппадокии. Другая ветвь Оронтидов правила в Коммагене. ”Рассказывают – пишет Страбон (11,528) – что Армения поначалу была небольшой и увеличилась усилиями Арташеса и Зареха... Воцарившись... один в Софене..., другой на землях, окружающих Арташат, они раздвинули свои пределы, завоевав земли у соседних народов: у мидян – Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иверов – предгорья Париадра, Хордзену, Гогарену, что по ту сторону реки

* В древности Малой Арменией называли причерноморье между Понтом и Колхидой; в средние века – Киликию. Сегодня Малая Армения – это Арцах (Нагорный Карабах).

Кира*; у халибов и моссинойков — Каренитиду и Дерксену, которые при-
мыкают к Малой Армении или входят в ее состав; у катаонов — Акилисену;
у сирийцев — Таморитиду. Так что все они стали одноязычными.”

В 183-79 гг. Каппадокия и Пергам, за спиной которых стоял Рим, ожесточенно воевали против поддерживаемых Селевкидами Понта и Армении Малой. Позиция Арташеса была антиселевкидской. Воспользовавшись поражением малоармянского царства, он, “властитель большей части Армении” (Полибий 26,6;30,15), присоединил к ней Каренитиду и Дерксену. В 60-е годы, по занятии Таморитиды, ему пришлось столкнуться с Антиохом Эпифаном (Аппиан “Сир.”45;66), проиграть, попасть в плен и ненадолго признать верховенство “Эпимана” (Диодор 31,17а). Последнее, что известно об Арташесе — помощь, оказывавшаяся им около 160 г. правителю Вавилонии Тимарху в борьбе с Селевкидом Дмитрием Сотером (Диодор 27а). После Арташесовой смерти, в Армении на протяжении около 65 лет царствовали, насколько выводится из Юстина, Аппиана и Страбона, его династические преемники: Артавазд и Тигран. Причем эпитоматор Помпея Трога Юстин (42), называя Артавазда, совмещает Тиграна I и Тиграна II, кого Аппиан (Сир.48) считает сыном Тиграна, а Страбон (11,532) потомком Артаксии.

* * *

Во II в. до н.э. Парфия, переживая подъем, пошла в рост, что постепенно привело к перестановке сил в регионе. В 170-88 гг. венценосные парфяне Митридат I, Фраат II, Артабан I и Митридат II осуществили, не отрекаясь от эллинизма, политику собирания иранских земель и возрождения былого могущества Ирана на сей раз под парфянской десницей. Части Бактрии, Мидия — Великая и Атропатенская, Персия, Элам, Сакастан, Месопотамия были подчинены Аршакидами. Если впоследствии персидские Сасаниды считали себя преемниками-продолжателями Ахеменидов, перебрасывая к ним навесной мост через головы отринутых ими парфян и греков, то Аршакиды апеллировали к преемственности как от Александра, так и от Кира. Но сложность заключалась в том, что Арташесиды в Армении, Ариобарзаниды в Атропатене, Ариаратиды в Каппадокии и сам Митридат Эвпатор в Понте возводили к Ахеменидам самих себя, вследствие чего парфяне были для них выскочками и узурпаторами наподобие Селевкидов.

Побывавший в юности заложником при парфянском дворе арташесидский царевич Тигран вернулся на родину после уступки державному соседу области 70 долин на юго-востоке страны. Воцарившись в 95 г., он около года спустя аннексировал Софену. В 94 г. последовало заключение скрепленного браком между Тиграном и дочерью Митридата Понтийского Клео-

* Согласно Страбону (11,3,2;11,14,4), Плинию (6,39) и Клавдию Птолемию (География 5,12), граница между Арменией и Иверией, так же, как граница между Арменией и Албанией, проходила по реке Кира (Кура), которая отделяла Армению (правобережье) от Кавказской ойкумены (левобережье). Ведь Армения — не Кавказ и не Иран (но часть Дома Иранского и Дома Кавказского), не Месопотамия и не Анатолия (но часть Междуречья и Анатолии). Армения — это Армения (Дом Армянский).

патрой армяно-понтийского союза. Начав с совместных действий против подопечной Риму Каппадокии, союзники затем разделили сферы экспансии – Митридат взялся за римский запад, Тигран – за парфянский восток. Знаменательно, что в 92 г. парфяне, в свою очередь, предложили Риму великодержавный раздел сфер влияния по Евфрату.

Активизации Понта в западном направлении способствовали Союзническая война в Италии, гражданская неурядица среди римлян, недовольство населения М.Азии и Греции римским империальным владычеством. Аппетиты Тиграна на востоке обусловила смерть могущественного шахиншаха Митридата II (123–87 гг.), внутренние нелады в Парфии, вторжение в Иран с востока тохарцев. Организованная понтийским динозавром Митридатом резня в М.Азии 80 тыс. римлян – кровавая Эфесская вечеря 88 г. – обернулась первой противомитридатовской войной (89–84 гг.). На начальных порах ее инициатору удалось добиться значительных успехов, завладеть М.Азией и перенести боевые действия в Грецию. Однако, будучи разбит римлянами, он отказался от всех завоеваний, отступил в Понт и обязался выплатить огромную контрибуцию. Тем временем более удачливому Тиграну удалось, начиная с 87 г., вернуть область 70 долин, занять Атропатену и победоносно вступить в Великую Мидию; а позднее захватить Осроэну, Адиабену, Мигдонию, Кордуэну. Теснимый с разных сторон шахиншах Готарз (ок.88–81 гг.) запросил мира, признал все Тиграновы завоевания и уступил ему, по его требованию, корону царя царей. В 83 г. до н.э. зазванный уставшими от бесконечных междоусобиц и полного бессилия декадентных Селевкидов сирийцами Тигран сел на их трон в Антиохии-на-Оронте. Следом за тем он занял сопредельную римской часть Киликии, Коммагену и Финикию вплоть до Птолемаиды, где в 70 г. до н.э., осаждая в зените своей державности селевкидскую царицу Селену, принял богатые дары от послов опасавшейся вторжения в Палестину иудейской царицы Саломии Александры (И.д.13,16,4). Так наспех сколоченная держава Тиграна простерлась от Куры до Иордана, от Каспия до Средиземноморья.

Между тем, снова одоленный римлянами на суше и на море Митридат Эвпатор (даты Второй и Третьей войн против него: 83–81 и 74–67 гг.) бежал в 71 г. до н.э. в Армению. Отведя погорельцу-тестю под местожительство одну из царских резиденций, Тигран одновременно не принял его при дворе, думая таким образом не портить отношения с Римом. Впрочем, не понятно на какое будущее он рассчитывал, занимая Киликию или Сирию с Финикией, и в то же время пассивно созерцая сокрушение Митридата. То, что Рим не потерпит никакой кокуренции в средиземноморском регионе и минимум до Евфрата было ясно, как день. Засим полупристойная дипломатическая мина при плохой политической игре не подсобила. Лукуллов ультиматум гласил: выдача заклятого врага римского народа “дядьки Черномора” или война. В дипломатической ноте римлянин проигнорировал титул “царь царей”. Тигран в ответном послании опустил титул “император”, отклонил выдачу родственника, заявил о готовности, в случае римского нападения, к самозащите, и призвав тестя ко двору, сговорился с ним насчет скоординированных действий. Осведомленный о соглашении царей Лукулл, согласно Плутарху (Лук.23), крайне изумился бездеятель-

ности Тиграна на западном фронте в дни, когда Митридат был во всеоружии.

В октябре 69 г. у стен основанного в 80-е гг. на берегу одного из северных притоков верхнего течения Тигра новостоличного (между Арташатом-на-Араксе и Антиохией-на-Оронте) Тигранакерта 70-летний Тигран разгромно проиграл римлянам. Далее, терпел от них вместе с Митридатом, несмотря на некоторые локальные успехи, поражения в течение трех лет и, наконец, капитулировал (66 г.) перед преемником Лукулла Помпеем. Обращение обоих монархов (69/68 гг.) за помощью к царю парфянов осталось без результата. Фраат III (70-58 гг.) показал им шиш. Более того, в 67 г. у него нашел убежище восставший против отца царевич Тигран Младший. Женившись на дочери Фраата, он в союзе с ним осадил Арташат. Правда, когда парфянский царь, оставив зятю войско, убрался назад в Парфию, вероломный сын потерпел поражение от родителя и спасся бегством к Помпею. В 66 г. окончательно раздолбанный Митридат Эвпатор бежал в Крым. По заключенному в Арташате римско-парфянскому договору, Тиграну пришлось отказаться от всех завоеваний, от титула царь царей, вернуться к границам Великой Армении, уступить Софену сыну, выплатить 6 тыс. талантов контрибуции и сделаться отныне другом-союзником римского народа. Взлетев до шахиншаха, он умер ок. 56 г. до н.э. в возрасте 85 лет римским вассалом.

Политически это был калиф на час. Могучи играть с опорой на Парфию роль самостоятельного буфера между Римом и Ираном, Армения, не обладая соответствующими капацитетами, не могла противостоять им в роли гегемона на Переднем Востоке. Силясь заполнить образовавшийся, ввиду летального исхода Селевкидов, до прихода парфянов или римлян, региональный вакуум, Тигран проглотил гораздо больше, чем мог переварить и потому не случайно его лоскутная империя рухнула под державными ударами, как колосс на глиняных ногах. Союз с ископаемым Митридатом оказался пагубным. Оба царя-миродержца чересчур недооценили противника и чересчур переоценили себя; оба, не умея даже как следует договориться между собой, мало того, интригуя друг против друга, попытались взобраться неоправданно высоко и грохнулись заслуженно низко.

С другой стороны, это во многом благодаря поражению задержавшего наступление парфянов Тиграна Рим утвердился на Ближнем Востоке, обратив Средиземное море в оцепленное легионами, провинциями и вассалитетами внутреннее озеро, в животворную купель Imperium Romanum. Ну, а что касается Армении — если 66 г. до н.э. маркировал ее витальное подпадение Риму, то 66 г. н.э. маркирует ее витальное отпадение от Рима. В промежутке же, до второго рождения под скипетром младших Аршакидов-Аршакуни, страна Араратская как при последних вассальных римлянам Арташезидах в I в. до н.э., так и в первой половине I в. н.э. — в пору смены на армянском престоле марионеточных римских ставленников, переживала, казалось, необратимый закат. Некогда независимое крепкое царство стало яблоком раздора, пешкой в чужой игре.

Но только ли? во всех ли ракурсах-ипостасях? Эллинизация Тиграном армянского пантеона богов, его переселенческие мероприятия повлекли за собой плодотворное соприкосновение-взаимопроникновение зороастризма, эллинизма и иудаизма именно на Армянском нагорье. Это, в частности,

предопределило столь раннюю победу христианства в подготовленной к тому Армении. Да и само по себе политическое поражение не есть поражение духа. Тигран II судьбоносно склонился от имени Востока перед Западом; Артавазд II, не столько царь, сколько историк и драматург на троне, отказался склониться перед Египтом. А куда, вероятно, отправится на поклонение Артавазд III, мы, придет час, узнаем. Миссия армян и Армении была не в великодержавии*.

* * *

Свершения 5 г. до н.э. = 749 г. а.У. носили в Вечном городе праздничный характер. 1 января Цезарь II, после 17-летнего перерыва, вступил (в 12-й раз) в консульство в паре с Л.Корнелием Суллой, чтобы торжественно вывести на Форум к народу престолонаследника Гаю.

Гаю надел тогу совершеннолетнего и дезигнировался в консулы с правом облечь магистратуру спустя пять лет, на 20-м году жизни, в 754 г. а.У. Римские всадники избрали его принцепсом *iuventutis* – предводитель молодежи. Этим престижным юнкерским предикатом (первый среди юнкеров) в старой республике поощрительно, словно похвальной грамотой, награждали молодых людей из всаднического сословия за проявленные ими незаурядные способности. Режим принципата обратил былой знак персонального отличия в эквивалентный обозначению кронпринцев титул без нарушения буквы республиканской конституции. Если сам Август – *princeps senatus*, т.е. председатель совета старейшин, и *первый среди равных* в отношении старших поколения и сословия, то юному цесаревичу предстоит подняться на ту же ступень, побывав “комсомольским” вожаком Август-югенда от младшего поколения и второго сословия.

Произведя Г.Юлия Цезаря *Minor* в “рыцари”, римские всадники преподнесли ему серебряные щит и копье. *Pater* цесаревича благотворительно одарил 320 тыс. сограждан 60-ю динариями каждого. Народ не безмолвствует – народ ликует. Стало быть, в вопросе 20-летнего консульства внука Верховный уступил пожеланиям соотечественников, но не потому, что поддался напору толпы, а потому, что с уплытием на Родос Тиберия из преемственно-династической цепочки дома *Augusti* непредусмотренно выпало промежуточно-рабочее ломовое звено. Засим дофинам Гаю и Луцию предписывалось ускоренно повзреть.

В них обоих кесарь души не чаял. Светоний свидетельствует: “Внуков он обычно сам обучал и читать, и плавать, и другим начальным знаниям, в особенности стараясь, чтобы они перенимали его почерк. Когда он обедал, они всегда сидели при нем на нижнем ложе, а когда он путешествовал, они ехали впереди, в повозке или скакали по сторонам” (Авг.64). Их учителем был известный грамматик и антиквар Веррий Флакк – вольноотпущенник

* И шествует Завет земли моей,
И нет ему ни страха, ни изгнанья,
И нет ему преград. На расстоянья
Он отпер все ворота крепостей.

(Р.Севак)

из Пренесте, крупнейший после Варрона римский энциклопедист, автор разнородных научных писаний, консерватор, грекофил и традиционалист в духе самого принцепса; создатель новой методики преподавания и бессменный руководитель основанного им учебного заведения для детей элиты. Волей Августа, предоставившего Веррию 100 тыс. сестерциев годового дохода (Светоний “О грамматиках и риториках” 17), его школа разместилась в палатинском дворце, став своего рода домашней школой кесаря. Здесь Гай и Луций, как воспитанники кадетского корпуса при родных пенатах, обучались в однокашной компании знатных сверстников.

Добротному образованию споспешествовало требовательное причащение сокесарей-designatus идеалам отцов и республиканским традициям. На все нетерпеливые возгласы сограждан о наделении порфиородных братьев чинами и регалиями римлянин № 1 неизменно отвечал: “Если они того заслужат”. Впрочем, заслужат, непременно заслужат! Ведь взглянуть, слава Богам, кажется, некому. Счастливым дед не знал, что, увы, переживет внуков.

В том же 5 г. до н.э., по сообщению Плиния (7,60), “в третий день до апрельских календ”, т.е. 11 апреля, другой патриархальный глава большого семейства, человек из народа Г.Криспиний Гилар — отец 8 детей, дед 27 внуков и 8 внучек, прадед 18 правнуков, совершил вместе с ними показательное жертвоприношение на Капитолии. Повышение рождаемости — альфа и омега золотого века: берите пример, квириты! плодитесь и размножайтесь!

В ходе года кесаря и Корнелия Суллу сменили в консульстве суффекты К.Гатерий и Л.Виниций, быть может, тот, кому Август, ревниво пестуя репутацию своей дочери Юлии, сделал, когда она была девицей, письменный, сообразно Светонию (Авг.64), выговор за нескромность. “Дочь и внучек он воспитывал так, что они умели даже пряхть шерсть; он запрещал им все, чего нельзя было сказать или сделать открыто, записав в домашний дневник; и он так оберегал их от встреч с посторонними, что Луция Виниция, юношу знатного и достойного, он письменно упрекнул в нескромности за то, что в Байях он подошел приветствовать его дочь.”

Республика исповедовала суровый ригоризм. Так, в 184 г. до н.э. сенатора Манлия поперли из сената “за нецеломудрие”: осмелился, видите ли, поцеловать жену в присутствии малолетней дочери. Времена меняются, нравы тоже: благоговей перед памятью целомудренных пращуров, Цезарь II настаивал хотя бы на соблюдении внешних приличий. Ему ли, великому специалисту по вливанию молодого вина в старые заштопаные мехи, не знать по чем фунт лиха! и то, что форма далеко не всегда соответствует содержанию.

1 июля морально устойчивый, точнее, ни в чем не уличенный Виниций передал фаски сменщику-суффекту Сульпицию Гальбе — ритору и адвокату, отцу будущего Гальбы кесаря, кому через 70 лет выпадет жребий коротко заступить на место вымершей династии Юлиев-Клавдиев. Ближе неизвестному К.Гатерию преемствовал некий безвестный отпрыск помпеянской фамилии С.Помпей.

Одним словом, Сулла, Гальба и Помпей в качестве консулов в год конституционной дофинизации Гая Цезаря — это неспроста.

* * *

Согласно записям китайских и корейских хроник, весной 5 г. до н.э. в точке неба с координатами $a = 20^h 15^m$, $d = -15^\circ$, недалеко от звезды β Козерога, вспыхнула новая звезда, которая была видна в течение 70 дней. Говорили, что *Nova* провозвещает приход в мир великого царя.

О зримых чудесах, сопровождавших рождение и воцарение Митридата Эвпатора, у Юстина (37,2) сказано: “Его грядущее могущество предвещали чудесные небесные знамения... Равным образом и в год его появления на свет, и в год начала его царствования, каждый раз на протяжении 70 дней так ярко горела новая звезда, что казалось, будто все небо охвачено пламенем: размерами она была с четверть небосвода; сиятельной мощью превосходила солнце...”

Согласно утлым сведениям византийского хрониста Иоанна Малалы (VI в.), кесарь Август на 39-м году и 10-м месяце своего правления, т.е., исчисляя с 43 г., в 5 г. до н.э., издал указ об обмере и кадастрировании всей подвластной ему Римской империи.

* * *

В 6/5 г. до н.э., согласно “Хронике” Иеронима-Евсевия, произошло разрушительное землетрясение на острове Кос.

В 6/5 г. до н.э., согласно той же “Хронике”, в Риме пожинал лавры громкой славы ритор Г.Альбуций Сил.

Искусство красноречия было искони одним из излюбленных поприщ говорливых правителей, отцов юриспруденции — римлян. Но с приходом на смену республике цезаризма риторика, как и прочие сферы жизни, претерпела существенные изменения. Принципат не нуждался в политической активностях бакалавров словесного поноса типа Цицерона и нуждался отнюдь не столько в красноречии на отныне сугубо уголовных судебных процессах, сколько в рафинированном (от чистого искусства) ура-патриотическом декламаторстве. Короче: долой небезопасных ораторов; да здравствуют изысканно-лояльные декламаторы! Какие еще могут быть у языка, у *логоса* приоритеты и претензии в золотом веке?! Поэтому набросанная Светонием биография декламатора Альбуция поучительна (О грамматиках и риторах 30).

Он происходил из Новария (возле Медиолана), не пожелал идти по службе дальше эдильства и стал, следуя Сенеке Старшему (Contr.10, рг.13), одним из лучших риторов августейшей эпохи, тем, кто поднял профессиональный уровень латинского красноречия на уровень греческого, сделав то, чего весьма хотел сам ойкуменист-националист Август. Светоний пишет, что Альбуций прошел риторскую школу Мунация Планка, т.е. учился у самого дядюшки Мунация (который, оказывается, кумекал еще и в риторике), причем быстро превзошел учителя. Проигранные Альбуцием судебные процессы — один в Медиолане перед трибуналом легата Пизона, кому он вменил новонизведение Италии до провинции, другой — против Л.Ар-

рунция в Риме, достаточно характеризуют констелляцию времени*. Впрочем, в Медиолане оратор не удержался и воззвал к памяти М.Брута, из-за чего чуть было не лишился головы и в связи с чем, набравшись ума, вовремя остепенился. Его декламации контрастно отличались многословием, обилием философской аргументации и точным выражением мысли в слове.

* * *

Итак, летом 7 г. до н.э. царь Ирод побывал с сыновьями Александром и Антипатром в Риме-Италии; пробыл там; был принят в мировой столице или где-нибудь в дачной резиденции мудрейшим из судей – кесарем; официально простил Александра; новоутвердился в верховенстве над родными детьми и осенью вернулся (покинув Рим летом, до поставления на заповрат Януса Квирина) в сопровождении сыновей в Иудею.

“Пробыв в Риме и вернувшись оттуда, Ирод начал войну с арабами, и вот по какому поводу: жители Трахона, область которых император отнял у Зенодора и отдал Ироду, не имели более возможности заниматься разбоями, но были принуждены теперь жить спокойно, занимаясь земледелием. Однако, этим они не были довольны, да и земля не щедро вознаграждала труд их. Вначале, правда, они воздерживались от насилий над соседями, поскольку царь не допускал этого и своей заботливостью Ирод стяжал великую признательность. Когда же он отплыл в Рим с целью обвинить там своего сына Александра и представить императору Антипатра, жители Трахона стали распускать слухи, будто Ирод погиб, отпали от царства и обратились к прежним обычным своим насилиям в отношении соседей. Впрочем, тогда их умилили военачальники отсутствовавшего царя. Около сорока главных разбойников покинули страну в страхе, что их постигнет участь попавших в плен, отправились в Аравию и были там приняты Силлеем в отместку за неудавшийся брак его с Саломией. Он предоставил им укрепленное место, где они и поселились; отсюда они совершали разбойничьи набеги не только на Иудею, но на всю Келесирию, причем Силлей оказывал им поддержку в их злодеяниях...” (И.д.16,9,1).

Вспомним заключительный абзац 4-й главы 16-й кн. “И.д”, где говорится о возвращении Ирода с тремя сыновьями из Италии по установлении кесарем в Аквилее семейно-иродианского мира: “После этого Ирод вернулся в Иудею. Пока он был в отлучке, значительная часть, а именно область Трахонская отпала от него. Впрочем, оставленные в ней военачальники вскоре опять справились с ней и побудили ее к повиновению” (16,4,6). Т.о., перед нами два не содержащих в себе (сами по себе) ничего невозможного мятежных ЧП в Трахоне – в 12 и в 7 гг. до н.э. Если бы дело исчерпывалось “отпадением” 12 г., без повстанческой бучи трахонцев в 7 г., то не мог бы, не стал бы, не посмел бы набатей Силлей, дав убежище трахонским разбойникам, наносить Ироду дружеские деловые визиты, обе-

* Речь идет о знакомом нам Л.Кальпурнии Пизоне, побывавшем в период консульства 15 г. легатом Транспаданы (Медиолан), и об октавиановском адмирале при Акции Л.Арунции (конс. 22 г. до н.э.)

дать вместе с ним, да еще свататься к Саломии. Одним словом, чтобы расклад выглядел неабсурдно, нужно либо свести обе Иродовы поездки в Италию к 12 г., отбросив, наподобие Отто (122-23), сватовство Силлея в доаквилейский период и похерив постаквилийскую поездку вообще, что грубо ошибочно; либо нужно диагностировать и констатировать две поездки, отнеся второе трахонское ЧП на 7 г., что однозначно верно.

Силлей получил сватовской отказ, затаил злобу на Ирода и встал во враждебные к нему отношения с 8 г. до н.э.; приведенные в 12 г. в повиновение трахонцы снова взбунтовались и взялись за насилия, воспользовавшись отлучкой царя иудейского, в 7 г. до н.э. Иродианские военачальники справились с кризисом и подавили мятеж 7 г. (так же, как за пять лет до того они подавили мятеж 12 г.). Тем не менее “40 главных разбойников” улизнули в Аравию, откуда, пригретые Силлем, принялись разорять приграничные территории царства Ирода*.

* * *

“Когда Ирод вернулся из Рима, то узнал в каком бедственном положении обстоят дела в его стране; а так как он не был в состоянии совладать с разбойниками, благодаря поддержке, оказываемой им арабами, но вместе с тем был вне себя от их злодейств, то он отправился в Трахон и стал умерщвлять родственников разбойников. Вследствие этого разбойники еще более озлобились, а так как у них был закон, в силу которого требовалось всячески мстить убийцам родных, они усиленно продолжали разорять и грабить страну Ирода. Тогда царь переговорил об этом с императорскими наместниками Сатурнином и Волумнием и потребовал наказания разбойников. Но от этого те в своем возмущении стали еще более дерзки, приводили в полное смятение области Иродова царства, разрушали деревни и умерщвляли пленных, так что их беззакония походили на настоящую войну. Теперь число разбойников доходило уже до 1000. В гневе на это Ирод стал требовать выдачи разбойников и, кроме того, возвращения долга в 60 талантов, которые он при посредстве Силлея дал Ободу и срок отдачи которых миновал. Между тем, совершенно отстранивший Обода Силлей самостоятельно правил страной; он отрицал, что в Аравии находились разбойники, отдачу же долга отложил вперед до постановления на этот счет Сатурнина и Волумния, наместников сирийских. В конце концов последние постановили, что деньги должны быть возвращены Ироду в 30-дневный срок, равно как должна состояться взаимная выдача подданных. В стране Ирода не нашлось, впрочем, ни единого араба, арабам же было доказано, что они дают у себя приют разбойникам” (И.д.16,9,1).

Признательность интернационально смешанного оседлого населения Трахонитиды Ирод стяжал тем, что избавил подданных от грозного бича —

* Не исключено, что утка о гибели или о смещении Ирода была связана с возведенными против него обвинениями Александра в нелояльности Риму и с дезинформацией о суде кесаря не в Иродову пользу. Такая дезинформация вполне могла исходить от хорошо осведомленного о сложностях при иерусалимском дворе Силлея.

от разбоя пещерных кочевников-скотоводов, посаженных с присоединением области к его царству на землю и вынужденных мирно прозябать. Ликвидация двух трахонских мятежей как таковая оба раза не составила для иродианских военачальников особого труда, но арабо-силлеевская заинтересованность 7 г. в поддержании очага напряженности весьма заметно изменила ситуацию, чего не произошло в 12 г., когда Силлей был в хороших отношениях с Иродом и не оказал трахонцам никакой поддержки. На сей раз набатеи попустительствовали и способствовали бандитским набегам окопавшихся у них четников, а царь иудейский не имел права самовольно дотянуться до разбойничьего вертепа, ибо вассалам Рима категорически запрещалось вооруженно враждовать между собой и выяснять спорные вопросы без посредничества высокой имперской инстанции.

Двойственность “императорских наместников” Сатурнина и Волумния, кому венценосный апеллянт подал жалобу и к которым он обратился за арбитражной помощью, давно вызывает недоумение. По наличным текстам флавиевских произведений, во-первых, и Сатурнин, и Волумний вроде бы равноправные наместники сирийские; во-вторых, Волумний вроде бы прокуратор, а не наместник; в-третьих, возле легата Сатурнина появляется позднее “легат”(легиона?) Педаний и опять-таки фигурирует прокуратор Волумний. Верховная военно-административная власть в провинциях Римской империи (будь то кесарские или сенатские) отправлялась по принципу единоначалия и была сосредоточена в одних руках, т.е. в любом случае, даже при расширенных коллегиальных полномочиях Волумния, приоритет Сатурнина, как собственно легата Augusti pro praetore в Сирии, сомнению не подлежит.

Кем же все-таки был при Сентии Сатурнине неопределенно статуированный Флавием Волумний? В должностной компетенции финансового прокуратора кесаревых провинций состояли прежде всего кесарские финансы. Совместное с губернаторским легатом управление правосудия вменялось ему побочно. Перво-наперво, он отвечал за монаршую мошну, за *fiscus Caesaris*; за сферы налогов, таможи, аренды, за выплату жалованья легионерам, за переходившую в распоряжение кесаря с кончиной местного вассала его собственность и т.д. Так или иначе, но статус Волумния, кто, насколько следует из Флавия, был наделен властью большей, нежели обычный финансовый прокуратор, но меньшей, чем губернатор, не совсем ясен*.

Что касается Сатурнина, то после своего славного консульства *sine collega* в 19 г. он поучаствовал, как член коллегии квиндецемвиров, в подготовке и проведении *ludi Saeculari* 17 г.; потом, около 14/13 гг., заведовал Африкой; а летом 7 г. до н.э. сменил М.Тиция на легатском посту в Сирии.

* В отличие от финансовых прокураторов при легатах крупных наместничеств, т.н. президиальные прокураторы в малых державных владениях осуществляли именем кесаря саму губернаторскую власть. Пример: прокураторы Иудеи с 6 г. н.э. Согласно Тертуллиану (*De Pallio* 1), С.Сатурнин завершил и освятил систему крепостных сооружений ветеранской колонии *Iulia Karthago*, которую заложил Ю.Цезарь и к укреплению которой приступил в 35/34 гг. первый октавиановский легат отобранной у Лепида Африки — Статилий Тавр.

* * *

Из флавиевского рассказа мы узнаем, что помимо выдачи разбойников, Ирод требовал возвращения долга в 60 талантов, одолженных им при посредстве Силлея сонному набатейскому царю Ободу. Плюс к тому, речь шла еще и о недобросовестной аренде арабами земельного надела – пастбищных угодий, унаследованных, сообразно предположению Отто (89), Иродом в Аравии от матери – арабки Киприды.

В детстве и отрочестве будущему царю иудейскому довелось, неизвестно как часто, бывать в Петре Аравийской (юго-восточнее Мертвого моря). Так, когда в 66 г. до н.э. между братьями Маккавеями Гирканом и Аристовулом разразился конфликт, близкий к арабским верхам идумеянин Антипатр, желая обезопасить свою семью, отправил жену и детей именно в Петру. В 38 г., спасаясь от Антигона и парфян, Ирод безуспешно пытался податься в Аравию, причем царь Малх должен был ему деньги, взятые у Антипатра. Порядком севернее Петры, на южной окраине сирийской базальтовой пустыни Хауран, по соседству со скалистым Трахоном располагалась вторая набатейская столица – Бостра (впоследствии провинциальный центр аннексированной Траяном в 106 г. Аравии), откуда Силлей и его подручные поддерживали беглых трахонцев в их налетах на соседнее царство.

Т.о., положение не улучшалось, время шло. “В конце концов”, т.е., при разумной хронологизации всех перечисленных Флавием событий, зимой или ближе к весне 6 г. до н.э., Сатурнин и Волумний признали правозаконность Иродовых притязаний на получение просроченной ссуды и обязали обе стороны произвести обмен подданными криминальными элементами (то и другое) в 30-дневный срок. Удостоверимся наглядно. Вернувшись из Рима осенью 7 г. до н.э., Ирод отправился в Трахон и стал умерщвлять родственников разбойников; те еще более озлобились, принялись мстить убийцам своих родных и продолжали разорять и грабить страну Ирода; тогда последний обратился к находившимся, надо полагать, в Антиохии Сатурнину и Волумнию; тем временем число разбойников дошло до 1000; в гневе Ирод требовал их выдачи и возвращения долга; по поводу разбойных трахонцев Силлей задействовал сухой отказ; возвращение долга отложил до наместнического постановления. Как видим, все эти события вполне зримо занимают время с осени до конца зимы 7/6 гг. до н.э., когда Сатурнин и Волумний приняли наконец свое “месячное” арбитражное постановление.

* * *

“По миновании условленного срока Силлей отправился в Рим, не исполнив ничего из постановленного решения. Ирод стал настойчиво требовать возвращения денег и выдачи разбойников, а т.к. Сатурнин и Волумний дали ему разрешение пойти на арабов походом, то он во главе войска двинулся на арабов и сделал в течение трех дней семь (обычных) переходов. Достигнув крепости, где засели разбойники, он приступом взял их всех, сровнял крепость, носившую название Раипты, с землей, но, впрочем,

никого при этом не обидел. Арабы под предводительством Накеба поспешили разбойникам на помощь и произошел бой, в котором пало немного людей Ирода, но были убиты сам предводитель Накеб и ок.25 людей его. Остальные обратились в бегство. Наказав их, Ирод переселил в Трахон 3 тыс. идумеян, которые должны были держать разбойников в повиновении. Затем он отправил находившимся тогда в Финикии римским наместникам донесение об этом и сообщил, что он ничем не преступил данного ему относительно арабов полномочия. По точном расследовании наместники нашли это донесение вполне согласным с истиной. Поспешившие в Рим вестники немедленно сообщили Силлею обо всем и при этом, по обыкновению, сильно все преувеличили. Силлей тем временем уже успел стать известным императору. Лишь только он узнал о случившемся, как немедленно отправился ко двору, облекшись в черную одежду, и предстал перед Цезарем с жалобой на то, что Аравия опустошена войной и все его царство приведено в смятение, т.к. Ирод разгромил его со своим войском. Со слезами на глазах он уверял, что 2500 самых лучших арабов пало и в их числе убит также предводитель Накеб, его друг и родственник; что богатства, находившиеся в Раипте, разграблены, и что никакого внимания не обратили на Обода, который не в состоянии вести войну, поскольку не было налицо ни его, Силлея, ни ядра арабской рати. Так говорил Силлей и хитро прибавил, что он сам не покинул бы страну, если бы не был уверен в желании Цезаря, чтобы везде и всюду царствовал мир, и что война не окончилась бы благоприятно для Ирода, если бы он сам оставался дома. Цезарь разгневался на это и стал спрашивать находившихся налицо людей Ирода и посланных из Сирии о том только, действительно ли Ирод предпринял поход. Т.к. они вынуждены были подтвердить это, император же не входил в рассуждения по какой причине все это случилось, гнев Цезаря еще возрос, и он написал Ироду резкое письмо, в котором заявил, что если он обходился с ним до сих пор, как с другом, то отныне он будет видеть в нем лишь своего подданного. Вместе с тем Силлей сообщил арабам о повороте дела, арабы воспряли духом, не стали вовсе выдавать искавших у них убежище разбойников и не заплатили денег; напротив, они теперь совершенно свободно овладели пастбищами, которые Ирод предоставил им за плату, и говорили, что вследствие гнева императора царь иудейский смещен. Этим же моментом воспользовались трахонцы, восстали против идумейских гарнизонов и стали разбойничать вместе с арабами, которые разоряли страну иудейскую, преследуя здесь не только цели наживы, но особенно свирепствуя в видах гнусного мщения” (И.д.16,9,2,3).

Не сегодня замечено — флавиевское описание опирается на Н.Д. и без меры выдержано в пользу Ирода. Предположение Отто (123-26) и Гроага (RE Sentius Saturninus 2;2,2;1516-17) верно: походно-боевая санкция Сатурнина (и Волумния) была, скорей всего, не столь определенной, либо не столь однозначной, и уж точно не настолько широкомасштабно-наступательной. С другой стороны, б.м., Сентий (сродни самому Ироду) переоценил личную близость недавно вернувшегося из Рима царя иудейского к Августу и предоставил вассалу двусмысленную свободу действий, которой Ирод чересчур вольготно распорядился. Не удовлетворившись вооружен-

ными мерами на границе и занятием пастбищных угодий в целях обеспечения безопасности, плюс взыскания долга, он двинулся вглубь Аравии “и сделал в течение трех дней семь обычных переходов”. Из сказанного ясно: арабская крепость Раипта, разбойничья база беглых трахонцев, находилась не так, чтобы очень близко от границы; иначе говоря, состоялся боевой поход на территорию соседнего вассалитета, причем блицкриг, как и следовало ожидать, не ограничился ни разгромом-пленением трахонцев, ни даже срытием Раипты. Стычка с арабским воинством под предводительством Накеба усугубила конфликт, усилила производимое содеянным впечатление настоящей межвассальной войны. И пусть в этой *шестидневной войне* (три дня – туда, три дня – обратно) пало не “2500 лучших арабов”, но число убитых явно превысило 25, а если быть подчеркнуто нейтральным, то, наверное, дошло до около 250.

И все-таки чрезмерно гневную августейшую реакцию нельзя рассматривать в отрыве от хронологии, без т.н. политико-сакральных синхронизмов. Молниеносная военная кампания Ирода, поход, разгром трахонцев и набатейской рати, затем перевод в Трахон трехтысячного идумейского “казачества” – события 6 г. до н.э. – когда на повестке дня решение Армянского вопроса; когда внутренняя гармония в собственном доме необходима; когда просится в бессрочный отпуск и тяжело уплывает на Родос Тиберий; когда его несвоевременный отказ заниматься осиротевшим после смерти Агриппы Востоком кесарю весьма нежелателен. Кто нарушитель внутридержавного мира? Друг и союзник Ирод, да еще в пору благословенно запертых врат Януса Квирина. О чем, как не об этом шепеляво толкует Силлей, “хитро прибавляя, что он сам не покинул бы страну, если бы не был уверен в желании Цезаря, чтобы везде и повсюду царствовал мир...” И почему это Цезарь сразу, не входя в дальнейшие рассуждения, разгневался, спросив “о том только, действительно ли Ирод предпринял поход”. Батальный поход в дни *мира во всем мире!* А если и не во всем мире, то, при всех условиях, в своем большом доме, внутри Imperium Romanum. Кто посмел? Ирод!

Конечно, опечатанный Янус Квирин никак не означает допущения анархии где бы то ни было и Август сам сие неоднократно доказывал; войны (*ради мира*) велись и в 29, и в 25 гг.; абсолютный мир, сродни абсолютной истине – иллюзия мечтателей идеалистов, философско-профессорская схема. Но зачем нарушать сакральный идеал там, где имеется возможность оной соблюсти! Применение или неприменение оружия в дни временно перекованных на орала мечей – монополия высшего начальства, которое, как известно, никогда не опаздывает, которое, в случае чего, задерживается. Нести же отсебятину, превышать полномочия и воевать вопреки предписанному миролюбию не позволено никому, тем более, вассальным друзьям-союзникам. Взял на себя непомерно много – получи: буду считать тебя не другом, но подданным, т.е. тем, кто ты на самом деле есть. Кроме того, раз уж Силлей по прошествии условленного тридцатидневья отчалил ходоком в Рим, значит, рассчитывал там чего-то добиться, т.е. того, чего не сумел добиться на месте через наместников сирийских. Причем вряд ли он мог категорически саботировать решение последних; ведь наместники тоже

докладывали в Центр о ходе дел и будь Силлей безоговорочно виновен, реакция Августа была бы иной или минимум не так долго в отношении Ирода негативно-гневной.

В “И.в.” Флавий задним числом сообщает (1,28,6) о ходатайстве Ливии за Саломию в ее попытках соединиться браком с Силлеем. В “И.д” (17,1,1) сказано, что Ливия письменно увещевала подругу Иродианку выйти замуж за кандидатуру и друга Ирода – Алекса. Противоречия нет: разница в сроках. В 7 г. до н.э. императрица, в Иродову бытность на Тибре, замолвила частное словечко за Саломию: позднее, в 5 г., с отпадением кандидатуры Силлея, посоветовала Саломии в письме не противиться воле брата в вопросе Алекса. Следует думать, что будучи в 7 г. при римском дворе, Ирод деликатно разъяснил Августе мотивы данного Силлею отвода, т.е. объяснил непреложность отвергнутого Силлеем обрезания, дескать, не он, вынужденный (или обязанный) считаться с Моисеевым законом царь Ирод, но араб Силлей сделал бракосочетание невозможным. Кесарь, сколь известно, любил связывать подопечных династов* браками, отчего даже актуальные возражения Ирода, вполне адекватные в период безоблачной дружбы, могли дополнительно заработать против него (как против “мелкобуржуазного националиста”) в период опалы. Не удивительно также, что великий набатейский везирь – муж энергичный, в расцвете государственно-политических лет и сил, умея искренне, не с пустыми руками льстить, успел приглянуться повелителю, в то время как акции старика Ирода, вследствие унылой семейной распри, так или иначе, за последние годы упали.

Короче, Ирод попал в августейшую опалу, перестал считаться другом кесаря (лишился титула *amicus Caesaris*) и оставался опальным с весны/лета 6 по осень 5 гг. до н.э.**

* * *

“Когда Ирод потерял расположение Цезаря, то всем этим крайне опечалился; но он должен был переносить это и еще худшее, что вскоре случилось и что его еще больше расстроило. Дело в том, что Цезарь не принял его посольство, которое царь отправил в Рим, чтобы оправдаться, равно как отослал обратно без аудиенции и второе посольство. Все это убивало царя и внушало ему опасения; еще больше огорчало его то, что Силлей находился в Риме и снискал себе доверие, в то же самое время домогаясь всевозможных льгот. Обод успел тем временем умереть и власть его над арабами перешла к Энею, изменившему свое имя в Арета. Силлей старался клеветой устранить последнего от власти, чтобы самому завладеть

* Впрочем, Силлей пока не был династом: он норовил пролезть в династы.

** В современном Иерусалиме среди достопримечательностей древности хранится каменная гиря, датированная 32-м годом правления Ирода – “друга Цезаря” – *Φίλος τοῦ Καίσαρος*. 32-й год Ирода (считая с 1 нисана 37 г. до н.э.) продолжался с весны 6 до весны 5 гг. до н.э. Оказавшись в немилости, Ирод до конца опалы потерял право на титул “друг Цезаря”; следовательно, дата надписи – это весна 6 г. до н.э., когда царь иудейский в опале еще не был или еще не успел до лета о ней узнать.

ею, и с этой целью раздал крупные суммы царедворцам, обещая заплатить самому Цезарю тоже большие деньги. Император успел уже рассердиться на Арета за то, что он вступил на престол, не списавшись предварительно с ним. Между тем Арет послал императору письмо и дары, в числе которых находился золотой венец стоимостью во много талантов. В этом письме он обвинял Силлея, говоря, что это презренный раб, который отравил Обода и еще при жизни его захватил высшую власть; что он совершал постоянные прелюбодеяния с арабскими женами и что он занимал деньги, чтобы таким образом добиться власти. Однако, император не обратил на это письмо никакого внимания, но отправил его обратно вместе со всеми дарами.

Между тем положение Иудеи и Аравии все ухудшалось, т.к. в одной царствовала неурядица, а в другой все расплодилось за отсутствием хозяина. Царь арабский пока не имел возможности подавлять всех нечестивцев, т.к. не успел еще упрочить власть свою; Ирод же был принужден сносить все незаслуженные оскорбления, потому что император сердился на него за его слишком поспешные мероприятия. Не видя выхода из столь бедственного положения, царь решил еще раз отправить посольство в Рим с целью снискать себе расположение Цезаря при помощи друзей или непосредственным обращением к самому императору” (И.д.16,9,4).

Хронологию происходящего помогает прецизировать веский синхронистический ориентир: смена монархов в Петре Аравийской. Опала Ирода была в самом разгаре, когда царь Обод весной 5 г. до н.э. подозрительно (или естественно) умер. Первое достигшее Рима весной/летом посольство его несанкционированного преемника было отправлено Августом без аудиенции назад; второе, уже спустя два/три месяца, будет, согласно Флавию, благосклонно принято. Вассалам римского народа запрещалось вступать без ведома “римского народа” на престол и потому Центр тотчас ополчился против совершенного Энеем-Аретом самоуправства. Речь идет о полувековом набатейском венценосце Арете IV, который утвердился при Августе, переживет три поколения Иродов (Ирода Старшего, Антипу, Агриппу) и обласканный присоединившим к его владениям Дамаск Калигулой умрет при Клавдии. Т.е. на 5 г. до н.э. — это молодой человек, занявший престол, надо думать, вопреки ожиданиям многих и прежде всего Силлея. Порядок арабского престолонаследия неизвестен; факт, что царская власть внутри помзанного клана не всегда и не обязательно переходила от отца к сыну. Так, например, обоженственный Аретом Обод отцом ему не приходился.

Инкриминированное Силлею обвинение в отравлении похоже на правду, поскольку смерть Обода в сложившихся обстоятельствах сулила везирию тронные, на его взгляд, виды. Слабосильный Обод почил чересчур вовремя, в дни, когда честолюбец Силлей расчетливо задерживался в Риме, надеясь заполучить вакансию, не отходя от кассы. С безвозвратной, казалось, деградацией Ирода Риму должен был понадобиться на Бл.Востоке новый фаворитарный службист. Вот “неофаворит” и рассчитывал на облечение соответствующим державным доверием посредством облачения в арабскую порфиру. Он неплохо перебрал шансы, но интронизация Арета смешала карты. Антисиллеевская дворцовая партия в Петре непредвиденно одержала верх и блокируя ненавистного временщика, поспешно увенчала тиарой своего

ставленника. Поначалу Силлей не пал духом, наоборот, недовольство Августа Аретовой отсебятиной вроде бы повысило везиревы шансы. Однако дело повернулось иначе. Неспешливый император, “осторожнейший и предусмотрительнейший – как небезосновательно считает Светоний (Тиб.21) – правитель”, внешне хоть и не обратил на челобитную из Аравии “никакого внимания”, отослав посольство с дарами обратно, тем не менее, серьезная оппозиция Силлею в арабском обществе была налицо, что обещало, в случае ставки на последнего, сложности. Да и без того нечистый на руку прелюбодей Силлей, обвинения против которого в различных грехах множились, рано торжествовал, ибо смещать бывалого службиста Ирода кесарь не собирался. Грозно-поучительный окрик – “каждый сверчок, знай свой шесток” – еще не означал отставку.

Из Сирии в Рим поступали сообщения о развальном (в Трахоне и окрест) беспорядке, что дало почувствовать нерентабельность дальнейшей опалы Антипатрида. В течение 6/5 г. он снарядил в Рим всего-итого три посольства: первое из них кесарь не принял летом 6 г., “равно как” (Флавий) весной 5 г. отослал обратно без аудиенции и второе посольство. Теперь, летом 5 г. до н.э., туда, т.е. в Рим, уехал во главе третьего посольства Н.Дамасский*.

* * *

Параллельно провалу на государственном фронте судьба послала Ироду новые тяжелые испытания на фронте семейном.

“Эврикл из Лакедемона, человек, происходивший из знатного рода, но вполне испорченный, равно как отличавшийся большим сладострастием и льстивостью, но умевший скрывать то и другое, приехал к Ироду, привез ему подарки, за которые, впрочем, получил гораздо более ценные, и сумел ловко воспользоваться представившимися обстоятельствами для того, чтобы снискать себе в особенно высокой степени расположение царя. Собственно он остановился у Антипатра, но посещал больше всего Александра, говоря, что находится в близких отношениях к каппадокийскому царю Архелаю. Таким точно образом он зарекомендовался также поклонником Глафиры и вообще незаметно сумел всех склонить на свою сторону, причем постоянно следил за всем, что говорилось и делалось, чтобы выводить из этого сплетни. В конце концов оказывалось, что каждый считал его исключительно своим только другом; всем общавшимся с ним казалось, что он общается с прочими лишь им на пользу. Так удалось ему склонить на свою сторону Александра и убедить его в том, что он ему одному может поведать реше-

* Если посольство Ирода к кесарю весной 5 г. было снаряжено приблизительно одновременно с первым посольством Арета, то миссия Н.Д. летом/осенью 5 г. совпадает по времени со вторым посольством Арета.

Для Шюрера (1,373), Отто (123-26;158), Шалита (615) и др. время опалы Ирода – 9/8 г. Уместно спросить у них: каким-таким образом удостоились или не удостоились кесарской аудиенции в Риме три посольства Ирода и два посольства Арета? если с лета/осени 9 г. Август находился в Тицине (куда выехал навстречу Друзу и откуда вернулся с прахом покойного лишь зимой), а с весны по осень 8 г. обретался в Галлии.

тельно все. Тогда тот со скорбью рассказал ему о своем отчуждении от отца, сообщил ему о судьбе своей матери и об отношении к Антипатру, о том как последний, отстранив их совсем, пользуется теперь неограниченной властью. Все это, говорил Александр, прямо невыносимо, тем более, что отец настолько их всех уже возненавидел, что не принимает больше участия в их обедах и вовсе не говорит с ним. Все эти разговоры Эврикл передал Антипатру, указывая на то, что он делает это не из корыстных или личных целей, но потому, что его, которого Антипатр принял с такими почестями, совершенно подавляет вся серьезность этого положения; он присовокупил еще совет остерегаться Александра. Вероятно, говорил он, все это было сказано неспроста: очевидно, что в основании всех этих слов лежит какое-то крайнее решение. Видя в этом доказательство его дружбы и расположения, Антипатр стал делать Эвриклу при разных случаях подарки и наконец уговорил его сообщить обо всем Ироду. Царь из его убедительных речей вполне вывел заключение о злокозненности Александра, и Эвриклу постоянными ловкими нашептываниями удалось настолько возбудить царя, что ненависть последнего не знала теперь пределов. Это он показал сейчас же, сделав Эвриклу подарок в 50 талантов. Получив эти деньги, Эврикл поехал к каппадокийскому царю Архелаю и стал там восхвалять Александра и Ирода, говоря, что он оказал Александру крупную услугу, примилив его с отцом. Получив затем деньги и от Архелая, он уехал раньше, чем обнаружилась его гнусность. Впрочем, и в Лакедемоне Эврикл не прекратил своего скверного образа жизни и за целый ряд гнусностей был затем изгнан из Отечества” (И.д.16,10,1).

Эврикл, лакедемонянин, с которым мы уже немного знакомы, происходил из знатной (ведшей родословную от Блинецов Диоскуров) спартанской фамилии. В отличие от большинства проантониански настроенных греков, он вместе со спартамцами примкнул в Акцииской войне к Октавиану. После морского бегства Клеопатридов-Антонидов с места сражения у мыса Акции мстительному спартанцу удалось сесть беглецам на хвост и даже захватить груженое личным скарбом Клеопатры судно (см. выше). Цезарь II вознаградил пособника признанием за ним особого династического статуса, а также возможностями расточительно созидать и совестливо лихоимствовать в Элладе. Сооружение гимнасиона в Спарте, дорогостоящих термов в Коринфе — дело рук Эврикла; учреждение ежегодных праздничных Эвриклей — инициатива благодарных спартанцев. Однако, кесарский протече слишком злоупотребил верховной протекцией, лихоимствовал без меры, занялся внутригреческими интригами, вызвал серьезное недовольство в Ахайе и вскоре был лишен правительского сана. Потом, проезжая в 21 г. до н.э. через Грецию в Сирию, Август подарил принадлежавший ранее Эвриклу остров Китера Спарте, из чего можно заключить, что династ сначала потерял руководящее положение на полуостровной родине, затем уступил ей частное островное владение. В остальном Август, не забывая оказанные ему услуги, продолжал относиться к нему терпимо. Диктаторам свойственно толерировать любимых мартышек.

С годами Эллада политическому отставнику (но не отставному авантюристу) наскучила и он сделался “вольным художником”, таким странствующим

коммивояжером от греко-философской учености на периферии при различных вассально-ориентальных дворах, где пользуясь именем заслуженного ветерана-августинца, неразборчиво добывал подарки и охотно участвовал в местных дворцовых кознях. Летом 6 г., в начальную пору опалы Ирода, Эврикл прибыл в Иудею, быстро освоил благодатную почву для приложения своих порочных способностей и решил задержаться здесь подольше.

Повествующий о его гостевых негодяйствах рассказ “И.в.” несколько отличается от вышепроцитированного рассказа “И.д.”. В “Bellum” арабо-иудейский конфликт опущен вовсе; повествование сосредоточено на развитии семейной трагедии и непосредственно за главой, посвященной миротворчеству Архелая Каппадокийского, следует глава о роковом явлении в Иерусалим Эврикла, причем бессовестный спартанец, хитро войдя в доверие ко всем и в сговор с Антипатром, под конец прямой насыщенно-патетической речью предостерегает Ирода от составленного против него сыновьями Мариамны отцеубийственного заговора. “...В благодарность за твои милости ко мне, так начал Эврикл, я дарю тебе, Ирод, жизнь; как воздаяние за твое гостеприимство я приношу тебе свет. Уже давно выточен меч и рука Александра простерта над тобою...” (1,26).

Эта эскапада в устах прошедшего неблагую зиму 6/5 гг. до н.э. в Иудее спартанского проходимца вешает столь несъедобную лапшу на параноидальные уши царя-тирана, что можно только удивляться, как в нее поверил, к примеру, А.Шалит (616-20), проницательнейший из современных биографов Ирода.

Если в 12 г. до н.э., после аквилейского арбитража, тронный отец пытался от всего сердца помириться с сыновьями (не ставя под сомнение первородство-первенство Антипатра) и даровал каждому из них малое царское достоинство, то в 7 г. до н.э., после устроенного Архелаем замирения и нового разбирательства у кесаря, Ирод всего-навсего простил Александра, не забыв ему при этом, пусть раздутые, но имевшие место быть антиродительские козни-наветы. Т.о., по приезде Антипатридов домой, снова установленный между ними мир изначально был много более хрупким, нежели примирение в Аквилее. Едва успокоенный мироносными примочками старик-монарх, сначала столкнулся с затяжной трахонской проблемой, а затем, грубо выбитый высочайшей немилостью из седла, получил новый удар в поддых дома. Бешеное безумие опального униженного Ирода, в результате подброшенных ему Антипатром “разоблачений Эврикла”, историку анализировать незачем: здесь нужен врач.

“Антипатр воспользовался новым благоприятным моментом для того, чтобы выставить еще других обвинителей, которые донесли, что оба брата имели тайные совещания с двумя бывшими кавалерийскими офицерами, Юкундом и Тиранном, уволенными незадолго перед тем за упущения по службе. Рассвирепев от этого известия еще больше, Ирод приказал подвергнуть обоих офицеров пытке. Но они ничего не признали из того, что им ложно было приписано. Тут представлено было еще письмо Александра, в котором он просил коменданта одной из крепостей принять его и Аристовула после убийства ими своего отца и предоставить в их распоряжение оружие и другие военные принадлежности. Александр объявил это письмо

плутовской проделкой Диофанта, царского секретаря, дерзкого малого, изощрявшегося всегда в подделке почерков и поплатившегося, наконец, за это жизнью. Начальник крепости также был подвергнут пытке, но и от него Ирод не мог добиться признания того, в чем его обвиняли. Сознавая сам бездоказательность улик, он, тем не менее, велел арестовать своих сыновей, не заключая их, впрочем, в оковы...” (И.в.1,26,3,4).

В “И.д.” об Иродовой реакции по адресу Александра и Аристовула, вследствие Эврикловых наветов, сказано: “...он стал настолько озлоблен против них, что если ему не клеветали на них, сам доискивался чего-либо, заставляя следить решительно за всем, все разузнавая и охотно слушая каждого, кто мог сказать против юношей что бы то ни было” (16,10,2).

Согласно “Древностям”, Юкунд и Тиранн не кавалеристы – они царские телохранители, уволенные за упущения по службе Иродом, нанятые Александром, показавшиеся царю подозрительными и потому арестованные. “...Сперва они долго крепились, но затем сознались, что Александр убеждал их умертвить Ирода, если он во время охоты за дикими зверьями окажется вблизи их. Тогда-де возможно будет сказать, что царь свалился с лошади и упал на их копья, как это раз с ним действительно и случилось. Вместе с тем они показали, что в конюшне у них зарыто золото, и обвинили начальника охоты в том, что он дал им копья из царского арсенала, равно как, по приказанию Александра, снабдил оружием также и слуг последнего..

После них был схвачен также комендант крепости Александрион и подвергнут пытке. Его обвинили в том, что он хотел принять в эту крепость юношей и выдать им хранившуюся там царскую казну. Однако, он не признался в этом, но явившийся Иуда, сын его, подтвердил правильность обвинения и представил, видимо, писаное рукой Александра письмо следующего содержания: “Если мы с Божьей помощью совершим все то, что имеем в виду, то мы прибудем к вам. Поэтому, сообразно обещанию, приготовьте все к нашему приему в крепости.” После получения этого письма Ирод уже несколько не сомневался в существовании заговора сыновей против него. Александр, однако, уверял, что писец Диофант подделал его почерк и вся эта записка является плодом коварства Антипатра...” (И.д.16,10,3,4). Итак, сценарий сыновнего заговора знакомый: опять дым не без огня, преображенного усугубительными фабрикациями в более преступное, в более зловещее по отношению к действительности пожарищно-заговорщическое зарево. Возвратившись в последний раз из Рима, вновь уполномоченный кесарем на пожизненное единовластие Ирод не пересматривал и не думал пересматривать наследственное первенство дофина № 1 Антипатра. Мог ли Александр надолго утешиться-угомониться? Стоит ли сомневаться, что он наговорил перед Эвриклом на отца много лишнего. Ни притязаний, ни гонора у маккавейских принцев не поубавилось; в то же время умения молчать или действовать конспиративно у них не прибавилось. И это отнюдь не посредством и не после убийства, но в ходе опалы родителя они вздумали сбежать в Рим, поскольку усмотрели в кесарской немилости сигнал к благоприятной перемене за счет отца и старшего брата для себя. Именно изменение политической ситуации в ущерб Ироду толкнуло молодых людей на вроде бы не безнадежный замысел-шаг: предстать

в подходящий момент перед Цезарем, воззвать о спасении, изобразить бедствия страдающего под деспотическим ярмом народа и т.д., причем все в наивном расчете на верховный пересмотр проигранной династической партии в свою пользу.

Узнав о намерении братьев дать деру, Антипатр сделал ход конем: он считал недостаточным ограничивать возводимое на них обвинение планом бегства, за который отец мог их, если не похвалить, то, во всяком случае, не казнить. Антипатру требовался смертный компромат. Так в деле всплыла модифицированная старая утка “драмы на охоте”, приведшая к выявлению “постотцеубийственного” намерения бежать в Рим. Раздобыть подпыточных вахлаков, поручить плутоватому писцу Диофанту состряпать липу было уже делом (не ахти какой хитрой) заплечной техники.

* * *

Нельзя не заметить: в “Воине” с ее обзорной перспективой основная вина возложена на Антипатра (главного губителя Александра и Аристовула), тогда как развернутая панорама “Древностей” максимально возлагает ответственность на самого Ирода, ибо ни духовное помрачение последнего, ни грязная активность престолонаследного первенца не умаляют в глазах позднего Флавия необузданную преступность тирана-детоубийцы.

Кстати, и в “Воине”, и в “Древностях” есть примечательное противопоставление махинатору Эвриклу благородного коянина Эварата. Грек Эварат, кому Август пожаловал римское гражданство, был жрецом в святилище Аполлона в Галасаре на юге острова Кос. Он прибыл в Иудею не так уж одновременно с Эвриклом, а, надо полагать, несколько позже, весной 5 г. до н.э., и оставался там после весеннего отъезда спартанца, т.к. Ирод допрашивал его уже в дни следствия. Быть может, близкий друг Александра знал про умысел братьев бежать из страны, но не удостоил царя признанием.

Любопытно следующее. Под 6/5 гг. до н.э. в “Хронике” Евсевия фигурирует, как мы знаем, разрушительное землетрясение на острове Кос. Не исключено, что косский жрец Аполлоновой кумирни приехал той весной к известному своей эллинофильской щедростью иерусалимскому двору с целью сбора пожертвований для ликвидации последствий стихийного бедствия*.

* * *

“Всех тех, кто подвергся пытке, царь вывел в Иерихоне к толпе народной. Чернь побила их собственноручно камнями. Когда же толпа готовилась сходным образом умертвить Александра и Аристовула, царь удержал ее от этого и выслал для успокоения ее Птолемея и Ферору. Юношей заключили под стражу и учредили за ними тщательный надзор; к ним больше не допускали никого, все их поступки и слова брались на заметку,

* Согласно 1-ой Кн.Макк. (15,23), на острове Кос во II в. до н.э. существовала иудейская община; в I/I вв. коян связывали особые отношения с Иродианами. Ирод Старший делал им богатые подарки (И.в.1,21,11). Найденная на острове греч. эпитафия (SIG 2502) славит, как друга островитян, Ирода Антипу.

одним словом, они оказались в положении бесчестных преступников. Один из арестантов, Аристовул, был доведен до такого отчаяния, что попытался принудить свою тетку и тещу Саломию пожалеть о постигших его бедствиях и возненавидеть виновника оных. “Разве — говорил он — и тебе не угрожает опасность гибели, потому что о тебе клеветают, будто ты в надежде на брак с Силлеем, сообщаешь ему обо всем здесь происходящем.” Впрочем, та немедленно поспешила сообщить об этих речах брату. Последний тогда более уже не мог сдержаться, приказал заковать сыновей в оковы и разлучить, а также велел им самим изложить письменно для последующего представления императору какое зло они причинили отцу своему. Так им это было велено, но они написали, что вовсе не злоумышляли против отца своего и не принимали никаких мер относительно его; они (правда) задумали бежать, да и то по необходимости, потому что вечные подозрения сделали им жизнь невыносимой.

Около этого времени из Каппадокии от Архелая прибыл посол, некий Мела, который принадлежал к числу сановников царя. Ирод, желая доказать нерасположение к нему Архелая, велел позвать Александра, который и явился, как был, в оковах, и вновь стал допрашивать его, куда и как братья решили бежать. Александр сказал, что к Архелая, потому что последний обещал доставить их в Рим. Впрочем, говорил он, они не имели в виду ничего неуместного или гнусного относительно отца и нет ни слова правды в том, в чем обвиняют их бесовестные противники. Им бы хотелось, в видах более точного расследования, чтобы Тиранн и его товарищи еще оставались живы, но их загубили скорее, причем Антипатр подослал в народ своих клеветов” (И.д.16,10,5,6).

Два брата, чем дальше, тем сильнее, желали смерти отца; третий организовал за них, быстро расследовал и вывел на нечистую воду “святоотечественный заговор”. У деградированного, впервые отведавшего кесарскую пощечину Ирода поиск более слабых, нежели он, виноватых обострился вдвойне и при своевременном пособничестве окружающих неудивительно сошелся клином на сыновьях.

Кавалергарды-телохранители Тиранн и Юкунд, плюс начальник охоты, плюс комендант крепости Александрион, плюс иные безымянные “соучастники царевубийственного заговора”, погибли преждевременно, по скором трибунальном расследовании. Первое, т.е. скоросудность, было особенно на руку Антипатру; второе, т.е. всенародная царелюбиво-каменбитная юстиция — Ироду. Побиение камнями применялось в Израиле, сообразно Моисееву законодательству, за такие противосакрально-уголовные преступления — как богохульство, идолослужение, колдовство, осквернение субботы, прелюбодеяние, злостное неповиновение родителям. Устраивая каменную бойню в Иерихоне, “друг” народа в Законе Ирод руководствовался строгими законоведческими критериями: он не только показал греховным сыновьям и подданным, кто есть богоданный царь Израилев, но выслал вперед Птолемея и Ферору, чтобы судьба второстепенных преступников пока, до санкции кесаря, не постигла “зачинщиков своевременного предотвращенного органами безопасности чудовищного злодеяния — царе- и отцеубийства”.

Второзаконие предписывает вывести “к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания сына буйного и непокорного, неповинующегося голосу отца своего и голосу матери своей” (21,18,19). ”Тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти; и так истреби зло из среды себя, и все израильтяне услышат и убоятся” (21,21).

В акте иерихонского *правосудия* царь, “не корысти ради”, обошел закон, поскольку не имел права волонтаристски казнить принцев крови. На 5 г. до н.э. над иными предписаниями Пятикнижия довлел (вместо Господа Бога) римский кесарь и волонтаризм любого рода был чреват. Относительно прочего, ”богобоязненный” Антипатрид постарался строго соблюсти таинственно-юридические формальности, видимо, не зная, что пользуется царственно-каменебитным правом, восходящим к некогда осужденному пророком Илией безбожнику Ахаву. См. 3-ю Кн.Царств: сфабрикованное Иезавелью *дело* Навуфея Израелитянина (21;22). В государстве царя Ирода роль инициативной Иезавели в длинном деле сыновей Мариамны играли – то сам Ирод, то его первенец Антипатр, то его сестра Саломия.

* * *

Летом 5 г. до н.э., после судилища в Иерихоне, отчаявшийся Аристовул попробовал вовлечь в собственную беду тещу и тетку. Как видно из адресованных ей тайным письмом поднадзорного зятя слов, она в те дни еще не вышла замуж за Иродова друга Алекса и не до конца похоронила тайную надежду когда-нибудь бракосочетаться с находившимся тогда в Риме Силлеем. Вместе с тем, незамедлительная “чистосердечная” явка сестры к венценосному брату указывает на отсутствие в данный период конспиративных контактов между ней и Силлеем, т.е. Саломии нечего было опасаться. Вообще же к теме ее многолетней лютости в отношениях с зятем Аристовулом вполне подходит реплика из памятного телезрителям покойной страны Советов “Кабачка 13 стульев”: “Пан Владек бегаёт по аптекам в поисках яда. Всюду ему отвечают: “Для того, чтобы выдать вам цианистый калий, недостаточно одной фотографии вашей тещи”.

Саломия ненавидела сыновей Хасмонейки Мариамны всеми фибрами своей черной души и наконец восторжествовала: спасения закованным в цепи принцам ждать неоткуда!

* * *

Израильский историк XX в. С.Сандмель недоумевает: почему Архелай Саррадох не примчался в Иудею снова, узнав об очередном пагубном витке семейной напряженности в Иерусалиме?*. Ответ прост. Позволить себе подвизаться при дворе опального вассала могли, например, как частное греко-ученое лицо небезупречной репутации, лакедемонянин Эврикл (который к тому же, захав на обратном пути к Архелаю, наврал ему про устроенное в Иерусалиме примирение) или занятый сбором пожертвований

* S.Sandmel “Herodes. Bildnis eines Tiranen” (220), Stuttgart 1968.

жрец Эварат, но никак не вассальный царь Каппадокии — лицо официальное. Навестишь кума в дни высочайшей опалы и, неровен час, сам угодишь в немилость! Зависимому царю-сателлиту риск такого рода противопоказан, да и не в характере Архелая якшаться с опальными. Так, Тиберию некогда защищал его в суде, причем в нескольких процессах, против родственников, но стоило Тиберию удалиться на Родос, стать само- или полуссыльным, и царственный подзащитный (премного защитнику обязанный) ни разу не засвидетельствовал ему почтение. Похоже и с Иродом: оповещенный о плане бегства царевичей в трудную для их отца минуту каппадокиец решил принять беглецов и препроводить обоих братьев в Рим (хотя последнее он упорно отрицал). Несложно представить яростную горечь царя иудейского от разочарования в преданном друге.

В присутствии Архелая посланника Мелы Александр признался в намерении найти убежище у тестя и проследовать с его помощью дальше в Италию. Увидев Александра в цепях, Глафира разрыдалась и подтвердила показания мужа.

Затем Ирод “вручил Олимпу и Волумнию* письма, приказал им во время проезда через Элеус Киликийский отдать одно из них Архелая, выразить ему свое неудовольствие на то, что он принял участие в заговоре сыновей его, а оттуда ехать в Рим; если там Николай сообщит им, что Цезарь более не гневается на него, то пусть они вручат ему прилагаемые письма, которые вполне изобличают козни юношей. Архелай оправдался признанием, что он, действительно, собирался принять у себя юношей, но лишь с целью оказать помощь им и их отцу, дабы тот в своем гневе на возводимые против них обвинения не прибег к слишком крутым мерам; при этом Архелай совершенно отрицал свое намерение направить юношей к императору, равно как обещание оказать им в чем-либо поддержку во вред Ироду” (И.д.16,10,7).

Из цитаты явствует: Н.Д. уплыл в Рим восстаноавливать имя и вес ошельмованного патрона в дни следственного дознания в Иудее.

* * *

“По приезде в Рим посланным вскоре представилась возможность вручить письмо императору, уже успевшему примириться с Иродом. Посольство Николая постигла судьба такого рода: когда он прибыл в Рим и явился ко двору, то решил говорить сперва не о цели своей миссии, но прямо приступить к обвинению Силлея. Дело в том, что арабы еще до его прибытия распались на враждебные друг другу партии. Надеясь найти поддержку в нем, многие арабы примкнули к Николаю, сообщили ему обо всех преступлениях, совершенных Силлеем, и доставили очевидное доказательство того, что он умертвил многих приближенных Обода. У них в руках были и письма, перехваченные во время ссоры и вполне изобличавшие Силлея. Видя в этом особенно благоприятный случай, Николай воспользовался им для приведения своих намерений в исполнение и ревностно

* Приближенные Ирода; не путать этого Волумния с прокуратором Волумнием.

заявлялся примирением Ирода с Цезарем. Он отлично понимал, что если вздумает сразу оправдывать образ действий Ирода, то не достигнет ничего и поэтому решил сначала обвинить Силлея в других преступлениях, чтобы потом перейти к оправданию Ирода. Когда при таком положении дел был назначен день для разбора обоюдных жалоб, Николай в присутствии послов Арета стал во многом обвинять Силлея, особенно же в том, что он виновен в изнасиловании не только многих арабских, но и римских женщин. Ко всему этому он присоединил затем самое важное обвинение, а именно, что он обманул Цезаря, рассказав ему совершенно неправильно о поступках Ирода. Когда Николай дошел до этого пункта, Цезарь остановил его, требуя говорить лишь об Ироде, правда ли, что тот повел свое войско на Аравию, что он умертвил 2500 арабов, подверг страну разграблению и увел массу пленных. Николай сказал, что именно об этом он и собирался говорить и объяснить, что ничего не произошло из того, о чем донесли императору и что вполне несправедливо сердиться на все это. При таком неожиданном повороте дела Цезарь стал особенно внимательно слушать Николая, который рассказал о ссуде в 50 талантов* и о существовании расписки, в которой сказано, что, если будет пропущен срок платежа, то Ироду предоставляется право гарантировать себе уплату занятием арабской территории. При таких условиях, говорил он, весь поход царя является уже не походом, а лишь поездкой с целью потребовать обратно свои собственные деньги. К тому же и этот поход не был предпринят скоро и опрометчиво и не совпал со сроком обязательства. Ирод решился на крайнюю меру лишь после того, как неоднократно обращался к содействию сирийских наместников Сатурнина и Волумния и после того, как Силлей, наконец, в присутствии их поклялся именем императора, что он в 30-дневный срок уплатит деньги и выдаст Ироду бежавших из Иудеи к нему подданных его. А так как Силлей не сдержал своего обещания, то Ирод опять отправился к наместникам; когда же они разрешили ему взять свое, то и тогда он нехотя выступил со своим войском..." (И.д.16,10,8). Послушаешь Николая, так Ирод прямо невинный пилигрим, совершивший безобидное паломничество в солнечную Аравию! Почему же в сем случае Цезарь так сильно разгневался и так долго с ним не разговаривал? Талейран не ошибся, метко заметив для чего дан дипломату язык. Дипломатов из числа придворных историков это касается вдвойне.

Летом 5 г. до н.э., когда Антипатрид снаряжал своего Дамаскина в Рим, оттуда уже дунул свежий ветер перемен; весенняя смена династов в Петре Аравийской случилась и в ущерб Силлею, и на пользу Ироду, ибо в лице Энея-Арета царь иудейский обрел естественного союзника. Хитрый политик и дипломат Николай выбрал весьма искусную линию защиты. За Силлем водились крупные грехи, независимо от его конфликта с Иродом; набатейские позиции могущественного везира ослабли, среди арабов произошел раскол и Николай, войдя в деловой сговор с обивавшей римские пороги партией Арета, продуктивно этим воспользовался. К месту заметить: вопрос, адресованный ученому адвокату Августом — правда ли, что Ирод

* Выше (16,9,1) речь шла о 60 талантах.

повел свое войско на Аравию? — опять сконцентрирован на факте боевого похода в дни освященного мира и в словах кесаря снова звучит глохнувший упрек. В итоге Силлеевы проступки, с учетом прочих конъюнктурных изменений и общего беспорядка в Трахоне, перевесили (или занавесили) проступок Ирода.

“Такова-то была война, сказал Николай, таков был весь поход. Какая же эта война, разрешение на которую дали твои собственные наместники, которую допускал договор, причем подверглось поруганию имя не только прочих богов, но и твое собственное, Цезарь! Теперь же мне следует поговорить также относительно пленных. Бежавшие от гнева Ирода сперва 40 трахонских разбойников, а потом больше, сделали своим убежищем Аравию. Их принял к себе Силлей и стал кормить назло всем другим обитателям страны. Им он раздал землю и с ними он сам делил добычу от грабежей их. Он клятвенно обещал выдать этих людей Ироду в дни возвращения долга, но и теперь еще нельзя указать ни на кого, кто был бы уведен царем из Аравии, кроме именно этих разбойников, притом даже не всех, а тех лишь, кто не нашли возможности скрыться. И вот, так как вся история с пленниками является ложным и злобным измышлением, то ты, Цезарь, узнаешь какое огромное здание лжи воздвиг Силлей для того только, чтобы вызвать гнев твой. Я утверждаю, что когда на нас напала арабская рать и лишь после того как на стороне Ирода пали один или двое, а Ирод слабо отбивался, явился на поле битвы арабский военачальник Накеб, потерявший при этом случае ок.25 воинов. Число их Силлей умножил на 100 и заявил, что пало 2500 человек” (И.д.16,10,8).

Ох, твоими бы устами да мед пить, Николай Дамаский! Не круглый же идиот Цезарь, чтобы столько времени пребывать в абсолютно близоруком неведении и вдруг, только благодаря твоему исключительному красноречию, на 180° прозреть. Притом из дамаскинского рассказа, где пастбищный, долговой и разбойный мотивы кудряво переплетены, опять-таки не очень понятно, что именно разрешили Ироду императорские наместники и за чем или за кем именно (за всем сразу!) он углубился на три дня пути в Аравию. Определенно можно сказать следующее: значение миссии Дамаскина не следует ни преуменьшать, ни слишком преувеличивать: его дипломатия сыграла, конечно, выдающуюся, однако, не основополагающую роль в состоявшемся примирении. Того повелителя, кто внутренне готов, кто хочет в чем-то переубедиться или во что-то, перепроверив, поверить, переубедить и заверить гораздо легче, нежели того, кто переубеждаться не хочет.

Короче, свидетельствующая в Иродову пользу просроченная долговая расписка всплыла ко времени; не совсем однозначное походное добро наместников с опозданием сработало; боевой поход оказался вовсе не походом, а везирь Силлей потерял фиговый листок и сделался бессовестным лгунишкой. В сражении у скрытой Раипты пало, как замечено выше, не 2500, но и не 25, а, вероятно, около 250 арабов. Впрочем, какая теперь разница? Разве умножение погибших на 10 не огромное (пусть даже меньшее, чем умножение на 100) “здание лжи”, воздвигнутое Силлеем с целью скомпрометировать в глазах кесаря более полезного регионального союз-

ника. И от острой, сродни дамасской стали, дамаскинской полуправды Цезарь Август прозрел, ибо захотел прозреть! Сами поем, сами танцуем.

“Это еще более подействовало на императора и, обратясь к Силлею, он, преисполненный гнева, спросил, сколько арабов пало? Когда тот смутился и сказал, что его ввели в заблуждение, тогда были прочитаны письменный договор, документы наместников и целый ряд жалоб разных городов на грабежи. Цезарь был вне себя от ярости, так что присудил было Силлея к смертной казни; затем он помирился с Иродом, высказал ему сожаление по поводу слишком резкого письма своего, вызванного клеветой, и упрекнул Силлея в том, что тот лживым доносом принудил его опозорить преданного друга. В конце концов Силлей был отправлен домой для того, чтобы исполнить свои обязательства согласно договору, а затем потерпеть заслуженное наказание. Цезарь, однако, не благоволил Арету за то, что он не через него, а самовольно сел на престол. Он решил было отдать и Аравии Ироду, но от этого его удержали посланные последним письма. Узнав о том, что император вновь благосклонен к Ироду, Олимп и Волумний, сообразно приказанию царя, решили немедленно вручить Цезарю письменное извещение о виновности сыновей Ирода. По прочтении этих писем император решил, что будет неудобно предоставить новую область старику, который не в ладах со своими собственными детьми. Поэтому он принял послов Арета и, укорив их только в том, что царь их поступил слишком поспешно, не дождавшись с его стороны утверждения на престоле, взял у них дары и утвердил за Аретом власть” (И.д.16,10,9).

Относительно Силлея дело в те дни разрешилось, мягко говоря, не совсем так. В откомандирование аравийского канцлера домой исполнять неисполненные обязательства с приказом вернуться затем в Рим только для того, чтобы быть там казненным или “понести заслуженное наказание”, невозможно поверить. Возможно, “просветленный” Цезарь и вправду чересчур разгневался, но пока еще явно не в эшафотной мере. Во 2 г. до н.э. Силлей опять прибудет в Рим и вступит тут в тяжбу с сыном Ирода Антипатром, успев перед тем немало напаскудить. Следовательно, осенью 5 г. до н.э. Август предоставил ему шанс реабилитироваться, объявив его виноватой стороной, однако, никак не осудив окончательно, мало того, не лишив великовезирского достоинства. И это вполне понятно, ибо Арета Верховный утвердил на царство нехотя, отчего получивший строгий выговор, отпущенный исправляться и потому вдвойне обязанный Центру эпитропос Силлей мог (в качестве паритетного фактора при подозрительном Центру самоуправном царе) выгодно пригодиться. Казнь Силлея совершится аж в 1 г. до н.э... Но не будем забегать вперед.

Сейчас на дворе осень 5 г., когда старику Ироду Аравию, увы, не доверишь — так постановил кесарь, прочитав доставленные посланцами вассала письма и тем более решив оставить набатейского канцлера в должности. Хотя возникает вопрос: собирался ли Август действительно поставить под власть Иерусалима всю Набатею? Ведь, если Силлею грозило побиение камнями в случае обрезания, то арабы наипаче подняли бы повстанческие камни против навязанного им в венценосцы обрезанного царя иудеев. По всей видимости, здесь правильнее вести речь о неосуществленном августов-

ском намерении расширить Иродово царство за счет части пограничных арабских территорий.

Так или иначе, примирение между друзьями-союзниками, старшим и младшим, состоялось (ворон ворону глаз не выклюет); полного восстановления былой дружбы не произошло. Во-первых, все выглядело несколько иначе, нежели в описании-интерпретации *делателя* истории Н.Д.; во-вторых, Хозяин все-таки не до конца спустил подчиненному превышение самостоятельных полномочий; в-третьих, императора чем дальше, тем неприятнее удручала неизлечимая распря в антипатридской семье и он в личных отношениях ощутимо дистанцировался от старика, который хронически “не в ладах со своими собственными детьми”. Правда, эта дистанцированность отнюдь не оспаривала право отца — *patria potestas* — устроить над непокорными сыновьями полноправный суд. Кроме того или как раз прежде всего, интересы державы требовали держать Ирода в услужении: резон есть резон.

Подведем хронорезюме. Итак, арабский царь Обод умер после 21/22 марта, на 26-м году правления, видимо, ок.середины весны 5 г. до н.э. Первых послов Энея-Арета Август отослал обратно не ранее конца весны или начала лета. Вряд ли Арет тотчас, не переведя дух, не взвесив и не уяснив *pro* и *contra*, снарядил второе просительное посольство. Вместе с тем, он не мог, не посмел бы долго не снаряжать вторичных послов, пребывая в чреватом для него печальными последствиями иллегитимно-подвешенном состоянии. Отсюда вывод: принятие кесарем в сложившихся обстоятельствах, по завершении арбитражного разбирательства в Риме, даров от монарха патрийцев и утверждение за ним царской власти (вместо марша на Петру) имело место не ранее и не позднее осени 5 г. до н.э. Т.о., осенью 5 г. до н.э. Ирод вновь попал из августейшей немилости в более сдержанную августейшую милость.

* * *

“Примирившись с Иродом, император написал ему об этом, выразил свое соболезнование по поводу неурядиц его с сыновьями и сказал, что если последние действительно, решились на преступление, то с ними следует поступить, как с отцеубийцами, на что он его сам и уполномочивает; если же они имели в виду только бегство, то ему следует обойтись с ними мягче, без крайностей. При этом Цезарь советовал ему созвать суд в Берите, где имелось римское население, пригласить туда наместников и каппадокийского царя Архелая, равно всех тех, кого Ирод считает настоящими и неизменными своими друзьями и порешить как быть. По получении письма царь очень обрадовался состоявшемуся примирению, но еще более был доволен тем, что ему предоставлена относительно сыновей полная свобода действий...” Примечательно, что заново обретенное благоволение кесаря не смягчило его, наоборот, “теперь, ввиду поворота дел к лучшему, он совершенно отдался мощному чувству свой ненависти. Итак, он собрал в суд такое количество человек, какое нашел нужным, не пригласив, впрочем, царя Архелая, т.к. не доверял ему и предусматривал с его стороны серьезный отпор” (И.д.16,11,1).

В “И.в.” читаем: “Ирод последовал этому совету, отправился в город Берит, указанный императором, и созвал собрание. Председательствовали, по назначению императора, наместники: Сатурнин и Педаний с их легатами; возле них заседали: прокуратор Волумний, затем родственники и друзья царя, в т.ч. Саломия и Ферора, и кроме них сирийские династы. Царя Архелая не было, ибо ему, как тестю Александра, Ирод не доверял. Самих сыновей он, по заранее принятому решению, не представил собранию; он очень хорошо знал, что один только вид их вызовет сострадание у всех, а если еще им предоставлено будет слово защиты, то Александр очень легко сумеет поколебать обвинение. Они содержались под стражей в сидонской деревушке Платан.

Царь поднялся и стал громить своих сыновей, точно они тут же стояли перед его глазами. Обвинение в покушении на его жизнь он поддерживал слабо, как будто сам чувствовал несостоятельность улик; тем энергичнее он обвинял их в поношении его имени, в насмешках и оскорблении его личности, и таких фактов он исчислил такое множество, что смерть за них показалась многим слишком ничтожным наказанием. Так как никто ему не возражал, он стал оплакивать самого себя: приговор против сыновей постигнет его самого, победа над детьми — это горькая победа. Вслед за этим он стал собирать голоса. Первым высказался Сатурнин: он признал юношей виновными, но незаслуживающими смертной казни; он не вправе, сказал он, решить гибель детей другого, в то время, когда возле него стоят его собственные три сына. К его заключению присоединились оба легата и еще несколько лиц. Волумний был первый, произнесший ужасный приговор, и вслед за ним уже все осудили юношей на смерть — одни из лести, другие из ненависти к Ироду, но никто из негодования против обвиняемых. Вся Сирия и Иудея с напряженным вниманием следили за ходом этой трагедии; никто, однако, не думал, что Ирод доведет свою жестокость до детоубийства. Но он поволок своих сыновей в Тир, а оттуда поплыл в Цезарею, чтобы обдумать род казни для юношей” (1,27,2,3).

Сняв опалу с Ирода, Август одновременно деликатно умыл в длинном-длинном деле его сыновей руки. Как мудро-миролюбивый вселенский судия он, конечно, призвал к смягченному, при возможности, приговору, но как строгий *pater familias* он не считал ни нужным, ни правозаконным оспаривать полновластие монарха-отца. Царевичи Александр и Аристовул, вне зависимости от их конфликта с родителем, в Ироды, по их способностям, не годились. Поэтому чрезмерное заступничество за них противоречило бы (и правовым нормам, и) соображениям державной целесообразности. Сердцем кесарь, несомненно, пожалел о принцах, но ведь не сердцу решать, когда за *Imperium Romanum* голова болит.

Кстати, Иродовы жалобы в суде не столько на отцеубийственный заговор сыновей, сколько на их злопыхательства в родительский адрес дополнительно подтверждают как несостоятельность обвинения в покушении на отцеубийство, так и гипертрофированное злорадство обоих братьев именно во время и по поводу опалы отца. Вместе с тем, неприглашение в суд Архелая Кап. лишний раз указывает на заведомо уготованную Александру с Аристовулом смертную долю, т.е. добрый совет Августа насчет присяжного

Архелаева присутствия в суде был всего-навсего ни к чему не обязывающим добрым советом, ибо совету обязательному Ирод обязательно бы последовал. Другое дело Берит, где, как мы помним, в 15 г. до н.э. М.Агриппа основал римскую колонию и куда кесарь направил судиться римских граждан — Антипатридов. За прошедшую от основания колонии (место поселения ветеранов двух легионов — V-го Macedonica и VII-го Augusta) десятилетку Берит заметно расцвел и разросся. Между прочим, RE (B.4 Coloniae 552) правильно датирует обнаруженные в XIXв. в районе современного Бейрута латинские эпитафии (CIL III 161-67,6041,6671,6672) 5/4 г. до н.э., не подозревая, впрочем, об актуальном синхронизме. Усиленно развернутая именно в те годы беритская созидательно-колониальная деятельность римлян, наверняка, связана с кесарским советом-указанием Ироду устроить судилище под председательством римско-сирийских наместников именно там, т.е. в прибрежном имперском центре соседней иудейскому царству Финикии.

* * *

В 5/4 г. до н.э. воспитанную при Иерусалимском храме старшую дочь покойных Иоахима и Анны 12-летнюю отроковицу Марию приняли на попечение родственники, обитатели града Давидова — Вифлеема.

“И ты Вифлеем — Еффафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных” (Михей 5,2).

Приблизительно тогда же семья, в которой росла другая Мария, младшая сестра Марии Вифлеемлянки — Мария Галилеянка, перебралась на местожительство из Сепфориса в Назарет.

* * *

Итак, касаясь римско-императорских наместников Сирии, во флавиевских текстах, о чем мы знаем, языковой или смысловой нонсенс: множественность. Если по “И.в”, в суде над сыновьями Ирода председательствуют “Сатурнин и Педаний с их легатами”, то по “И.д.”, загадочного Педания нет и в помине: около Сатурнина три его сына, плюс непреклонный радетель высшей меры прокуратор Волумний. В очерке о Сатурнине (RE 1516) Гроаг высказал предположение: три молодых Сентия были при губернаторе отце войсковыми трибунами сирийских легионов, тогда как боевой легат Педаний командовал одним или двумя легионами. Так или не так — кто знает? кто скажет? Оставим вопросы “строго засекреченного” Флавием Педания и точного статуса широкополномочного Волумния открытыми.

В созванном, точнее, в тщательно собранном беритском суде, вернее, в показательном процессе, участвовало итого 150 человек: сановно-чиновные римляне, родственники Ирода (поименно названы Саломия и Ферора), придворные и окрестные друзья царя, сиро-финикийские династы — тет-

рархи, пилархи, топархи, и другие официальные лица. Обвиняемые братья, содержащиеся в оковах в деревушке Платан севернее Сидона, перед судом не предстали. Словесное судопроизводство вылилось в сплошное, с пеной у рта, обвинение обвинителя (кому никто не возражал), без положенного обвиняемым права на самозащиту, и не выступи в благородной роли пассивного защитника Сатурнин, фарс выглядел бы куда карикатурнее. В остальном поборник кесарской юстиции Ирод даже свирепо кричал, что уполномоченный “делать в свой стране и в своем царстве все, что угодно, он все-таки готов выслушать приговор судей. Последние, говорил он, здесь не столько в качестве судей, должностующих вынести приговор по очевидному преступлению детей, которые его чуть не погубили, сколько в качестве свидетелей, имеющих возможность понять гнев его, т.к. никто, даже иноземец, не отнесется безучастно к столь коварным замыслам” (И.д.16,11,2).

Бурно жестикулируя, Антипатрид, словно правоверный иудей-законник, зывал к древнему постановлению Торы, “в силу которого, если родители человека выступали против него с обвинением и возлагали руки свои на голову сына, последний обязательно подвергался побиению камнями со стороны всех присутствовавших при этом” (там же). “В заключение он сказал, что как по природе, так и в силу предоставленной ему императором власти он имел бы право решить данный вопрос по собственному усмотрению” (там же).

Читай хоть спереди назад, хоть сзади наперед – суть одна. Зачем вообще ломать комедию? И разве после этого удивительно, что судьи, “не пригласив юношей в заседание, пришли к выводу о невозможности смягчить гнев Ирода или побудить его к примирению, и поэтому согласились с ним” (И.д.16,11,3). Согласились, невзирая на зычный призыв Сатурнина к умеренности, несмотря на выразительный уход кесарского начальника Сирии в гуманный офсайд. Таким образом, Рим в лице распорядителя мира кесаря Августа самоустранился от окончательного решения, респектируя суверенитет малых народов и самобытность их династий. Совет Ироду проявить снисхождение, попытка смягчить приговор – да; нажим – ни в коем случае; милуешь – милуй, казнишь – казни: что нам до того, смотри сам.

* * *

Братья-цесаревичи явно, подобно арабам, переоценили опалу царя, зарвались сверх меры, однажды пожелали ему в злобной междусобойной болтовне (снова) свалиться во время охоты на копыта и издохнуть; они, должно быть, смаковали его провал, злорадно перешептывались: пробил-де час, теперь стоит лишь истинным престолонаследникам сбежать из страны, припасть к стопам кесаря и справедливость восторжествует: узурпатор падет; Антипатр не избежит наказания. Так, сыновья Мариамны навсегда отреклись от иродианского корня, много оскорбительнее прежнего задели в создавшейся ситуации наиболее чувствительные, наиболее болевые струны отца и всего идумейского клана. И вот далеко не в первый раз подверг-

нутое испытанию царско-отцовское терпение Ирода иссякло. Психиатрическое воображение одержимого старика-деспота утроило, удесятерило случившееся, неотделимо смешало фантастические бредни с реальностью. Дофин Антипатр, плюс Саломия, плюс Ферора мельтешили то в кадре, то за кадром, и неустанно подливали масло в огонь. Довольно! хватит! Видит Бог, он, Ирод, долго тщился поправить непоправимое, исправить неисправимых! Все средства перепробованы, ничего не помогает! Значит: нет человека – нет проблемы!

Мажоритарный приговор по суду прозвучал. Пресловутая запятая во фразе “казнить, нельзя помиловать” юридически обосновалась в отведенном ей месте. Судилищное заседание закрылось.

Из римского Берита царь иудейский заехал за осужденными в Платан, откуда проследовал в Тир, остановился здесь, встретился с прибывшим из Рима Н.Д. и поплыл после беседы с ним в Кесарию, обдумывая род казни и одновременно все еще колеблясь.

“Вскоре Ирод увез юношей в Тир. Сюда прибыл к нему из Рима Николай. Рассказав ему предварительно обо всем, произошедшем в Берите, царь стал спрашивать его, какого мнения держатся его римские друзья насчет сыновей его. Тот ответил, что друзья считают их намерения преступными, но советовали при этом заключить их только в тюрьму и стеречь их там... Если ты, впрочем, сказал он, все-таки решишь казнить их, то сделай это погода, чтобы не создавать впечатление, будто ты действовал по внушению гнева, а не рассудка. Если же ты, напротив, думаешь помиловать их, то отпусти их, чтобы не навлечь на себя еще большей беды*. Таково мнение большинства твоих римских друзей. Он умолк, а царь погрузился в глубокое раздумье и затем приказал Николаю ехать вместе с ним” (И.д.16,11,3).

Напомним, августейшее отпущение грехов за войну с арабами Николай выхлопотал *малому* патрону у *большого* осенью 5 г. до н.э. Ирод получил кесарское послание накануне зимы или уже зимой, бурно обрадовался, взялся организовывать показательный процесс регионального масштаба, оповестил тех, кого наметил в судьи-свидетели, и в итоге устроил представительное судилище под председательством римско-антиохийских наместников в колониальном финикийском Берите зимой, ближе к весне 4 г. до н.э. Потом, дорогой на юг вдоль побережья последовали Сидон и Тир, куда причалил по весне проведший зиму в Европе Николай, и наконец, после короткого плавания царский якорь был брошен в Кесарии Палестинской.

* * *

Обдумывал ли царь род казни? медлил ли, взвешивая мнение римских друзей? или что-то шелохнулось в душе отца? “Приговор против его сыновей постигнет его самого, победа над детьми – это горькая победа” – так он, оплакивая себя, вопил в суде, требуя высшей меры. А теперь? Суд позади, цель достигнута. Отчего же победитель застыл-замер? Не хватает решимости? нужен последний толчок?

* Гм!?

“Когда Ирод приехал в Цезарею, все население тотчас стало толковать только об его сыновьях, и весь город был в волнении, какой исход примет дело. Страх обуял всех при мысли, что старая неурядица приведет ныне к крайне тягостному концу и хотя все сочувствовали страданиям узников, без риска нельзя было ничего сказать и даже слушать других. Все скрывали в душе свое сочувствие...” (И.д.16,11,4).

“Один из ветеранов царя Терон, сын которого был близким другом Александра и который сам тоже очень любил юношей, от избытка скорби об их участи лишился рассудка. Сначала он бегал по улицам и кричал: “Правосудие попрано, природа извращена и вся жизнь полна преступлений.” Наконец, он осмелился выступить лично перед царем и обращаясь к нему, воскликнул: “В тебе, кажется, злой бес засел, раз ты веришь худшим из людей больше, чем твоим любимым детям. Фероре и Саломии, которых ты уже неоднократно признавал достойными казни, ты веришь, когда они клеветают на твоих детей. Они хотят лишить тебя настоящего престолонаследника и никого больше не оставить тебе, кроме Антипатра для того, чтобы в будущем иметь такого царя, с которым они могли бы сделать все, что пожелают. Подумай только, не навлечет ли на него смерть братьев ненависть солдат. Ведь нет ни одного человека в армии, который бы не сочувствовал юношам, а из командиров иные публично выражают свое негодование. При этом он назвал имена недовольных. Но царь тут же отдал приказание арестовать последних вместе с Тероном и сыном его.

Тут выступил еще придворный цирюльник по имени Трифон и по какому-то упоминанию сам выдал себя: “И меня – сказал он – хотел этот Терон уговорить зарезать тебя во время бритья, обещав мне за это большое вознаграждение от Александра.” Вследствие этого доноса Ирод приказал и Терона, и его сына вместе с цирюльником подвергнуть пытке. Так как первые все отрицали, а последний не высказывал больше того, что уже говорил, царь велел усилить истязания Терона. Сын, тронутый муками родителя, вызвался все открыть царю, если только он простит отца. Ирод обещал помилование. Тогда сын сказал, что отец по наущению Александра хотел лишить его жизни. Это заявление одни считали выдумкой, к которой сын прибег для избавления отца от пыток, другие приняли его за чистую правду” (И.в.1,27,4,5).

“Если Ирод раньше хоть медлил с казнью и в тайниках души сомневался, то теперь исчезло все, что могло бы его подвинуть на более гуманное решение и он спешил поскорее привести свое намерение в исполнение. Сперва он вывел на площадь 300 обвиненных офицеров, Терона с сыном и обвинившего их брадобрея. Всех их он осудил, а чернь закидала их насмерть всем, что попало ей под руку. Александр и Аристовул были доставлены в Себасту и казнены там, по повелению отца, через повешение. Трупы их ночью были похоронены в Александрионе, где уже покоились их дядя со стороны матери и весьма многие из предков” (И.д.16,11,7).

Возникает вопрос: каким образом некто, даже умалишенный, какое-то время, пусть в течение всего нескольких дней, бегал по городу и публично, чуть ли не площадно, взывал к справедливости, после чего сумел добиться высочайшей аудиенции, т.е. предстать перед сверхподозрительным деспо-

том единственно для того, чтобы произнести свою пагубную речь? Кто заинтересовал царя оригинальным юродивым? кто открыл Терону* доступ в царские покои? Разве не Саломия и Ферора, и Антипатр? вероятно, действовавшие в данном деле сообща. Следовательно, к месту спросить: откуда, от кого столь своевременно вынырнул со сногшибательными показаниями брадобрей Трифон? Разве не от них? Разве в его появлении не узнается почерк четвертьвековой давности, когда к Ироду в час бурного разбирательства явился в должно-нужный момент, по наущению Саломии, с ложными показаниями о намерении Мариамны отравить мужа любовным зельем царский кравчий?*** Видимо, последний получил тогда щедрое вознаграждение и Трифон понадеялся на то же, не рассчитывая оказаться под пыткой, кричать в ходе которой об умышленном навете было уже и поздно, и бесполезно. Что касается Теронова сына, то, скорей всего, он, тщаь спасти отца, оболгал в условиях подпытного психоза, в порыве отчаяния и себя, и отца, и, главное, томившегося в камере смертников Александра, чем, без сомнения, премного удружил губителям сыновей Мариамны.

Круг замкнулся. 300 офицеров, будучи объявлены врагами народа, и наверное, обвинены в попытке гос.переворота, подверглись вместе с Трифоном, Тероном и его сыном всенародному линчеванию. Александр и Аристовул были доставлены в Себасту-Самарию, удавлены (как их казненная 25 лет назад мать) и бесшумно, ночью, погребены в Александрионе. Согласно сохранившимся фрагментам Н.Д., приказ об убиении сыновей Ирод отдал среди ночи***. Он принадлежал к числу не жаворонков, но сов и любил, сродни Сталину, работать по ночам. Приговор привел в исполнение ответственный за казнь *главный чекист* Антипатр.

* * *

Несомненно, благочестивые иудеи увидели в свирепой родительской расправе Ирода очередное преступление тирана, дни которого сочтены. Вместе с тем, например, у политизированных фарисеев хватало причин не сожалеть о перспективном неприходе развращенных язычеством идумейско-маккавейских принцев к власти. Единовременно, всем апокалиптически настроенным мессианистам дикая трагедия возвестила близость мессианской эры.

Между прочим, география Иродовых предприятий против заранее четкой установкой вершить *сталинское* правосудие не в собственно Иудее. Характерна геопоследовательность судебно-расправных пунктов: Берит (транзитные Тир и Сидон), Кесария, Себаста. С другой стороны, многие поддан-

* В "И.д." (16,11,5) Терон изображен не безумцем, а смельчаком, открыто высказавшим царю все то, что не рисковали говорить другие, причем он действует ради блага самого царя, воздав сначала должное его великим деяниям и сиюсья открыть ему глаза на происки родных.

** Обращает на себя внимание бульшая, в сравнении с Антипатром, активность Саломии и Фероры в последнем акте драмы Александра и Аристовула (участие тети с дядей в беритском судилище; слова Терона).

*** FHG 352; см. Отто (129,137).

ные царя, будь то иудеи или язычники, искренне сострадали Александру и Аристовулу: жестокосердие отца вызывало естественное неприятие. Однако, ни бунт, ни организованное сопротивление на этой почве режиму не угрожали. Наибольшими симпатиями обреченные братья пользовались в саддукейской среде, в аристократических верхах общества и среди эллинизированных элементов в армии. То, что в рядах ВС часть офицеров симпатизировала осанистым молодым царевичам, отчасти в противовес престарелому царю, отчасти в пику крайне антипатичному Антипатру, совсем не удивительно. Правда, переворот не готовил никто: импровизированный “военный заговор” возник, словно мыльный пузырь, в пылу озверело-скоростной чистки.

Так, казнь некогда обожаемых сыновей, причем не случайно через удушение, причем в не случайно выбранной для этого Самарии, спустя 30 лет после сыгранной здесь перед победным штурмом Иерусалима свадьбы, Ирод весной 4 г. до н.э., на 66-м году жизни, окончательно порывал с Мариамной. Он неистово любил ее и предал злой смерти; он семь лет не мог расстаться с ее мертвым телом; он вознес ее останки в поднебесье Масады; он похоронил ее на пороге неба, а она мстила ему из-за гроба; мстила неугасимой ненавистью, впитанной ее сыновьями с молоком матери. Но, думая, что династический организм теперь, с ампутацией больных членов, здоров, тиран жестоко ошибался. Это тигр может, утоляя животный голод, безнаказанно сожрать детенышей. Человеку, царь он или не царь, от возмездия, до гроба или за гробом, да и от себя самого, никуда не уйти. Не рок, не судьба, не злые бояре при добром царе, но Ирод (с его роковой судьбой) несет, согласно Флавию, персональную ответственность за все совершенные им преступления. Читайте заключительный абзац 16-й книги “И.д.”

* * *

1 января 4 г. до н.э. = 750 г. а.У. в Риме в консульство вступили Г.Кальвизий Сабин и Л.Пассиен Руф.

В анналистическом очерке “Iulius Augustus” (RE X 364) о 4 г. до н.э. коротко замечено: “Из-за пробела в труде Диона, мы знаем об Августе в этом году не более того, что он после смерти Ирода разделил Иудейское царство между его сыновьями и впервые предоставил юному Г.Цезарю слово в гос.совете, данный вопрос решавшем.”

Надев в 5 г. до н.э. тогу мужа, кронпринц Гай, действительно, получил место и голос в сенате и в кронрате, но участвовать в решении судеб Иудейского царства по смерти Ирода он будет в год смерти Ирода, т.е. четыре года спустя, не в 4 г. до н.э., а в 1 г. н.э., уже 20-летним консулом, а не 16-летним юнцом.

И пусть в ночь с 12 на 13 марта 750 г. а.У. взаправду имело место то самое выявленное Кеплером партиальное лунное затмение*, на Ироде оно

* Корейская астротрадиция знает про Новую звезду не только в 5, но и в апреле 4 гг. до н.э.

существенно не отразилось. Царственный Антипатрид пока жив и умирать к апрельской пасхе 4 г. до н.э. никоим образом, назло всем, не собирается. Незачем хоронить его раньше срока. Не Ирод, а его сыновья лишились в реально-историческом 4, а не в научно-энциклопедическом 7 гг. до н.э. жизни.

Стало быть, если Августа в 4 г. иродианская проблема в Риме, вопреки общернятому мнению, не удерживает, то ничего не мешает ему командировочно отлучиться из Италии. Взгляните: во-первых, с 8 г. до н.э., вернувшись из Галлии, он вплоть до 4 г. до н.э. Италию не покидал, чего, т.е. столь длительной римско-италийской оседлости вождя, за минувшие 40 лет ни разу не случалось; во-вторых, надо же совершить последний (или предпоследний?) заиталийский выезд до выхода на менее подвижную пенсию. Ну и куда почти 60-летнему кесарю направиться, как не в избранную Галлию и на Рейн, в создающуюся провинцию Германия*.

Современный Кельн выводит свое начало от города убиев — oppidum Ubiorum. Здесь М.Агриппа, второй римлянин, перешедший (38 г.) Рейн, поселил переведенных с правого берега убиев; сюда содиарх Випсаний наезжал в 20/19 гг. Дважды встречающийся в “Анналах” Тацита термин *Aga Ubiorum* (1,39;1,57) до сих пор понимается спорно. Что сие означает: жертвенник убиев? или заложенную при Августе центростремительную германскую кумирню, типа галльско-лугдунского алтаря *Aga Romae Augusti*? иначе говоря, сакральный центр провинциализируемой Германии.

Предложим вопрос-версию: не превратилось ли капище союзно-верных римлянам левобережных убиев в т.н. всегерманское святилище Ромы и Августа, будучи освящено самим Августом, причем б. м., именно вакантным в августейшей биографии летом 4 г. до н.э.?

* * *

Латаем вакуумные дыры. Два слова о консулах — как никак эпонимы. Г.Кальвизий Сабин — сын одноименного консула-орд. 39 г. до н.э., адмирала октавиановского флота в Сицилийской войне, которого в 37 г. сменил на командном посту М.Агриппа. Об отце, правоверном октавиановце, известно порядком больше, чем о сыне, ибо о сыне сведений, помимо эпонимических, нет; членство в жреческой коллегии септемвиров-эпулонум предположительно. Л.Пассиен Руф — сын умершего, сообразно “Хронике” Иеронима, в 9 г. до н.э. друга Сенеки Старшего — видного декламатора

* В 14 г. н.э., во время волнений германских и иллирийских легионов, сенаторы, согласно Тациту (Ан.1,46), противопоставляют сидящему сиднем в Риме 55-летнему Тиберию Августа, “который в преклонном возрасте мог столько раз посетить Германию, а Тиберий во цвете лет упорно сидит в сенате...” Т.е. по Тациту, Август “не один раз” посетил Германию, будучи старше 55-летнего Тиберия. В 8 г. до н.э., в год выезда в Галлию по германским делам, Августу исполнялось как раз 55 лет и этот его выезд за пределы Италии считается в науке последним. Но из Тацита следует, что он побывал в Галлии и на Рейне, если не много, то минимум один раз (или даже два раза) также после 8 г.

Пассиена, кого всепридирчивый Кассий Север ставил вровень с А. Поллионом и В. Мессалой. Впрочем, иные считали Пассиеново красноречие многословным и скучным. О Пассиене Minor известно немного: отконсульствовав, он отправится около 3 г. н.э. проконсульствовать в Африку, стяжает там за какие-то боевые заслуги *ornamenta triumphalia* и умрет глубоким стариком, кажется, естественной смертью, аж при Калигуле. Его сына, баснословно богатого Саллюстия Пассиена Криспа, сначала женит на себе, а затем отравит мать Нерона Агриппина.

Вероятно, 1 июля 4 г. до н.э. консулов-орд сменили суффекты — ближе неизвестные К. Целий и Гн. Сульпиций.

Приложительно к году эпоними Кальвизия и Пассиена заслуживают внимания обнаруженные в 1928 г. в ливийской Кирене пять эдиктов Августа: четыре — от 7/6 и венчающий их пятый — *Senatsconsultum Calvisianum* — от 4 г. до н.э.* Эпиграфические документы отражают проблему провинциальных судов. Дирижерски вмешиваясь в судопроизводственные дела сенатской провинции Крит и Киренаика, кесарь отдает предпочтение туземно-эллинистическому элементу перед римским — поощряет и легитимирует большую юридическую самостоятельность местного населения при отправлении судопроизводства местного значения. Примечательна хронология кульминирующего в 4 г. до н.э. монарше-парламентского законодательства. Резонен вопрос: неужели похожие положения-мероприятия не коснулись вотчин собственно кесарских? Директиву о суде над сыновьями Ирода в Берите кесарь отдал в 5 г. до н.э.; Александра и Аристовула судил в начале 4 г. до н.э. суд из 150 человек, в основном репрезентантов местного регионально-сирийского, включая Иудейское царство, нобилитета, которые подавляющим большинством голосов, при сдержанно разноголосых позициях высокочиночных римлян, вынесли смертный приговор. Вывод: высочайшие эдикты-предписания 7/6-4 г. до н.э. в адрес Кирены — составная часть общеимперской программно-колониальной политики. Даешь расширенную “ленинскую автономию” союзных полисов и вассальных монархий не в ущерб ойкуменической державе!

* * *

В 4/3 г. до н.э. умер, соответственно “Хронике” Евсевия-Иеронима (145), в возрасте 99/100 лет М. Туллий Тиرون — сначала раб, потом личный секретарь, вольноотпущенник и друг, потом блюститель литературного наследия и автор не дошедшего до нас жизнеописания М. Туллия Цицерона. Будучи на три года моложе патрона, Тиرون, сын военнопленного, родился в доме Цицеронова деда в Арпине; попал вместе с семьей будущего адвоката в Рим, рос и воспитывался напару с ним, стал его учеником (“*tiro*” в переводе “ученик”) и секретарем. В год своего пятидесятилетия получил вольную; в 51/50 гг. находился при Цицероне, проконсульствовавшем в Киликии; на обратном пути тяжело заболел, надолго слег и вообще отличался слабым

* “Historische Inschriften zur Römischen Kaiserzeit” Darmstadt 1984, № 28, 45-50; herausgegeben von H. Freis.

здоровьем. В 46 г. преданный вольноотпущенник взялся за организацию библиотеки на цicerоновской вилле Тускула, вел расстроенное домашнее хозяйство, выполнял (до и после убийства Цезаря) различные поручения старшего наперсника. Триумvirальные проскрипции 43 г. обошли его стороной; в последующем он уединился в своем приобретенном в 44 г. скромном поместье возле Путеол, занялся тщательным собиранием, упорядочением и изданием речей, писем и афоризмов Цицерона. Правда, подготовленная к печати переписка между последним и Помпонием Аттиком вышла в свет (по государственно-резонным соображениям) много позже, лишь в годы Нерона. Тирону принадлежит также изобретение использовавшейся в Европе до XIV в. латинской скорописи. Знаменательно, что из языковедческих трудов его самого, прожившего, невзирая на хилое здоровье, долгий век, ничего не сохранилось, ибо их некому было хранить. Но, как говорится, каждому свое. Не случайно сказано: люди сохраняют все, что им нужно.

* * *

Далее, в 4/3 гг. до н.э. умер, следуя тому же источнику (“Хроника” 145), раз вышеупомянутый нами М.Порций Латрон — римский испанец из Кордубы, земляк, однокашник и друг юности Сенеки Старшего, один из виднейших декламаторов и риторов *золотого века*, у кого учился восхищавшийся им Овидий, кому ходили внимать сильные мира сего — Август, Агриппа, Мecenат. Впрочем, стиль Латрона критиковал выступавший против него на судебном процессе Мессала, тогда как Азиний Поллион вменял ему дистанцированность от судебного-процессуальной практики. Да, Латрон не любил ни адвокатствовать, ни философствовать. При диктатурах оно, стоит повторить, так — все меньше философов, все больше болтунов. Отчего не почесать лояльным языком без костей?

* * *

Тем не менее, около 4 г. до н.э. появился на свет грядущий философ Сенека. Его отец Сенека Маiог происходил из всаднического сословия и родился около 60-55 гг. до н.э. в Кордубе. Дважды он, в первый раз учась на чиновника, во второй — в зрелые годы, подолгу жил в Риме, где в свободное от учебы или работы время уделял повышенное внимание ораторскому искусству и истово слушал всех тогдашних знаменитостей (с некоторыми из которых дружил) — Г. Альбуция Сила, Арелия Фуска, Л.Пассиена, Л.Цестия, Папирия Фабиана, плюс близких друзей-ровесников — Порция Латрона и Юния Галлиона. Отучившись, напористый всадник служил большую часть жизни (поверенным в делах? адвокатом? прокуратором?) и только на склоне лет, на пенсионном досуге, а прожил он, подобно долгожилу Тирону, около века, пережив Тиберия, взялся за перо. Труд по современной автору истории, т.е. по событиям с середины I в. до н.э. до конца тиберианского правления в I в. н.э., к великому сожалению, утерян*.

* Отрывки см. у Светония (Тиб.73) и Лактанция (Inst.7,15,14).

держанная в духе-стиле Цицеронианы, на эмансипированной латыни, работа об ораторском искусстве (“Oratorum et rhetorum sententiae divisiones colores”) в составе 10 книг “Controversiae” и раздела “Suasoriae” частично уцелела.

От озамуженной в немолодые годы молодой жены Гельвии у Л.Аннея Сенеки родились три сына: Л.Анней Новат, Л.Анней Сенека и Л.Анней Мела. Старший из них был впоследствии усыновлен другом отца – ритором Юнием Галлионом. Пошел в гос.-службистскую гору, в 50-е гг., при Клавдии, управлял в преторском ранге Ахайей, отказался разбирать спорные для него вопросы иудейской веры, точнее, жалобу на Апостола Павла коринфских иудеев, которых прогнал от судилища (Д.Ап.18). Младший из братьев, Анней Мела, наиболее, соответственно мнению отца, даровитый, посвятил себя, сходно отцу, чиновной деятельности и в качестве профессионального хобби красноречию; нажил, как прокуратор, огромное состояние; родил друга-врага Нерона – Лукана.

Среднему из братьев, всемирно известному стоику Сенеке доведется, по инициативе Агриппины Minor, стать наставником юного Нерона, побывать в 56 г. консулом-суфф. и фактически управлять при раннем Нероне, в паре с могущественным преторианским префектом С.Афранием Бурром, Римской империей. Позиция философа на политическом Олимпе в деле отравления Британика неясна; к убийству Агриппины он, оправдывавший это убийство перед сенатом, сам непричастен. По смерти в 62 г. Бурра, с возвышением Тигеллина, Сенека отошел от политики, жил в своих поместьях недалеко от Рима и в Кампании, активно общался с друзьями и плодотворно писал. Согласно Тациту (Ан.15,65), участники заговора Пизона намеревались сделать его, в случае успеха, принцепсом.

Примечательно, что все три сына постпомпеянца Сенеки Старшего и его внук Лукан покончили, предупреждая нерононовскую расправу, самоубийством. Ни один из них не пережил династию Юлиев-Клавдиев.

Уже отцам церкви Иерониму и Августину была знакома переписка между Сенекой и Апостолом Павлом. Апокрифический характер 14-ти в общей сложности писем (8 – Сенеки и 6 – Павла) очевиден. Но разве пути двух выдающихся мужей не могли пересечься? Ведь дата первых римских уз усеченного мечом не ранее 67 г. Павла – 61-63 гг.; дата самоубийства вскрывшего себе вены Сенеки – 65 г. Суть проповеди Апостола язычников – спасение во Христе; апология Сенеки – рассудочный интеллектуализм без чувственных излишеств. Оба готовы к жертвенной смерти, к преодолению плоти ради освобождения духа, но из разных импульсов. Один – заложник вечности, другой – времени.

* * *

Около 4 г. до н.э. вышла замуж за в дальнейшем заговорщика Л.Эмилия Павла (сын консула-суфф. 34 г.) 14-летняя внучка Августа, старшая дочь Агриппы и Юлии – впоследствии оскандалившаяся и пожизненно сосланная Юлия Minor.

Сообразно памятной эпитафии с *via Tiburtina* (CIL 6,1244) и Фронтину

(12,1), в 5/4 г. до н.э. кесарь Август, сын Божественного, понтифик *maximus*, консул XII, император XIV, отремонтировал на 19-м году своей трибунской власти римский водопровод — тот самый, который вошел в наши дни, “сработанный еще рабами Рима”.

Согласно отчету в “Деяниях” (3,16), в 4 г. до н.э. главком ВС Республики в очередной раз выдал из личных средств уволенным в запас ветеранам денежное вознаграждение (*praemia militae*).

* * *

На 25 декабря 4 г. до н.э. относит Рождество Христово, датируя это событие годом консульства Кальвизия Сабина и Пассиена Руфа христианский автор V в. Сульпиций Север (*Chronologia sacra* 2,39).

В “Эдесской хронике” V-VI вв. дата Р.Х.— 309-й год эры Селевкидов, который, при исчислении селевкидской эры с осени 312 г., дает 4/3, а с весны 311 г. — 3/2 г. до н.э. Во-первых, применяя эру Селевкидов, эдесситы, скорее, использовали осенний стиль, во-вторых, на V-VI вв. праздник Рождества — это безусловно 25 декабря, т.е. в объективе 25. 12. 4 г. до н.э. 309-й год т.н. эры Александра (или Искандера) — суть наиболее распространенная (как 4/3 или 3/2 г.) на сиро-арабском Востоке рождественская датировка — наличествует, к примеру, у епископа Иакова Эдесского (VI в.) и в апокрифическом “Арабском Евангелии детства”; а позднее — у арабского историка X в. Масуди и у сиро-монофизитского епископа XIII в. Гр.Абулфарада (Бар-Еврей). Впрочем, если Масуди одновременно датирует Р.Х. 42-м годом Августа, то в “Эдесской хронике” и у Абулфарада фигурирует (в качестве противоречивого синхронизма 309-го года эры Сел.) 43-й год Августа, в связи с чем получается нонсенс, поскольку ни 42, ни 43-й августейшие годы, исходящие либо из 44, либо из 43 г. до н.э., в декабрь 4 г. до н.э. вести не могут.

Епифаний Саламинский, кто в принципе датирует Р.Х. (Панарион 51) днем 6 января, годом консульства Августа и Сильвана, 42-м годом Августа, что дает 2 г. до н.э., в более ранний период, лет за 20 до написания “Панариона”, отдавал предпочтение 40-му году Августа (Якорь 60). То есть, если считать годы Августа со дня его первой ауспикации 7 января или с первоконсульского августа 43 г. до н.э., то для автора “Якоря” дата Р.Х. — 6.01.3 г. до н.э.; если же считать годы Августа со дня гибели Цезаря (15.03.44) или с 1.01.43 г., то автор “Якоря” относит Р.Х. на 6.01.4 г. до н.э. Рождественский январь, а не декабрь для *восточника* IV в. Епифания — вне сомнений.

Путаник Тертуллиан (*Adv. Iudaeos* 8) помещает Р. Х. посредством награждения правильных и неправильных, александрийских и “римских”, синхронизмов-протворечивостей, плюс сумманд, как бы и в 4/3, и в 3/2, и во 2/1 г. до н.э. Так, например, 41-й год Августа, отсчитанный не от конца Клеопатры (как стоит в наличном тертуллиановском тексте), но от конца Цезаря может дать 25.12.4 или 6.01.3 г. до н.э. При отсчете августовских лет с 43 г., дата, разумеется, сместится в 3/2 г. до н.э.

Сходным образом синхронизирует Р.Х. со временем “около 41-го года Августа” Ириней Лионский (Adv.haer.3,21), что также, при отсчете августейших лет со дня убийства Цезаря, приводит в 4/3 г. до н.э. Правда, ниже (50,2) Ириней приписывает Иисусу достижение возраста в 50 лет, и значит, дата 4/3 г. летит кувырком, хотя у того же Иринея (2,20,21) указан Христов возраст в 33 года. Короче, в иринеевских выкладках разобраться непросто. Скажем так: датировки Тертуллиана и Иринея допускают, как одну среди прочих рождественских возможностей, возможность декабря 4 г. до н.э.

Помимо того, Иделер (2,387) приводит, как одну из восточно-христианских дат Р.Х., 5506 год от Сотворения мира (см. также RE 3 Chronicon Paschale 2471-72). Эпоха византийско-константинопольской эры “от Сотворения” — 1 сентября 5509 г. до н.э.; следовательно, 5506 год применительно к периоду после IV-V вв. — это 25.12.4 г. до н.э.

Т.о., важно усвоить следующее. Дата Рождества в древности, несмотря на диссонанс различных авторов, как правило, не отступает за пределы 25 декабря 4 г. до н.э., т.е. о смерти Ирода якобы весной 4 г. до н.э. древность ведать не ведала. Хотя в большинстве древние церковные авторы датировали Р.Х. не 4/3, а 3/2 г. до н.э.* (см.ниже).

* * *

Обратимся к событиям в Иудее после казни Иродом сыновей Александра и Аристовула весной 4 г. до н.э.

“Антипатр остался теперь неоспоримым наследником престола. Но над ним тяготела тяжелая ненависть народа, ибо все и каждый знали, что это он был инициатором ложных обвинений против братьев. Вскоре также в его душу закрался немалый страх при виде подрастающего потомства умерщвленных. Александр имел от Глафиры двух сыновей, Тиграна и Александра, а Аристовул от Береники, дочери Саломии, трех сыновей, Ирода, Агриппу и Аристовула и двух дочерей, Иродиаду и Мариамну. Казнив отцов этих семейств, Ирод отослал Глафиру с ее приданым обратно в Каппадокию; жену же Аристовула, Беренику, он выдал замуж за дядю Антипатра со стороны матери; брак этот затеян был самим Антипатром с целью расположить к себе Саломию, с которой он находился в натянутых отношениях. Подарками и всякого рода любезностями он искал также дружбы Ферора; не забывал он и приближенных императора в Риме, Сатурнина и его свиту в Сирии. Все получали от него значительные суммы и щедрые подарки. Но чем больше он сорил деньгами, тем больше его презирали, ибо хорошо знали, что он щедр не по натуре, а расточителен по трусости своей. Награжденные поэтому не стали более склонны к нему, а обойденные им сделались еще более ожесточенными врагами. Все значительнее делались его затраты по мере того, как он, против всякого ожидания, стал замечать, что царь

* См. J.Sepp “Das Leben Jesu Christi”, Band 1, 322-44, Regensburg 1853.

G.Rдцsch “Zum Geburtsjahr Jesu”, Jahrbucher fьr deutsche Theologie, Band 1, 1866, 1-48.

H.Sevin “Chronologie des Lebens Jesu”, 43-54, Tьbingen 1874.

озабочен судьбой сирот и что в его попечении об отпрысках сыновей ясно проглядывает раскаяние в казни последних” (И.в.1,28,1).

Рассказ первого абзаца 1-й главы 17-й книги “И.д.” и многословнее, и пустословнее: омерзительность Антипатра с его зловещими планами нагнетена в нем сверх меры. И тут, и там чувствуется рука смертельного врага Иродова первенца – Николая Д. Как мы убедились выше, Антипатр сыграл в последнем акте драмы ненавистных ему братьев роль не большую, чем Саломия и Ферора; во всяком случае, в числе беритских судей он даже не упомянут. Что же касается самого дела и исполнения приговора, то, во-первых, незачем делать палачествующего цербера при тиране главным виновником репрессий и главным козлом отпущения (в кровожадности Шер-Хана виноват не Табаки); во-вторых, как показывает история, церберы такого рода на самостоятельный вождизм не горазды. Конечно, Антипатру была бы в радость естественная смерть отца сразу по устранении сыновей Мариамны, но устранение Ирода он запланировал не тотчас: *хорошего* понемногу. Поначалу он ждал, надеялся на скорый конец изведенного бедствиями бесноватого старика, довольствовался положением сорегента, силился расположить к себе поболее креатур – местных и римских, с тревогой наблюдал подрастающую поросль казенных братьев.

Относительно армии – у военных свои мерила почтения и свои критерии трепета: они уважают боевых командиров, испытывая вместе с тем не уважение, но страх перед унифицированными чекистами и ненависть к ним. Созданная Иродом не по национальному признаку и принципу армия (в чем он отчасти прееменовал Хасмонеям) была опорой светско-эллинистической государственности против сепаратизма и национально-религиозного традиционализма. Не мудрено, что и здесь, т.е. в армии, ни разу не зарекомендовывавшегося на поле брани, пусть даже далеко не религиозного Антипатра (провинциала, в сравнении со светски вышколенными в Риме Александром и Аристовулом), боялись и не любили. Впрочем, ничего не поделаешь: “пусть ненавидят, лишь бы боялись”; или, выражаясь на языке Совдепии: “боишься, значит, уважаешь.” В отличие от отца, сын не жаждал любви армейцев или народа: когда тебя слишком долго и упорно не любят, в любви переставешь нуждаться, для нее не остается места. Тем лучше для государственного мужа – долой нюни-эмоции! виват сволочной разум! Хотя уместно повторить: Флавий (от Дамаскина) утрирует антиантипатровский синдром: благочестивые иудеи оставались преимущественно безучастными к крысиной дворцовой возне – чего ждать от мерзости запустения? А иные подпольные радикалы тайне злорадствовали: мол, чем хуже, тем лучше.

Единовременно, с т.зр. державных и минидержавных резонов Антипатр грозил стать образцовым вассальным правителем. В возрасте сорока лет он успел приобщиться к таинству власти, набраться опыта в соведении гос.дел. Дряхлеющий Ирод (*папа Док*) постепенно перепоручал рабочий (но не властный) руль деловому преемнику (*бэби Доку*). Только вот зажился, черт возьми, родитель, не торопится, понимаешь, на тот свет: досадно ходить с полуседой головой все еще в дофинах. Дарственные подношения перезрелого цесаревича сановным римлянам в Сирии и в Риме закономерны: бакшиш есть бакшиш.

Личное презрение Сатурнина — частность (да и имело ли оно место?) и приятию даров не помеха. В Риме же никто не любил покойных Александра и Аристовула настолько, чтобы из-за них брезговать Антипатром или, по меньшей мере, его подношениями.

Кстати, в “И.д.” среди обхаживаемых им сирийских римлян назван некий “брат Сатурнина”; здесь, несомненно, описка: при Сатурнине в Сирии находились не брат, но три его сына, тогда как, насколько видно из контекста подпорченного текста, речь в нем идет (или аутентично шла) о царском брате — тетрархе Фероре. “Щедростью даров он (Антипатр) пытался склонить на свою сторону также брата равно как и сестру царя” (17,1,1). Саломия и Ферора решительно проголосовали в Берите за смертную казнь, следуя семейно-кухонному приговору, вынесенному до т.н. суда. Они выступили заодно со старшим племянником в деле удушения младших; потом Ферора сдрейфил и начал подмазываться к Антипатру, пути которого с тетушкой Саломией отныне кардинально разошлись. Еще до казни сыновей Ирод в конце 5 или в начале 4 г. выдал ее замуж за Алекса. Позднее, в 4 г. до н.э., одну из безымянных Саломиевых дочерей взял в жены сын Алекса — Каллий; на вдове Аристовула Беренике женился дядя Антипатра — Февдион. Но потуги монарха свести брачными союзами Береники и Февдиона родных сестру и сына поближе не сулили удачу, так как Саломия, правильно оценивая ситуацию, не обманывалась насчет себя и Антипатра в дальнейшем: займи он трон, ей, в особенности, если она переживет Ливию, может не поздоровиться.

* * *

“Ирод сам весьма заботливо занялся воспитанием детей сыновей своих...; когда его навещали друзья, он показывал им внуков и всегда оплакивал судьбу, постигшую его собственных сыновей. При этом он молил Бога, чтобы его внуков не постигла подобная же участь, но чтобы они росли в добродетели и любви к справедливости и тем отплатили ему за все его попечения о них. Когда внуки его достигли соответствующего возраста, он подумал об их браке и помолвил старшего из сыновей Александра с дочерью Фероры, а сына Аристовула с дочерью Антипатра; одну из дочерей Аристовула он решил выдать замуж за сына Антипатра, другую за своего собственного сына Ирода, который родился у него от дочери первосвященника. У нас ведь в обычае, что мужчина в одно и то же время имеет несколько жен. Эти помолвки царь устроил из сострадания к сиротам, думая путем нового родства вызвать в Антипатре расположение к ним.

Однако, Антипатр не преминул выказать к этим юным существам такую же неприязнь, какую он питал к их родителям, своим братьям; заботливость Ирода о них только раздражала его, т.к. он предполагал, что влияние их будет гораздо больше влияния их отцов и что особенно когда они подрастут, царь Архелай станет поддерживать своих внуков; да и тетрарх Ферора даст одну из девушек в жены своему сыну. Вместе с тем Антипатра возмущало также простонародье своей постоянно выказываемой жалостью к сиротам,

а также тем, что оно из ненависти к нему всячески доказывало непримиримую вражду его относительно братьев. Поэтому он усиленно старался побудить отца к отмене его решения, устрашая его представлениями об опасности, связанными с дарованием сиротам такой силы. Наконец Ирод уступил Антипатру и решил, что последний сам должен жениться на дочери Аристовула, а его сын на дочери Фероры. Таким образом, состоявшиеся помолвки были отменены” (И.д.17,1,2).

Итак, вдовая Глафира вернулась к отцу Архелаю в Каппадокию в 4 г. до н.э. Мы помним, что привезя отучившихся Александра и Аристовула в 17 г. из Рима, Ирод женил сыновей Мариамны в следующем 16 г. до н.э. Следовательно, время рождения их детей — 15-6/5 гг. до н.э. Мальчикам Глафиры не суждено будет ни остаться в Палестине, ни соучаствовать в иудейской истории и в перспективном генезисе иродианской династии. Как видим, уже в 3 г. до н.э. Антипатр успешно торпедировал внутриклановую помолвку старшего из них. Три года спустя, по смерти Ирода, оба они, одноименный отцу Александр и его младший брат Тигран, перейдут под опеку другого деда, царя Архелая. Александр, вероятно, рано умрет (сведений о нем нет), успев, однако, жениться и оставить потомство; бездетный Тигран ненадолго взойдет в заключительные годы августовского правления на армянский престол. При Нероне усилиями Корбулона в Армении коротко воцарится сын Александра, внук Глафиры и правнук Ирода Тигран VI; при Веспасиане отпрыск Тиграна VI, женатый на дочери Антиоха IV Коммагенского Александр, удостоится удельного монаршего венца в Киликии.

“Все потомство Александра (сына Ирода и Мариамны) — пишет Флавий (И.д.18,5,4) — сейчас же при рождении оставляло иудейские обычаи и жило по образцу греков.”

Судьбы пятерых детей Аристовула (сыновья — Ирод, Агриппа, Аристовул; дочери — Иродиада и Мариамна), напротив, ни из иродианско-хасмонейской, ни из иудейской исторической летописи не выпали. Будущий царь Агриппа, ровесник кесаря Клавдия, родился не позднее 10 г. до н.э., поскольку, согласно Флавию, он умер на 54-м году жизни в 44 г. Старший из братьев Аристовулидов, помолвленный с дочерью Антипатра Ирод (в 41-48 гг. царь Халкиды) был, очевидно, первым ребенком в семье, и стало быть, появился на свет в 15 г. до н.э. По поводу сестер, Иродиады и Мариамны, обе они взрослее, а не младше Агриппы, раз уж речь идет об их помолвках в 3 г. до н.э., т.е. время рождения обеих — 13/12 гг. до н.э. Соответственно, младший из детей, Аристовул, родился в 9-6 гг. Иродиада выйдет впоследствии замуж за сына Мариамны II Ирода Боэта, но предназначалась ли именно она ему изначально — вопрос, ибо реконструировать исходные обручальные пары и произведенные, вследствие Антипатровых происков, перестановки, по наличному флавиевскому тексту нельзя.

Впрочем, возможно, как раз-таки этот дуэт, Ирод Боэт и Иродиада, остался в силе, если принять, что Антипатр убедил отца выдать за него Мариамну, прежде обрученную с его сыном, которому, в свою очередь, отстранив юного Александра, выговорил дочь Фероры. На младшей (либо старшей) сестре Иродиады, Мариамне, жениться в 1 г. н.э. сын Ирода от самарянки Мальфисы этнарх Архелай, хотя идентична ли Мариамна, пер-

вая жена Архелая, с дочерью Аристовула и Вереники, в точности неизвестно. Неясно также, сколько всего-итого имелось жен и детей у Антипатра. На дочери Антигона Маккавея он женился, как сказано, не ранее 14/13 гг., т.е. его сын, помолвленный в 3 г. до н.э. с дочерью Фероры, родился, б.м., не от нее, а вот дочь — суженая Ирода Аристовулида, наверняка, была внучкой последнего царственного Хасмонея. Короче, разобраться в ветвистых хитросплетениях царского семейства крайне непросто.

* * *

“У царя Ирода в это время было девять жен: мать Антипатра, дочь первосвященника, родившая ему сына Ирода, дочь его брата и его сестры, у которых обеих, впрочем, не было детей. В числе его жен находились также одна самарянка, от которой он имел двух сыновей, Антипу и Архелая, и дочь Олимпиаду, которую впоследствии взял в жены Иосиф, племянник царя. Архелай и Антипа воспитывались у одного частного лица в Риме. Кроме того, женой Ирода была также иерусалимская гражданка Клеопатра, от которой у него были сыновья Ирод и Филипп, также воспитывавшиеся в Риме. Другая жена его была некая Паллада, родившая ему сына Фазаила. Помимо этих жен он еще жил с Федрой и Эльпидой, родившими ему двух дочерей, Роксану и Саломию. Что касается старших дочерей Ирода от Мариамны, от брака с которыми отказался Ферора, то одну из них царь выдал замуж за племянника своего Антипатра, а другую за племянника своего Фазаила. Вот из кого состояла семья Ирода” (И.д.17,1-3).

Мы помним, “дочери Мариамны” — Салампсио и Киприда, являлись дочерьми Мариамны II, а не Мариамны I, т.е. старшими сестрами Ирода Боэта. Киприда сначала вышла замуж за сына Фероры, “будущего владельца тетрархии”, который через несколько лет умер, отчего на 3 г. до н.э. его вдова уже была замужем за сыном Саломии Антипатром. Дочь Фазаила и Салампсио, также звавшаяся Кипридой, в последующем станет женой младшего брата Иродиады — Агриппы. Внука первосвященника Симона, Ирода, Мариамна II родила не позднее 21 г. до н.э.; Архелай и Антипа — старший и младший сыновья самарянки Мальфисы, Филипп и Ирод — старший и младший сыновья иерусалимлянки Клеопатры, родились в период 20-15 гг. до н.э. Во дни предпринятых их отцом обручений они находились в Риме, причем Антипа и Ирод вернутся домой раньше, во 2 г. до н.э. (см.ниже). Характерно упоминание частного лица, в доме которого Архелая и Антипе довелось квартировать, т.е. не у Поллиона, подобно Александру и Аристовулу, но, по всей видимости, у некоего дружного Ироду римского иудея. Сходным образом и Филипп с Иродом, либо обрели кров в Вечном городе у иного знатного единовеца, либо жили под одной крышей с братьями. Никому из них тогда не светило престолонаследие: в наследниках первой и второй степени царь иудейский числил Антипатра и Ирода Боэта. Теперь мы, кажется, всех сосчитали. Да, Олимпиаду, младшую сестру сыновей Мальфисы, в 4/3 гг. взял в жены Иродов племянник Иосиф, сын павшего в 35 г. в борьбе с Антигоном Маккавеем Антипатрида Иосифа.

Время заключения этих (первоначальных и видоизмененных) помолвок

— 3 г. до н.э. Антипатру, безусловно, понадобилась пара-другая месяцев для того, чтобы убедить родителя в необходимости резонного пересмотра сердобольно-обручальных решений.

* * *

Обращает на себя внимание то, насколько человечно и сострадательно изображен в данной связи (особенно в “И.в.”) несчастный заботливый старик Ирод. “Однажды Ирод созвал своих родственников и друзей, представил им сирот и с глазами полными слез произнес: “Страшный рок похитил у меня отцов этих детей: они же ныне на моем попечении: к этому призывает меня голос природы и чувство жалости, возбуждаемое их осиротением. Если я оказался столь несчастным отцом, то я хочу быть, по крайней мере, более любящим дедом... Кто любит меня, пусть присоединится к моему решению... Я молю также Бога благословить эти союзы на благо моего царства и моих внуков, и да взирает Господь на этих детей более милостивым оком, чем на их отцов. Говоря т.о., Ирод заплакал и соединил руки детей, затем он нежно обнял каждого из них и распустил собрание” (И.в.1,28,2,3).

Некоторые флавианисты полагают, будто в “Войне” Флавий всего-навсего (бездумно) присоединился к проиродианскому источнику: вот-де в чем дело, дескать, не может один и тот же автор так разниться в описании одного и того же антигероя. Почему не может? А принцип полифонии? Зачем опрощать Флавия? Амальгамированное многообразие правдиво воссозданного им образа симптоматично: автор правомерно не отказывает (пусть даже уроду) Ироду в элементарном праве на глубокое человеческое несчастье.

Буйства семейного лихолетья, расправа над родными детьми не прошли венценосному отцу даром: он все еще крепился, но силы явно убывали, гробовая черта приближалась. Сияясь учредить брачные союзы во благо дражайшего клана и подвластного царства, сокрушенный горем деспот, действительно, руководствовался исключительно благами намерениями. Не получилось; не могло получиться. Антипатр без труда распознал в отцовском попечении о сиротах опасность для себя и положенные на чашу весов гос.резоны — куда от них денешься — не сразу, но вскоре возобладали.

Остается еще отметить, сколько жен оженил и скольких детей наплодил неутомимый гаремный Ирод в возрасте 50-55 и более лет. Где-то в 15-12 гг. у него родились последние чада: сын Фазаил от Паллады, дочери — Роксана от Федры и Саломия от Эльпиды*.

* Сын иерусалимлянки Клеопатры Ирод и сын Паллады Фазаил будут обойдены в последних завещаниях царя, вероятно, как самые младшие; приблизительный возраст Роксаны и Саломии следует из того, что в 1 г. н.э. Август обручит их с сыновьями Фероры.

Под 4/3 гг. из рассказа Флавия реконструируются семейные, а под 4-2 гг. не только семейные мероприятия и предприятия царя иудейского.

“Желая обезопасить себя относительно трахонцев, царь решил в центре их страны основать иудейское поселение, по размерам своим не уступающее городу. Этим он желал не только оградить свою собственную страну, но и иметь пункт, откуда он мог бы быстро отражать удары врагов своих. Узнав, что некий вавилонский еврей перешел через Евфрат во главе 500 вооруженных луками всадников и около 100 родственников и поселился недалеко от сирийской Антиохии, возле Дафны, причем тогдашний претор Сатурнин предоставил ему для поселения местность Валафу, Ирод послал за ним и за его отрядом и обещал отдать ему область в топархии Батанея, граничащей с Трахоном, чтобы тем самым создать там действенный оплот для себя. Вместе с тем он объявил эту область свободной от всех налогов и обычных повинностей и предоставил ее ему в безвозмездное пользование.

Привлеченный обещаниями вавилонянин прибыл к царю, принял от него землю и построил в ней крепости, а также поселение, которому дал имя Бафира. Этот человек стал, действительно, защитой как туземцам, так и иудеям, шедшим из Вавилона в Иерусалим для жертвоприношений и ограждал их от разбоя трахонцев. Поэтому многие, кому были дороги иудейские установления, со всех сторон стекались к нему. Т.о., эта страна быстро заселилась, тем более, что при обеспеченной безопасности она была еще свободна от налогов. Так продолжалось все время, пока Ирод был жив. Когда область перешла после него к Филиппу, последний короткое время взимал незначительные налоги... (И.д.17,2,1, 2).

Ниже по тексту мы узнаем имя мигрировавшего во главе 500 верховых лучников и 100 родичей через Евфрат вавилонского еврея: Замарис. Причину миграции Флавий не называет, однако, думается, что подобного рода групповые перемещения иудеев из Вавилонии в Сирию (или наоборот) в то время случались. О связях Ирода с вавилонско-еврейской диаспорой говорилось выше. Интересно, что эти заметные с раннего этапа его царствования связи (назначение первосвященником вавилонянина Ананила; покровительство вавилонянину Гилелю) были, возможно, унаследованы им от отца Антипатра, тогда как выгодная близость с александрийским еврейством восходит не столько к отцу, сколько к браку царя с дочерью произведенного в архипастыри александрийца Симона.

Иудеи Междуречья обитали в державных пределах Парфянского Ирана и прочный обновленный в 7 г. до н.э. мир между Римом и Парфией, разумеется, способствовал единоверческим контактам. Не поладил ли Замарис с месопотамским сатрапом царя царей? с собственными соплеменниками? или ушел в Сирию в поисках стабильности? на сегодня не суть важно. Следует думать, что данная переселенческая акция отличалась сравнительной многочисленностью приведенных на милость римско-сирийского наместника иудеев. Показательна благосклонная реакция Сентия Сатурнина, продолжающего, как видим, в 4/3 гг. до н.э. наместничать в Антиохии.

Военизированная рать месопотамских переселенцев подвернулась Ироду

весьма кстати: северные территории вверенного ему царства надлежало надежнее обезопасить от разбоя и прецедентов, подобных недавнему. Призвав “казаков” Замариса, царь поселил их в Батане по соседству с Трахоном, куда он ранее, в 6 г. до н.э., с той же гарнизонно-охранной целью переселил 3 тыс. идумеев.

* * *

Период 4/3/2 гг. до н.э. вообще замечателен развернутым в трансйорданских землях иродианской минидержавы строительством крепостей и городов: Бафира и другие фортово-крепостные сооружения в Батане; города: 1. Цезарея (впоследствии Филиппова) у подножья Гермона, при истоках реки Иордан, в Паниаде; 2. обращенная в Юлиаду Вифсаида Галилейская, к востоку от впадения Иордана в Генисаретское озеро, на границе Гавлана и Галилеи.

Увы, из-за совмещенной с ошибками и анахронизмами Флавия псевдонаучной смерти Ирода в 4 г. до н.э., Цезарею Паниаду и Юлиаду принято считать исконными творениями его сына и трахонского преемника, тетрарха Филиппа*. Разноречивые флавиевские ошибки и анахронизмы в следующем. По тексту “И.в.” (2,9,1), превращение Пании и Вифсаиды в города Цезарею и Юлию происходит (под эгидой Филиппа) аж после смерти Августа, т.е. не ранее 14 г. н.э. По тексту “И.д.”, то же самое имеет место после упразднения этнархии Архелая, т.е. не ранее 6/7 г. н.э.** В действительности, это не так. Филипп, став по смерти отца тетрархом (1 г. н.э.), расширит, отстроит и обустроит оба, без сомнения, основанных еще Иродом города. Во-первых, согласно нумизматике, эпоха эры Цезареи Пании – 4/3 или 3/2 гг. до н.э.; во-вторых, Вифсаида была, соответственно Флавию, названа Юлией в честь дочери Августа Юлии, которая в конце 2 г. до н.э. подверглась осуждению и ссылке, после чего никому не пришлось бы в голову называть города ее именем***. Данная как нумизматическая, так и прагматическая аргументация задействована исследователями (Норисий, Санклемонт, Шюрер) давно, только вот вывод из нее делается вопиюще неверный: мол, сим лишний раз подтверждается смерть Ирода в 4 г. до н.э., следом за чем его трахонский наследник Филипп, дескать, в самом начале своего правления (т.е. до ссылки Юлии, равно, сообразно эпохе цезарейской эры) основал и Цезарею Филиппову, и Юлиаду. Никак нет: повторим, и Цезарея Паниада (позднее Филиппова), и Юлиада были основаны еще Иродом в интервале 4-2 гг. или, скорее всего, в 3 г. до н.э.****

* RE 3. Caesarea Pania, 1290-91; Шюрер (2,204-08).

RE 3. Bethsaida 365-66; Шюрер (2,208-09).

** Отсюда не удивительно, что Евсевий в “Хронике” (146-47), опираясь на “Bellum”, относит основание Цезареи и Юлиады Филиппом на годы правления Тиберия, точнее, на 20-е гг. I в. н.э.

*** Впрочем, название Юлиада не нуждалось в изменении и после ссылки Юлии, т.к. оно вполне могло относиться к роду Юлиев.

**** Сохранилась датированная 199-м годом городской эры цезарейская монета Каракаллы, титулуемого “Цезарем”. Шюрер (“Lehrbuch der Neutestamentl. Zeitge-

Т.о., на 4-2 гг. до н.э. Ирод, в чем мы убеждаемся снова и снова, вовсе не мертв и вновь одержим предфинишным всплеском энергии.

Поэтому нам ничего не мешает умозаключить, что привлечение 600 вавилонских переселенцев Замариса в Батанею, сооружение там Бафиры и других цитаделей, далее, превращение Пании в Цезарею и Вифсаиды в Юлиаду — звенья одной градо- и фортификационно-строительной цепи.

К месту заметить, что в тот же отрезок времени или чуть раньше, южнее Дамаска, у предгорий Антиливана, в древнем культовом центре Ваала Баальбек (Гелиополь) римляне основали вторую ветеранскую колонию типа беритской: *Iulia Augusta Felix*. Очевидно, что Центр усиливал непосредственное присутствие метрополии в регионе.

Заботам Ирода о внутреннем и национальном (сквозь собственную призму) благе (Замарис, Бафира) не могли не сопутствовать верноподданнические манифестации и вновь усилившиеся к концу его царствования державно-эллинизаторские тенденции (Цезаря, Юлиада). Население местности Пания со знаменитым святилищным гротом Пана и великолепным храмом Августа, который Ирод воздвиг, получив в 20 г. во владение удел Зенодора, издавна отличалось смешанным этносоставом. Вифсаида, должно быть, вобрала приток грекоязычных новоселов в последние Иродовы годы и особенно при его сыне Филиппе. Во всяком случае, спустя 35 лет местных молодых евреев отличало знание греческого. Так, например, в Страстной апрельский четверг 33 г. среди пришедших в Иерусалим на поклонение в праздник Пасхи находились, по слову Евангелиста, “некоторые Еллины”: они подошли к Филиппу, который был родом из Вифсаиды (в переводе: “дом рыбной ловли”) “и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса” (Ио.12,21).

* * *

1 января 3 г. до н.э. = 751 г. а.У. римское консульство облекли Л.Корнелий Лентул и М.Валерий Мессала Мессалин.

Flamen Martialis Л.Корнелий Лентул приходился, с большой долей вероятности, внуком фламину Марса Л.Корнелию Лентулу Нигеру. Ни один римский патрицианский род не был столь многочислен и столь разветвлен, как *gens Cornelia*, и ни один не дал стольких принцепсов *senatus*, понтификов *maximus* и старших фламинов, как *gens Cornelia*. В 61 г. до н.э. Корнелий Лентул Нигер выдвинул вместе с Гн.Корнелием Марцеллином и

schichte” 230, Leipzig 1874), вторя Норисию и СанкLEMENTУ, утверждает, что Каракалла был произведен Септимием Севером в цезарию непременно в конце 196 г., на базе чего эпоха (осенней) цезарейской эры однозначно возводится к 3/2 гг. Но “цезаризация” Каракаллы в конце 196 г. не есть безоговорочный факт, т.е. монетно отсчитанная от 196 г. эпоха цезарейской эры восходит, строго говоря, к 4/3 гг.; а если Каракалла сделался цезарем в 195 г., что тоже не исключено, то даже к 5/4 гг. Имеется также датированная 223-м годом цезарейская монета с изображением одной из жен Элагабала экс-весталки Аквиллии Северы. Она была отторгнута Элагабалом осенью 221 г., т.е. эпоха цезарейской эры выпадает на время до осени 2 г. до н.э.

Л.Корнелием Лентулом Крузом обвинение против кощунственно проникшего в женском платье в дом верховного понтифика Цезаря позорника Клодия. Монеты внука Лентула Нигера, выпущенные им ок.20-15 гг. до н.э. в должности триумвира *monetalis*, презентуют на аверсе Августа, на реверсе — Августа и его самого, притом в мартиально-жреческом облачении, возле статуи божественного Юлия. Вероятно, они были отчеканены в связи с сооружением в 20/19 гг. на Капитолии временной капеллы Марса Мстителя, где до окончания строительства одноименного храма (на форуме Augusti) поместились возвращенные парфянами (12.05.20 г.) трофеи. Думается, что и само по себе консульство в 751 г. фламина Марса связано с заключительными работами по сооружению большой Марсовой кумирни перед ее сдачей в следующем 752 г. а.У. в эксплуатацию.

В.Мессала Мессалин, первенец знаменитого Мессалы Корвина, родился в 38/37 гг. Следуя актам *ludi Saeculari*, он, квиндецемвир *sacris Faciendis*, значится, по молодости лет, последним в списке. Членство в коллегии Арвальских братьев точно не установлено; зато общеизвестны поэтическая одаренность, меценатство, дружба с Тибуллом и Овидием. Оба консула отправляли магистратуру круглый год, не передавая фаски суффектам, да и вряд ли случайно в год 60-летия Августа (в год 40-летия его первой ауспикации и первого консульства) консульствовали два представителя звучнейших римских фамилий.

* * *

В обрубках Диона от эпитоматора Зонары (10,35), вслед за информацией об избрании в 5 г. до н.э. Г.Цезаря принцепсом *iuventutis* (10,35,9), хронологически неверно сообщается: “И через год Луций также удостоился почестей, пожалованных его брату Гаю” (10,35,10). Далее читаем: “Когда народ однажды, сойдясь с требованием реформ, направил к Августу трибунов, кесарь явился самолично и обсудил с гражданами их пожелания, что всех очень обрадовало.” По всей видимости, обе эти невязаные выдержки путанно разумеют события 3, а не 2 гг. до н.э. Под почестями Луцию нужно понимать единодушную инициативу народа по присвоению цесаревичу разных регалий в году, предшествовавшем форумно-сенатской реализации-легализации всенародных чаяний, как и в случае с Гаем. Про реформы, из-за которых отзывчивый кесарь демократично вышел к народу, сказать, ввиду скудости информации, нечего: в подробности Зонара не вдается.

Под годом консульства Корнелия Лентула и Валерия Мессалы в “Деяниях” (3,16) запротоколирована новая кесарско-денежная премия ветеранам.

* * *

20 марта 3 г. до н.э. взошедшей из салона В. Мессалы поэтической звезде П.Овидию Назону, кто в одиночку принял любовно-элегическую эстафету у безвременно почивших Тибулла с Проперцием, и кто сделался бесспорно первой фигурой римского Парнаса после смерти Горация, исполнилось 40

лет. Всадник родом из Сульмо, он учился риторике у Арелия Фуска и Порция Латрона в Риме, получил классическое образование в Афинах, посетил с образовательной целью М.Азию и Сицилию. Начав, повинувшись воле отца, делать служебную карьеру, побывал триумвиром *capitalis* (или *monetalis*), но не дошел, предпочтя под покровительством Мессалы поэзию, даже до квестуры. Напрасно разочарованный отец пугал сына голодной долей витийства.

Время выхода в свет первого издания "Элегий любви" (*Amores*) – ок. 19-15 гг. до н.э. Утерянная трагедия "Медея" и эпистолярные "Героиды" (письма: Пенелопы – Одиссею, Федры – Ипполиту, Дидоны – Энею, Ариадны – Тесею, Медеи – Ясону и др.) писались позже. К "Науке любить", которая спустя 10 лет послужит поводом для пожизненной ссылки поэта, в 3 г. до н.э. он еще не приступал. Пик творчества, пик популярности и падение были впереди.

* * *

На 25 декабря 3 или на 6 января 2 гг. до н.э. (в той или иной степени) относят Рождество Христово многие авторитеты церкви: Климент Александрийский, Юлий Африкан, Тертуллиан, Ипполит Римский, Евсевий, Епифаний, Иероним, Августин, Кассиодор.

Так, у Кассидора находим ("*Hiss.cos.*") год консульства К.Лентула и В.Мессалы, как 41-й год Августа. То, что автор VI в. разумеет день 25 декабря – безусловно; с V в. только Армянская церковь осталась верна дате 6 января.

Однозначен, если ограничиться приводимой им (Панарион 51,22), в частности, консульской датировкой Епифаний: в консульство Августа и Сильвана, в ночь с 5 на 6 января; т.е. разница с Кассиодором всего в 13 святых Ночей, от интерпретации которых меняются юлианский год и консулы. Однако, оговорим: совокупный Епифаний (Якорь 60; Панарион 51,9; 51,22;78,10) с его множеством противоречивых дат и синхронизмов, скорее, неоднозначен; причем иногда он исчисляет годы Августа с 43, иногда с 44 гг. до н.э., а царствование Ирода (в Иерусалиме) то с 35, то с 34 гг. до н.э., датируя таким образом Р.Х., кроме доминантного 2, иногда – 4/3, иногда – 2/1 гг. до н.э. Например, дата завоевания Иродом Иерусалима в 10-й год Августа может дать 34 г. до н.э., а Р.Х. в 29-м году после нововасализации Иудеи Августом, считая от реабилитации Ирода весной 30 г. на Родосе, дает 6 января не 2, но 1 гг. до н.э. Соотнося Акцийское сражение с 13-м годом правления Августа, Епифаний синхронистически отводит с 43 г. до н.э. 5 лет на вицецаршество Антипатра, 4 года на борьбу Ирода за престол и 4 года на время от его завоевательного воцарения в Иерусалиме до битвы у мыса Акций. При таком не свободном от погрешностей исчислении, дата иродианского завоевания Иерусалима выпадает на исторически верный 34 г. до н.э., тогда как Р.Х. в 33-й год Ирода, синхронизированный с 42-м годом Августа, обязывает отодвинуть завоевание Иерусалима в 35 г. до н.э.

Евсевий Кесарийский датирует Р.Х. в "Хронике" 2015-м годом Авраама,

42-м годом Августа, 32 годом (воцарившегося, по Евсевию, в 34 г. до н.э. Ирода)*; в “Истории церкви” (1,5) фигурируют 42-й год Августа и 28-й год августейшего властвования над Египтом. Если, согласно “Хронике”, датировка по годам Августа (но не Ирода) ведет во 2/1 г. до н.э., то, согласно “Истории церкви”, это 3/2 или 6 января 2 г. до н.э. Помимо того, в “Хронике” указан 4-й год 194 олимпиады, а это уже 1/1 гг. Притом и “Хроника”, и “История церкви” связывают Рождество с правлением Сирией Квириния, с днями “первой переписи”.

У переводчика и продолжателя Евсевиева “Хроникона” Иеронима в “Комментариях к Исайе” (2) дата Р.Х. — 41-й год Августа и 28-й год его властвования над Египтом, причем опять-таки в правление Сирией занятого переписью Квириния. Засим рождественская дата, сообразно исчисляющему годы Августа с 43 г. до н.э. Иерониму, се 25 декабря 3 г. до н.э. Хотя ни в 3/2, ни во 2/1, ни даже в 1/1 гг., ни когда-либо прежде Квириний Сирией не правил и в годы старой эры перепись тут не проводил.

Разительный недотепа в хронологии Августин Блаженный (этот *кесарь Август* Западной церкви) называет рождественским (De mirab. script.3,2) 42-й год Августа, день 25 декабря (De trin.4,5), плюс к тому, числит за Иисусом при Распятии, “в год консульства обоих Геминов” = 29 г. н.э. (Град Божий 18,54), возраст всего в ок.(circa) 30 лет (Epist.80 ad Hesychium). Вместе с тем, согласно Августину, дата Благовещения: 25 марта — пятница; дата Рождества: 25 декабря — воскресенье. Однако, 25 марта приходится на пятницу, а 25 декабря на воскресенье никак не в 3 г. до н.э., но либо в 1 г. н.э., либо в 7 г. до н.э.; т.е. уже Августин, волей-неволей, косвенно подкакивает позднейшим пла нетарно-конъюнкционным адептам Р.Х. в 7 г. до н.э.

Юлий Африкан и Ипполит Римский относят Благовещение на первый день 5500-го года от Сотворения мира, что равнозначно у них обоих 25-му марта 3 г. до н.э. Отсюда Р.Х. приходится на 25 декабря 3 или, соответственно принятой до IV в. январской датировке, на 6 января 2 гг. до н.э.

Климент Александрийский помещает Рождество в 28-й год египетского единовластия Августа, в дни первой переписи (Стромата § 145,1-6). Правда, если, с одной стороны, по Клименту, Иисус родился в 11-й день месяца тиби, т.е. 6 января 2 г. до н.э., то с другой, Р.Х. вроде бы имело место за 194 года, 1 месяц и 13 дней до убийства Климентова современника кесаря Коммода. Коммод был убит 31 декабря 192 г.; минус 194 года, 1 месяц и 13 дней — это, строго говоря, ноябрь 3, а не январь 2 г. до н.э. И все-таки примем за дату александрийца Климента — январь. Крещение Иисуса в возрасте ок. 30 лет он датирует 29 г. н.э., относя Распятие после годичной жизнедеятельности Христа, как “года Господня благоприятного”, на Пасху 30 г., к тому же, за 42 года до разрушения Иерусалима и храма Титом.

Дальше — больше: если 30 г., как год Голгофы, задействован Климентом, тогда как 31 г. принят у Африкана и Орозия, а 32 г. у Евсевия и Епифания,

* Воцарение Ирода датировано в “Хронике”, о чем мы частично уже в курсе, 3-м годом 186 олимпиады, 10-м годом Августа, 17-м годом Клеопатры: все это дает 34 г. до н.э.

то и Тертуллиан, и Ипполит, и “Хронограф 354 г.”, и “Consularia Constantinopolitana 395 г.”, и Августин, и Сульпиций Север уверенно датируют Крестную Пасху 29 г. н.э. — годом консульства *dua Gemini*: Фуфия и Рубелия. Нелишне заметить, что сообразно этой особенно распространенной в церковно-христианской древности (и позднее) датировке, Голгофа, оказываясь в 29 г., *опережает* Крещендо 6.01.30 г.

Впрочем, сейчас речь о Рождестве. Итак, удостоверьтесь: хронологическая каша-мала у достаточно беспомощных в своих поисках рождественской даты авторитетов церкви очевидна.

* * *

Обзорно поведав о славных судьбах вавилонянина Замариса и его потомков в I в. н.э. (И.д.17,2,3), Флавий возвращается к Ироду (4):

“Но возвращаюсь к Ироду. Все дела при нем были поручены Антипатру, Ирод не стеснял его решительно ни в чем, т.к. Антипатр окончательно сумел завладеть расположением и доверием отца...” Не совсем так: грешно делать Ирода наивным простачком в сетях у монстра Антипатра.

Продолжим по “И.в.”: “Уничтожив т.о. виды сирот и устроив брачные союзы в своих личных интересах, Антипатр думал, что благополучно достиг уже гавани. К врожденной его злости прибавилась теперь самоуверенность, которая сделала его еще более невыносимым. Не будучи в состоянии свалить с себя всеобщую ненависть, он успокаивал себя тем, что сделался для всех страшным. Даже Ферора, видевший в нем будущего царя, усердно его поддерживал. Но в то же время женщины при дворе спелись и вызвали новые распри. Во главе их партии стояла жена Ферора, к которой, кроме ее матери и сестры, примкнула также мать Антипатра. Она вела себя во дворце так высокомерно, что дерзнула даже раз оскорбить двух дочерей царя. Последнему она вследствие этого сделалась в высшей степени ненавистой. Но хотя царь ее сильно не жаловал, она, тем не менее, при помощи своих союзниц, могла властвовать над другими. Саломия была единственная, кто нарушала их гармонию: она донесла царю об их собраниях и внушила ему подозрение, что там злоумышляют против него. Как только те узнали об этом доносе и о негодовании царя, они прекратили открытые собрания и дружеские сношения между собою, более того, в присутствии царя притворялись враждебно настроенными друг к другу. В этой фальшивой игре участвовал также Антипатр, нанесший раз Ферору публичное оскорбление. Зато они отныне стали устраивать тайные собрания и ночные пирушки, а сознание того, что они находятся под надзором только укрепляло их солидарность. Но от Саломии ничего не осталось скрытым и она обо всем доносила Ироду” (1,29,1).

По “И.д.”, то вроде бы Антипатру удалось прибрать Ферору к рукам при помощи жены, тещи и свояченицы последнего, а то вроде бы он сам, причем в угоду своей матери, находился в повиновении у этих интриганских женщин. Кроме того, согласно букве “Древностей”, Феророва жена раз дерзнула оскорбить якобы не царских, но двух Фероровых дочерей, что явно ошибочно. Одним словом, примем относительно дочерей (речь тут

идет о рожденных царю поздними женами Федрой и Эльпидой – Роксане и Саломии) версию “Bellum”. Уже ранее Ирод тяжело примирился с противным ему сожителем и затем женитьбой малахольного братца на презренной рабыне, из-за которой женишок в годах скандально отверг дочерей Мариамны II – Салампсио и Киприду. Теперь Ферора и вовсе перебрался на постоянное местожительство под каблук, вернее, под каблуки не одной, но трех-четырех женщин, включая примкнувшую к бойкой родне жены мать Антипатра Дориду. В общем, казалось, поутихшие с концом Александра и Аристовула дворцово-клановые страсти-мордасти были на зиму 3/2 гг. в ходком ходу. Великовозрастному сорегенту не терпелось докарабкаться до короны, в то время как трусливый Ферора, отчасти понукаемый партией жены, отчасти боясь за собственное завтра, всячески льстил “будущему царю”, кто с готовностью взял дядю в собразники-союзники против тетки Саломии.

Ох уж эта Саломия: непреодолимый, неперехитримый барьер-бастион! Она стояла Антипатру поперек дороги и горла, точно баба Яга с метлой наизготовку в ступе; стояла, окрысившись, всегда полная решимости оказать яростное сопротивление любому его посягательству, лелея надежду устранить его раньше, чем он доберется до короны. Именно она была по убиению сыновей Мариамны главным бельмом в Антипатровом глазу. Однако, слушая страстно-пристрастные доносы сестры и раз от раза гневаясь, Ирод все-таки не спешил принимать карательные меры: ведь семейный шторм едва улегся; отдохнуть бы, вкусить бы осень патриарха, понежиться бы в лучах закатного солнца любимым и любящим дедом, братом, отцом. К тому же и компромата пока не хватало, а в худшие догадки и в Саломиевы преувеличения верить не хотелось. На дурня Ферору сердиться не привыкать, бабы дразги и сплетни неискоренимы. Когда неурядица касалась младших брата или сестры, когда в деле не было политической угрозы, подозрительный деспот мог позволить себе роскошь быть терпимее. И пусть дерзкое оскорбление, нанесенное вздорной бабой Фероры царевнам-отроковицам предвещало грозу, пусть собразничество кутил небезопасно досаждало царю, тем не менее, для взрыва должно было произойти нечто посущественнее, должно было случиться нечто похлеще. И произошло, и случилось.

“Дело в том, что среди иудеев существовала партия, которая кичилась своим точным соблюдением предписаний Закона и имела притязание на особое благоволение Всевышнего. В полном подчинении у этой партии были женщины*. Партия эта именуется фарисеями. Они могли в сильной степени оказывать протводействие царям, будучи в одинаковой мере хитры и готовы открыто воевать с ними и подрывать их авторитет. Когда все иудеи клятвенно подтвердили свою верность Цезарю и повиновение царю, эти лица в числе более 6 тысяч отказались от присяги. Когда царь приговорил их за это к уплате денежного штрафа, жена Фероры внесла за них требуемую сумму. В ответ на эту ее любезность они предсказали ей (люди верили в дарованное им Господом Богом предвидение будущего), что по

* Из окружения Фероры и Антипатра.

воле Предвечного власть будет отнята у Ирода и его потомства и что царство перейдет к ней, к Фероре и к их детям. Это не осталось скрытым от Саломии и было объявлено царю с присовокуплением того, будто некоторые из придворных уже подкуплены. Тогда царь распорядился казнить наиболее видных фарисеев, а также своего евнуха Багою, равно как одного из наиболее красивых в то время пажей своих, некоего Кару. Вместе с тем он распорядился предать казни также всех тех своих подчиненных, которые поверили предсказанию и речам фарисеев. Они подействовали на тщеславие Багои, предсказав ему, что он еще будет носить имя отца и благодетеля предреченного ими будущего царя. Они говорили, что он со временем будет держать всех в своих руках, потому что к нему вернется способность вступить в брак и иметь законных детей” (И.д.17,2,4).

Начнем с конца. Заключительная часть цитаты в наличном виде несет анекдотическую ахинею, поскольку фарисеи, наверняка, предрекали Багое не отцовство по отношению к грядущему Мессии, но возвращение или дарование ему Мессией-чудотворцем способности иметь детей. Вообразить иудейского Помазанника-теократора рожденным от вчерашнего евнуха вряд ли возможно. Поэтому Шюрер (2,509) правильно пеняет на порченый флавиевский текст и предлагает соответствующую конъектуру.

Кстати, не предельно ли ясно весь данный пассаж с его почти издевательским в адрес фарисеев тоном дистанцирует всегда себе на уме позднего (да и раннего) Флавия, который, в сущности, всегда себе на уме, и от партийного фарисейства, и от фарисейского мессианизма? По поводу же почему-то поданных придворному евнуху Багое родопродолжательных надежд, здесь, вероятно, возымело место своеобразное толкование слов пророка Исая:

“...и да не говорит евнух: “вот я сухое дерево”.

Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы, и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего,

Тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится” (56,3-5).

Истолкование “вечного имени, которое не истребится”, как новообретенной евнухом благодаря Помазаннику способности иметь детей?

Стоит поставить также под вопрос степень мессианско-родительского предназначения Фероры и его супруги, в недавнем прошлом рабыни! Подобная возможность предпосылает веру какой-то определенной группы фарисеев в родословие Антипатридов от Давидидов? Эфраимитов? Аронидов? Как известно из Юлия Африкана у Евсевия (История церкви 1,7,13), Ирод, захватив власть, предал фамильные иудейские архивы огню (а позднее официально декларировал свое как бы не чуждое царскому происхождение от первых вавилонско-еврейских репатриантов).

Итак, налицо следующее: зимой 3/2 гг. до н.э. царь иудейский со всей присущей ему в борьбе с внутренними врагами решительностью покарал мессианистов: распорядился казнить многих фарисеев, евнуха Багою, красивого пажа Кару и т.д. Измена! Гос. преступление! Бывалому тирану вновь отдавали любимую мозоль: ответная реакция последовала незамедлительно.

Следствие понятно; разберем вызвавшую карательный гнев причину.

Нелишне вспомнить: в 18 г. до н.э. фарисеям удалось избежать наказания за присяжный уклонизм благодаря заступничеству Поллиона-Гилеля. Тогда иудеи присягали только Ироду теперь — 60-летнему кесарю Августу как патрону Ойкумены, т.е.; как самой планете земля, и одновременно Ироду, как луне, ее спутнику. В науке эта, следуя Флавию, т.н. сдвоенная присяга датируется реже 7, чаще 6 гг. до н.э., иначе говоря, или годом казни сыновей Мариамны или годом после их казни. (!!!) Первую точку зрения под вопро- сительным, правда, знаком представляет Шюрер (1,374), вторую — испове- дует Отто (158). Логика железная, причем та же: смерть Ирода в 4 г. до н.э. возбуждает иной подход-расклад: приходится применять хронологический пресс, искусственно уплотнять событийную канву до абсурда. Впрочем, не будем отвлекаться; 7 и 6 гг. давно миновали; присягой в те дни и не пахло; сейчас на дворе 3/2 гг. до н.э.

* * *

Общеизвестна обнаруженная при археораскопках 1900 г. на севере Ана- толии, в Везир-Кёпру (античный Новоклавдиополь), кесарская присяга пафлагонцев*. Клятва верности приносится жителями Гангры, обитателями других частей провинции и городом Фазимон-Неаполь (в августейших свя- тилищах, над августейшими алтарями) праведнейшему из повелителей — божественному Августу и его потомству. Присягающие клянутся именами Зевса, Матери Земли, бога Солнца, всех прочих богов и самого Августа хранить всю жизнь, на словах, в делах и намерениях, верность лично кеса- рю, плюс его детям и внукам; считать друзьями их друзей, врагами их врагов, не щадить живота, души и тела ради их интересов и т.д. и т.п.

Пафлагонское клятвоприношение датировано 3-м годом от 12-го (в 5 г. до н.э.) консульства императора Цезаря Августа, днем до мартовских ид = 6 марта 3 г. до н.э. В 6/5 гг. до н.э. внутренняя Пафлагония, после кончины местного династа Деиотара, вошла в состав провинции Галатия. Деиотар, монарх антонианец, первым перебежал в Акцийскую войну (см. выше) к Октавиану, сохранил за собой вассалитет и царствовал уже как августинец спокойно, не подавая голоса, еще четверть века. Необычная присяжная датировка по 12-му кесарскому консульству объясняется всеимперски па- мятной престолонаследной дезигнацией в то знаменательное консульство старшего дофина Г.Цезаря. Не случайно пафлагонцы присягают динас- тическому дому Augusti — отцу, детям, внукам; не случайно сие происходит в день 6 марта — в годовщину оберпонтификата Верховного; не случайно присяга приносится в юбилейном 60-м году жизни повелителя мира. *Con- sensus universorum!*

Возникает вопрос: не был ли период 3/2 гг. (по меньшей мере на имперс- ком Востоке), в свете 60-летнего юбилея Цезаря II, к его 13-му с выводом на Форум Л.Цезаря консульству и к присвоению патриарху титула “отец отечества” = “отец рода человеческого”, универсально (разумеется, не без

* RE 18,4 Nachträge: Paphlagonia, 2528-29; Syll.or. 532
H.Freis “Historische Inschriften...”, 7, 10-11.

учета имманентной структуры-специфики провинций и вассалитетов) присяжным? Не есть ли пафлагонская или организованная Иродом – в каждом случае на свой специфический лад – присяги звенья одной ориентально-присяжной вереницы 3/2 гг. до н.э.? Хотя двух звеньев для восточной цепочки-вереницы маловато; нет ли третьего и даже четвертого звена?

Есть. Например, присяга самосцев, принесенная гражданами вольного острова, как говорят, по собственной инициативе (ведь иначе свободные люди не поступают; сходно и в пафлагонской присяге присутствие римских инстанций не зафиксировано). Это самосское клятвопринижение, ни текст, ни дата которого не сохранились, весьма гипотетически относится в науке на 6/5 гг. до н.э., но с большим основанием может быть отнесено на 3/2 гг. Неспроста П.Германн (Hermann) в своей работе “Римская кесарская присяга” (Der römische Kaisereid)* пишет: “Обрабатывающий историко-эпиграфические письмены с острова Самос colega Г.Дунст сообщает мне, что он взвешивает возможность передатировки самосской присяги с 6/5 на 2 гг. до н.э.”, т.е. на год 13-го августейшего консульства и форумной дедикации-дофинизации Л.Цезаря. Оно и верно, ибо период 3/2 гг. до н.э. в жизни Августа кульминационнее, значительнее периода 6/5 гг., да и иудеи, если уж толковать об аналогиях, присягали не в 6, а сродни пафлагонцам и самосцам, в 3/2, точнее, в конце 3 или в самом начале 2 гг. до н.э. Между прочим, именно на 3/2, но никак не на 6 гг. до н.э. относит в “Хронике” (145) расправу Ирода над иудейскими законотолкователями-фарисеями Евсевий.

Итак, пафлагонцы, иудеи, самосцы... Всё ли? Попробуем расширить присяжный диапазон. В “Истории Армении” М.Хоренаци сказано: “Во второй год царствования Абгара вся Армянская страна полностью стала данницей римлян, ибо, как говорится в Евангелии от Луки, императором Августом был издан указ совершить перепись по всей Вселенной. Поэтому римские должностные лица были присланы также в Армению и принесли с собой статуи Августа, кои установили во всех храмах. Ок. этого времени родился наш Спаситель, Иисус Христос, Сын Божий” (2,26). Отставим пока вселенскую перепись и Рождество, до которых недалеко; возьмем “второй год Абгара”, “Армянскую страну”, как “данницу римлян полностью”, и “статуи Августа, установленные в храмах”. Разве последние два пункта не лучше согласуются с присягой, чем с указом о вселенской переписи, вернее, б.м., с присягой, предшествовавшей указу о переписи?

Абгар V Укама (или Абгар Эдесский) вступил на престол Осроэны в 4 г. до н.э., т.е. второй год его правления выпадает как раз на 3/2 гг. до н.э. Неясно в какой степени зависимости от Рима находилась в то время левобережная заевфратская Осроэна, но то, что она до конца жизни умершего весной 2 г. до н.э. Фраата IV находилась в сфере влияния Рима – несомненно. Впрочем, как известно, церковно-армянская историческая традиция отказалась от великоармянско-языческого прошлого в пользу эдесско-христианского; посему делающий эдессита Абгара царем армянским Хоренаци

* Göttingen, 1969, см. “Der Kaisereid als Insitution. Entwicklung des Eides unter Augustus”, 91-99.

мог черпать из источника, перенесшего исторические реалии Великой Армении на Эдессу. Отсюда не лишено смысла предположение, что если Августу в 3/2 г. присягала не Осроэна, то вполне могла присягнуть арташесидская Армения, где в 4-2 гг. до н.э. царствовал римский протезе Артавазд. Или же Август обзавелся клятвами верности и в Армении, и в Осроэне.

О прочих вассалитетах и провинциях ни прямых, ни косвенных присяжных сведений нет.

Само собой, иудеи, в отличие от язычников, не присягали августейшему божеству: они присягнули Цезарю и Ироду, венценосцам большому и малому. Заметим, что Отто (64,98) напрасно считает эту присягу всего лишь локальным внутренним мероприятием Ирода, дескать, в тотальную директиву о присяге Августу из Центра Ирод не рискнул бы втемяшить самого себя. Никакой официально-тотальной директивы как директивы не было: была универсальная инициатива-почин. И кому, если не державнику, если не ойкуменисту Ироду следовало на такую инициативу со всем рвением, идя в ногу со временем и не забывая свое малое величество, всем сеэдцем откликнуться!

* * *

1 января 2 г. до н.э. = 752 г. а.У. в Риме в консульство вступили Г.Цезарь Август и М.Плавтий Сильван*. Август надел консульскую тогу в 13-й — чертова дюжина — (и в последний) раз, чтобы самолично вывести на Форум к народу младшего внука Луция, чтобы инаугурировать второго из predeterminedенных на благо Риму и человечеству в сорегенты братьев-дофинов. В монархиях тираническое неравенство, в республике — двое, как один. Луцию шел 15-й год, он облачился в тогу совершеннолетнего, дезигнировался на 4 г. н.э. в консулы, стал предводителем рыцарственной молодежи — *princeps iuventutis* — получил серебряные щит и копье, был введен в сенат, короче, удостоился всех почестей, возданных тремя годами ранее его старшему брату Гаю, отличаясь от него жреческим авгуратом, вместо понтификата. Теперь парная звезда Юлиев воссияла под августовским солнцем в более, чем когда-либо прежде *золотом веке*.

На радостях кесарь роздал “льготным” нахлебникам из народа в числе чуть меньше 200 тыс. по 60 динариев на брата. А месяцем позже... Светоний пишет: “Имя отца отечества было преподнесено ему всем народом, внезапно (ой ли?) и единодушно. Первыми это сделали плебеи, отправив к нему посольство в Анций, а после его отказа — приветствуя его в Риме, при входе в театр, огромной толпою в лавровых венках; вслед за ними и сенат высказал свою волю, но не в декрете и не общим криком, а в выступлении Валерия Мессалы. По общему поручению он сказал так: “Да сопутствуют счастье и удача тебе и дому твоему, Цезарь Август! Такими словами молимся мы о вековечном благоденствии и ликовании всего государства**”: ныне сенат в согласии с римским народом поздравляет тебя отцом отечества.” Август со

* Сын подруги Ливии Ургулани: вероятный легат Памфилии в 7-4 гг.

** Чем не присяга?

слезами на глазах отвечал ему такими словами: привожу их в точности, как и слова Мессалы: “Достигнув исполнения моих желаний, о чем еще могу я молить бессмертных Богов, отцы сенаторы, как не о том, чтобы это ваше единодушие сопровождало меня до скончания жизни” (Авг.58).

Но боги ревнивы и молить их надо, не зарываясь. Сулла отказался от диктатуры и вышел на пенсию, страшась ревности богов. Цезарь говорил, что Сулла не знал и азов, если отказался от диктатуры. Сам он богами пренебрегал и допренебрегался — пал, проткнутый 22-мя кинжалами, к подножию статуи побежденного им Помпея. Политический долгожил-рекордсмен Август всю жизнь держался золотой середины и все-таки суеты сует недоучел. Земное восхождение достигло пика; Цезарь II вроде бы взял Эверест; нисхождение, причем кое в чем кубарем, вот-вот начнется. Зачем именинник был посреди зимы в Анции, на отдыхе ли? по делам ли? мы не знаем. Трогательная сцена в сенате разыгралась 5 февраля.

Присвоенный тогда Верховному почетный титул сам по себе не нов. Отец-основатель Рима Ромул звался в овященной римской традиции *parens urbi Romanae* и *parens patriae*, т.е. родитель и радатель города-государства, отец-творец. Далее, титулом *parens patriae* — победоносный спаситель в войне и водворитель благотворного мира; лучший из правителей — награждались Фурий Камилл и Фабий Кункатор, Марий и Сулла. После ликвидации заговора Катилины отцом-спасителем отечества заделался Цицерон. В 44 г. за окончание гражданских войн и водворение всеобщего согласия *отцом отечества* стал, по решению сената, Цезарь. Августа тоже величали так, а именно *parens patriae*, от случая к случаю, неофициально; затитулованный до немочи *первый среди равных* от дополнительной титулатуры разумно отбрыкивался. В феврале 2 г. до н.э. произошло нечто большее: в лице старейшего из республиканеров, разносторонне авторитетного В.Мессалы*, кто открыто гордился своей воинской службой под началом Г.Кассия, *вечно живая* (словно мавзолейный Ленин) Республика собственноручно как бы короновала Цезаря Августа больше, чем римским царем.

Он как бы получил “небесно-гражданскую тиару” от Юния и Марка Брутов за себя и за божественного Юлия! Ура! И впрямь, “о чем еще я могу молить бессмертных богов, отцы сенаторы...” Через 42 года после убийства Цезаря, в 40-м году после звездного часа М.Антония при Филиппах пробил самый звездный час кесаря и Цезаря Августа**. Не случайно летом 14 г. н.э., на 76-м году жизни, за считанные дни до смерти он закончит свой

* Не считая Азиния Поллиона.

** Лукаво республиканистый Овидий уподобляет под “самым великим календарным днем” 5 февраля в “Фастах” (2,120-44) Августа на земле Юпитеру на небе: история-де возвеличила Тебя до отца отечества еще до того, как это сделали сенат и народ. Если Ромул — похититель сабинянок, то Август велит женам жить в целомудренном браке; если Ромул — насильник, то Август — законник; если Ромул — *dominus*, то Август — *princeps*; если Ромул — братоубийца, то Август — само милосердие; если Ромула сделал богом отец Марс, то Август дивинизировал своего отца Цезаря.

жизненно-государственный отчет словами: “В мое XIII-е консульство сенат, всадники и весь римский народ единодушно присвоили мне имя отца отечества, постановив увековечить оное надписью над моим домом, в Юлиевой курии и воздвигнутой на Форуме Augusti в мою честь памятной квадригой” (МА 6,35).

Patria potestas – суть власть отца, главы семейства; *parens patriae* – отец римского отечества; *pater patriae* – это отец как римского отечества, так и всего рода человеческого – хозяин земли римской и патрон вселенной. Радуйся, Рим! Ликуй, Ойкумена!

Глава X

2 – 1 гг. до н.э. = 752 – 753 гг. а.У.

Архангел Рафаил:

В пространстве, хором сфер объятom,
Свой голос солнце подает,
Свершая с громовым раскатом
Предписанный круговорот.
Дивятся Ангелы Господни,
Окинув взором весь предел.
Как в первый день, так и сегодня
Безмерна слава Божьих дел.

Гете “Фауст” Пролог на небесах

“Покарав избличенных фарисеев, Ирод собрал синедрион из своих друзей, обвинил жену Фероры в оскорблении, нанесенном ею его дочерям и объявил, что он сам чувствует себя обесчещенным ею: она-де сеет раздор и распрю между ним и его братом, по силе возможности, словом и делом; она виновна в том, что фарисеям удалось увернуться от денежного штрафа, и она виновница всего того, что теперь происходит. “Итак, Ферора, – сказал он – если ты, вняв моим объяснениям, сам, по личной инициативе, расстанешься с этой женщиной, которая только подает повод к распрям между нами, и если сейчас же решишь отпустить ее, дорожа родственным ко мне чувством, то ты останешься мне братом и ничто не нарушит наших отношений.” Но Ферора, правда, потрясенный этими сильными словами, сказал, что не считает возможным ни отказаться от родственных чувств к брату, ни отречься от любви к жене, но охотнее бы умер, чем лишился ее. Несмотря на тяжкое оскорбление, заключавшееся для царя в этих словах, он пока подавил в себе гнев, но запретил Антипатру и его матери общаться с Феророй и его женщинами. Те обещали это, но при случае Ферора и Антипатр продолжали видеться и даже пировать вместе. В то же время шли разговоры о том, будто жена Фероры находится в чересчур близких отношениях с Антипатром, причем посредничает между ними мать Антипатра.

Побаиваясь, однако, отца и опасаясь навлечь на себя еще большее недовольство с его стороны, Антипатр написал своим римским друзьям, чтобы они посоветовали Ироду отправить его, как можно скорее, к императору.

На основании этого Ирод послал Антипатра в Рим, дав ему ценные подарки и завещание, в котором назначал после своей смерти Антипатра своим преемником или, в случае, если бы он умер раньше его, своего сына Ирода, который был у него от дочери первосвященника...” (И.д.17,3,1,2)

Т.о., зимой 3/2 г. до н.э. 6 тыс. фарисеев отказались присягать; жена Фероры уплатила наложенную на них денежную пеню; они отблагодарили ее мессианским предречением; Ирод отреагировал террористически, предав обычным для деспотов макаротом казни и виновных, и без вины виноватых (лес рубят — щепки летят). Затем возымели место ультиматум Фероре и запрет Антипатру и Дориде на общение с фероровцами. С просьбой к своим римским друзьям посоветовать Ироду, “как можно скорее”, отправить его в Рим Антипатр обратился по открытии судоходства, весной. Сребролюбивые, из высокопоставленной челяди, римские друзья не преминули на просьбу тотчас откликнуться. Если отец, сообразно Флавию (И.в.1,29,2), снарядил Антипатра в дорогу “немедля”, то, значит, последний отчалил в Центр не позднее мая 2 г. до н.э. Так, кажется, несложно обстоит дело с хронологией. Впрочем, к ней мы еще обратимся специально.

Теперь несколько слов о том, почему Ирод, живо обрушившись на фарисейских мессианистов, повел себя гораздо менее сурово в отношении Фероровой жены. Отто (139) думает, что царь осторожничал вынужденно, из-за высокого ранга ее супруга-четверовластника, произведенного, мол, в династии Римом и, соответственно, имевшего выход непосредственно на Рим. Но тетрархию для Фероры царственный брат сам выхлопотал у Августа, дабы взрослый дядя не оказался когда-нибудь в сомнительной зависимости от племянников. Т.н. тетрарх Перей постоянно обретался при иерусалимском дворе, не забывая, однако, богатеть от доходов с заиорданского края.

Автономия перейского Заиорданья, поднадзорная прежде всего Ироду, суть фикция. Версия Отто о *колонизаторском* умысле хитроумного Августа разыграть, в случае чего, Ферору против Ирода лишена всякого основания. Повторим, инициатива создания тетрархии исходила не от Рима. Не прав и верно отвергающий предположение Отто Шалит (631), полагая, будто жену Фероры временно ограждала от убийственного царского гнева, рассчитывая в перспективе задействовать ее против Антипатра, Саломия. К чему усложнять? Единственная причина медлительности или неадекватной Иродовой крутости — его родственная привязанность к дураковатому братцу, кто, видимо, был самым младшим в семье. И к нему, и к Саломии, т.е. к последним из живущих Антипатридов старшего поколения, Ирод, как мы знаем, питал особую слабость: им он прощал то, чего не спускал никому, даже родным детям. Примечательно и то, что жена Фероры была обвинена Иродом не столько в политической иллойальности (“подстрекнула к сопротивлению фарисеев”), сколько, перво-наперво, в сеянии семейного раздора и в ворожбе, которой-де “она отвратила от него сердце брата”. Ниже еще всплывут “зелье любви” и связи со сведущей в травах женщиной — ворожей из Аравии (от Силлея).

Кстати, о Силлее. Из “И.д.” и “И.в.” мы узнаем: оказывается, он прибыл в Рим в одно время с Антипатром.

“... Единоновременно с Антипатром и араб Силлей приехал в Рим; впрочем, он не сделал ничего из того, что повелел ему Цезарь. Поэтому Антипатр стал обвинять его перед императором в тех же преступлениях, в коих обвинял его раньше Николай. Вместе с тем и Арет выступил с жалобой на Силлея, т.к. последний распорядился против его воли казнить многих выдающихся лиц, в т.ч. Созма, человека, заслуживавшего во всех отношениях глубокого уважения, а также императорского слугу Фабата. Поводом к последнему обвинению, возбужденному против Силлея, послужило следующее обстоятельство: у Ирода был в качестве особенно доверенного телохранителя некий Коринфий. Силлей уговаривал его за крупную сумму денег умертвить Ирода, и тот согласился. Об этом узнал Фабат от самого Силлея и сообщил о том царю. Последний велел схватить и пытаться Коринфия и в конце концов добился от него полного признания. На основании оговора Коринфия он распорядился также арестовать двух арабов: один из них был начальником племени, другой другом Силлея. Эти люди, которых царь также подверг пытке, сознались, что они явились с тем, чтобы ободрить Коринфия в его намерении и оказать ему в случае необходимости поддержку в деле убийства Ирода. После того как Ирод донес обо всем Сатурнину, тот распорядился отправить их в Рим” (И.д.17,3,2).

Мы в курсе, аравитянин Силлей покинул Италию осенью 5 г. до н.э. Он не мог отправиться домой в Петру лишь за тем, чтобы отдать долг царю иудейскому, возвратиться в Рим и смиренно взойти там на плаху. Не мог он также два с половиной года откровенно игнорировать однозначное повеление кесаря, чтобы “в конце концов”, не исполнив ничего из велемого, нагло заявиться в Рим, причем серьезно надеясь снова скомпрометировать Ирода. Неестественность тенденциозно сконструированного рассказа лежит на поверхности. Повторим, Силлей, конечно, проиграл судебное разбирательство Н.Дамаскину, но отнюдь не так безнадежно или не так разгромно, как отец партийных историков Дамаскин и вслед за ним Флавий это изображают. Как именно прозвучало в 5 г. третейское решение кесаря — неизвестно, однако, несомненно, к прежней тяжбе между антагонистами с тех пор прибавилась не одна новая.

“Императорский слуга” или “домоправитель” Фабат (согласно греческому тексту *Ὁ Καίσαρος διοικητής*) — римский провинциальный чиновник невысокого ранга в сфере финансов, нес, надо понимать, службу в аппарате сирийского наместничества. Его убийство не могло быть совершено Силлеем в виде казни, т.е. открыто, следовательно, оно случилось при невыясненных обстоятельствах, фигурируя в деле как одно из выдвинутых Иродом против Силлея обвинений. Кроме того, ясно: не смещенный Августом в 5 г. до н.э. Силлей все еще продолжал быть великим везирем, раз уж он противостоял Арету и устранял влиятельных Аретовых вельмож. С другой стороны, как раз в 4-2 гг. Ирод развернул активную строительно-поселенческую деятельность за Иорданом, близ границ Арабского царства, в Тра-

хоне и Батанее, в связи с чем поводов для арабо-иудейских трений (помимо, неведомо на каких именно условиях подлежавшего выплате старого денежного долга) тогда хватало. “Долговой” Силлеев бакшиш Фабату делово свел обоих. Фабат же повел двойную игру, продался за большую цену Ироду, мало того, прознав о планах покушения на последнего, выдал их ему после того как Силлей пожаловался на вызывающе проиродинскую позицию продажного чиновника в Рим. Касался ли Фабатов финансовый арбитраж только старого долга, с выплатой которого все, согласно Флавию, было вроде бы ясно (либо не все было ясно), или этот арбитраж разумел не только старый долг, сегодня выяснить сложно, точнее, невозможно.

Факты в следующем. Проинформированный Фабатом Ирод велел схватить и пытать своего телохранителя Коринфия и двух арабов; все трое в чем-то сознались и уведомленный о деликте, лично допросивший обвиняемых Сентий Сатурнин распорядился отправить всех троих на кесарев суд в Рим. Туда же отчалил Силлей, причем, насколько видно, отнюдь не под конвоем, т.е. он на что-то в двусмысленном конфликте уповал, намереваясь сам обвинять Ирода. Отплыл в мировую арбитражную столицу и Антипатр, равно по письму, полученному Иродом от его римских друзей, и в видах тяжбы с Силлем. Как видим, то и другое совпало во времени. Т.о., Фабат, Коринфий и арабы — это хитросплетения 3/2 г. до н.э.

Наверное, уезжая в Центр, Антипатр считал себя баловнем Фортуны, а гос.задание — добиться осуждения Силлея, подарком судьбы. Отъездная затея удалась лучше не бывает; завещание в кармане; отцу жить недолго. Короче говоря, вернуться из Рима можно и должно уже царем.

* * *

В нижеследующем абзаце “И.д.” читаем: “Так как Ферора не изменял любви к жене, Ирод приказал ему удалиться в свою тетрархию. Ферора повиновался этому повелению и дал священную клятву в том, что возвратится не раньше, чем узнает о смерти Ирода...” (17,3,3).

Когда Ферора удалился в Перею? до отъезда Антипатра? или после? Если придерживаться повествовательной последовательности “И.д.” и “И.в.” (1, 29,4), то — после. Но этому, похоже, противоречат дальнейшие свидетельства “Войны” и “Древностей”. В ходе начатого уже по смерти Фероры расследования Антипатровых злоумышлений Ирод вырвет у одной из жертв вопроса с пристрастием слова о сетованиях Антипатра на крайнюю жестокость отца и слова о том, что он сам (опасаясь участи сыновей Мариамны) “придумал свою поездку а Рим, а Ферора по той же причине удалился в свою тетрархию” (И.д.17,4,1). Соответственно рассказу “И.в.”, подследственные покажут, “что поездка Антипатра в Рим и отъезд Фероры в Перею были заранее обдуманы ими и предприняты по взаимному соглашению” (1,30,3).

Разноголосица не принципиальна, ибо плотность событий эвидентна. Примем за верное: Ферора отбыл за Иордан вскоре после майского выхода Антипатра в море, т.е. в июне 2 г. до н.э. Договорились ли они о том заранее? Вполне возможно; но и (не простачок) Ирод (для них обоих — третий лишний) был рад разлучить их, не сумев, наряду с тем, не прогнать

все более несносного стервеца Ферору с глаз долой (но не из сердца вон).

P.S. и анонс. На исходе сентября того же 2 г. до н.э., не дожив до осеннего иудейского новогодья 1 тишири, Ферора умрет. Смерть перейского тетрарха накануне 1 тишири определяется верно прочитанными монетами Ирода Антипы, тетрарха Галилеи и, подчеркнем, Переи, смещенного и сосланного Калигулой после 1 тишири 40, но никак не 39 гг. н.э., — на 43-м (монетном) году правления. Впрочем, о многоспорных монетах Антипы разговор впереди особый. Успеется.

* * *

Тем временем, летом 2 г. до н.э. Г.Сентия Сатурнина сменил на легатском посту в Сирии П.Квинтилиий Вар.

Взятые с XVI-XVII вв. на академическое вооружение три антиохийские монеты Вара, датированные, о чем упоминалось выше, 25, 26 и 27-м годами якобы Акцийской эры, применяются в науке для ошибочной хронологизации кесарских легатов Сирии на рубеже эр и для доказательного подтверждения как кончины умершего при Варе Ирода в лунно-затменном 4 г. до н.э., так и неверности-фиктивности введенного Дионисием Малым христианского летоисчисления.

Эпоха эры Астияса — 2 сентября 31 г. до н.э., вследствие чего прочитанные по ней варовские медяки показывают, словно отстающие часы, 7/6, 6/5, 5/4 гг. до н.э.* Однако, с лета 7 до середины лета 2 гг. до н.э. Сирией, чему мы свидетели, заведовал Сатурнин, т.е. Акцийская эра приложительно к Вару, несмотря на общепринятое мнение-убеждение, наотрез отпадает. Какую же эру использовал при чеканке этих монет Вар? Неужели не ясно!? В объективе кесарская эра Цезаря Августа — *anni Augusti* (Цензорин 21,8), календарная эпоха эры которой приходилась в Риме на 1 января (хотя Август стал Августом 16 января), а в Антиохии Сирийской на осень 27 г. до н.э., или, с наибольшей долей вероятности, сродни большинству сирийских эр, на 1 октября 27 г. Нелишне вспомнить: 1 октября 49 г. до н.э. — эпоха эры знаменитой Антиохийской эры Ю. Цезаря. Сам по себе 27 г. до н.э., как год прыжка Г.Ю.Цезаря** Октавиана в кесари Августы и как имеющий всемирно-историческое значение год старта принципата (оснований для того, чтобы сделать этот год началом эры предостаточно), в рекомендациях не нуждается.

На то обстоятельство, что годы трех вышеназванных варовских монет исчисляются по кесарской эре Августа безуспешно указывал в XIX в. (можно сказать) гласом вопиющего в пустыне Ф.Рисс (66-78). Притом Рисс не оспаривает экзистенцию антиохийских монет, датированных эрой Астияса, а конкретно 26,27,28,29-м годами “победы” (“нике”). Впрочем, если приводимые Риссом “акцийские” монеты выпущены в 6-2 гг. до н.э., иначе говоря, в период легатуры Сатурнина, то В.Врук (13)***, например, приво-

* См. RE 21,1 *Quintilius Varus* 911; см. Шюпер (1,322).

** См. Иделер (1,52-56; 468-71).

*** W.Wruck “Die syrische Provinzialprägung von Augustus”.

дит “победные” сирийские медяки с 26-31-м годами Акцийской эры, т.е. монеты, выпущенные в период легатур и Сатурнина, и Вара: 30-й год эры Actiаса = 2/1; 31-й год = 1/1 гг. Но на трех интересующих нас сейчас монетах Вара (25;26;27) ни какой-либо победной легенды, ни какого-либо упоминания об Акцийском сражении нет, т.е. ничто не принуждает связывать их с эрой Actiаса. Правда, победной легенды нет также на позднейших, причем, без сомнения, на “акцийских” монетах легата Сирии в 12-17 гг. К.Цецилия Кретия Силана, кто не снабдил эти монеты победной легендой, ибо попросту не чеканил другие монеты, снабженные эрой anni Augusti, которые Вар, в отличие от Кретия Силана, параллельно (или одновременно) чеканил*. Вот такие вот хрононумизматические пироги!**

* * *

Небезынтересен следующий курьез. К Сентию Сатурнину охотно взывают неопологеты Р.Х. в 7 г. до н.э. Дело в том, что в полемике Тертуллиана против Маркиона (Adv. Marcionem 4,19,10) говорится: “Доподлинно известно, что при Августе Сентий Сатурнин провел перепись в Иудее.” Из сказанного делается вывод: христианский апологет II-III вв., будучи профессиональным юристом, похоже, разобрался с очередностью и хронологией римско-сирийских легатов двухвековой для него давности; стало быть, Тертуллианова увязка рождественской переписи с именем Сатурнина, а не Квириния блестяще подтверждает факт Р.Х. в 7 г. до н.э., поскольку-де легатура Сатурнина безоговорочно падает на 9-6 гг. до н.э.

Но дата Р.Х., согласно Тертуллиану (см. выше и ниже), балансирует в пределах 4-1 гг. до н.э., не отступая за рубеж 4 г. до н.э. Т.е. Тертуллиан не мог ни, понятия, обнаружить в списках и датах римских легатов Сирии то, чего там не было, ни отодвинуть сатурнинскую легатуру в вовсе не рождественский для него интервал 9-6 гг. Таким образом, тертуллиановское упоминание Сатурнина в связи с переписью косвенно подтверждает отнюдь не факт Р.Х. в 7 г., но Сатурнинову легатуру не в 9-6, а в 7-2 гг. до н.э. — время, где Тертуллиан (вероятнее всего, в 3/2 гг.) искал дату Р.Х.

* Монеты Силана с 42-47 годами эры Actiаса см. у Шюрера (1,327-28). Рисс верно констатирует кесарскую эру Августа на трех (25,26,27) медяках Вара, но неверно приписывает ее монетам Кретия Силана, утверждая, будто отозванный Тиберием из Сирии в 17 г. Силан снова был назначен туда после смерти Германика и отстранения Пизона.

** Моммзен (Straatsrecht 2,724) то сомневается, применялась ли эра anni Augusti вообще? то ее применение в отношении, к примеру, некоторых палестинских монет допускает (2,803; см. также Шюрер 1,484,527).

Иделер (1,464-70) называет три римско-антиохийские эры: Pompeiana, Caesariana, Actiаса; прибавим к ним четвертую — кесарско-августовскую — Augustana! Если Антиохия пользовалась эрами Помпея и Цезаря, учрежденными при Помпее и Цезаре, то тем паче, она при Августе пользовалась не только победно-акцийской, но и, так сказать, персональной эрой кесаря Августа.

Связанный в период раннего Рима жреческим соотправлением Луперкалий (катарсис и плодородие) с gens Fabia патрицианский род Квинктилиев гордился и седой древностью, и не последней знатностью*. По слову Овидия (2,375-80), в предримские времена Квинктилии составляли дружину Ромула, Фабии – Рэма. Дионисий Галикарнасский (3,29,7) числит род Квинктилиев среди семи альбанских родов (Юлии, Сервилиии, Куриации и т.д.), переселившихся в Рим при Тулле Гостилии.

Согласно спискам консулов, gens дебютирует до эпохи децемвиров (V в.), потом исчезает из поля зрения и вновь появляется в кадре в 203 г. до н.э в лице П.Квинктилия Вара – претора, участника Второй Пунической войны и, возможно, впоследствии фламينا Марса. Неясно, о нем ли говорит Ливий (44,18,7), сообщая о смерти (одноименного) фламينا Martialis в 169 г. до н.э. перед фламинатом Постумия Альбина. Во всяком случае, некто из Квинктилиев фигурирует в анналах как фламин Марса**. Кстати, их луперкальным сотоварищам Фабиям не раз доводилось облекать фламинат Квирина. Палатин – удел Марса, Квиринал – Квирина.

С.Квинктилий Вар, отец Публия, аристократ и оптимат, не мешкая, стал, наперекор Рубикону, в ранге квестора помпеянцем; сражался под командой Домиция Агенобарба; попал в плен у Корфиния; тотчас получил помилование; снова метнулся к Помпею; воевал против Цезаря в Африке; вторично получил прощение. Далее, стоял под знаменами Брута и Кассия, не пожелал пережить Филиппы, надел парадное облачение и добровольно умер от руки своего вольноотпущенника***.

Сын несгибаемого республиканца был в те дни малолетним. Предположительно, он перешел на попечение и вырос в семье богатого римского всадника, почти однофамильца – Квинтилия Вара Кремонского – эстета и мецената, друга Вергилия и Горация. Детство и отрочество сироты протекли

* Луперк – одно из проявлений зверобога Фавна (праздник которого римляне отмечали *в день сталинской конституции 5 декабря!*). Луперки (“волчье” и одновременно “пастушье”, в защиту от волков, братство) – жреческая коллегия, состоявшая из луперков Квинктилиев с Палатина и луперков Фабиев с Квиринала. В Луперкалиях 15 февраля (sacra publica) принимали участие Rex sacrorum и фламин Юпитера. Начиналось празднество с жертвоприношения козы, козла и собаки, после чего омоченным в жертвенной крови ножом смазывались и вытирались козьей шерстью лбы двух юных луперков, кому в момент помазания полагалось смеяться. Затем из шкур, принесенных в жертву животных, вырезались набедренники и ремни. Опясавши голое тело набедренниками, луперки шумно выбегали из Луперкала и мчались вокруг Палатина, нагревая всех встречных ремнями. Встречные охотно подставлялись снимающим годичную скверну люстральным ударам, а женщины, моля об избавлении от бесчадия, непременно стремились эти удары отвеждать.

** См. RE 24,1 Quintilius № 12, 903-05.

*** Веллей (2,119) пишет, что и отец, и дед Вара покончили самоубийством, причем, насколько явствует из контекста, при сходных обстоятельствах, т.е. в связи с проигранным противоборством. Однако, ни о самом варовском деде, ни о времени или обстоятельствах его гибели ничего не известно.

в тибуртинском поместье опекуна на вилле Quintiliola в достатке и в сообществе муз. Бездетный К. Вар Кремонский скончался в 24/23 гг., завещав все единственному наследнику, сестры которого выгодно повыходили замуж, — одна за Нония Аспрената, близкого друга Августа*, другая — за Корнелия Долабеллу (отец консула 10 г. н.э.).

По доконсульскому стажу Вара (женатого первым браком на одной из дочерей Агриппы** от Помпонии) сведений мало. Квестура в 22/21 гг.; претура; и твердо задокументированное консульство 13 г. до н.э. в паре с родственным Тиберием (муж Випсании), в памятную пору долгожданной репатриации кесаря из Галлии и закладки миротворного алтаря Aca Pacis. В ходком продвижении по служебной лестнице вверх Квинктилию сопровождала как нобилитетская, так и непотическая привилегированность. А в дальнейшем, женившись на дочери В. Мессалы Барбата и Марцеллы Minor Клавдии Пульхра***, он войдет в число близких nepотов Augusti.

* * *

При всех, так сказать, врожденных для римлянина военно-государственных задатках, Вара никогда не отличали выдающиеся способности. Резко отрицательная характеристика Веллея (2,117), негативные оценки Флора (4,12) или Орозия (6,21), разумеется, обусловлены мрачной тенью claudes Variana, но, тем не менее, подчеркнута вменяемые поражению пороки —

* Однажды, б.м., в интервале 10-5 гг. до н.э., Рим потряс жуткий скандал. Устроившая Нонием Аспренатом трапеза стоила жизни 130-ти приглашенным (Плиний 36,165): произошло пищевое отравление (рыбой?). Но хозяина дома заподозрили и обвинили в отравлении умышленном. Обвинение с пеной у рта поддерживал непримиримый Кассий Север; обвиняемого рьяно защищал неподкупный Азиний Поллион. О поведении *первого среди равных* Светоний пишет: “Когда его близкий друг Ноний Аспренат обвинялся Кассием Севером в отравлении, он спросил в сенате как ему следует поступить: он боится, что, по общему мнению, если он вмешается, то отнимет из-под власти законов подсудимого, а если не вмешается, то покинет и обречет на осуждение друга. И с одобрения всех он несколько часов просидел на свидетельских скамьях, но все время молчал...” (Авг.56). И все-таки, надо думать, что молчаливо-демократичное присутствие кесаря в суде повлияло на оправдательный приговор.

** См. Neue Pauly 10,702-04.

*** Этот брак был заключен не ранее 1/2 г. н.э.: во-первых, т.к. Клавдия Пульхра родилась не ранее 12 г. до н.э.; во-вторых, поскольку Вар вернется в Рим, отлегалури в Сирии, только осенью 1 г. н.э. (см. ниже); в-третьих, потому что дата рождения их общего сына — 2/3 г. н.э. (RE 24,1; 964,987). До выхода замуж за В. Мессалу Барбата (соконсул Квирина) Марцелла Мл. замужествовала за П. Эмилием Лепидом (конс. 34 г.). Предшествующей женой Лепида была умершая в 16 г. дочь Скрибонии Корнелия; т.е. Лепид женился на Марцелле ок. 15 г.; следовательно, она, овдовев или разведясь, вышла замуж за Мессалу Барбата не ранее 14/13 гг. В начале 12 г. последний, консульствуя, умер. Его родившиеся в 13/12 гг. от Марцеллы дети — это В. Мессала Барбат, отец Валерии Мессалины, и жена Вара — Клавдия Пульхра. См. RE 2: 8,1 Valerius Messala Barbatulus № 259,260; 129-31; см. RE 3 Claudius № 423, 2891-92; № 434, 2898-99.

корыстолюбие, высокомерие, жестокость, даже будучи утрированы, вряд ли всего-навсего злобно-очернительские поствыдумки. Веллей, например, замечает: “Приехал бедным в богатую Сирию и уехал богатым из бедной Сирии.” Каждый римский наместник, в той или иной мере, обирал провинцию, хотя, вероятно, незаурядно грабанутая Варом Сирия особенно актуализировалась сквозь призму проигранной им затем Германии. К слову, бросается в глаза высокая сирийская эмиссия денег при Варе: ни от одного наместника не сохранилось столько монет, сколько от него.

Впрочем, до Сирии в его послужном списке была проконсульская Африка. Когда? Мнения ученых расходятся: монеты не датированы. Обычно предлагаются 7/6 гг. до н.э. — т.е. мнимый канун сирийской легатуры Квинтилия якобы имевшей место в 6-4 гг. до н.э. Однако, при подобной конstellляции надо вообразить, будто Вар без мало-мальски минимального перерыва, не передохнув и не заглянув в Рим, мигом перевелся из Африки в Антиохию. Поскольку такое не практиковалось и смотрится (без веских причин) крайне несмотрительно, иные исследователи предпочитают 3/2 гг. до н.э., — т.е. опять впритык к Сирии (6-4 гг.), но с другого конца. Тоже не годится. Кесарская Сирия котировалась выше сенатских Азии с Африкой, следуя в *cursus honorum* по восходящей не до, а после них: никаких оснований для нарушения обычного распорядка, т.е. для противоестественного исключения из правила, в варовском случае нет. Вдобавок, сторонники 7/6 гг. обоснованно возражают: 3/2 гг. слишком далеко отстоит от квинтилианского консульства. И вправду, чересчур далеко: целых десять лет. Незачем ни искусственно сбавлять, ни чрезмерно ускорять темпы роста в меру (по смерти Агриппы и до женитьбы на Клавдии Пульхре) привилегированного патрицианского консуляра. Он не худший и не лучший в элите: он середняк из досрочников и досрочник из середняков.

Произведем расклад натуральный. От африканско-проконсульских времен заключительного десятилетия I в. до н.э. до нас дошла монета, выпущенная А.Фабием Максимом. На ней изображен Тиберий, причем куда вероятнее, что это Тиберий сорегентской, нежели родосско-анахоретской поры. Т.е. соконсул Ю.Антония в 10 г. до н.э. А.Фабий Максим (чей старший брат был чуть ли не побратимом кесаря), скорей всего, проконсульствовал в Африке в 7/6 гг. до н.э. (единовременно с Юловым проконсульством в Азии). И в кои, скажите на милость, веки увековечивать Тиберия, если не в пору его германского триумфа (1.01.7 г.), если не в пору его второго консульства (7 г.), если не ко дням присвоения ему пятилетнего трибуната (6 г.), до его самоотставного уплытия на Родос (6 г.).

Одним словом, 7/6 гг. до н.э. подходят Африкану Фабию в Африке по всем признакам-параметрам, тогда как менее “льготный” консуляр Вар принял у него африканскую эстафету с 6 на 5 гг. до н.э., вовсе не торопясь в то время заведовать Сирией. В 5 г. до н.э. Квинтилий передал Африку Сатурнину Волусию, а три года спустя принял Сирию у Сатурнина Сентия.

Прибыв летом 2 г. до н.э. в Рим (судиться), набатейский везирь Силлей и “снаряженный послом к императору” цесаревич Антипатр ступили в мировую столицу, что называется, с корабля на бал. Среди торжеств этого памятного торжествами года освящение форума Augusti и его центрального сооружения — храма Марса Мстителя. Сходно форуму божественного Юлия, форум Августа был задуман как (неярмарочная, исключительно пешеходная, т.е. как) не подлежащая профанации государственно-сакральная площадь, и возведен за счет частных средств на приобретенной Цезарями в частную собственность земле. Сим новостройки венценосных отца и сына из gens Iulia радикально отличались от традиционных для римлян общественно-площадных построек типа форума Romanum и, в сущности, деловито утверждали наследственную идею республиканского цезаризма-цезаропапизма-папоцезаризма.

Замкнутое прямоугольное пространство (105 м в ширину, 120 м в длину), окруженное 30-метровой высоты стенами снаружи и окаймленное двухъярусной галереей изнутри, кульминировало подиумным, при восьми фронтальных коринфских колоннах, святилищем Марса в самом центре грандиозного комплекса.

“Форум он начал строить — читаем об Августе у Светония (Авг.29) — видя, что для толп народа и множества судебных дел уже недостаточно двух площадей и нужна третья; поэтому же он поспешил открыть этот форум, не дожидаясь окончания Марсова храма, и отвел его для уголовных судов и для жеребьевки судей. О храме Марса он дал обет во время Филиппийской войны, в которой он мстил за отца; и он постановил, чтобы здесь принимал сенат решения о войнах и триумфах, чтобы отсюда отправлялись в провинцию военачальники, чтобы сюда приносили триумфальные украшения полководцы, возвращаясь с победой.” Полностью зависимый в 5-3 гг. до н.э. от Ксифилина и Зонары Дион снова ненадолго обретает во 2 г. до н.э. полноценный дар речи (55,10.2-15) и расширенно дополняет постановительный перечень Светония: “...чтобы юноши надевали здесь тогу мужа, чтобы мужам, удостоенным триумфальных украшений, воздвигались на форуме статуи, чтобы возвращенные из числа захваченных врагом боевые знамена помещались в храм”.

Очевидец торжеств Овидий в “Фастах” под 12 мая горланит:

“...Марс грядет... Бог отмщения снизошел с небес, дабы отпраздновать свой праздник и свою обитель на форуме Августа... (550-51)

...Август дал святилищный обет Марсу, мстя за отца.

Тут стояли борцы за справедливость, там — заговорщики;

И воздев руки к небу, он воззвал:

“Цезарь — отец мой и жрец Весты — взывает к мести,

И я полон решимости отмстить за богов.

Помоги мне, о Марс! обагри боевое железо кровью изменников!

Твое благословение на стороне правого дела!

И если я одержу победу, ты будешь восславлен как Мститель!” (568-78)

Строительное исполнение данного молодым Октавианом обета растянулось на сорок лет. Как мы знаем, в 20/19 г. до н.э. для бескровно возвращенных парфянами римских трофеев была сооружена временная эрзац-капелла на Капитолии. Со 2 г. до н.э. отмщенные и искупленные атрибуты надлежало хранить в святом-святых форумно-мартиальной кумирни. Статуи брадатого, ратно бронированного Марса в шлеме, при копье и щите, а также бож. Юлия с победной звездой над челом, Венеры, Афины, Аполлона, Минервы располагались внутри капища, тогда как в притворе и далее в галерейных нишах находились скульптуры как дивинизированных, так и недивинизированных героев эпического и исторического прошлого. От Энея до Ромула; от Ромула до Ю.Брута; от Ю.Брута до М.Агриппы и Друза. Скульптурные композиции, барельефы и горельефы воспроизводили августейшие достижения на всех фронтах-поприщах: покоренную Ойкумену с ее бесчисленными народами – побежденный, упорядоченный и умиротворенный Римом мир. Не где-нибудь, а именно на ненавязчиво затмившем республиканский Капитолий императорском Форуме, куда органично интегрировался импозантнейший из Марсов – “Мститель”, кесарь Август повелел отныне (и навеки) быть державнейшему пупу земли.

Лишь в свете особой торжественности события Цезарь II, кто, согласно Диону (55,10), “еще раньше предоставил бессрочное право на освящение” всех знаменательно-значительных стройобъектов кронпринцам Гаю и Луцию, самолично выступил освятителем. Цесаревичам, в свою очередь, выпала честь давать потешно-цирковые представления; их десятилетний брат Агриппа Postum впервые отрекомендовался общественности, приняв вместе с ровесниками из именитых фамилий участие в Троянской игре. В цирке 260 львов стали жертвой аренного убоя; гладиаторы дрались один на один и группами в Юлиевой септе; 36 крокодилов полегли брюхом кверху в водоеме Фламиниева цирка.

1 августа 2 г. до н.э. на водах специально вырытого за Тибром гигантского пруда развернулось Саламинское морское сражение между греками и персами. Масштабы этой впечатляющей навмахии гордо приводятся в “Деяниях”: “...30 бирем и трирем, множество мелких судов, около 3-х тыс. посаженных на них бойцов, не считая гребцов, сошлись в устроенной мною морской битве” (4,23). И афиняне, разумеется, уверенно победили, ведь в греко-персидских войнах V в. до н.э. они противостояли ахеменидскому Ирану так же, как Рим, защищая западную цивилизацию от восточного варварства, противостоял Ирану аршакидско-парфянскому. Во 2 г. до н.э. проблема Запад-Восток актуализировалась, поскольку не позднее поздней весны шахиншах-римлянофил Фраат IV умер (неестественной смертью) и трон царя царей занял его юный сын – (соотцеубийца) Фраатак. Вследствие смены монархов в Ктесифоне и осложнений в Армении, мирная междержавная коэкзистенция оказалась под вопросом.

* * *

Похожим образом до сих пор под вопросом вопрос точной датировки освящения Августом форума Augusti, храма Марса Мстителя и посвящен-

ных онoму зрелищных ублажений. По времени все это происходило до скандала Юлии Старшей. Так, пишущий в 30 г. н.э. Веллей сообщает о (вроде бы) хорошо памятном ему прошлом: “В Риме в один и тот же год случилось следующее. После того как божественный Август, облакая 30 лет назад в паре с Канинием Галлом консульство, порадовал римский народ по случаю освящения храма Марса Мстителя великолепными гладиаторскими боями и навмахией, на его собственный дом обрушился жестокий удар судьбы” (2, 100).

Называемый Веллем консул-суф. Л.Каниний Галл (сын одноименного консула-орд. 37 г. до н.э.) сменил ординарного соконсула Августа М.Плавтия Сильвана 1 июля 752 г. а.У. Овидий, однако, экстагически празднует Марса Ultor в день 12 мая; под 12 мая указывает на *ludi Marti in circo* эпиграфия CIL 1 318; в эпиграфии CIL 1 229 задокументирован 4-й день до майских ид. Дион в уцелевшем отрывке хроники 2 г. до н.э., занотировав праздничную навмахию и количество укукошенных крокодилов, неопределенно добавляет, что Август не во все те дни облакал консульство, передав магистратуру, причем “через некоторое время”, кому-то из сменщиков (55,10,2). Вместе с тем, много ниже у Диона (60,5) недвусмысленно указывается в качестве освягительной даты день 1 августа. На 18 сентября 2 г. до н.э. в суффектном консульстве идентифицирован Г.Фуфий Гемин — магистративный преемник кесаря, соконсул Каниния, соавтор закона *lex Fufia-Caninia*. * Позднее, 1 декабря, пару Канинию составлял уже К.Фабриций**. В “Деяниях” сам организатор празднеств заявляет, что устроил мартимальные зрелища-игрища, будучи консулом XIII.

Парная либо непарная смена в течение юлианского года консулов (ординариев суффектама и суффектвов суффектама) производилась на стыке месяцев. Т.е. устроитель, в частности, августовских торжеств Август сложил консульство с истечением августа; Фуфий заступил на вахту 1 сентября. Стало быть, совместная магистратура принцепса и Каниния продлилась два месяца, с 1 июля по 31 августа***. Отсюда вывод: если буквально придерживаться консульской датировки Веллея, намотав одновременно на ус “августовский” синхронизм Диона, то неодновременное празднование Марса и далеко не однодневное разоблачение Юлии окажутся втиснутыми в август 2 г. до н.э., что нереально. Да и как быть с календарным Овидием? с майскими эпиграфиями CIL?

Т.о., дата освящения форума Augusti и открытия Марсова святилища — 12 мая****. Посвященная тому же Марсу навмахия имела место 1 августа. Скандал Юлии разразился осенью 2 г. до н.э. Веллей предпочел при дати-

* См. RE 12,2 *lex Fufia-Canina* 2355-56.

** См. CIL 1 749; *Res gestae* 3,16.

*** Т.о., не 9, как ошибочно полагает Светоний (Авг.26), а 8 месяцев Август облакал свое 13-ое консульство. Неточны светониевские сведения и о том, будто лишь консульства с 5-го по 10-е облакались Августом на протяжении целого года. В действительности — с 3-го по 10-е (31-24 гг. до н.э.).

**** Соответственно версии Гардтхаузена, 12 мая — исторический день как возвращения парфянами в 20 г. римских трофеев. так и освящения (19/18 гг.) Марсовой капеллы на Капитолии (см.1,25,828-29; 972; 2,1, 476-77, 587).

ровке ЧП в доме кесаря назвать возле эпонима Августа суффекта Каниния, поскольку Каниний пребывал на консульском посту всю вторую половину года: и поздним летом, в момент увенчавшей годично-мartialную программу навмахии, и осенью — в дни начала следствия по делу Юлии.

* * *

В чем суть дела? Согласно кесарским правосудию и пропаганде — в злостно-кощунственном прелюбодеянии. Несмываемый штемпель приторно декорирован: облепленная множеством прелюбодеятельных мужей из высших и ниже сословий Юлия докатилась до пьяных ночных вакханалий на форуме; осквернила развратом ростральную трибуну, с которой ее отец провозгласил в 18 г. священные законы о нравственности. “Стыдно вспоминать”, стыдится тиберианец Веллей (2,100), и все-таки вспоминая, стыдливо корит потерявшую совесть и стыд, позабывшую об имени и чести великих родителя и супруга порочную экс-инфанту. Плиний (21,9) упоминает про святотатственную коронацию цветочным венцом, в часы ночных оргий, форумной статуи сатира Марсия. Коронуя дерзкого противника Аполлона, Юлия бросала дерзкий вызов покровительствуемому Аполлоном отцу. Тацит подчеркивает ее распутство (Ан.1,53). О винно-сексуальных пирах-оргиях под открытым небом в центре Рима уведомляет Дион (55,10). О массе хахалей вокруг безотказной падшей цесаревны поучительно рассказывает своему ученику Нерону строгий моралист Сенека (*De brevitate vitae* 4,6)*. О запятнанной всеми пороками Юлии говорит Светоний (Авг.65).

В целом и общем картина выглядит примерно так. Неожиданно прозрев, Август приходит в неописуемую ярость и применяет к виновникам группового разврата различные меры наказания. Позднейшая модель догадливо усугубила скудную информацию авторов древности и сделала ответственной за предумышленно распахнутые (дотоле подслеповатые) глаза принцепса злую юлианскую свекровь Ливию (о чем сами нимало не симпатизирующие Ливии авторы древности почему-то молчат): она-де дождалась удобной минуты и безжалостно отомстила ненавистной падчерице-невестке за обиженного дитяню Тиберия. Это весьма распространенное по сей день мнение до того несостоятельно, что даже не заслуживает опровержения. Будь Август настолько слепым правителем, настолько наивным отцом и настолько зависимым от жены мужем, никогда бы ему не стать и никогда бы не остаться в истории человечества Августом. Долгие, понимаешь, годы смотрел на вольности любимой дочки сквозь пальцы и вдруг взорвался. Почему? А потому, что не ранее, чем во 2 г. до н.э. Юлия отбросила все внешние приличия, в результате чего прелюбодеет вокруг нее сделалось неприлично много; а главное, в их числе появился, точнее, их число апофеозно и вызывающе замкнул Ю.Антоний. Т.о., деликт, во-первых, скандально усугубился, во-вторых, приобрел политико-заговорщический характер.

* В другом месте (“О благодеяниях” 6,32) Сенека разглагольствует о ежедневных! паломничествах к статуе Марсия и о ниспадении Юлии от прелюбодейки до проститутки.

Просмотрим список уличенных деликвентов. Веллей поименно называет Ю.Антония, Квинктия Криспина, Аппия Клавдия, Семпрония Гракха, Корнелия Сципиона и не называет разных прочих, менее известных молодчиков из сенаторского и всаднического сословий (2,100). Соответственно Диону (55,10), к веллеевскому списку примыкает некий безымянный народный трибун; сообразно Макробию (1,11,17), еще какой-то, наверное, богемный грек Демосфен*. Ю.Антоний — “ходячее воплощение августейшего милосердия” — заклеямен Веллем как violator — “осквернитель” — дома Augusti. Август, мол, не только не расправился с ним, с сыном побежденного врага, но предоставил ему жречество, претуру, консульство, доверял управление провинциями. К месту вспомнить: воспитанник и зять Октавии Юл приходился Августу близкой родней и даже был для него, согласно Плутарху (Ант.87), чуть ли не третьим nepотом после сыновей Ливии. Юловы претура и консульство приходятся на 13 и 10 гг., проконсульство в Азии — на 7/6 гг. до н.э. Если “провинции” Веллея не удвоение, то это значит, что в период 5-3 гг. Антоний Minor начальствовал в одной из кесарских провинций консульского ранга. На исходе последнего десятилетия старой эры Друз Клавдий Нерон не жил, Тиберий анахоретствовал, т.е. Юлу и Домицию Агенобарбу выпала честь быть первыми гос.мужами среднего поколения в доме Augusti. Поди не возомни о себе чересчур много! Юл возомнил; заносчивый Домиций, как видно, нет.

По однопартийному мнению Веллея, К.Криспин — соконсул Друза в 9 г. до н.э., скрывал под своей значительной миной свои полные недостатки и ничтожество. С первособлазнителем Юлии Семпронием Гракхом мы познакомились выше. Корнелия Сципиона и Ап.Клавдия Пульхра рекомендуют громкие патрицианские фамилии, кроме которых сказать о них нечего.

* * *

Трижды Август выдавал единственную дочь замуж, каждый раз грубо блокируя ее чувства, обращаясь с ней, как знатный дояр с породистой дойной коровой. Поэтому не удивительно, что отцветающая осенняя красавица, снова оставшись, на сей раз при живом муже, кто был ей, к тому же, противен, вдовой, завела великосветский салон из глухарей на токовище и принялась, чем дальше, тем неистовее навёрстывать недоданное и упущенное. В 5-2 гг. до н.э., после поочередной дезигнации-дофинизации Гая и Луция, Юлия, что называется, выполнила поставленную перед ней “наследственную” задачу, отодвинутая т.о. в дальнейших политико-династических планах кесаря на задний запасной план: теперь это была отыг-

* Нет для короны большего урона, чем с кем-нибудь случайно переспать. (Вот почему обречена корона; республика же может устоять, как некая античная колонна.) И с этой точки зренья ни на пядь не сдвинете шотландского барона...

(И.Бродский “20 сонетов к Марии Стюарт”)

ранная карта. Еще раньше, усыновив внуков, дед-отец сам занялся их воспитанием и, вероятно, со смертью Агриппы, а еще более с уходом Тиберия в достаточной мере дистанцировал обоих от легкомысленной матери. Послушаешь анекдоты Макробия (2,5,6), так однажды он просто не выдержал и срочной запиской упрекнул дочь за вопиющий контраст, за то, что Ливию при выходах в свет всегда окружают солидные сеньоры, а ее пижонистые юниоры. Юлия за словом в карман не лезла и тотчас обратной запиской ответила, что она пока молода, придут-де дни, когда юниоры, состарившись (вместе с ней), обязательно, на радость папе, тоже превратятся в сеньоров. В другой раз, одетая нарочито скромно, держась наигранно скучно, на вопрос о причине столь нетипичного для нее поведения цесаревна с иронией заметила: “Чтобы угодить отцу.” Говорят, венценосный папаша часто сетовал: у него, мол, две трудные дочери — Республика и Юлия. Скажите, разве в его обхождении с обеими нет определенного сходства?

Во 2 г. до н.э. Юлии, выведенной в офсайд, поскольку, в частности, она продолжала формально оставаться женой “Робинзона” Тиберия, т.е. быть по рукам и ногам связанной, было аж 37 лет. Ю.Антонию, сыну героя Филиппа, автократора Востока, мужу царицы цариц, минуло уже за 40. Неужели жизнь так бесцветно, так бесславно прожита? И они, отнюдь не лишенные амбиций, считая себя обделенными, достойными гораздо большего, чем имеют, любовно и заговорщически протянули друг другу руки. Видимо, и для них, и для нескольких амбициозных нобилей вокруг них 60-летний *senex* Август слишком зажился, подобно тому, как Фраат IV зажился для Фраатака и Урании, а Ирод для Антипатра и Фероры. Касательно сути не только любовной связи, но и, наверняка, заговора*, столь сокрушительную кесарскую реакцию нельзя объяснить иначе, как именно покушением на отцеубийство (причем покушением родной дочери в союзе с сыном не кого-нибудь, но Антония!). Хотя насколько серьезно можно говорить о заговорщиках, которые сговариваются (или заговариваются) в часы шумно-уличных ночных оргий и у которых заведомо нет ни малейшего шанса на успех. Предположим, что у Юлии совсем отказали тормоза и что она почти умышленно провоцировала отца. Но куда и как смотрел не более головастый Юл? На кого, на какие силы, на скольких сторонников в обществе или в армии он рассчитывал? Кем хотел стать? Возродителем Республики? мужем инфанты вместо сданного в архив Тиберия? республиканским регентом при Гае и Луции? или при юном триумвирате из Гая, Луция и собственного сына от Марцеллы? Остается повертеть указательным пальцем у виска.

И тем не менее, о раскрытии отцеубийственного заговора недвусмысленно сообщает Плиний (7,149). Рассказом о коварном, нацеленном на устранение царственного родителя заговоре негодной дочери и повязанных между собой преступной клятвой молодых людей вокруг нее *стоически* наставляет Нерона Сенека (О недолговечности жизни 4,6). И Сенека выде-

* Версию заговора разрабатывают E.Groag “Wiener Studien”, № 40, 1918, № 41, 1919 г. и E.Meise “Untersuchungen zur Geschichte der Julisch-Claudischen Dinastie. Iulia, die Tochter des Augustus”, Мюнхен 1969.

ляет Ю.Антония среди тех нечестивцев, которые заставили Цезаря II содрогнуться в старости. Дион (55,10) мотивирует казнь Юла мнимым посягательством на монархию, не веря в политическую подкладку интриги. О заговоре молчит, свято блюдя августейшие заветы на службе у Тиберия, Веллей; молчит, б.м., из антипатии к Августу, Тацит; молчит довольствующийся порнографией Светоний.

Август не афишировал, не официализировал комплот, мало того, впоследствии он сожалел также о публичной скандальности прелюбодеятельного деликта, говоря, терзаемый стыдом, что будь возле него такие верные друзья, как Агриппа и Меценат, обнаружения позора не произошло бы (Сенека “О благодеяниях” 6,32)

Но согласитесь, до чего все-таки обидно: едва Римская Республика в лице В.Мессалы преподнесла *первому гражданину* титул *pater patriae*, исторически признав в нем отца новоримской демократии, и вот на тебе — близкие родственники задумали (прикинувшись борцами за демократию?) умертвить тирана. Упреков в тирании он всегда страшился, как огня. Зачем потакать преступникам? зачем делать из прелюбодеятельной предательницы Юлии мученицу и “свободу на баррикадах”? Пусть она, во всеуслышание отлученная от дома Augusti за разврат, навеки останется блудницей, пусть не отмоется от позорища, ведь ярлык — не лжив.

* * *

Ю.Антоний покончил самоубийством (предупреждая высшую меру) в ходе следствия, еще до приговора. Семпроний Гракх отправился в ссылку на маленький остров Керкина к берегам Африки. Куда делись прочие прелюбодеи? на какие острова они были посланы? что с ними случилось? — неизвестно. Релегированную Юлию свезли на пустынный остров Пандатерия у берегов Кампании. Август от имени Тиберия дал ей развод; иначе говоря, и без того полуоपालный островитянин Клавдий потерял статус кесарского зятя. Так одним выстрелом в политике убивается не один заяц. (Гулять так гулять! стрелять так стрелять!) Теперь Гаю и Луцию не мешал никто: их норовистый дед элиминировал всех потенциальных опекунов и конкурентов.

Впрочем, Светоний пишет: “...о дочери он доложил в сенате лишь заочно, в послании зачитанном квестором и потом долго, терзаясь стыдом, сторонился людей и подумывал даже, не казнить ли ее” (Авг.65). Сопровождать Юлию в ее ссыльном одиночестве (под строжайшим надзором) на голой скале в море вызвалась и получила разрешение ее мать Скрибония. Только через пять лет удастся уговорить сурового патера перевести дочь на материк и немного смягчить жесткие условия ссылки. Вместе с тем, все попытки выхлопотать ей полное или частичное прощение не возымеют ни малейшего успеха. Отец отрекся от нее необратимо: вычеркнул из фамилии, запретил хоронить в мавзолее, все просьбы о помиловании неизменно обрубал резким отказом. Он даже сожалел, что Юлия не повесилась, не взяла пример со своей вольноотпущенницы-сообщницы Фебы. Та заранее покончила с собой и Август, узнав о самоубийстве, в сердцах воскликнул, что лучше бы ему быть отцом Фебы.

Никакого судебного разбирательства с участием сената не было. Для наказания преступной дочери *pater familias* воспользовался властью отца; для наказания ее преступного окружения — всевластием кесаря. Сходным образом, а именно неподотчетной кесарской волей, вернее, произволом будет спустя девять лет бессудно сослан поэт Овидий.

Следствие началось осенью и длилось до конца года*. По Диону (55,10), с привлечением и осуждением уличенного нар. трибуна законник-принцепс подождал до истечения срока его полномочий и трибунской неприкосновенности, т.е. до 10 декабря (день, когда трибуны *plebis* слагали годичный трибунал).

Юлию и Ливию, разумеется, не связывали теплое родство или личная близость: рождение на свет первой (39 г. до н.э.) почти совпало с унижительной супружеской отставкой ее матери, из-за неудержимой страсти ее отца ко второй, и дочь вряд ли не трогала нанесенная матери обида. Потом звезда сыновей Юлии восходила в ущерб сыновьям Ливии. Однако, не Ливия столкнула невестку в пропасть (да и не выгоден ей был развод сына). Содеянное Юлией несказанно больно полоснуло по сердцу самого Августа и вся неумолимо-расправная инициатива целиком исходила от него.

* * *

У Диона (55,10) между освящением Марсова святилища и юлианским скандалом перечислены (не в хронологической последовательности) различные события из хроники 2 г. до н.э.: учреждение регулярных олимпийского типа состязаний в честь кесаря пострадавшими от землетрясения и щедро поддержанными им неаполитанцами; всенародно присвоенный вождю титул *pater patriae*; создание Августом специальной преторианской префектуры с двумя префектами-*praetoribus* во главе; организация празднично-театральной постановки престарелым мимом Пиладом; организация эстрадных выступлений с участием всадников и матрон штатным претором Квинтом Криспом. Мероприятия пенсионированного придворного актера Пилада и претора Криспа, по всей видимости, составляли часть сценической программы осенних *ludi Romani* (время проведения — 4-19 сентября), т.е. вплоть до последней декады сентября 752 г. а.У. В Риме царил почти сплошной праздник, никаких скандальных разоблачений не происходило. Но очень скоро содрогнувшийся, согласно Сенеке, старец Август потерял покой и сон и, потеряв, надежнее обложился реформированной охраной из элитарных гвардейцев.

Девять преторианских когорт насчитывали итого 1000 воинов. Они про-

* Не исключено, что некоторые осужденные отправились в места ссылки в начале 1 г. до н.э. Так, про Семпрония Гракха у Тацита в "Анналах" (1,53) сказано: "Сосланный на остров Керкину, он прожил в изгнании 14 лет." Со смертью Августа в 14 г. ссыльный Гракх будет убит: его прикажет убить, выслуживаясь перед Тиберием, проконсул Африки Ноний Аспренат. Если тацитовская информация о 14 годах корректна, то Семпрониева ссылка началась (скорее) не во 2, а уже в 1 г. до н.э.

изросли из положенной полководцам-императорам времен республики личной охраны, пережили полководческо-императорскую множественность поры гражданских войн, триумвиратов, и наконец безраздельно подпали моновирату Augusti. Гвардия стационарировалась в столице и поблизости, готовая предотвратить любые попытки гос.переворота, уберечь “величество” от террористических покушений и “всяческих ему ненужных встреч”, быстро отреагировать на беспорядки и т.д. Соответственно Светонию (Авг.49), первый принцепс “никогда не держал в Риме более трех когорт, да и то без укрепленного лагеря; остальные он обычно рассылал на зимние и летние квартиры в ближние города.”

Еще в 13 г. до н.э., по возвращении домой из Галлии, он установил для преторианцев 12-летний срок службы с жалованьем в 500 динариев против срока в 16 лет с втрое меньшим жалованьем для легионеров. Надо думать, что в заключительные месяцы 2 г. до н.э. в столицу были стянуты и приведены в состояние повышенной боевой готовности свыше трех когорт. Не тогда ли и последовала их окончательно *янычарская* элитаризация, последствия чего резко проявятся при преемниках Цезаря II, в дальнейшем. Назначенные командирами *спецназа* первые префекты praetorio (из всадников) звались К.Осторий Скапула и П.Сальвий Апер. Оба подчинялись непосредственно кесарю; одному из них полагалось с частью когорт сопровождать императора в поездках, другому — неусыпно нести службу в Риме.

Под консульством Л.Каниния и К.Фабриция, т.е. под концом 752 г. а.У., в “Деяниях” (3,16) упомянута последняя (до организации в 6 г. н.э. военной кассы — *aerarium militare*) денежная премия, выплаченная главному ветеранам из частных средств.

* * *

2 г. до н.э. примечателен конфликтами отцов и детей в разных широтах. Весной Фраата IV в Иране сменил Фраат V — ок. 17-летний отпрыск процарствовавшего 35 лет шахиншаха, рожденный ему подарочной рабыней, впоследствии шахиней — Формузой-Уранией. Мы в курсе, сначала Урания подвигла гаремного властелина на моногамию, затем уговорила его отослать детей и внуков от иных жен в Рим, сделав сим родное чадо внеконкурентным наследником престола. Оставшись один, Фраат Младший, более известный под уменьшительно-ласкательным именем Фраатак, постепенно вырос и проходил подготовку к будущему царствованию. “Но — читаем у Флавия — юноше показалось слишком долгим ждать смерти отца для получения престола и потому он задумал умертвить его при содействии матери, с которой, как гласила молва, он даже находился в преступной связи” (И.д.18,2,4).

Если монеты самого Фраатика-Фраатака начинаются с поздней весны 2 г. до н.э., то с 1 г. н.э. Тея Муза Урания уже, судя по нумизматике, его официальная соправительница, а годом позже — жена!

Как известно, придя к власти (37 г. до н.э.), Фраат IV умертвил всех младших братьев, одного из своих сыновей и престарелого отца Орода.

Теперь 35 лет спустя сын отце- и братоубийцы, равно как сам отце-, брато-плюс сыноубийца принял ядовитую смерть от единственно близких, от обожаемых им людей. Поистине над некогда благословенным домом Аршака Храброго тяготело проклятие.

Впрочем, Фраатак не сразу обнаружил связь с собственной матерью, не сразу женился на ней и не сразу стяжал ненависть подданных. С молодыми, сменяющимися непопулярных старых правителями на начальных порах обычно связываются восторженные надежды. Так, партия национального возрождения Ирана явно не оплакивала старого тирана, выступая за пересмотр юным царем царей пораженческого курса в отношении Рима: за решительное противодействие римской экспансии на неримском берегу Евфрата — в Армении и в Осроэне.

Тем временем, весенняя перемена власти в Ктесифоне быстро откликнулась пропарфянской волной в Армении. Летом, не позднее осени 2 г. до н.э., римский ставленник Артавазд III был свергнут, царская тиара вновь перешла к его низложенному двумя годами раньше племяннику Тиграну IV, который на сей раз воцарился в брачном союзе со своей сестрой Эрато. Одним словом, выгодный Риму паритет нарушился, возник дисбаланс, международная обстановка обострилась.

Египетские цари из македонской династии Птолемеев женились на сестрах, унаследовав эту преобразившуюся в декадентный обычай древнюю мистерию от фараонов, которые блюли посредством таких браков божественно-царственную чистоту “голубой” фараонской крови. Прообразы в мире богов: Осирис-Изида, Зевс-Гера... И, кстати, египтяне тут не одиноки: так же поступали, например, приверженцы строгой эндогамии — южноамериканские инки, чьи правители женились только на сестрах*. Впрочем, настолько далеко, к инкам, ходить незначительно; достаточно обратиться к примерам из совсем не чуждой парфянам и армянам ахеменидской истории. Дочь Кира Великого Атозу оженил ее брат Камбиз; Дарий II был женат на своей сестре Парисати; наконец, Артаксеркс II взял в жены родных дочерей Атозу и Аместри. Однако, в конце старой эры эта кровосмесительная практика (хотя Тацит и говорит о Тигране с Эрато, соединившихся по чужеземному обычаю в браке), видимо, вышла в Азии (не в Египте)** из употребления; во всяком случае, в предшествующей парфянской или арташесидско-армянской истории аналогов, несмотря на скудость информации, нет. Ста-

* Женами фараонов, в отличие от Птолемеев, становились, насколько известно, сводные, а не родные сестры. В Греции могли вступить в брак сводные брат и сестра от одного и того же отца, но не от одной и той же матери (Корнелий Неп “Кимон” 1; Плутарх “Фемистокл” 32). В Риме и то, и другое запрещалось. Не были позволены также союзы между дядьями и племянницами. Женившись на своей племяннице Агриппине, Клавдий должен был специальным сенатским постановлением узаконить подобные браки, однако, его примеру почти никто не последовал (см. Тацит “Анналы” 12,7; Светоний “Клавдий” 26).

** Клеопатра VII была поочередно замужем за своими братьями — Птолемеем XIII и Птолемеем XIV. Кровосмесительные браки запретил в Египте, предоставив всем провинциалам римское гражданство, Каракалла.

ло быть, резонен вопрос: если эти альянсы на время их заключения аномальны, то не обуславливались ли они какой-то особой – эзотерической констелляцией?

Согласно зороастрийскому мировоззрению парфян и армян, их цари представляли собой земную реинкарнацию рождаемого в гроте (с родниковой купелью), куда входила сиятельная небесная звезда (причем рождаемого девственной матерью, причем именно в ночь с 24 на 25 декабря), Бога-Спасителя Митры. Митра – оборотель Тельца, репрезентант эпохи и звездного знака Овна. Звезда – это воплощающаяся душа, а грот – это тело – телесный сосуд избранничества.

В направленном против зороастризма полемическом труде “Опровержение ересей” армянский церковный теолог, автор V в. н.э. Е.Кохбаци бичует “байки” язычников-дуалистов о сотворении Ормуздом мира, о рождестве Митры, о парадоксальном соучастии в божественном творчестве (генезисе) князя тьмы Аhrимана и т.д. “Когда Аhrиман увидел, что Ормузд создал великолепные творения, но не умеет создать свет, он задумался и сказал демонам: “Что толку Ормузду в его прекрасных творениях, если они во мраке. Будь Ормузд умен, он соединился бы с матерью и родилось бы Солнце, а потом соединился бы с сестрой и родилась бы Луна.” Строгий запрет на разглашение тайны не подействовал: демон Махмэ тотчас подался к Ормузду и проболтался (2,8). У другого армянского автора, у историка Егише (V в.) сказано про рождение Митры от соития сына и матери (“О Вардане и войне Армянской” 8).

Проходя мистериальное посвящение, древний посвящаемый отрекался под руководством иерофанта от своего Я и соединялся с Духом народа, с силами народной наследственности. Я или индивидуальные качества в человеке более от отца, тогда как потоку наследственности, духу определенного народа, нации человек принадлежит более по матери, т.е. неофит, отрекавшийся от себя, от Я во имя становления “персом” или “израэлитом” (в котором нет лукавства), убивал в себе индивидуальность, жертвовал ею ради единения с духом определенного народа, ради служения духу этого народа. Иначе говоря, он жертвенно убивал в себе отца, т.е. индивидуалистический принцип отца, и бракосочетался сам в себе с собственной матерью. (“Перс” – пятая “лунная” ступень митраистского посвящения; шестая “солярная” ступень – “Солнечный Герой”).*

Вот в каком, т.е. в спиритуальном ключе воспринимался в парфянском Иране брак сына и матери, прославленный в Авесте; вот чем был мотивирован *Эдипов комплекс* Фраата V. И Гутшмидт (118) напрасно видит здесь всего-навсего неудивительное следование авестийским заветам. Почему в сем случае пользующийся неиндейским источником Флавий пишет о ненависти подданных к Фраату именно из-за преступного кровосмешения? почему, в конце концов, тронные Аршакиды не женились на родных матерях регулярно? почему брак Тиграна и Эрато для арташесидской Армении нетипичен?

* См. R. Steiner “Das Johannes Evangelium” Vorträge 10;11, В.112.

Может быть, от этих браков ждали рождения Солнечного Героя? светосносного Митры? Две музы — дочери Зевса и Мнемозины — Эрато и Урания — эрос и астрология. Притом если дата бракосочетания Тиграна и Эрато — 2 г. до н.э., то Фраат и Урания соединятся брачными узами во 2 г. н.э. Чем, спрашивается, еще могли быть фундированы их союзы? если не декадентным предощущением, поиском впотьмах и на ощупь великой мистерии Исполнения Времен.

Но до бракосочетания Фраата и Урании еще есть время. Кроме того, не все *посвященные* на Востоке чаяли увидеть *Вифлеемскую звезду* над местными царскими дворцами. Очень и очень немногим снизошедшая во 2 г. до н.э. на землю души Христа-Заратустры светила из Палестины.

* * *

С мая 2 г. до н.э. возле Ирода не было Антипатра, с июня — Фероры. Сын уплыл в Рим, брат удалился за Иордан, поклявшись вернуться не прежде, чем узнает о смерти царя. В июле/августе Ирод болел, причем опасно, поскольку посылал за Феророй, чтобы тот прибыл для последних, на случай братниной смерти, распоряжений. Перейский тетрарх не прибыл, а в сентябре заболел сам. Тогда Ирод, успевший тем временем поправиться, “показал себя более великодушным: он приехал к нему и участливо за ним ухаживал. Но Ферора не перенес болезни и умер через несколько дней” (И.в.1,29,4). Царь перевез тело покойного в Иерусалим, устроил пышные похороны и предписал народу глубокий (месячный) траур.

Кончина непутевого четверовластника последовала на исходе сентября, до наступления 1 тишири; в октябре или уже в ноябре, по истечении всенародного траура, в смертном деле всплыли тревожные обстоятельства.

“После смерти и погребения Фероры к Ироду явились два особенно близких Фероре вольноотпущенника и просили не оставлять так смерти брата, но подвергнуть расследованию его неожиданную и грустную кончину. Ирод внимательно отнесся к этим речам, которые вызвали в нем доверие, и вольноотпущенники заявили, что Ферора умер от подсыпанного ему женой в какое-то блюдо яда. Этот яд был привезен некой арабской женщиной и должен был якобы служить любовным зельем, но на самом деле был предназначен для отравления Фероры. Как известно, все арабские женщины искусны в приготовлении ядов. Та же женщина, которую они теперь обвиняют, сама созналась, что была дружна с одной из приятельниц Силлея. Вместе с тем они утверждали, что для покупки яда к ней отправились также теща Фероры и его свояченица, которые накануне указанного обеда возвратились в обществе той аравитянки. Разгневанный этими сообщениями Ирод приказал подвергнуть пытке указанных женщин, а также нескольких свободнорожденных женщин, но вследствие их молчания, дело оставалось темным, пока, наконец, одна из рабынь, терзаемая пыткой, не сказала, что молит Предвечного о таких же мучениях для Антипатровой матери, которая одна является виновницей всех их страданий. Это раскрыло глаза Ироду и в конце концов он с помощью пыток выведal у женщин все о пиршествах и тайных сходках, о том, что Антипатр передавал Фероре

сообщенные ему под секретом сведения (хотя получил от отца подарок в 100 талантов за обещание ничего Фероре не сообщать), о ненависти Антипатра к отцу и о его постоянных жалобах своей матери на живучесть Ирода, тогда как к нему самому уже приближается старость, так, что если он когда-либо добьется власти, последняя вряд ли порадует его; о том, что его братья и их дети воспитываются как будущие правители и тем самым безусловно мешают его твердой уверенности в получении власти. Уже теперь, говорил Антипатр, на случай какого-нибудь несчастья, его преемником объявлен его брат, а не сын. Вместе с тем он обвинял отца в крайней жестокости, выразившейся, между прочим, в умерщвлении сыновей. При этом он говорил, что опасаясь подобной же участи, он сам придумал свою поездку в Рим, а Ферора по той же причине удалился* в свою тетрархию” (И.д.17,4,1).

Итак, вольноотпущенники Фероры заподозрили по смерти их благодетеля то ли его родню, то ли набатая Силлея в отравлении тетрарха доставленным из Аравии колдовским (приготовленным-де дружной с одной из приятельниц Силлея арабкой) зельем, о чем и уведомили Ирода. С этих сумбурноватых подозрений-уведомлений начал распутываться приведший в итоге к разоблачению преступных замыслов и деяний Антипатра пестроувесистый клубок. Надо сказать, в том, что касается материалов следствия по данному делу, рассказ “Войны” и “Древностей” (не в первый раз) оставляет желать лучшего. Попробуем разобраться. Все версии отравления Фероры женой, свояченицей, шпионистой ворожеей-аравитяжкой в ходе расследования вроде бы отпали, не подтвердились. Следствие же приняло совсем иной оборот, ибо под пыткой одна из рабынь прокляла Антипатра Дориду, что вывело Ирода сначала на злословие, а потом и на злоумышление сына. Та же рабыня как бы изобличила дружбу Антипатровой матери с Феророй и его семейством (будто Ирод не знал об этом раньше!), их тайные посиделки; как Ферора и Антипатр по приходе от царя, ночи напролет кутили и бражничали, не допуская к себе ни одного слуги или прислужницы (И.в.1,30,2). Но ведь раньше Ирода о том же информировала Саломия. Да и не мог подобный Ироду тиран не знать о факте тайного бражничества у себя под носом, отчего, в частности, весьма обрадовался необходимости (и возможности) временно услать сына-дофина подальше, в Рим. Другое дело, что он считал неоспоримого престолонаследника Антипатра, по-прежнему, своим щитом, в чем жестоко ошибался, поскольку тому уже не терпелось (в возрасте за 40 оно и понятно) взойти на престол. Не факт кутежей, но выявленное содержание бражнических бесед потрясло теперь царя**.

“Тогда Ирод велел пытать отдельно каждую рабыню. Все показания последних в общем согласовались между собой и выяснили еще то обстоятельство, что поездка Антипатра в Рим и отъезд Фероры в Перею были заранее обдуманы ими и предприняты по взаимному соглашению. Часто они выражались таким образом: раз Ирод расправился с Александром и

* На самом деле: решил удалиться.

** Хотя откуда о них знали (прильнувшие к замочным скважинам?) рабыни, если на пиры никто не допускался?

Аристовулом, то он еще доберется и до них, и до их жен; после того как он удавил Мариамну и ее детей, никто не может ждать от него пощады; лучше всего поэтому по возможности не встречаться с этим кровожадным зверем” (И.в.1,30,3).

Как видим, центр следственной тяжести постепенно сместился на Антипатра, причем *дамаскинская* линия непрямой защиты “несчастливого старика” Ирода посредством переноса ответственности за убийство им Мариамны и ее сыновей устами его подлых родственников на них самих просматривается весьма четко. Наряду с тем, вскрытые в ходе пыток жалобы отпрыска на досадную живучесть родителя шокировали последнего до слез. Столь откровенного цинизма он, кормилец, от произведенного им в люди первенца не ожидал и вообще был в отношении самого себя ранивейшим из смертных. Несложно также понять какую боль причинила жено- и сыноубийце эта лицемерно-самосохранительная “скорбь” близкой родни по адресу убитых ей же в угоду и во многом ее происками Хасмонеев.

Относительно будущего, Ирод, назначив своего сына от дочери первосвященника (на всякий пожарный случай досрочного несчастья с Антипатром) преемником, проявил кланово-государственную заботливость. Сын Мариамны II занял второе место в направленном на утверждение кесарю царском завещании, будучи вторым среди здравствующих царских сыновей по возрасту и знатнейшим по происхождению. Помимо того, несколько образумить слишком задравшего нос собразника Фероры Антипатра назначением ему в преемники брата тоже не мешало. Между тем, сын Дориды однозначно усмотрел в отцовском тестаменте угрозу собственному будущему, мало того, питал ко всем сводным братьям и племянникам ненависть, поразившую (в старости) даже выдавшего виды Ирода: грозился после смерти царя уничтожить всех потенциальных контрпретендентов. Но разве юный Аристовул Маккавей или престарелый Гиркан не были рассчитливо и хладнокровно уничтожены Иродом. Яблоко от яблони недалеко падает.

Первый этап казематных дознаний закончился супружеской отставкой избалованной Дориды, изъятием у нее даренных драгоценностей и, без сомнения, взятием изгнанной из брачных чертогов, однако, заметьте, не лишенной свободы, под строгий надзор, чтобы она не сумела известить дорогое дитя о неблагоприятных для него переменах, и чтобы не поднимать преждевременный шум вокруг чрезвычайно важного дела. Женщин Фероры царь демонстративно помиловал и снова вступил с ними в дружбу, т.е. снял с них подозрение в отравлении брата (насколько искренне — вопрос). О состоянии самого Ирода в “И.в.” сказано: “...он был повергнут в такое отчаяние, которое лишило его всякого самообладания: самое ничтожное подозрение подымало бурю в его душе; массу невиновных он поволок к пыткам только для того, чтобы не обойти ни одного виноватого” (1,30,4). Метод знакомый, для Ирода и других деспотов обычный. Одновременно, потеря самообладания вовсе не означала потери бдительности, наоборот, обострила бдительность и многократно усилила патологическую подозрительность. Основная задача заключалась отныне в надобности раскрутить адский клубок до конца и не спугнуть подлеца Антипатра до срока.

Как выяснилось из подпытных показаний, однажды он доверительно

сказал Фероре: “Мы должны почитать себя счастливыми, что Ирод, отняв у нас все, дарует нам хотя бы жизнь. Но невозможно спастись от такого кровожадного чудовища, кто даже не терпит, когда открыто любят других. Теперь, конечно, мы вынуждены скрывать наши свидания; но вскоре мы это будем делать открыто, если только будем мужественны и смело подыдем руку” (И.в.1,30,3). Удивительным образом это поднятие руки в устах сына-урода не отвратило Ирода от амнистирования женщин совращенного Антипатром Фероры. Удостоверьтесь, повествование снова страдает противоречиями и алогизмами, вкладывая при том в уста персонажей чересчур саморазоблачительные фразы. Но так или иначе, скоро следствие уже вполне ожидаемо наткнулось на нечто большее, чем злобные эскапады. Разоткровенничался подвергнутый допросу с пристрастием домоправитель Антипатра, одноименный цесаревичу самарянин.

“Между прочим этот самарянин сообщил под пыткой, что Антипатр приготовил яд и вручил его Фероре с советом всыпать отраву Ироду во время его римского отсутствия. Яд привез из Египта Антифил, один из друзей Антипатра; затем отравы была послана Фероре через Февдиона, брата Дориды, и т.о. попала в руки жены Фероры, которой последний доверил его на сохранение. При допросе со стороны царя она созналась во всем и побезав якобы принести яд, бросилась с крыши дома; однако, не убилась насмерть, потому что упала на ноги. Приведя ее затем в чувство, царь обещал ей и ее родным полную безопасность, если только она скажет всю правду, пригрозив ей ужаснейшими муками, если она вздумает скрыть что-либо” (И.д.17,4,2).

Жена Фероры рассказала о доставке яда Антифилом из Египта и о получении Феророй отравы от Февдиона. Так, привезенный из страны-на-Ниле летом 2 г. до н.э. яд осел до удобного момента в Перее. Когда же Ирод в сентябре приехал нежно ухаживать за большим братом, последнего обуяло раскаяние и он перед смертью приказал жене сжечь отраву, “дабы не уносить духов мщения с собой в могилу”; та исполнила приказание, но сохранила ничтожную долю на случай угрозы со стороны царя для себя. “Сказав это, она представила флакон с ядом. Второй брат Антифила и их мать подтвердили все под пыткой и признали флакон за настоящий. Вместе с тем также и жена царя, дочь первосвященника, подверглась обвинению в том, что она, зная обо всем, захотела скрыть все*. В силу этого Ирод прогнал ее с сыном и вычеркнул его из завещания, где он фигурировал в качестве претендента на царский престол. Тестя своего Симона, сына Бозта, он лишил первосвященнического сана и назначил на его место иерусалимца Матфия, сына Феофила” (И.д.17,4,2).

Если по тексту “И.д.” яд, хоть и не очень внятно, доставляется из Египта в Иерусалим-Перею уже в пору римской отлучки Антипатра, то по тексту “И.в.” (1,30,5), это вроде бы происходит, причем опять-таки невнятно, еще до Антипатрова отъезда в Рим. Примем разумную версию “Древностей”, то есть Фероре предстояло травить Ирода из Переи, надо понимать, улучив минуту и опираясь на доверенных лиц в Иерусалиме — на Дориду,

* Согласно “И.в.” (1,30,7), братья выдали ее под пыткой.

на того же Февдиона и т.д. Однако, переийский тетрарх так и не взялся (из страха? медля с братоубийством? надеясь на естественную смерть тяжело болевшего летом Ирода?) или не успел взяться за рискованное предприятие.

Любопытно, что расследование с целью прояснить Феророву кончину, выведшее следствие на отцеубийственный заговор, началось осенью 2 г. до н.э., тогда, когда Август в Риме приступил к расследованию дела Юлии. Изгнание Мариамны II и замена первосвященника Симона Матфием имели место уже в январе 1 г. до н.э., а по весне, за семь месяцев до октябрьского возвращения Антипатра из Рима, в следственном деле была поставлена точка.

“В это время прибыл из Рима Батилл, вольноотпущенник Антипатра. Допрошенный под пыткой, он показал, что привез яд для вручения его матери Антипатра и Фероре с тем, чтобы в случае неудачи первой попытки отравления царя теперь можно было бы наверняка избавиться от Ирода. Вместе с тем Ирод получил также письма от своих римских друзей с обвинениями по наущению Антипатра против Архелая и Филиппа в том, что они, будто бы, ненавидят отца за убийство Александра и Аристовула и начинают уже жалеть о своей собственной судьбе, причем будто бы, высказывают предположение, что отец зовет их назад с исключительной целью и их также загубить. Этой клеветы Антипатр добился ценой крупных денежных сумм. Плюс к тому, он и сам писал о братьях отцу, приводя все возводимые на них обвинения, но при этом прося совершенно простить юношей, ссылаясь на их возраст и объясняя этим их невоздержанные речи. Сам он в то время продолжал борьбу с Силлеем и ухаживал за влиятельными лицами, приобретя с этой целью всяких дорогих подарков на сумму до 200 талантов. Станным, во всяком случае, является то обстоятельство, что он сам ничего не узнал из того, что готовилось против него в течение последних семи месяцев. Причиной того были надзор и охрана путей, и общая ненависть к Антипатру; не было никого кто бы подверг себя опасности ради доставления ему сведений касавшихся его спокойствия” (И.д.17,4,3).

Напомним: сезонное судоходство в древности закрывалось с заходом Плеяд (12 ноября) и открывалось 5-10 марта. Впрочем, Плиний (2,122) сообщает о выходе (первых) судов в море с первыми дуновениями в 6-й день до февральских ид, т.е. 8 февраля, мягкого весеннего ветра Фавония. Отсюда вывод: исходя из того, что от конца завершенного после допросов прибывшего из Рима Батилла и последних разоблачений следствия до возвращения самого Антипатра прошло семь месяцев, следует оптимально датировать Батиллов приезд мартом, а Антипатров — октябрём 1 г. до н.э.

Однако, так как общая продолжительность римского вояжа Антипатра у Флавия не приведена, семимесячный же интервал в “И.д.” можно, при желании, истолковать менее определенно, чем в “И.в.” (дескать, не совсем ясно откуда именно эти семь месяцев стартуют), все это некогда составляло предмет утихших в XX в. ученых споров. Отто (142), например, отстаивает экстремальную т.зр., умудряясь уместить всю поездку (отправленного послом к императору) Иродова престолонаследника (включая долгий процесс против Силлея и путь туда-обратно) в семь *мультифильменных* месяцев 5 г.

до н.э. Более осторожный Шюрер (1,374) подвопросно, без уточнения времени года, относит Антипатров отъезд на 6 (?), смерть Фероры, неподвопросно – на начало 5 г., и соответственно, репатриацию Антипатра, с указанием на то, что от раскрытия заговора до его возвращения протекло семь месяцев, на 5 г. до н.э. Все прочие авторитетно-энциклопедические источники дают похожую хроносхему. Отто опирается на флавиевские “семь месяцев” (в “Древностях”), оспаривая “грубо ошибочную”, согласно его мнению, трактовку этих семи месяцев самим Флавием, либо “его источником”. Обратимся к тексту “И.в.”, где пресловутое семимесячие, в смысле откуда и докуда, дано яснее, однозначнее, чем в “И.д.”

“Поскольку совокупные показания свидетелей, допрошенных под пыткой, до очевидности выяснили план отцеубийства, а письма изобличали покушение на вторичное братоубийство, то все злодеяния Антипатра, начиная от легких до самых тяжелых, были вполне раскрыты. При всем том никто из приезжавших в Рим не сообщил ему о перемене вещей в Иудее, несмотря на то, что от расследования дела до его возвращения из Рима протекло семь месяцев. Так велика и всеобща была ненависть к нему...” (1,31,2).

Под расследованием дела здесь, несомненно, надо понимать конечный пункт онога. Т.о. ответ ясен: семь месяцев от окончания следствия до приезда Антипатра на собственную погибель в Иерусалим ведут из марта в октябрь или, если быть менее точным, из весны в осень 1 г. до н.э. Никакой иной расклад, при комплексно верной хронореконструкции событий от смерти не позднее конца сентября 2 г. до н.э. Фероры до смерти в марте 1 г. н.э. Ирода, с учетом всех синхронизмов, просто невозможен (см.ниже).

* * *

Не семь, а вдвое больше месяцев, с июня 2 по август/сентябрь 1 гг. до н.э. Антипатр пробыл в Риме. Снаряжая вольноотпущенника Батилла с новой порцией яда и с письменным компроматом в Иерусалим, он, раздосадованный отравительной пассивностью Фероры, уполномочивал теперь на отравление, перво-наперво, свою мать Дориду; ведь она, по убеждению несведущего сына, находилась непосредственно возле Ирода, тогда как не оправдавший возложенных на него надежд дядя, о смерти которого Антипатру в феврале 1 г. до н.э. пока не было известно, продолжал для него обретаться за Иорданом.

Касаемо Архелая и Филиппа, вероятно, Ирод летом 2 г. до н.э., тяжело болея или уже переболев, велел сыновьям, кого Антипатровы клеветы (и сам Антипатр) чернили из Рима, вернуться домой, чтобы иметь их (на все случаи жизни и смерти) под рукой. Как мы знаем, дети самарянки Мальфисы Архелай и Антипа, плюс их сводные братья, сыновья иерусалимлянки Клеопатры Филипп и Ирод, проходили с 8 г. до н.э. воспитание-обучение в Риме* (И.д.17,1,3). Поскольку у Флавия приложительно ко 2/1 гг. гово-

* Из всех Иродовых сыновей не прошли римскую воспитательную школу его первенец – Антипатр, сын Марианны II – Ирод Боэт, и сын Паллады – Фазаил.

рится о пребывании в мировой столице только Архелая и Филиппа, ясно, что на лето 2 г. до н.э., когда отец звал обоих по весне домой, Антипа и Ирод Мlног уже находились при нем, т.е. они возвратились раньше.

О произошедших в Иудее переменах Антипатр в дни весеннего отплытия Архелая и Филиппа из Италии еще ничего, в частности, из-за промежуточной зимы, не знал; Ирод же, закрыв тем временем следствие, направил сыну хитрое письмо, которым извещал его (с прискорбием) о смерти Фероры, о возможном отравлении перейского тетрарха Силлеем, с кем престолонаследный дофин продолжал тяжбу, и т.д. и т.п. Т.е. не при осеннем отплытии из Италии и не в портовом Таренте, как ошибается Флавий (И.в.1,31,2; И.д.17,5,1), но еще весной 1 г. до н.э., причем не от кого-нибудь, а от самого Ирода Антипатру довелось узнать о кончине дядюшки Фероры.

Интересно следующее. В “И.в.” версионная причастность набатея Силлея к версионному убийству Фероры высказана более веско, чем в “И.д.”: сообразно показаниям фероровских вольноотпущенников, “за два дня до его болезни мать и сестра его жены привезли из Аравии женщину, сведущую в травах, для того чтобы приготовить Фероре зелье любви; но вместо этого арабка по уговору с Силлеем, с которым она знакома, поднесла ему смертельный напиток” (1,30,1). В ходе дознания эта версия не подтвердилась, не будучи одновременно убедительно опровергнута, и ситуация обязывала Ирода ею воспользоваться: во-первых, по возобновлении сезонного судоходства, от Антипатра не мог укрыться сам факт смерти Фероры; во-вторых, затяжная борьба с Силлеем пока не была выиграна и вел ее в пользу Ирода Антипатр. Залучить негодяя в тенета предстояло тихо, без шума. Старик Ирод боялся поднимать вопрос о виновности активничавшего в Риме сына из Иудеи, ибо не был уверен в том, как отреагирует кесарь, не сочтет ли он стариковскими бреднями новое отцеубийственное подозрение, не предпочтет ли выжившему из ума сыноубийце зрелого кронпринца во цвете лет. Нет уж, пусть Антипатр сначала одолеет Силлея, потом прибудет в родное гнездо гоголем и угодит в капкан! Полез поперед батьки в пекло, не обессудь: поймешь по чем фунт лиха, усвоишь кто хитрее! Охрана путей и предотвращение утечки информации из недоступных посторонним царских апартаментов или из тюремных подвалов для диктатур (тем паче, в древности, где ни телефона, ни факса, ни самолетов, ни интернета, а почтовые голуби на такие дальние расстояния из Иудеи в Рим не летают) — дело привычное, дело обычное (и дело мастера боится)*. Умение одним выстрелом сразить двух или даже нескольких зайцев — ремесло политика. Паранойя в данном случае не помеха — напротив, подспорье.

* Помимо того, в течение одного судоходного сезона из Иудеи 1/1 вв. в Рим или из Рима в Иудею, наверняка, приезжало и уезжало совсем не много людей.

* * *

Примечательно выпадение из Флавианы конкретной информации об исходе процесса между набатейским везирем и иудейским цесаревичем, отсутствие в “И.в.” и в “И.д.” какого-либо сообщения о печальном конце араба Силлея в Риме.

Выше говорилось, что прибыв летом 2 г. до н.э. на Тибр, оба они, Силлей и Антипатр, угодили с корабля на праздник. Рим все еще слезам не верил, Рим праздновал. Выносить третейский приговор кесарь, *отец рода человеческого*, кому присягнула или все еще присягала Ойкумена, в торжественной атмосфере освящения храма Марса Мстителя, где “варварские вожди” (Светоний Авг.21) будут присягать “на верность миру”, не спешил и вообще поначалу был настроен миротворно (намереваясь, видимо, примирить спорщиков). В год тревожной смены шахиншахов в Иране, когда из-за Евфрата повеяло недружелюбием, терять способного аравитянина Силлея не хотелось, равно обижать старого служаку Ирода виделось нежелательным. Вместе с тем или как раз прежде всего, молодой *Арес-Марс* Г.Цезарь вроде бы готовился в скором будущем воевать “страну тысячи и одной ночи”, сказочную Счастливую Аравию: вопрос о том, с Силлеем, по опыту 25/24 гг. или без Силлея, т.е. с его преемником, надлежало серьезно взвесить и серьезно решить. Впрочем, вассалы неспешливого Августа всегда имели чем заняться в Риме. Светоний пишет: “Цари, его друзья и союзники, основывали каждый в своем царстве Цезареи, а все вместе, сложившись, собирались достроить и посвятить августейшему гению храм Юпитера Олимпийского в Афинах, заложенный еще в древности, и не раз они покидали свои царства, чтобы повседневно сопровождать его не только в Риме, но и в провинциях, одетые в тоги, прислуживая ему, как клиенты” (Авг.57).

Отправленный в Центр не единственно для поддержания обвинения против Силлея, но, повторим, послом к императору, наследник и сорегент Ирода Антипатр вовсе не стремился к быстрому отъезду домой, радуясь своему положению и возможности вести длительную тяжбу в ожидании известия о смерти отца.

Между тем осенью 2 г. грянул, словно гром среди ясного неба, скандал Юлии, столица помрачнела и Августу, долго, согласно Светонию, сторонившемуся людей, стало какое-то время не до церемоний и не до разбирательств (отложных) дел вассальных истцов и ответчиков.

* * *

На 25 декабря 2 г. до н.э. относят Рождество Христово П.Орозий (7,2,3)*; Иоанн Малала (50,9); приписываемый Беде Достопочтенному антикварный римский мартиролог (42-й год Августа, 3-й год 194 олимпиады)**; припи-

* 42-й год Августа, 25 декабря 752 г. а.У.

** См.Ф.Рисс (111). Взаправдашний Беда был приверженцем эры и продолжателем пасхалии Дионисия Малого.

сываемый Афанасию Александрийскому “Комментарий к Матфею” (в котором странным *дуалистическим* образом уживаются как рождественские – год консульства Августа и Сильвана, т.е. 2 г. до н.э., и единовременно исчисляемый со дня смерти Цезаря 45-й год Августа, т.е. 25 декабря 1 г. н.э.)*. Далее, за 25.12.2 г. до н.э. ратуют византийские авторитеты: патриарх Фотий, Георгий Кедрен, Зонара, Никифор Каллист...

В зависимости от прочтения или предпочтения разноречивых синхронизмов можно без натяжки вывести 2/1 гг. до н.э. в качестве даты Рождества из Тертуллиана (кто утверждает, в частности, что Иисус родился за 15 лет до смерти Августа), из “Хроники” Евсевия и даже из одного чахлого синхронизма Епифания (см.выше). Сюда следует приплюсовать также “Эдесскую хронику”, где указан, в т.ч. 43-й год Августа, и Бар-Еврея с его 43-м годом Августа, 33-м годом Ирода и днем 25 кануна = 25 декабря** (правда, Бар-Еврей дает еще и, как сказано выше, 309-й год эры Селевкидов, ведущий по обычным меркам в 4/3 или в 3/2 гг. до н.э.).

Как видим, если апологеты II/III-V вв. в основном склонялись к 3/2 г. до н.э., то церковники последующих столетий преимущественно стояли за 25.12.2 г. до н.э. Причем обратите внимание, ни у кого из радетелей 41,42 или 43-го годов Августа нет ни малейшего сомнения в том, что в 41, в 42 или 43-м годах Августа царь Ирод (отсчитывающий то ли 32-й, то ли 33-й годы своего правления) еще вполне жив (тогда как умри он весной 4 г. до н.э., подобное было бы немислимо). Таким образом, основные колебательные рубежи Р.Х. до “эврики” Кеплера – это 4/3-2/1 гг. до н.э.; датировки более поздние в пределах собственно рождественских 1/1 гг. (и среди них дата учредителя нашего летоисчисления Дионисия Малого) встречаются раз, два и обчелся.

Остается ответить на вопрос: чем руководствовались пращурь, принимая за дату Рождества, по большей части, 3 или 2 гг. до н.э.? Не столько эзотерикой, сколько арифметикой. Ведь, если в приходящемся (путем безошибочной школьной арифметики) на 28/29 гг. н.э. 15-м году Тиверия кесаря (хотя при неоправданном исчислении тиберианско-кесарских лет со дней сорегентства Тиберия, т.е. с 12 г. н.э., его квази-15-й год придется на 26/27 гг. н.э.) Иисусу было лет 30 или около 30 лет, то, значит, Иисус родился в 3 или во 2 гг. до н.э.; благовествовал после Крещендо **год** (Ипполит, Климент, Ориген?...) или **два** (Тациан, Епифаний, Августин...) или **три** (Иринея, Евсевий...) года; соответственно пострадал на кресте в 29 или в 30 или в 31 или в 32 гг. н.э.*** Кто сказал, что Церкви был чужд (по недогматическим вопросам) плюрализм мнений?!

* См. И.Зепп (369).

** См. Зепп (329) “Chronicon Syriacum” ed.Kirsch. Lips., 1789, p. 47.

*** Для Тертуллиана, Африкана, Климента, Августина и др. Иисус Христос жил на земле всего ок.30 (плюс-минус) лет. Вместе с тем, издревле бытовало, а в средние века преобладало мнение о классическом возрасте Христа – 33 года, что, в сочетании с годом консульства обоих Геминиев или в сочетании с 30 г. н.э. в качестве дат Голгофы, сдвигало Р.Х. в 7/6/5 гг. до н.э. задолго до Кеплера.

1 января 1 г до н.э. = 753 г. а.У. консулами стали Гн.Корнелий Лентул Косс* и Л.Кальпурний Пизон**.

О безропотном признании Римом даже умеренно пропарфянского, без интервенции Ктесифона, дворцового переворота в Армении не могло быть и речи. Не для того Август новосоздал и ревниво оберегал выигрышную за счет проримского режима на Армянском нагорье систему равновесия между Западом и Востоком, чтобы вдруг ее потерять. Но в то же время он, как мы знаем, не был сторонником фронтальной войны с парфянами и, кроме того, в дни кризиса не располагал опытным военачальником из дома Augusti, кому бы охотно доверил сорегентскую, агриппианского типа, власть на востоке.

Об этом, отмечая кесарские беспокойство и растерянность, пишет Дион (55,10,18). Выезду в ориентальные дали самого (неполководца по натуре) Августа препятствовал преклонный возраст; облечению ответственными чинами-заданиями Гая и Луция мешал возраст чересчур юношеский. И все-таки выбор, за неимением выбора, пал на, без малого, 19-летнего кронпринца, на мечтавшего стать вторым Александром Гая.

В 1 г. до н.э. великий Рим громко забряцал с целью поддержать державный престиж и примерно запугать противника (угрозой настоящей войны) оружием. Массированная “война нервов” началась. На самом деле обе стороны воевать друг друга в лоб избегали, отчего так и не столкнулись. И вопреки общепринятому сегодня убеждению, Г.Юлий Цезарь Minor не приплывал в Египет или в Сирию ни в первой, ни во второй половине 753 г. а.У.: за “первую половину” выступал в начале XVII в. Кеплер; за “вторую” в конце XVII в. Норисий; в XVIII-XX вв. т.зр. Кеплера возобладала. В действительности, Гай попадет на эгейский восток лишь летом своего консульского 754 г. а.У. (солидно отконсульствовав первое полугодие в Риме), после чего осенью отправится в Египет; а в Сирию прибудет только во 2 г. н.э....

Впрочем, обо всем по порядку. Посмотрим, кто и чем инспирирует хронорасклад Кеплера с Норисием и до сих пор вдохновляет (из-за мнимого отсутствия других свидетельств) академическую хронологию. Оказывается, Овидий, причем в элегическом эротиконе “Ars amatoria”, первые две книги которого можно озаглавить “А ну-ка, парни”, а третью “А ну-ка, девушки”. (Все равно, что руководствуясь “Камасутрой”, разбирать “Диалектику” Гегеля или “Капитал” Маркса.) Приведем из Первой книги выдержки по интересующей нас теме.

“Разве Цезарь не продемонстрировал недавно
Морское сражение персидских и кекропских судов?”

* Известен как Косс Корнелий Лентул. Предположительно, сын Гн.Корнелия Лентула, консула 18 г. до н.э.

** Младший брат Гн.Кальпурния Пизона, консула 7 г. до н.э.

Разве не собрались на праздник в Рим

Юноши и девушки отовсюду?... (1,171-73)

Ныне же Цезарь готовится покорить еще непокоренную часть мира.

Теперь ты станешь наш, дальний Восток.

Парфянин, ты поплатишься. Возрадуйся, о Красс, с твоими павшими воинами
в могиле,

Возрадуйтесь и вы, претерпевшие от рук варваров боевые знамена!

Мститель здесь и ему суждено уже в юные годы сделаться, овладев
ремеслом войны, полководцем... (177-82)

Удачливый и юный, сродни отцу твоему, выступишь ты в поход?

Удачливый и юный, как он когда-то, ты победишь.

Этот дебют тебе, носителю славного имени, предстоит,

О предводитель молодежи сегодня и первый среди старейшин в
грядущем... (191-94)

Тебе вверяет оружие отец отечества,

Он же твой отец, ограбленный врагом.

Ты будешь сражаться священным оружием,

Враг – предательскими стрелами.

Твоими знаменам покровительствуют правда и благочестие.

Парфяне побеждены правдой, будут побеждены и в войне. (196-201)

Плохи предзнаменования твоего Марса, парфянин... (212)

Вот увитый тростниковыми зарослями Евфрат,

А вот похожие на ниспадающие голубые космы потоки Тигра,

Вот – Армения, а вот – Персия...” (223-25)

Отставим лирику, займемся физикой. В “Науке любить” говорится, как о недавнем событии, об устроенной Августом в августе 2 г. до н.э. саламинской навмахии, т.е. строки, согласно которым выступление Гая в поход еще впереди, дают, как время их написания, 2/1 гг. до н.э. и, вероятно, писались не позднее начала 1 г. до н.э. С другой стороны, эти строки написаны до 754 г., ибо будь они написаны в 1 г. н.э. (не предводительство молодежью, но), консульство Гая было бы стихотворно упомянуто.

Итак, в грезах поэта прекраснейший из Победоносцев въезжает в Рим на триумфальной четверке белых коней (1,213). Но, во-первых, пусть поэтическая труба зовет, трубя заведомую победу, в поход, сие еще не означает начало противопарфянского похода в прозе; во-вторых, поэзия не политика и грозить войной, воспевать праведную войну еще не означает воевать; в-третьих, чего стоит на уровне доказательства эта выставленная, словно щит, в защиту предсказуемо несимпатичного кесарю “Эротикона” лебезятническая фанфаронада? в-четвертых, вряд ли Овидий не догадывался о предстоящем вступлении Гая в первое в жизни консульство именно в Риме и, значит, топтать до Армении или до Парфии Гай в 1 г. до н.э., хоть и смотря по обстоятельствам, всерьез, следуя директивам бабушки, несмотря на всю свою молодецкую прыть, не собирався; в-пятых, Восток поручался Гаю,

как и Агриппе, который отнюдь не все время управления Востоком обрелся на Востоке, на годы вперед, т.е. на покорение т.н. дальнего Востока времени у *Марса-Ареса* хватало с избытком... Короче, базировать на Овидиане Гаев приезд в 1 г. до н.э. в собственно Сирию — это, извините, курам на смех!

Мастер компромиссно-дипломатических побед Август никак не думал штурмовать Иранское плоскогорье, не исчерпав все дипломатические средства решения конфликта. Он вообще не думал авантюрно рисковать жизнью старшего внука, осторожно выводя его в большую политику и проча ему в паре с младшим братом Луцием долгие лета совместно-диархического управления Римской империей. В общем, конфронтацию двух сверхдержав на стыке эр уместно назвать, по аналогии либо без аналогий, “странной войной” или “войной холодной” или войной депеш, так и не доведенной взаимными усилиями, опасениями и увертками обеих сторон до войны горячей.

Поначалу волна римских угроз о готовности мартиального цесаревича ринуться во главе несметных войск на врага барабанно докатилась с Тибра на Тигр. По весне 1 г. до н.э. в Рим пришло послание Фраата V, которым он пытался представить армянское ЧП, сообразно Диону (55,10,20), “в правильном свете”, и выражал готовность пойти на мировую взамен на выдачу Августом парфянских принцев крови — подвизавшихся в Риме сыновей и внуков Фраата IV. Такое торгово-переговорное условие кесарь Август резко отверг как из соображений политического расчета, так и дорожа своим ойкуменическим имиджем. Оставаясь заложниками Вечного города, аршакидские принцы, точно козырные валеты, обеспечивали (в роли всегда имеющихся под рукой тронных контрпретендентов) междержавное преимущество римлян на десятилетия вперед, и было совершенно очевидно, что Фраат стремится завладеть ими с единственной целью (по-султански) от них избавиться. Ктесифон заговорил недопустимым тоном, воспретендовал на партнерское равенство, вознамерился изменить статус-кво, тогда как Фраат IV однозначно признавал первенство Рима и склонялся перед личным авторитетом Августа.

После скандала Юлии Август особенно остро занегодовал на сына-отцеубийцу. Ответная депеша потребовала от узурпатора сложить царский венец и убрать руки прочь от Армении. Летом 1 г. до н.э. задетый за живое Фраат V ответил выдержанной на высоких тонах, правда, без угрозы войны, нотой, в которой величал себя царем царей, Августа же просто Цезарем. Казалось, полный разрыв на носу, а кризис в зените, но пушки — последний аргумент королей — по-прежнему молчали.

* * *

Юнец-шахиншах и партия *великого Ирана* вокруг него пока еще пыжились, одновременно все больше падая духом. Эйфория периода интронизации миновала, оппозиция внутри страны не сникла, наоборот, усилилась. Римлянин № 1 блефовал грозно, тоном распорядителя Вселенной. Неустойчивое внутривластное положение не позволяло Фраатаку идти дальше

на конфронтацию, в то время как сильный удар извне или искусный розыгрыш неприятелем кого-нибудь из римских Аршакидов были чреватые гибельными последствиями, т.е. требовалось, сохраняя лицо, пойти на попятную. Да и ситуация в бывшей главным камнем преткновения Армении (к радости Августа с Фраатаком) неожиданно изменилась-упростилась.

Справимся у лоскутного Диона, где следом за словами об обмене держав немиролюбивыми нотами говорится о выжидательной дипломатии Тиграна Армянского: Тигран сначала медлил с дип.инициативами и только по смерти Артавазда (умершего-де естественной смертью от болезни), перед лицом, так сказать, самоликвидации соперника, снарядил в Рим к Августу посольскую миссию с дарами и челобитной, ходатайствуя об официальном предоставлении ему царского титула. Иначе говоря, сделавшись безальтернативным тронным Арташесидом (причем последним представителем вымирающей династии), армянский венценосец (с ведома или без ведома парфян) возвращал перманентное яблоко раздора – Армению, в римское лоно, т.е. снимал Армянский вопрос, предлагая и компромиссный, и победно-престижный для Рима бескровный (в августейшем духе) выход из тупика.

Неизвестно куда делся лишенный трона не позднее лета/осени 2 г. до н.э. Артавазд, в какой мере и откуда он, покинув столичный Арташат, вступил в борьбу за отнятую корону и в какой мере страна разделилась, подпав гражданскому противостоянию, на два лагеря. Во всяком случае, осенью 1 г. до н.э. свергнутого год назад Артавазда, кого римляне продолжали считать легитимным царем Армении, вдруг, как-то странно не стало: он куда-то загадочно исчез, сошел с политической арены; соответственно реконструированному из Excerpta U^o 36 и Ксифилина (10,2,4-11) вторичному Диону, умер от какого-то заболевания. Затем, не ранее зимы/весны 1 г. н.э., Тигран (уже однажды правивший Арменией с согласия римлян) смиренно обратился в Рим за державным благословением на вассально-лояльное царствование. В ответ Август, остерегаясь, как сказано у того же Диона, войны с парфянами, благосклонно принял подношения и наказал обнадеженному Арташесиду явиться за официальным утверждением на престол к Г.Цезарю в Сирию. Т.о., во время обмена перечисленными любезностями, в начале 1 г. н.э., консульствующего в Риме Гая ни на востоке Римской империи, ни в самой Сирии, ни в Ионике, на островах (в одной из резиденций наместника Востока = Сирии), еще не было. Его приезд туда только ожидался. Будь это не так, челобитная Тиграна не пришла бы в Рим в обход наместника Востока, т.е. в первое полугодие своего консульства Гай (возле повелителя мира кесаря Августа в Риме) был не столько наместником Востока, сколько парадно-ординарным консулом!

* * *

Впрочем, торопимся, не спеша. До 1 г. н.э., до года консульства Г.Юлия Цезаря и Л.Эмилия Павла, надобно еще добратся. Проследим-ка лучше Гаевы пути-дороги в году предыдущем.

Итак, в начале 753 г. а.У. назначенный (1 января?) заведовать Востоком или, выражаясь словами Флавия об Агриппе, представителем Цезаря в

местностях за Ионическим морем Гай выступил в поход (либо на боевые маневры). Куда? Как куда: в местности за Ионическим морем, через придунайские Иллирию и Македонию в Грецию и в море Эгейское, в одну из кесарских резиденций *orienti praepositis* – на остров Самос.

Проходя боевую генеральскую школу в извечно беспокойном регионе, цесаревич не высовывался на передовую, находясь в достаточном отдалении от горячих точек: все опасные предприятия выполнялись другими командными лицами*. Знамо дело, на иллирийско-македонском севере у римлян от раза к разу случались сложности с местными и с задунайскими племенами. В рассматриваемый период Иллирией и Германией управлял сочлен дома *Augusti* Домиций Агенобарб, притом в 753 г. он оперировал в Германии (см. ниже). Следовательно, Гай, скорее, учился командирству где-то у границ Фракии, в пределах провинции Македония, проконсулами которой во 2/1 и в 1/1 гг. были поочередно П.Виниций и П.Силий – номенклатурные сыновья известных консуляров и военачальников**. Первый из них облечет ординарное консульство во 2, второй – суффектное в 3 гг. н.э. Упоминание об их македонских легатурах имеется у Веллея (2,101).

Однако, не преторские легаты менторски-ректорски сопровождали престолонаследника на Балканах. В наставниках у него ходил небезызвестный М.Лоллий, опытный *amicus Augusti*, представитель старшего (августовского) поколения, кто знал Македонию и Фракию не понаслышке, а по личному опыту, т.к. наместничал здесь и воевал в 19/18 гг. фракийских бессов. Обидно разбитый, как мы знаем, два года спустя германцами, он безопально отошел на полтора десятка лет от политики, уйдя в богему. Всего два свидетельства о нем в промежутке 16-1 гг. до н.э. – это славящая сомнительное лоллианское бескорыстие ода Горация (4,9) и слова анонимного консуланта по поводу смерти Друза (9 г.) о том, что написание “*Consolatio ad Liviam*” его вдохновил М.Лоллий.

Из Македонии “победоносный” Гай проследовал, сопровождаемый опытным наставником, в Ахайю, посетил и щедро одарил Афины, после чего в конце лета, т.е. ко времени окончания походного сезона, во всеоружии высадился на Самосе. Пробыл там пару месяцев, продемонстрировал мощь державы, и браво обещав Ионике вернуться, отчалил не на восток, а на запад, в Рим, чтобы жениться на обрученной ему дочери Друза – отроковице Ливилле, и главное, чтобы вступить в свое первое эпонимическое консульство.

* Дион (55,10,17), реконструированный по *Excerptum Valesianum* 180.

** П.Силий Нерва Старший проконсульствовал в Иллирии в 17-15, М. Виниций *Maior* в 13-8 гг. (с 11 г. легат кесарской Иллирии); плюс Виниций будет управлять Германией и вторично Иллирией в 1-4 гг. О типично пенсионерской дружбе обоих в старости (ок.10 г. н.э.) с Августом Светоний свидетельствует словами из письма Августа Тиберию: “За обедом, милый Тиберий, гости у нас были все те же, да еще пришли Виниций и Силий Старший. За игрой и вчера, и сегодня мы играли по-стариковски: бросали кости, и у кого выпадет “собака” или шестерка, тот ставил на кон по динарию за кость, а у кого выпадет “Венера”, тот забирал деньги (Авг.71).

Одним словом, предупредительно-устрашительный марш-демарш наместника Востока пока, до поры, пресекаясь у порога материковой Азии, в сравнительной близости, однако, не слишком близко от увитого камышом Евфрата. Осенью, вернее, уже со второй половины лета, высоковольтное напряжение в междержавных отношениях и по сути дела, и ближе к зиме пошло на спад. Вырытый томогавк войны все еще картинно висел в воздухе, в то время как храм Януса Квирина упорно не отпирался! (Короче: войне не быть!) Август не случайно спросит друзей перед смертью — хорошо ли он сыграл комедию жизни?

И напрасно все без исключения историки, энциклопедии, справочники отправляют Гая за консульскими инсигниями, кто в Ионику, кто в Сирию, кто в Египет и даже чуть ли не в Армению с Парфией: дескать, обстановка не позволяла ждать, канителить, терять драгоценное время. Знал бы конституционалист, традиционалист и легитимист Август как его оболгут впоследствии! Он и не помышлял о таком кошунстве — посвящать дебютанта-внука в дуалистическое таинство римско-республиканского консульства где-нибудь не в Риме! Вне Рима можно (если нужно) стать консулом во второй, в третий или в десятый, но никоим образом (опять-таки, если, конечно, нужно) не в первый раз!

* * *

Внимание! На Самосе осенью 1 г. до н.э. произошла первая островная встреча Г.Юлия Цезаря Мипог и Тиберия Клавдия Нерона; второе свидание между ними состоится годом позже, на Хиосе; не пристало, как повелось в науке, сводить два разноместных и разновременных рандеву в одно! Накладка в следующем. О самосской встрече сообщает Светоний; о хиосской — Дион (от Ксифилина и Зонары). Ученые же авторитеты издавна гадают, который из античных мэтров правее и в большинстве склоняются к Светонию: Дион-де неаутентичен, а Хиос, видишь ли, расположен севернее Самоса, не значит в качестве резиденции и менее удобен для встречи на Гаевом морском пути в Египет или в Сирию. Но откуда, позвольте спросить, столь непоколебимо-априорная уверенность в том, что Гай и Тиберий встречались в Ионике на рубеже старой и новой эр всего один-единственный раз? Зачем непременно упрощать двоицу? зачем громоздить Оссу на Пелион? Разве представляющие два различных мнения авторы древности не свидетельствуют, взятые каждый в отдельности, быть может, сами того не зная, об обратном? Или разве древним не свойственно было сводить **два** в **одно** так же, как и недревним?

Засим разберемся с первой встречей; вторая от нас не убежит, до нее еще год.

Слушаем, помня отправную точку робинзонады Тиберия на Родосе — лето 6 г. до н.э. — Светония:

“Здесь он стал жить как простой гражданин, довольствуясь скромным домом и немногим более просторной виллой. Без ликтора и без рассыльного он то и дело прогуливался по гимнасию и с местными греками общался почти как равный. Однажды, обдумывая утром занятия наступающего

дня, он сказал, что хотел бы посетить всех больных в городе; присутствующие неправильно его поняли и был издан приказ принести всех больных в городской портик и уложить, глядя по тому, у кого какая болезнь. Пораженный этой неожиданностью Тиберий долго не знал, что делать, и наконец, обошел всех, перед каждым извиняясь за беспокойство, как бы тот ни был убог и безвестен. Только один раз, не более того, видели, как он проявил свою трибунскую власть. Он был постоянным посетителем философских школ и чтений; и когда однажды между несговорчивыми мудрецами возник жестокий спор, он в него вмешался, но кто-то из спорящих тотчас осыпал его бранью за поддержку противной стороны. Тогда он незаметно удалился, а потом, внезапно появившись в сопровождении ликторов, через глашатая призвал спорщика к суду и приказал бросить его в темницу.

Немного спустя он узнал, что Юлия, жена его, осуждена за разврат и прелюбодеяния и что Август от его имени дал ей развод. Он был рад этому известию, но все же почел своим долгом, сколько мог заступиться перед отцом за дочь в своих неоднократных письмах, а Юлии оставил все подарки, какие дарил, хотя бы она того и не заслуживала.

Тем временем истек срок его трибунской власти. Тогда он признался наконец, что своим отъездом он хотел лишь избежать упреков в соперничестве с Гаем и Луцием, что теперь это подозрение миновало, Гай и Луций возмужали, ничто не угрожает их второму месту в государстве, и он просит наконец позволения повидать своих родственников, по которым стосковался. Но он получил отказ: мало того, ему было объявлено, чтобы он оставил всякую заботу о родственниках, которых сам с такой охотой покинул. И так он остался на Родосе против воли, с трудом добившись с помощью матери, чтобы для сокрытия позора он хотя бы именовался посланником Августа.

Теперь он жил не только как частный человек, но как человек гонимый и трепещущий. Он удалился в глубь острова, чтобы избежать знаков почтения от проезжающих — а их всегда было много, потому что ни один военный или гражданский наместник, куда бы он ни направлялся, не упускал случая завернуть на Родос. Но у него были и более важные причины для беспокойства. Когда он совершил поездку на Самос, чтобы повидать своего пасынка Гая, назначенного наместником Востока, он заметил в нем отчужденность, вызванную наговорами М.Лоллия, его спутника и руководителя. Заподозрили его и в том, что обязанным ему центурионам, когда они возвращались с побывки в лагеря, он давал двусмысленные письма к различным лицам, по-видимому, подстрекавшие их к мятежу. Узнав от Августа об этом подозрении, он стал беспрестанно требовать, чтобы к нему приставили человека из какого угодно сословия для надзора за его словами и поступками. Он забросил обычные упражнения с конем и оружием, отказался от отеческой одежды, надел греческий плащ и сандалии и в таком виде прожил почти два года, с каждым днем все более презираемый и ненавидимый. Жители Невмаса даже уничтожили его статуи, а <...> когда на дружеском обеде зашла о нем речь, один из гостей вскочил и поклялся Гаю, что если тот прикажет, он тотчас поедет на Родос и привезет оттуда голову ссыльного — вот как его называли. После этого уже не страх, а прямая опасность

заставила Тиберия с помощью матери неотступными просьбами вымаливать себе возвращение...” (Тиб.11-13).

В 20 г. до н.э., проводя после поставления царем над армянами Тиграна III отпуск на курортном Родосе, Тиберий брал тут (новые) уроки красноречия у своего школьного учителя риторики Теодора Гадарского, предположительно, сына плененных римлянами в дни войн Помпея на востоке иудейских родителей родом из Гадары (Декаполис). Попав в Италию пленным ребенком, Теодор стал в Риме основателем знаменитой риторической школы, соперничавшей со школой учителя Августа Аполлодора Пергамского. Около 25 г. до н.э. переселился на Родос, где прожил, учительствуя и философствуя остаток дней; гордо звался родосцем; слыл безродным космополитом и не любил, когда ему напоминали об иудейско-гадарской наследственности.

Поверись Светонию (Тиб.57), так, обучая Тиберия красноречию в детстве*, Теодор уже тогда зорко разглядел в нем порочность и часто бранил ученика словами: “грязь, замешанная кровью”. Однако, такое, вероятно, помешало бы великовозрастному ученику учиться у старого любимого учителя в дальнейшем, и значит, скорей всего, светониевская утка почерпнута из антитиберианских легенд. Общество ученых греков Клавдий любил особенно, причем всю жизнь, правда, ни на пинту не поступаясь при этом глубочайшей убежденностью в победном превосходстве Рима над Элладой. К тому же, как видно из того же Светония, знатный римлянин хоть и общался с родосскими профессорами, как равный, но лишь до известной меры, умея строго показать при надобности кто есть кто. Он и много позднее, в порфире кесаря, хорошо помнил давнишние проявления академической неучтивости в свой адрес. “Грамматик Диоген устраивал на Родосе ученые споры каждую субботу; однажды Тиберий пришел его послушать в неурочное время и получил отказ с предложением через раба прийти через семь дней. Потом, уже в Риме, Диоген сам явился к дверям Тиберия для приветствия; Тиберий удовольствовался тем, что велел ему явиться через семь лет” (Тиб. 32). Согласимся, тиранам иногда, если они в хорошем настроении, свойствен не совсем черный или совсем не черный, в чем-то даже гуманитарный, юмор.

В отличие от суетливо делового римского, родосское время текло медленно, бездельно, по-ориентальному созерцательно. Другое страстное увлечение, точнее, островной досуг экс-престололюбителя составляли звезды. Истово стремясь постичь их тайнопись, он постоянно держал при себе Фрасилла, уроженца Александрии и астролога халдейской выучки: не шарлатана, подобно множеству бродивших по Ойкумене астральных вещунов, но серьезного звездочета, который пребудет возле Тиберия до 36 г., т.е. до конца своих и, без малого, его дней.

У Тацита читаем: “Всякий раз, когда Тиберий, стремясь узнать свое

* Евсевий в “Хронике” (141) называет под 187-й олимпиадой (32-28 гг. до н.э.) учителями получившего весьма солидное образование Тиберия известных риторов — Никета, Гибрея (сбежал в 40 г. из Милазы от Лабиа на Родос), Теодора и Плутия.

будущее, встречался ради этого с прорицателями, он пользовался верхними покоями дома и услугами единственного посвященного в эти дела вольноотпущенника. Невежественный и наделенный огромной телесной силой, тот окольными и крутыми тропками (ибо дом стоял на скалистом обрыве) приводил прорицателя, искусство которого хотел испытать Тиберий и на обратном пути, если его познания были сочтены вздорными, а сам он обманщиком, сбрасывал его в море, дабы не оставалось свидетеля тайных занятий его господина. Тем же путем по скалам был приведен и Фрасилл; после того как Тиберий задал ему те же вопросы и ответы Фрасилла его взволновали, ибо тот искусно открыл ему, что он завладеет властью, а также все его будущее, Тиберий спросил его, может ли он прозреть свою собственную судьбу, что ему принесет данный год, данный день. Взглянув на расположение звезд и измерив расстояние между ними, тот сначала колеблется, потом пугается и чем больше всматривается в небо, тем сильнее и сильнее дрожит от растерянности и страха и наконец восклицает, что ему угрожает почти неотвратимая гибель. Тогда Тиберий, обняв его, поздравляет с тем, что он увидел надвигавшуюся на него опасность и все же останется невредимым, и сочтя все сказанное им за оракул, удерживает его при себе, как одного из своих ближайших друзей” (Анналы 6,21)*.

Разоблачая чудовищность бичуемого антигероя во все поры его жизнедеятельности, Тацит, б.м., загибает, тем более, что Светоний (Тиб.14) и Дион (55,11), в особенности Светоний, презентуют неосуществленный сброс Фрасилла в море несколько иначе... Возможно, и тут, и там не обошлось без смещения родосских мотивов с каприйскими; хотя, что мешало Тиберию набраться каприйского опыта на Родосе? Ведь паинькой он никогда не был. Позаимствуем, во всяком случае, из Тацита отвесное обиталищевиллу любознательного анахорета и представим его не просто наблюдающим звезды, а и посвящающимся в загадочные мистерии на таинственном острове старосолнечного Гелиоса. Так шли дни, месяцы, годы, в которые Тиберий был больше всего озабочен тем, чтобы прослыть в Риме кем угодно, но только не врагом утренней звезды братьев Юлиев, отчего всячески выпячивал свое полное равнодушие к политическому Олимпу.

Не то с Олимпом спортивным. На олимпийских играх 4 г. до н.э. тиберианская четверка одержала победу в конеристаниях и элидцы почтили победителя, первого в истории римлянина, статуей с дошедшей до наших дней надписью**. Неизвестно, правда, победил ли он на скачках лично, как это сделал позднее, в 17 г., второй римлянин – Германик? или кем-то возникно представленный? Моммзен (RG 5,264-5) и Гардтхаузен (2,3; 725) почему-то относят этот призовой заезд к 195-й олимпиаде = 1 г. н.э., в чем, надо полагать, ошибаются, т.к. в 754 г. ссыльному островитянину, человеку “гонимому и трепещущему”, было не до спортивных состязаний. Речь наверняка следует вести о 194-й олимпиаде, т.е. о менее неблагоприятных

* Единственным представителем высшего сословия, который разделил с Тиберием все родосские годы, был его верный друг, сенатор Луцилий Лонг (см. Тацит “Анналы” 4,15).

** Syll. 782, “Archeologische Zeitung”, 38, 1880, n.336, p. 53.

для Тиберия временах, когда его интерес к чистому спорту и выезд с острова на материк более уместны и более представимы.

В остальном, во все годы старой эры Клавдия все еще продолжали баловать почестями сопредельные ионические греки: например, в Низе (Кария) на 1 г. до н.э. существовал посвященный ему культ (SIG 2943); на Самосе имелись мемориальные доски; в Галикарнасе торчала статуя.

Среди засвидетельствовавших “сеньору Робинзону” почтение провинциальных наместников (окрестных; или по пути через море) можно назвать нескольких. Негипотетически – это Квириний, ибо о нем общо (сводя минимум две встречи в одну) сообщает Тацит (Ан.3,48). Гипотетически же таковыми могут быть: Сентий Сатурнин – на пути во 2 г. до н.э. из Сирии; легат Памфилии (7-4 гг.) М. Плавтий Сильван; проконсул Азии (2/1 гг.) Г.Корнелий Лентул. О Квиринии, кто в первый раз наведался к Тиберию, заведую в 5/4 гг. Азией (Родос находился в ведении азийского наместника), мы побеседуем ниже. Мать Плавтия – Ургулания, была дружна с Ливией. Сатурнину предстоит под верховенством усыновленного Августом цесаревича Тиберия легатствовать (4-7 гг.) и воевать в Германии. Поскольку размолвок между ними не возникнет и поскольку тиберианец Веллей Сатурнина хвалит, короткое родосское свидание двух мужей можно предположить. Согласно Тациту (Ан.4,29), богача Г.Корнелия Лентула связывала с Тиберием преданная дружба; согласно Светонию (Тиб.49), напротив, якобы “всем известно, что Г.Лентула Авгугра, очень богатого человека, он угрозами и запугиванием довел до самоубийства, в надежде стать единственным его наследником.” Тациту вторит Дион (57,24): в 24 г. кесарь Тиберий тотчас похерил возведенное на престарелого Лентула обвинение в заговоре против него. Светоний в меньшинстве; присоединимся к большинству; Тацит не упустил бы случая матюкнуться, будь к тому малейший повод. Резидируя в Эфесе, Корнелий Лентул не мог не заглянуть на подведомственный Родос.

Далее, именно в пору эфесского проконсульства Лентула Август изблещил, бракоразвел и сослал осужденную домашним судом Юлию. С осени 2 г. до н.э. ее неожиданно разведенный супруг строчил в Рим (боясь за собственную шкуру) милосердные заступнические письма и оставлял Юлии (не зная пока о заговоре) “все подарки, какие дарил, хотя бы она того и не заслуживала”. Своим человеческим нутром он, естественно, обрадовался наказанию падшей экс-жены, но разводная палка была о двух концах, причем худой конец в создавшихся условиях ощутимо перевешивал. С одной стороны, 1 июля 1 г. до н.э. истекал Тибериев империяльный трибунал, с другой, перестав числиться легальным зятем августейшего величества, он, без формальных инсигний обоего рода, брачных и державных, становился никем, выражаясь по-гоголевски, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. Да еще с начала 1 г. до н.э. звезда наделенного *imperium prokonsulare maius* Г.Цезаря ослепительно зажглась над всеми заионическими просторами *Imperium Romanum*. Странствуя в лучах вящей боевой славы неподалеку от иллирийско-македонского Дуная, дезигнированный дофин долго и шумно приближался к островам Эгейского моря. Резигнированному Тиберию стало очень не по себе на подвластном наместнику Заионики острове и захотелось в Рим, домой, к маме.

1 июля срок его трибунской власти истек; заблаговременное ходатайство о возвращении не прошло. Во-первых, в его услугах больше не нуждались; во-вторых, его дезертирство в ответственный момент не было забыто; в-третьих или как раз, во-первых, третий — лишний. Уходя, уходи! “И так он остался на Родосе против воли, с трудом добившись с помощью матери, чтобы для сокрытия позора он хотя бы именовался посланником Августа” — *quasilegatus Augusti*. Летом отказник удалился в глубь острова, затрепетал от ощущения ссыльности, и вот осенью тронулся в путь, чтобы отвесить Г.Цезарю почтительный поклон на Самосе. Он, некогда вице-кесарь и унтер-кумир, в качестве опереточного легата *Augusti* — жалкий приживал во владениях своего пасынка. Разве от большого до смешного не всего один шаг? А Тиберий был из тех людей, кому легче зарекомендоваться страшным, нежели показаться смешным: позволить смеяться над собой — такое не каждый может себе позволить. В Гае на Самосе затюканный визитер “заметил отчужденность, вызванную наговорами М.Лоллия”. Наверное, не только наговорами и не просто вдруг заметил, но все-таки ожидал заметить. В литературе нового времени повелось видеть вражду между Клавдием и Лоллием чуть ли не с колыбели — вывод ошибочный, античными источниками не подтверждаемый. Будучи лет на 20 старше Тиберия, богемный Лоллий, мастер на все руки, чистые и нечистые, близко дружил с Августом — уровень для сына Ливии, дабы пользоваться его уважением, вполне достаточный. (Не бывшее препоной для самого Августа лоллианское мздоимство-лихоимство на службе здесь не показатель и для правовернейшего из августинцев не помеха.) Гаево недоброжелательство поры самосской аудиенции исходило, в т.ч. от наговоров непомерно высоко взобравшегося фаворита Лоллия, однако не усугубительные Лоллиевы наговоры породили это недоброжелательство или эту т.н. отчужденность. Гай и Луций отодвинулись от отчима (под влиянием Юлии) много раньше. Кроме того, мы не знаем, как они отреагировали на деликт и участь матери: не возложили ли долю ответственности за ее печальную судьбу на Тиберия? Хотя, безусловно, ревнивый к своему наставническому статусу Лоллий усердно подлил масло в огонь, призвав Гая к бдительности перед лицом скрытых (за маской подобострастия и покорности) тиберианских претензий на власть.

Гай вел себя противоречиво вообще, а по отношению к Тиберию — в частности, что вовсе не удивительно, ибо поведению 20-летних юнцов свойственны порывистость и непостоянство. Досрочно перегрузив выращенного в тепличных условиях внука регалиями и заданиями, взвалив на него непосильную, как выяснится, ношу, Август самолично предуготовил ему погибель. Впрочем, до поры эта летальная развязка за фанфарами не различалась. Из Парфии и Армении приходили сумбурные, но обнадеживающие оптимистические новости. Фраат V войны (разумеется, *убоявшись* мощи римского оружия) все отчетливее не желал; Армения подавала пока неофициальные признаки новопереориентации на Рим. Низложенный год назад Артавазд III, по слухам, куда-то непроницаемо канул — не то помер, не то испарился. Т.о., не в первый и не в последний раз актуализировавшийся Армянский вопрос самоспускался на тормозах. Других контрпретендентов у римлян не было, а опасная буйной дестабилизацией обстановки смена

харизматической для армян арташесидской династии в их планы не входила. Тем временем время зимних квартир наступило. Так, побряцав на Самосе порядочно времени оружием, Гай во второй половине осени победоносно отбыл в Рим, куда он, сообразно дедову сценарию, подался бы в консулы так или иначе, теперь — тем паче.

Тиберий же, воротившись, не солоно хлебавши, на Родос, “забросил обычные упражнения с конем и оружием, надел греческий плащ и сандалии и в таком виде прожил почти два года, с каждым днем все более презираемый...” Действительно, почти два года (браво, Светоний!), с осени 1 г. до н.э. по лето 2 г. н.э., когда он наконец получит разрешение вернуться и отчалит с опостылевшего острова в Рим. Последовательность светониевского рассказа, к счастью, точна; лишь вмененная Тиберию напраслина с двусмысленно подстрекательскими, через побывочных центурионов, письмами (к командирам восточных легионов?) также просится в следующий 754 г. а.У., т.е. в год, когда “жители Невмаса даже уничтожили его портреты и статуи, а <в Риме> когда на дружеском обеде зашла о нем речь, один из гостей вскочил и поклялся Гаю, что если тот прикажет, он тотчас поедет на Родос и привезет оттуда голову ссыльного.” Взятая нами в скобки интерполяция <в Риме> в латинском оригинале отсутствует: она проникла в русский перевод (по недосмотру и) по логике, поскольку яснее ясного, что речь идет о дружеском обеде именно в Риме, а не где-то там в Египте или в Сирии; кто-то из молодых задиристых друзей консульствующего цесаревича, подвыпив, пылко вызвался на столичной пирушке съездить за опальной башкой на Родос.

Невмас — город в нарбоннской Галлии (у истоков одноименного родникового божества), пользовался особым расположением дома Augusti. В кесарскую эпоху колонию Augusta Nemausus заселили и обустроили грекоязычные ветераны Антония родом из Египта. Благоустройству привилегированной колонии уделил в 20/19 гг. щедрое внимание М.Агриппа; в 16 г. Невмас попечительством кесаря обзавелся новой крепостной стеной и разными городскими постройками; ок.5 г. до н.э. колониальный патронат принял *patronus coloniae* Г.Цезарь. Позднее, именно в 1 г. н.э., тут был освящен воздвигнутый и посвященный братьям Цезарям, Гаю и Луцию, храм с соответствующей бронзовой надписью на фризе. Храмовые руины впечатляют глаз и сегодня; реконструированная надпись гласит: *S. Caesari Augusti fil. cos. L. Caesari Augusti fil. cos. designato principibus iuventutis* (CIL 12,3156). Спрашивается: когда проюлианские колонисты, граждане Невмаса, уничтожили портреты и статуи Тиберия? Скорее всего, в год и в месяц освящения впечатляющего святилища, в дни консульства возлюбленного патрона (*cos.*), незадолго до его отъезда на более дальний, чем в прошлом году, Восток, в т.ч. туда, куда восходили корни невмасских колонистов — в Египет. Т.е. Светоний одним предложением сообщает нам о произошедшем приблизительно в одно и то же время: о верноподданническо-противопоставительном рвении невмассцев и о поползновении некоего Гаева кореша сорваться со званого обеда на Родос из Рима.

Угрозу Тибериеву существованию в худший для ссыльного период 1/1 гг. до н.э. и н.э. — 2 г. н.э. не должно, конечно, чрезмерно преувеличивать:

защитная десница Августа лежала на нем (пока Август был жив), где бы он ни находился, в частности, в подвластных Гаю местностях за Ионическим морем. Дальнейшее, после нерадушной встречи пасынка и отчима на Самосе, прозябание на Родосе было для Клавдия не столько напрямую угрожающим, сколько унижительно-уничижительным. Удалившись внутрь острова, он, опасливо демонстрируя свою стопроцентную безвредность, затаился там в греческом плаще и сандалиях и больше не заикался о возвращении в Рим до оставления Рима Гаем. Осенью 1 г. н.э., по пути Гая на афроазиатский Восток, откуда ему не суждено будет вернуться, они встретятся во второй раз, уже на Хиосе. (Тиберий прибыл бы на поклон к старшему по званию и в третий, и в четвертый раз, если бы Гай опять появился поблизости.) Вот об этой-то встрече Светоний молчит; о ней лапидарно, через эпитоматоров, свидетельствует Дион. Засвидетельствуем и мы, когда придет время.

* * *

Летом 1 г. до н.э. Ирод, ерзя от треволнений, испытал некоторое облегчение и некоторое удовлетворение. Во-первых, враг № 1 Антипатр сообщил письмом из Центра, что успешно закончил дела и скоро приедет; во-вторых Цезарь присудил араба Силлея к смертной казни. В произведениях Флавия про Силлеев конец нет, о чем упоминалось выше, ни слова; сказано лишь о затраченной Антипатром крупной денежной сумме в 200 талантов, отнесенной им на счет процесса с Силлеем. Из Флавианы ясно, что мартовской весной, в дни приезда в Иудею Антипатрова вольноотпущенника Батилла, процесс продолжался. Завершение же одного имело место позже, не ранее начала лета, причем в первую очередь, отнюдь не вследствие бакшишной расточительности Антипатра и не в силу нововыдвинутого против набатейского везира обвинения в причастности к отравлению Фероры. Падению Силлея способствовал ряд причин-обстоятельств — малых и повесомее. Начнем с т.н. малых. Осложнение внешнеполитической ситуации требовало от хозяина Ойкумены сплотить имперский восток в державно-региональный монолит. За четыре прошедших от самовольной интронизации года Арет IV зарекомендовался лоялистом и прочно утвердился на троне: за ним стояло большинство патрищей, тогда как звезда временщика-канцлера, ненавистного и большинству арабов, и сопредельным иудейским верхам неуклонно закатывалась. Надобность в противоаретовской карте отпала; вчерашние силлевские плюсы превратились в минусы. Вдобавок к тому, инкриминированное ранее Аретом Силлею отравление Обода сейчас, после дела Юла и Юлии, обрело в глазах кесаря иное, подобно отцеубийству Фраатака, значение. Не решившие судьбу злосчастного эпитропоса раньше такие пункты обвинения как устранение законного помазанника Обода и императорского слуги Фабата, покушение на царя Ирода и отравление тетрарха пригранично-небезразличной набатеям Перей, ныне, в новых условиях, перестали нуждаться в веско-неопровержимых доказательствах и составили длинный перечень преступлений обвиняемого. Но главным образом Август решил (все-таки) засудить Силлея в свете

империально-ориентального наместничества и реально намеченной арабской кампании-экспедиции Гаю.

Pater patriae не планировал посылать внука за призрачными лаврами Александра в Индию через Парфию. Выяснение отношений с Ираном на армянском Востоке и восточнее сводилось к проримскому обустройству Армении и, м.б., при удачном стечении обстоятельств, к долговременному вовлечению в римскую сферу влияния Атропатены. А вот получить доступ в сказочно богатую Аравию Felix, которая открывала еще и горизонты прямого, в обход принципиально сухопутных парфян, контакта морем с Индией (или прямого, в обход Аравийского п-ва, выхода через Персидский залив на Фарс — в Персиду) прагматично-нелобовой кесарь очень даже хотел. Неспроста в последнее десятилетие старой эры многоученому монарху Иову Мавританскому было поручено написать (для Гаю) труд об Аравии. Каждое известие о ней или какие-либо вести оттуда воспламеняли, согласно Плинию (12,56), августовское воображение. Ведь в конце концов и Александр Великий умер, готовя поход именно туда! Кто сказал, что Август не думал идти (тихими стопами-с) по стопам Александра?! Труд царя Иова был, кстати, своевременно написан, посвящен и вручен Гаю, но до нас, к сожалению, не дошел. Что же касается практического проникновения римлян в Южную Аравию, здесь содействие союзных набатеев делалось, как и в 25/24 гг., насущно необходимым.

Единственный античный автор, сообщающий про осуждение и казнь Силлея, современник событий Страбон замыкает данным сообщением свой крайне тенденциозный опус о неудачном походе Элия Галла. “Вина за эту неудачу — пишет лично друживший с Элием Страбон — целиком лежит на Силлее, кто впоследствии понес заслуженное наказание в Риме, будучи, помимо этого вероломства, изобличен также в других преступлениях и, несмотря на лицемерные заверения в дружбе, обезглавлен” (16,4,782).

Флавиевские синхронизмы дают возможность откорректировать и датировать суммарный страбонский приговор-инвективу. Силлей не мог быть юридически осужден в 1 г. до н.э. за римское фиаско четвертьвековой давности, не поставленное ему, насколько мы знаем, в вину четверть века назад. Но четверть века спустя, когда Рим заново анализировал вновь ставшее актуальным прошлое в прогнозах на скорое будущее, содеянное некогда Силлеем вполне могло поменять характер и негромогласно увенчать вышеприведенные обвинения против него! (в доле истины Страбону не откажешь). Теперь Август решил уполномочить на арабское споспешествование Гаю премного благодарного Риму за легитимацию царя Арета: не разыгранный еще король полезнее отыгранного туза. Вот каким замысловатым образом скатилась в итоге с плеч голова сделанного запоздалым козлом отпущения набатей Силлея. Как видим, она скатилась не только или, вернее, не столько из-за застарелой вражды и долгой тяжбы с Иродом. (Тем не менее, Антипатриды, отец и сын, тоже немало подсобили августейшей Фемиде.)

Не исключено, что настойчивая активность отца- и римлянолюбивого Антипатра в Риме патриархально обрадовала издерганного старика Верховного. “По отцу и сын! — думал, наверное, он, вздыхая о дочери — Хорошо, что достойная смена и замена Ироду есть.”

“Когда Антипатр написал отцу, что успешно закончил свои дела и скоро приедет, Ирод скрыл свой гнев и ответил ему, чтобы он не замешкался в пути, дабы с ним (Иродом) не произошло чего-либо во время его отсутствия; вместе с тем он коснулся слегка и обвинений, возведенных на его мать, но обещал покончить все дело миром, лишь только Антипатр прибудет. Ирод пустил здесь в ход всю свою любезность, боясь как бы сын его не заподозрил чего-либо и не только не отложил бы своего возвращения, но и, оставаясь в Риме, не стал бы интриговать против царской его власти, и не добился бы в этом отношении чего-нибудь существенного. Антипатр получил это письмо в **Киликии***, после того как уже успел узнать в **Таренте** о смерти Фероры. Последнее известие сильно смутило его, впрочем, не потому, что он был очень расположен к Фероре, но оттого, что Ферора умер, не отравив, сообразно обещанию своему, Ирода. Прибыв в киликийский город **Келендерис**, он уже начал колебаться, следует ли ему вообще возвращаться домой: очень уж его огорчало изгнание матери. При этом одни из друзей его советовали ему где-нибудь обождать исхода дел, другие же настаивали на необходимости его возвращения домой, говоря, что он своим появлением прекратит все обвинения, подобно тому, как и теперь обвинители его только потому так сильны, что он отсутствовал. Он внял совету последних и продолжил путь в гавань Себасту, которую дорогой ценой соорудил и посвятил Цезарю Ирод. Тут Антипатр уже явно мог догадаться о грозящей ему беде, потому что никто не встретил и не приветствовал его, тогда как при отплытии народ провожал его благословениями и пожеланиями всего лучшего. Теперь то же население не задумалось встретить его крайне враждебно, видя, что ему придется поплатиться за смерть братьев.

В это самое время в Иерусалиме находился преемник сирийского наместника Сатурнина Вар Квинктилий. Он прибыл по просьбе Ирода, просившего его выступить советчиком в данном деле. Пока они совещались, явился Антипатр и ни о чем еще не зная, облаченный в порфиру, вошел во дворец. Привратники впустили его, но запретили доступ его друзьям. Теперь он сильно испугался, отлично поняв, насколько его дела плохи и окончательно пал духом, когда приблизился к Ироду с тем, чтобы обнять его; ибо царь оттолкнул сына от себя, обвинил его в братоубийстве и в злоумышлении против его собственной жизни и сказал, что на следующий день Вар все разберет и рассудит. Потрясенный случившимся и повергнутый в отчаяние Антипатр удалился. Мать и жена (дочь Антигона, предшественника Ирода на иудейском престоле) рассказали ему обо всем и он занялся приготовлениями к своей защите” (И.д.17,5,1,2).

Смертный час араба Силлея пробил в Риме в первой половине лета 1 г. до н.э. Далее, Антипатр известил отца о блестящем завершении дел и о скором приезде. В августе/сентябре он покинул Италию, отчалив из Тарента, доплыл (минуя Грецию) до Киликии, сделал там короткую остановку и в октябре бросил якорь в Цезарее. Выше мы, однако, уверенно заявили, что

* Выделено мною — К.З.

факт смерти Фероры стал известен ему еще весной, т.е. не в Таренте, но в Риме, причем из послания самого Ирода. Более того, скоропостижная кончина дяди была, с отцовской подачи, инкриминирована тяжущимся Антипатром Силлею, обвиненному, плюс ко всему прочему, в отравлении тетрарха Переи. Между тем “Война”, в унисон “Древностям”, сообщает: “Изгнание матери не осталось для Антипатра тайным. **Еще до этого в Таренте** он получил известие о смерти Фероры, по которому устроил великий траур; многие приняли это за признак любви к дяде и очень хвалили, хотя в действительности скорбь его относилась к неудачному исходу заговора, а оплакивал он в Фероре собственно только орудие убийства. Уже его начала мучить мысль как бы там не открыли яда; но получив в **Киликии** упомянутое письмо отца, он поспешно продолжал свой путь. Вскоре он высадился в Келендерисе, где мысль о несчастье матери заставила его вновь встретиться, не предвещая ему лично ничего хорошего” (И.в.1,31,3).

Создается впечатление, будто до Антипатра неведомо от кого дошла в Таренте письменная весть о смерти Фероры, тогда как в Киликии он распечатал послание родителя, которым тот торопил сына с приездом, одновременно слегка коснувшись возведенных на его мать обвинений и обещая покончить весь сыр-бор миром, лишь только сын вернется. Но Антипатр не мог получить “упомянутое письмо отца” в Киликии, затем “продолжить свой путь” и снова прибыть в Киликию, вернее, “в киликийский город Келендерис”. Не мог, поскольку Келендерис — это западно-килийская гавань, мало того, по авторитетному мнению некоторых (напр., эфесского географа I в. до н.э. Артемидора и др.), о чем пишет Страбон (14,4,670), в т.ч., вероятно, по мнению Флавия, это морские ворота в Киликию с запада*. Стало быть, из налично-текстуальной тавтологии “Войны” и “Археологии” выходит, что Антипатр получил отцовское письмо уже в Киликии еще до своего последующего прибытия в Киликию. На самом деле Антипатр получил отцовское письмо (слегка трогавшее, в частности, опалу Дориды) с призывом поскорее вернуться осенью (или к осени) I г. до н.э. в Таренте, после того как он уже успел получить весной (и судебно использовать) письмо отца с известием о смерти Фероры в Риме. Откорректируем флавиевский текст: “*Антипатр получил это письмо в Таренте после того, как уже успел узнать в Риме о смерти Фероры*”. Так все становится на место: прибытие Антипатра в киликийский Келендерис не из Киликии, но из италийского Тарента возражений не вызывает.

Кстати, смысловую несурязицу дополнительно выдает в “Bellum” следующий курьез. Возникает вопрос: где дяделюбивый племянник устроил великий показушный траур по безвременно почившему Фероре? Неужели, отплыв из Тарента, т.е. на борту судна? Кому втирать очки в море, в ходе плавания, “чтобы многие приняли это за признак любви к дяде и очень хвалили”? Своим друзьям? слугам? На кой ляд их похвала соправителю

* И пусть, по мнению самого Страбона (14,667) или Плиния (5,93), первый киликийский порт после Памфилии это Коракезион (западнее Келендериса), все равно из текста Флавия ясно следует, что первой и единственной гаванью Антипатра (на пути домой) в Киликии был Келендерис.

царя и без пяти минут царю?! Не клеится. Глубокий траур (по “убиенному Силлеем” Фероре) Антипатр устроил в Риме перед сановными римлянами и патриархом Августом, кто в те дни особенно чутко реагировал на почтение младших династических родственников к старшим (будь то *долгие лета* или *светлая память*). Недаром Август узрел в Антипатре “отцелюбца” (И.в.1,31,3; И.д.17,5,4).

Относительно же второго (последнего) письма-послания, полученного “филопатром”-сыном никак не в Киликии, а в Таренте – причина написания этого письма весьма предусмотрительным параноиком Иродом вполне понятна. До Антипатра дошла информация о неприятностях, постигших его мать, т.е. о лишении Дориды статуса любимой жены падишаха, об удалении ее из царского алькова, но не более того; о сути произошедшего Антипатр в Риме, из-за закрытых дверей в Иудее, вследствие принятых царем драконовских мер предосторожности, ничего не узнал (по крайней мере, не узнал настолько, чтобы сделать вывод, что ему крышка). И все-таки действующий наверняка Ирод хитро рассеивал потенциальные опасения сына, слегка коснувшись в письме обвинений против Дориды, т.е. якобы никакой не иной, но сугубо семейной размолвки, и обещал покончить все недоразумение с сыновним приездом.

* * *

Основные аргументы Отто (142), с кем солидарен Шалит (635-36), в пользу краткосрочной, не долее, чем семимесячной, миссии-поездки Антипатра в Рим гласят: 1.следственно разоблачив злоумышления сына, Ирод не мог слишком долго не принимать против него меры, мол, забил бы тревогу, не откладывая; 2.происходившее в Иудее не могло слишком долго оставаться от Антипатра скрытым, дескать, шила в мешке не утаишь. (Родишься Иродом или Сталином, утаишь и глазом не моргнешь!).

Разберем сначала пункт № 2. Само собой, если экстраполировать, как уже отмечалось, средства коммуникации и скорости XX в. на древний мир, то реальную степень оторванности откомандированного в Рим цесаревича от (скрываемых от него!) дворцово-казематных событий в царстве на Ближнем Востоке представить трудно. Хотя, впрочем, яркие примеры похожего поведения “возвращенцев” имеются и в технически оснащенном XX в. В годы Сталина разные аккредитованные за рубежом советские официальные (и неофициальные) лица прибывали домой из Парижей и Лондонов, по вызовам или на побывку, часто ведать не ведая, какая судьба уготована им на родине, в стране, где свирепствовал террор. Либо, нередко они прибывали, очень даже подозревая недоброе и все же не решаясь или не могучи или не думая просить где-нибудь убежище, исчезнуть, уйти на дно.

Отсчитаем двадцать столетий назад. Апостол Павел отплыл из Кесарии Палестинской в Рим осенью, приплыл, перезимовав на Мелите, весной и никто из иудеев римской общины не знал ни о скандальном конфликте Павла с синедрионом, случившемся свыше двух лет назад, ни о двухлетних Павловых узах при прокураторе Феликсе, ни о предстоящем приезде “ересиарха” на суд кесаря в столицу империи. “Они же сказали ему, мы ни

писем не получали о тебе из Иудеи, ни из приходящих братьев никто не известил о тебе и не сказал чего-либо худого” (Д.Ап.28,21).

Выше о самом плавании Павла (с кораблекрушением и зимовкой на Мальте) продолжительностью ок.полугода сказано: “...плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошел” (27, 9). Пост – это Судный день 10 тишри или сентябрь/октябрь (во 2 г. до н.э., в год смерти ближе к концу сентября Фероры, 10 тишри пришлось на первую декаду октября, т.е. на время до “лубяньских” разоблачений в Иудее). Следовательно, выход в море считался в древности небезопасным уже за месяц до “мертвого сезона” с ноябрьским заходом Плеяд.

Так у Филона в “Посольстве к Гаю” читаем: “... в ту пору суда еще ходили – было начало осени, когда купец пускается в морскую дорогу в последний раз, стремясь вернуться к родимым гаваням, где б он ни оказался, особенно, если задумал не зимовать в чужих краях” (3).

У Флавия в “Bellum” царь Агриппа II, урезонивая мятежных иудеев, пытается оправдать римские верхи словами: “...а на Западе не видят, что происходит на Востоке, как вообще даже вести о нас доходят туда только с трудом” (2,16,4).

Причем заметьте, в случае с Павлом или в речи Агриппы речь идет не о случаях, когда любая утечка информации специально и усиленно блокируется, когда входы и выходы строго контролируются, в то время как в случае Ирод-Антипатр “надзор и охрана путей” Флавием подчеркнуты. Отто возражает логически: Антипатр-де узнал о смерти Фероры в Таренте, накануне отплытия из Италии, а об изгнании матери еще позже, соответственно, и то, и другое случилось незадолго до его отъезда из Рима, отчего общая протяженность посольской командировки не может быть долгой (превышать семь месяцев). Но данный аргумент отпадает, во-первых, опять-таки, если не проецировать XX в.н.э. на I в.до н.э. Во-вторых или, точнее, во-первых, потому что, как мы выяснили, Тарент, по вине Флавия или его источника, оказался во флавиевском рассказе на месте Рима, а Киликия на месте Тарента. (Правда, отнюдь не исключено получение Антипатром еще одного успокоительно-призывного отцовского письма в Киликии.)

Итак, мать, жена и прочая не угодившая за решетку клеветура Антипатра находились под колпаком; тем не менее, до цесаревича дошли тревожные сведения-слухи об опале матери. Однако, трюк (непостоянного в чувствах к женам) Ирода, обещавшего покончить всю, не ахти какую, семейную склоку миром, хорошо удался. Обеспокоенный (не смертельно) Антипатр, уповая на лучшее (и от некуда деваться) вернулся. Мать и жена изыскивали последнюю возможность предупредить неотвратимо приближающегося сына и мужа об угрозе (И.д.17,5,2). Ирод – ушки на макушке – перехватил тайное письмецо. Надзор осуществлялся серьезно, со знанием дела; соответствующим опытом режим с многолетним стажем обладал, толк в слежке понимал.

Попробуем реконструировать характер и степень Антипатровой осведомленности по поводу событий в Иудее на весну/лето 1 г. до н.э. К немалой своей радости он, наверное, узнал об исключении из царского завещания Ирода Боэты, притом узнал, будучи проинформирован отцом и в нужном отцу свете; неважно в чем провинились Боэты: важно, что мощный клан не в фаворе, что Ирод, сын Мариамны II, перестал составлять конкуренцию. Разумеется, кончина Фероры, независимо от причастности к ней Силлея, глубоко взволновала престолонаследника. Но от Батилла (либо ничего не пришло, либо) могло прийти написанное под диктовку письмо с надлежащим содержанием. Страхи, как будто, не подтвердились.

В том-то и соль, что Антипатр не мог вообразить раскрывшего заговор отца пассивным, тогда как Ирод не решался воззвать к императору, не заарканив и не разоблачив сына на месте, по всем правилам, по всем пунктам, в присутствии кесарского легата Сирии (дабы апеллировать к августейшему суду с позиции доказанного и свершившегося факта, из-за широкой судейской спины императорского наместника). Знай царь о заговорщических (отравительных?) злоумышлениях против кесаря осужденной инфанты-дочери, он, б.м., поступил бы иначе, т.е. забил бы тревогу без промедления. Но в начале 1 г. до н.э., сидя в Иудее, местный вассал мог узнать не больше, чем об осуждении Юлии за разврат и не увидел в том никакой или не увидел достаточной параллельной выгоды для себя. Кто поручится, что Антипатр не припадет к стопам Верховного, не инкриминирует старику-отцу шизоидную сынофобию и не добьется вождельного воцарения? Казнь Александра и Аристовула произвела на патрона в Риме не самое положительное впечатление: доказывать издалека отцеубийственную вину тобой же назначенного, тобой же всячески захваленного и ныне тестаментарно утвержденного преемника в создавшейся ситуации, доколе преемник в верхах, а не у тебя в руках, крайне рискованно.

Между тем, для самого преемника, проведшего зиму в Риме, истинные мотивы редеации Юлии вряд ли остались полностью скрытыми, в связи с чем он и не думал искать в кесаре заступника против родителя. Наиболее осторожно-опасливые палadini из свиты советовали возвращенцу не являться к отцу, “не узнав о причинах удаления матери”, т.е. успокоительные заверения Ирода наткнулись на недоверие, им не все поверили. Но куда денешься, когда с одной стороны, император уже устроил тебе “торжественные проводы”, назвал отцелюбцем и отправил восвояси, а с другой, отец торопит, призывает не мешкать. “У советской власти руки длинные!” Рим — это мир; Римская империя — закрытое пространство; не к парфянам же, если уж к кесарю не воззовешь, сматываться. Иной вариант — уйти в подполье, залечь до поры на дно, перейти на нелегал означал бы отказ от престолонаследных чаяний насовсем — раз, гонимую долю объявленного в розыск преступника — два. А вкусив власть, отказаться от нее (на пороге интронизации) очень и очень нелегко. Нет, медлить нельзя! Авьось пронесет! Отец стар и нездоров, вот-вот помрет! Корона так близко! В путь!

С высадкой в Цезарее Maritima кольцо окружения замкнулось, ловушка захлопнулась. Ни торжественной встречи, ни благовонных курений, ни цветов, ни оркестра. Касаемо поведения народных масс, они никогда не встречают приезжающих из-за кордона (да еще малопопулярных) высокопоставленных лиц стихийно; т.н. всенародные добровольные встречи под музыку санкционируются либо отменяются властями. Ирод не выслал навстречу гаденышу-сыну пышный кортеж и одновременно запретил сообщать ему о чем-либо на финишной прямой в Иерусалим. Ни в портовой Кесарии, ни в дороге оттуда до столицы никто, естественно, не проклинал все еще облаченного в порфиру сорегента публично, но приближаясь на ватных ногах к развязке, он явно чувствовал мерзопакостнейшую, сосущую под ложечкой покинутость. Настоящих приверженцев у отверженца, кто был в гораздо меньшей мере личностью, нежели продуктом породившей его номенклатуры (фигурой типа Сеяна при Тибериусе; Гиммлера при Гитлере; Ягоды, Ежова, Берии при Сталине), не нашлось, не сыскалось. Повторим, церберы подобной масти страшны в терроре при тиране, именем тирана, однако, они удивительно жалки, ничтожны и беспомощны в поползновениях на власть без, против или после смерти диктатора. Чего ждать от троноприятателя, трусливо смотавшегося в Рим с поручением Фероре (!) отравить Ирода из Переи (!).

Остается резюмировать. Т.о., уплывая в мае 2 г. до н.э. на Запад, Антипатр почитал себя джентльменом удачи, верил в свою звезду и тешился мыслью вернуться на могилу отца счастливым царем.

В октябре 1 г. до н.э. он ступил на иудейский берег, покинутый своей нечистоплотной фортуной навсегда.

“...Еле живой от страха он силится принять вид гордой самуверенности. Бежать или вырваться из окружавшей его сети было невозможно; к тому же он и здесь не узнал положительно ничего о том, что происходило дома, ибо царь строго запретил сообщение ему каких-либо сведений. Только одна надежда ободряла его: быть может, ничего еще не раскрыто или же, если кое что и обнаружено, то он наглостью своей и обманом сумеет рассеять подозрения. Это были еще его единственные средства спасения.

Опираясь на них, он прибыл во дворец, однако, без своих друзей, т.к. последние еще у первых ворот* с презрительными насмешками были оттолкнуты назад. Во внутренних покоях находился как раз сирийский наместник Вар. Антипатр вошел к отцу и, собравши все свое бесстыдство, приблизился к нему, чтобы заключить его в свои объятия. Но Ирод простирает руки вперед, отворачивает голову и кричит: “Это совершенно похоже на отцеубийцу! меня объять, когда имеешь на совести такую вину! Провались сквозь землю, злодей! Не прикасайся ко мне, пока ты не очистился от вины! Я даю тебе суд и судью в лице Вара, прибывшего как раз кстати. Прочь отсюда и обдумай твою защиту; я хочу еще дать тебе время для твоих уверток!” Обеспамятев от страха, Антипатр безмолвно попятился назад. Мать и жена, находившиеся у него, ознакомили его со многими

* Убедитесь, в царском дворце были и “первые”, и “вторые” и, вероятно, еще “третьи” (усложнявшие утечку информации) ворота.

показаниями. Придя немного в себя, он начал обдумывать свою защиту” (И.в.1,31,4,5).

* * *

В 1909 г. в цикле лекций, посвященных Евангелию от Луки, Р.Штайнер впервые указал на благовествуемые Матфеем и Лукой факты рождения в Палестине не одного, но двух Младенцев Иисусов, родившихся, соответственно, не в одно и то же время, от двух родительских пар, вифлеемской и назаретской, с одинаковыми именами Иосиф и Мария*.

Выше мы уже обмолвились о том, что при сопоставлении Иисусовых генеалогий в Первом и Третьем Благовестях натыкаешься (если безоговорочно верить в моно-Рождество) на вопиющие противоречия. Матфей приводит рода от Авраама до Давида, от Давида до Вавилонского пленения и от Вавилонского пленения до Христа; роды-поколения, представленные рождающим субъектом и рождаемым объектом, идут по нисходящей, причем за Давидом следует Соломон и т.д. до Иакова, родившего Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос (Мф.1,1-16). Согласно Матфею, действие изначально разворачивается в Вифлееме, по крайней мере, до самого возвращения св. Семейства из Египта упоминаний о Назарете нет. Волхвы с Востока приходят в Иерусалим, откуда, встретившись с Иродом, направляются для поклонения в Вифлеем и там, войдя в дом, над которым остановилась шедшая перед ними звезда, приносят Младенцу жертвенные дары: золото, ладан и смирну (Мф.2,9-12). После поклонения и ухода волхвов (в обход Ирода, в страну свою, на Восток) Иосиф (по слову Ангела Господня во сне) бежит с Младенцем и Матерью Его в Египет. Разъяренный Ирод отдает приказ избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его от двух лет и ниже, по времени появления звезды, которое он выведал от волхвов (Мф.2,13-16). Из Египта беглецы возвращаются после Иродовой смерти, точнее, после того, как новое вышнее откровение во сне открывает Иосифу, что умерли искавшие души Младенца. Однако, придя в землю Израилеву и узнав, что лютоватый Архелай царствует в Иудее, вместо Ирода, отца своего, Иосиф убоился идти назад, в дом свой в Вифлеем, но получив во сне очередное откровение, пошел в пределы Галилейские, подвластные не Архелая, а Антипе, и пришед туда, поселился в городе, называемом Назарет (Мф.2,19-23).

У Луки картина разительно иная. Во дни Ирода, царя иудейского, имеет место зачатие Иоанна Крестителя; неплодная до того Елисавета, жена священника из Авиевой чреды Захарии (по получении им гавриилического откровения во время службы в храме) беременеет в летах преклонных (Лк.1,1-25). В шестый же месяц беременности Елисаветы послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария (Лк.1,26,27). После Благовещения Мария с семенем Давида под сердцем

* R.Steiner “Das Lukas Evangelium”, Ein Zyklus von 10 Vortrdgen, gehalten in Basel vom 15 bis 26 September 1909, 1977 R.Steiner Verlag Dornach/Schweiz 1977.

идет из Галилеи в Иудею, к родственнице своей, Елисавете; пребывает у нее ок. трех месяцев и возвращается в Назарет; Елисавета же разрешается от бремени сыном Иоанном (Лк.1,39-80). Далее, глава 2 оповещает о повелении кесаря Августа сделать перепись по всей земле. Небезразличный к точной рождественской хронологии Лука уточняет: “Эта перепись была первая в правление Квирина Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город.” Так Иосиф, из дома и рода Давидова, отправляется из Галилеи, из города Назарета, с Марией, обрученной ему женой, которая была беременна, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем. Когда же они были там, наступило время родить Ей. И родила Сына своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице (Лк.2,1-7).

Как видим, ни про какую-либо астроматическую звезду, ни про поклонение волхвов с дарами нет ни слова. Младенцу приходят воздать хвалу, по возвещении им Ангела о том, что “ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь”, бедные пастухи из окрестностей Вифлеема. По прошествии восьми дней совершается, сообразно предписанию Моисеева закона, обрезание Младенца и наречение Его именем Иисус; по исполнении сорока дней очищения, происходит посвящение первенца Господу во храм. “И когда они совершили все по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет” (Лк.2,8-39). Ни Ирода, ни жуткого избияния младенцев, ни бегства в Египет. Налицо в связи с Рождеством два исторических персонажа — кесарь Август и римский наместник Сирии Квирий, т.е. в кадре не локально иудейские (Ирод и Архелай), но глобально имперские мировые диапазоны-измерения-соотношения. Во второй части 2-й главы Третьего Евангелия благовествуется о 12-летнем Иисусе на празднике Пасхи в храме (2,42-50), чего у Матфея нет, и лишь в конце 3-й главы, после иорданского Крещендо, и что не менее важно, после заключения Иоанна в конце 30 или в начале 31 гг. в темницу (Лк.3,19,20), приводятся возраст и родословие Иисуса: “Иисус, начиная свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев... Нафанов, Давидов... Авраамов... Адамов, Богов” (3,23-38).

В генеалогии у Луки: за Иосифом не Иаков, как у Матфея, но Илий; до Давида не Соломон, но Нафан. Между Иосифом и Давидом названы в подавляющем большинстве не те имена, что в Первом Евангелии; исключение составляют Зоровавель и Салафииль; однако, если согласно Матфею, Иехония (во дни Вавилонского плена) родил Салафииля, а Салафииль Зоровавеля, от кого родился Авиуд (1,12,13), то согласно Луке, отцом Салафииля является Нери, а сыном Зоровавеля Риса (3,27). От Давида до Авраама оба родословия совпадают. В то же время, если, оговорим еще раз, у Матфея генезис берет начало с Авраама и нисходит к Иисусу, то у Луки поколения начинаются с Иисуса и восходят через Авраама к Адаму и Богу.

* * *

Как быть? Для нового-новейшего времени противоречия неразрешимые, броское доказательство, в лучшем случае — несостоятельности, в худшем —

лживости и антиисторичности христианского Благовествования. Кстати, насчет того и другого, прежде, чем делать скоропалительные выводы, стоит задаться вопросом: и почему это, “хитрые церковники”, комплектуя Канон, не подогнали Луку под Матфея или Матфея под Луку и баста? Неужели ума или хитрости не хватило?!

Как реагировали на разницу евангельских родословий авторитеты церкви? Около 200 г. Юлий Африкан попробовал разрешить данный ребус в письме к Аристиду. Евсевий цитирует соображения Африкана в “Истории церкви” (1,7). В примечаниях к русскому синодальному тексту* эта ставшая для ортодоксов классической аргументация Африкана-Евсевия передана так: “Различия между родословиями у Луки и Матфея проистекают из правовых последствий т.н. левирата. Левиратом именуется Моисеево постановление (Втор.25,5), в силу которого брат израильянина, умершего бездетным, обязан был жениться на его вдове, причем дети от этого брака считались детьми покойного (первого супруга вдовы). Юлий Африкан, кому были знакомы записи родословных преданий потомства Давидова, сообщает, что Илий, отец св. Иосифа, обручника Марии, по родословной Луки, и Иаков, отец Иосифа по Матфею, были единокровные братья (сыновья одной матери от разных отцов), оба из рода Давидова; а именно: Илий по линии Нафана, Иаков же по линии Соломона. Иаков женился на вдове бездетного Илия и от этого брака родился Иосиф, который будучи сыном Иакова, считался по закону левирата сыном Илия. Отсюда различие обоих евангельских родословий за эпоху после Давида**.

Постановление Моисеева закона о левирате гласит:

“Если братья живут вместе, и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею.

И первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтобы имя его не изгладилось в Израиле” (Втор.25,5,6).

В примечаниях к католическому тексту Евангелия*** дается существенно отличное от африкановского истолкование разницы родословий у Августина. Сообразно этому истолкованию, св.Иосиф, родной сын Иакова Соломонида, был усыновлен Илием Нафанидом. Стало быть, оба апологета сходятся на рождении Иосифа от Иакова (Соломонова линия), но, по

* См. “Библия. Кн.Священного Писания Ветхого и Нового Завета”, Брюссель 1973 г. Прим. к Ев. от Луки с.2023-24.

** Согласно Ю.Африкану, Давидид-Соломонид Матфан (Мф.1,15) и Давидид-Нафанид Мелхи (Лк.3,24) были поочередно женаты, второй после смерти первого, на израильянке по имени Эста, которая родила от Матфана – Иакова, от Мелхи – Илия. Надо сказать, что Африкан, которого информировали иудео-христиане эбиониты, а следом за ним и Евсевий, расходясь с известным нам каноническим родословием Третьего Благовеста, пропускают два звена-поколения, ибо у Луки за Иосифом и Илием следуют сначала Матфат, затем Леви и только потом Мелхи (Лк.3,23,24).

*** Das Neue Testament. ьbersetzt und erlдutert von P.Dr.Konstantin Rцsch. Verlag F.Schцning, Paderborn, S.34.

Африкану, Иаков женится на вдове умершего бездетным Илия, тогда как по Августину, Иаков умирает и Илий усыновляет Иосифа.

Еще одну версию предлагают Аполлинарий Лаодикейский, Теодор Мопсуетский, Феофил Александрийский*. Они пытаются утверждать, будто Матфей транспарирует генеалогию Иосифа, а Лука на самом деле — Марии, дескать, неверно представленный в тексте Луки как отец Иосифа — Илий, и Иоахим — отец Марии по “Протоевангелию” — одно и то же лицо. Короче, ни единства, ни уверенности во мнениях церковных авторов нет. Правда, небеспредпосылочные весомость и логику в версиях-доводах Африкана и Августина нельзя (в той или иной степени) не признать: Иисус — истинный царь и истинный первосвященник в одном лице: Матфей-де дает кровную царственную родословную Иосифа от Соломона, Лука — адоптивную (перво)священскую от Нафана. Хотя остается спросить: зачем? если в понимании Непорочного зачатия Африканом, Августином и всей Церковью Иосиф Обручник не имеет к физическому зачатию и рождению Иисуса Христа ни малейшего касательства. Тем не менее, любопытно, что и Африкан, и Августин признают Давида Нафана (некровным) предком *божественного* первосвященника по чину Мелхиседека. Но согласимся, насколько все вышеприведенные, прямо скажем, тяжеловесные конструкции построены, пусть неволью, на категорическом недопущении и мысли о дуализме, на отказе дуализму в самом праве на существование. Разве перед нами не поиск выхода из вымышленного тупика? Если же дуализм спокойно, без паники, допустить, то вся ущербная необходимость мудрствовать лукаво сама собой отпадет. Не гоже, помня пророка Захарию, слишком умудряться. В конце концов, что или кто мешает современному, не повязанному мертвым узлом догматов человеку проявить минимум интерес к естественной **двоице**, вместо подделом скомпрометированной критиканами на базе эвидентных противоречий **единицы**? Беспредпосылочное исследование — залог успеха. На возражение с ортодоксальной стороны, мол, при изучении-понимании Благовеста обычными мышлением и логикой не обойдешься, нужны-де непрофанированный подход и вера, в частности, в явления-феномены сверхестественные, уместно возразить: сверхестественных чудес типа безсеменного зачатия не бывает — есть чудеса евангельские. Можно и нужно верить в то, что кажется материалисту абсурдным, но незачем верить в то, что действительно абсурдно.

* * *

Вернемся к тому, с чего начали. Итак, согласно христологии Штайнера, Матфей и Лука приводят родословия не одного, но двух Младенцев Иисусов. Следовательно, речь идет о двух Иосифах, двух Мариях, двух семьях. Матфей благовествует Рождество Иисуса Давида-Соломонида, Лука — Иисуса Давида-Нафанова (напомним: Соломон и Нафан, царь и священник, родные братья, сыновья Давида от бывшей за хеттеянином Урией Вирсавии). Патриархальная генеалогия, корень Иесеев, актуальна в обоих

* D.Lauenstein “Der Messias”, Urachhaus, Stuttgart 1971, S.34.

родословных, иначе не было бы смысла! низводить колена от Авраама, Давида и Соломона именно через Иосифа к Иисусу или возводить колена от Иисуса именно через Иосифа к Нафану, Давиду, Адаму и Богу.

* * *

Обратите внимание на следующее. У Луки от Иисуса до Давида 43 имени-колена, у Матфея всего 28 (в русском синодальном переводе 29) и 41 имя-колено от Авраама до Иисуса включительно (в русском синодальном переводе 42, поскольку перед Иехонией фигурирует произвольно вставленный в канонический текст Иоаким (Мф.1,11), которого ни в древнейших евангельских манускриптах, ни в каком-либо ином каноне, помимо русского, нет). Во втором ряду имен-поколений от Давида до переселения в Вавилон Матфей называет царей Иуды. Они не засекречены, будучи доступны по Книгам Царств и Хроник в порядке очередности каждому. И всякий желающий вправе убедиться, что четырех генезисных царей иудейских (пятая — царица-узурпатор Гофолия) в списке демонстративно не достаёт*: между Иорамом и Озией отсутствуют Охозия, (Гофолия-Аталия), Иоас и Амасия; ниже из второго ряда выпали, вернее, во второй ряд 14-ти не попали три царственных сына Иосии: Иоахаз, Иоаким, Седекия. С Иоахазом (Саллум) и Седекией также, как с ведьмой Гофолией, все ясно: не попали, поскольку не участвовали в генезисе: продолжатель рода Давидидов в плену вавилонском отец Салафииля — Иехония, родился от Иоакима. Почему выпал интерполированный в русский канон (видимо, Елисаветинской Библии XVIII в.) для получения числа 42 Иоаким? Значься он в каком-нибудь из древних кодексов, отцы церкви не констатировали бы его отсутствие, не ностальгировали бы по нему и не предлагали бы (Ириней, Евсевий, Епифаний) под разными сосисами вчлнить его, как недостающее звено, в текст**.

На первый взгляд, арифметика, казалось бы, попросту обязывает представить Иоакиму место следом за (его отцом) Иосией и перед (его сыном) Иехонией и получить сим в общей сложности 42 колена от Авраама до Иисуса. Иначе (считай-пересчитывай) родов от Авраама до Иисуса всего 41, а не 42! Неужели Матфей обсчитался или просчитался или сродни помещающим 15-й год Тиберия кесаря в 26/27 гг. современным историкам, был не в ладах с арифметикой? Ведь заявляет без запинки (впрочем, не 42, но): $14+14+14!$ И разве дело в одном Иоакиме? Отчего же в списке нет не только его, но и Охозии, Иоаса, Амасии? $14 \times 3 = 42$ не оспоришь! И все-таки Иисус — 41-й по счету от Авраама. Где, спрашивается, 42-й род?

Вслушиваемся в компендиум: “Итак, всех родов от Авраама до Давида 14 родов; и от Давида до переселения в Вавилон 14 родов; и от переселения в Вавилон до Христа 14 родов” (1,17). Удостоверьтесь, Давид замыкает первую и отмыкает вторую плеяду 14-ти, которую Иехония (до переселения в Вавилон) не замыкает, открывая третью (по переселении в Вавилон)

* См. 4-ая Царств 10-14; 23-25; 2-ая Пар. 22-25; 36.

** Th.Zahn “Das Evangelium des Matthäus”, S.52-53, 1903.

группу из 14 имен до Иисуса Христа. Т.е. исключительно статуированный Давид (что и понятно, ибо Мессия – сын Давидов; здесь больше Соломона) принадлежит как к первой – патриаршей, так и ко второй – царской группе пестователей мессианской наследственности в составе (оба раза) 14-ти. Так, вторая седмица заканчивается до переселения в Вавилон не Иоакимом, кому Иеремия предсказал ослиные похороны, а Иосией Благочестивым. И напрасно экзегеты сопричисляют Иехонию, родившего Салафииля не перед депортацией, но в плену вавилонском, ко второй плеяде 14-ти (см.стр.722).

* * *

Это одна из возможных разгадок евангельского сокровения, между тем как не случайно сказано: “В доме Отца Моего обителей много”. Научные толкователи прогрессивных эпох избавления от пут феодализма/клерикализма пришли к горе-диагнозу: Матфей, мол, залихватски подогнал количество родов-колен под имеющее неординарное значение в библеистике/каббалистике число 42: составил-де коварный план заранее, проштудировал царей Иуды, выбросил не уместившихся в схему-сумманду и точка: фальсификат готов. Почему в сем случае Евангелист не довел “свой замысел” (при посредстве пресловутого Иоакима) до нужной для сумманды или для полного арифметического счастья 42-й кондиции? почему ограничился сорок одним родом-коленом? Внимаем Благовесту:

“Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова...”

Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос” (Мф.1,1-16).

Иисус Первого Евангелия, родившийся от Марии 6 января 1 г. до н.э. – суть 41-е имя-колено от Авраама. В Благовесте от Луки тот факт, что Иисус суть 43-е имя-колено от Давида выясняется после Крещендо 6 января 30 г. н.э.

“Когда же крестился весь народ, и Иисус крестившись молился, – отверзлось небо,

И Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!

Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Ишеев...” (Лк.3,21-23)

Т.е. по Матфею, Иисус, сын Давидов, сын Авраамов, есть 41-е имя-колено от Авраама в 1 г. до н.э.; по Луке, Иисус, сын, “как думали”, Иосифов... Давидов... Авраамов... Адамов, Божий — есть 43-е имя-колено от Давида в 30 г. н.э. Соответственно, 42-е колено находится в промежуточном 30-летнем интервале, б.м., в пасхальной весне 14 г. н.э., ровно за 19 лет до Таинства Голгофы: апрель 14 – апрель 33 гг. н.э. (см.ниже).

1. Авраам
2. Исаак
3. Иаков
4. Иуда
5. Фарес
6. Есром
7. Арам
8. Аминадав
9. Наасон
10. Салмон
11. Вооз
12. Овид
13. Иессей
14. Давид 1
15. Соломон 2
16. Ровоам 3
17. Авия 4
18. Аса 5
19. Иосафат 6
20. Иорам 7
 - Охозия
 - Иоас
 - Амасия
21. Озия 8
22. Иоафам 9
23. Ахаз 10
24. Езекия 11
25. Манассия 12
26. Амон 13
27. Иосия 14
 - Иоахаз
 - Иоаким
28. Иехония 1
 - Седекия
29. Салафииль 2
30. Зоровавель 3
31. Авиуд 4
32. Елиаким 5
33. Азор 6
34. Садок 7
35. Ахим 8
36. Елиуд 9
37. Елеазар 10
38. Матфан 11
39. Иаков 12
40. Иосиф 13
41. Иисус 14

* * *

А теперь взглянем мельком на менее заметное, чем 40 или 42, число 41: разве в нем нет самостоятельной таинственности? Каббалистическая мудрость оперирует девятью “планетарно-металлическими” магическими квадратами. Девятый из них, квадрат Луны, выглядит так;

37	78	29	70	21	62	13	54	5
6	38	79	30	71	22	63	14	46
47	7	39	80	31	72	23	55	15
16	48	8	40	81	32	64	24	56
57	17	49	9	41	73	33	65	25
26	58	18	50	1	42	74	34	66
67	27	59	10	51	2	43	75	35
36	68	19	60	11	52	3	44	76
77	28	69	20	61	12	53	4	45

Сумма чисел по рядам или по диагоналям этого квадрата составляет 369; гематрия дает “золотой полумесяц”; в качестве металла лунному квадрату сопутствует серебро. Стало быть, не все тайны мироздания исчерпываются сакральными сороковинами или загадочной суммандой $14 \times 3 = 42$; иногда $14 \times 3 =$ и 41, и 42, в зависимости от угла зрения и смотря по обстоятельствам. Скажите, разве число 41 не в эпицентре магического квадрата Луны? разве Луна не рефлектирует Солнечный свет? разве серебро не лунный металл?

* * *

“Армянское Евангелие детства” называет точную дату Благовещения: 15 нисана или весеннее полнолуние в день 6 апреля, пришедшийся в год Благовещения на среду (5,9). Но во 2 г. до н.э. — благовещенский год по Ев.от Матфея — 6 апреля — понедельник — день Луны. Среда, как день недели, попадает на 6 апреля двумя годами позже, в 1 г. н.э. — год Благовещения и Рождества по Ев.от Луки. Несложно убедиться: апокриф сводит **два в одно**; и, кстати, 25 марта 1 г. н.э. — благовещенская пятница, тогда как 25 марта 2 г. до н.э. — среда. Круговерть!

* * *

В Талмуде (Сукка 52а) и в “Зохаре” сказано: “Сын Давидов и Сын Иосифов есть двое, а не один. Сын Иосифов погибнет жестокой смертью. Ему преемствует Сын Давидов. Мессия — Сын Иосифов, соединиться с Мессией Сыном Давидовым, но будет убит.”

Матфей оглашает родословие “Сына Давидова”. У Луки “свое служение” начинается “сын Иосифов”. Так что же — два или один? или и два, и один? или двое в одном?

Древо древ разветвляется, начиная с сыновей Давида – Соломона (Мф.1,6) и Нафана (Лк.3,31). О Нафане сведений в Библии немного.

“И родились еще у Давида сыновья и дочери. И вот имена, родившихся у него в Иерусалиме: Самус, и Совав, и Нафан, и Соломон” (2-ая Царств 5,14).

“А сии родились у него в Иерусалиме: Шива, Шовав, Нафан и Соломон, четверо от Вирсавии, дочери Аммиловой” (1-ая Пар.3,5).

“И вот имена, родившихся у него в Иерусалиме: Самус, Совав, Нафан, Соломон” (1-ая Пар.14,4).

Братья родились у купально приглянувшейся Давиду и прелюбодейательно забеременевшей от него Вирсавии, жены хеттеянина Урии, героя-военачальника на Давидовой службе, коварно царем устраненного. Т.е. рождению в браке сыновей Давида “от бывшей за Уриею” предшествуют блудодеяние и убийство. Урия погиб по царскому умыслу, поставленный в силу тайного приказа царя в самое опасное место сражения и заведомо соратниками покинутый.

“Поутру Давид написал письмо Иоаву и послал его с Уриею.

В письме он написал так: поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер” (2-ая Царств 11,14,15).

...И услышала жена Урии, что умер Урия, муж ее, и плакала по муже своем.

Когда кончилось время плача, Давид послал, и взял ее в дом свой, и она сделалась его женой, и родила ему сына. И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа” (2-ая Царств 11,26,27).

Мудрый пророк Нафан передал царю суд Божий, привел согрешившего к исповеди и покаянию. Зачатый в прелюбодейании младенец, первое царское дитя, родившееся в Иерусалиме (7 лет Давид царствовал в Хевроне и 33 года в завоевательном отобранном у иевусеев Иерусалиме), “на седьмой” от рождения день умерло.

“Тогда Давид встал с земли, и умылся, и помазался, и переменял одежды свои, и пошел в дом Господень, и молился. Возвратившись же домой, потребовал, чтобы подали ему хлеба, и он ел” (2-ая Царств 12,20).

“И утешил Давид Вирсавию, жену свою; и вошел к ней, и спал с нею; и она родила сына, и нарекли ему имя: Соломон. И Господь возлюбил его;

И послал пророка Нафана, и он нарек ему имя: Иедида, по слову Господа” (2-ая Царств 12,24,25).

Примечательно, что одноименный пророку сын Давида Нафан младше Соломона, но в Книгах Царств и Хроник он, среди детей от Вирсавии, назван перед Соломоном (*первосвященник выше царя*). Священство младшего брата, родоначальника пастырско-царственной ветви дома Давидова – несомненно; его соименность пророку Нафану – не случайна.

Последнее ветхозаветное свидетельство о Нафане – о племени дома Нафанова – имеется у пророка Захарии.

“А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и

умиления, и они, воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единокровном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце.

В тот день поднимется большой плач в Иерусалиме, как плач Гаадриммона в долине Мегиддонской.

И будет рыдать земля, каждое племя особо: племя дома Давидова особо, и жены их особо; племя дома Нафанова особо, и жены их особо...” (12,10-12).

* * *

С началом после смерти Соломона двугарствия Израиля и Иуды, в Иудее до Вавилонского пленения царствовали 19 царей и одна омерзительная царица Гофолия (*скорбь Яхве*), дочь богопротивных Ахава и Иезавели. Ей чуть было не удалось известить дом Давидов. Узнав, что сын ее, Охозия, царь иудейский, умерщвлен помазанным на истребление дома Ахавова (4-ая Царств 9,8) Ииуем, "Гофолия встала и истребила все царское племя" (4-ая Царств 10;11; 2-ая Пар. 22,23).

“Но Иосавеф, дочь царя Иорама, сестра Охозии, взяла Иоаса, сына Охозии, и тайно увела его из среды умерщвляемых сыновей царских, его и кормилицу его, в постельную комнату, и скрыли его от Гофолии, и он не умерщвлен.

И был он с нею скрываем в доме Господнем шесть лет, между тем как Гофолия царствовала над землею” (4-ая Царств 11,2,3).

По Флавию, Иосавеф нашла годовалого Иоаса с кормилицей, прячущимися среди груды трупов после устроенного Гофолией во дворце безжалостного побоища (И.д.9,7)*.

Итак, продолжателей царского рода — Охозию, Иоаса, Амасию — сына, внука и правнука Гофолии, плюс в довесок к ним Иоакима, Матфей в генеалогическую эволюцию Мессии Христа не включил. Почему? В расчете сколотить игральную команду из обязательно 7х2 до-вавилонских монархов? Никак нет: ни клубные команды из 14, ни национальную сборную из 42-х носителей богоизбранной наследственности Евангелист не сколачивает, в угоду символической или фигуральной цифири не благовествует.

Ю.Африкан усматривал подоплеку отсева Охозии, Иоаса, Амасии в их пропащей греховности. Иные последующие экзегеты, развивая Африкана или независимо от него, связывали исключение внука, правнука и праправнука Иезавели с Ахавом (этих Иродиады и Ирода эпохи Древнего

* В конце XV в. ученый доминиканец Анний (Нанни) из Витербо (известный, в частности, публикациями выданных за произведения античных авторов более поздних писаний) опубликовал за авторством Филона книжицу “*Breviarium de temporibus*” (Последовательность времен). Неизвестно кому и из каких именно, скорее, неортодоксально иудейских, чем, как полагают, раннехристианских кругов, принадлежит ее авторство, но в ней есть оригинальное неканоническое утверждение о том, что Гофолия истребила всех (вопреки Книгам Царств и Хроник) царственных Давидов, а спасенный малютка Иоас происходил-де не из линии Соломона, но из линии Нафана (см. ниже). Эту неожиданную не снискавшую широкого отклика версию перенял в XVI в., по свежим следам публикации Анния, М.Лютер.

Завета), с произнесенным пророком Илией и действенным на протяжении трех венценосных колен проклятием (3-я Царств 21,22 21; 4-ая Царств 9,8). Т.Цанн (50,51) резонно возражает: о включенных в регистр Манассии и Амоне (добавим сюда Иорама и Ахаза) Священное Писание худшего мнения, чем об Иоасе или Амасии.

С одной стороны вроде бы верно, ведь именно грехи одного из “потерянных грешников” Манассии Господь “не захотел простить” (4-ая Царств 24,3,4; 2-ая Пар.34), в результате чего преданные в руку Навуходоносора Иудейское царство и храм погибли, а иудеи подверглись депортации в Вавилон. И по Книгам Царств (4,21) или Хроник (2,33), и в талмудической традиции Манассия – отъявленный враг боголюбцев и оголтелый язычник: он повинен во всех смертных грехах: в служении истуканам, в жертвоприношении кровожадному Молоху детей (провел сына через огонь), в ворожбе, в вызывании мертвецов, в преследовании-убиении пророков (мученичество Исайи). Но с другой стороны, он же искренне покался и раскаялся в плену ассирийском:

“И в тесноте своей он стал умолять Господа Бога своего и глубоко смирился перед Богом отцов своих.

И помолился Ему, и Бог преклонился к нему и услышал моление его и возвратил его в Иерусалим на царство его. И узнал Манассия, что Господь есть Бог” (2-ая Пар.33,12,13).

Прилагаемая к Книге Пар.2 проникновенная молитва пленного Манассии употребляется в церковном богослужении, как образец покаянной молитвы.

Что касается Амона, то он воцарился 22-х лет отроду, процарствовал два года:

“И делал неуютное в очах Господних так, как делал Манассия, отец его; и всем истуканам, которых сделал Манассия, отец его, приносил Амон жертвы и служил им.

И не смирился пред лицом Господним, как смирился Манассия, отец его; напротив, Амон умножил свои грехи” (2-ая Пар.33,22,23).

При всем том, не смирившийся и не раскаявшийся идолослужитель Амон (сын Манассии, внук Езекии) – в списке, тогда как (сына Иоаса, правнука Гофолии) Амасии там нет, хотя ему Книги Царств и Хроник выдают куда более положительную характеристику:

“И делал он уютное в очах Господних, впрочем, не так, как отец его Давид...” (4-ая Царств 14,3).

“И делал он уютное в очах Господних, но не от полного сердца” (2-ая Пар. 25,2).

Одним словом, с не смирившимся, с умножившим свои грехи Амном Амасию по степени греховности не сравнить. Значит, краеугольный принцип матфеевского отбора не в отделении “плохих” царей от “хороших”, “цац” от “бук”. Во главе угла либо право на сопринадлежность через как непрерывную, так и прерывистую цепочку наследственности к мессианскому генезису, либо евгеническая (плюс кармическая?) дисквалификация.

Приведем цитату из лекций Штайнера по Евангелию от Матфея;

“В эволюции существует определенный закон. Он известен нам на примере развития человеческой личности и мы часто о нем говорили. В промежутке времени от рождения до 6- или 7-летнего возраста у человека развивается тело физическое. Развитие эфирного тела осуществляется между 7-ю и 14-ю годами, астрального — между 14-ю годами и 21-м годом. Таков закон, в котором господствует число 7 и который управляет человеческим развитием.

Подобный же закон существует и применительно к развитию внешних оболочек души на протяжении поколений, и в дальнейшем мы увидим, на каких глубоких основаниях построен этот закон. В то время как отдельная личность, достигая 7-ми лет, завершает этим самым один из этапов своего развития, в течение которого организуется ее физическое тело, — для тела физического в целом существует промежуток времени в семь поколений (колен), за который это физическое тело может быть доведено до известной степени совершенства. Однако, в этом случае наследственность осуществляется не путем передачи известных свойств непосредственно от отца к сыну или от матери к дочери: передача происходит от деда к внуку, т.е. ко второму поколению, потом к четвертому. Т.о., наследственность передается не непрерывным путем. И благодаря тому факту, что каждый раз делается прыжок через одну ступень, эволюция наследственности базируется уже не на числе 7, а на числе 14. Так, врожденные свойства физического тела Авраама могли быть развиты до кульминационной точки лишь в процессе жизни 14-ти поколений.

С другой стороны, для того, чтобы этим процессом эволюции были захвачены также и эфирное, и астральное тела, нужно было, чтобы их развитие, подобное развитию отдельной личности между 7-ю годами и 21-м годом, — прошло снова через известный промежуток времени, для каждого из этих тел составляющий 14 поколений. Иными словами, физическое свойство, дарованное Аврааму, должно было передаваться через трижды 14 колен, чтобы полностью проникнуть и в физическое, и в эфирное, и в астральное тела.”*

Как видим, уникальность Давида в том, что он завершает развитие физического и он же открывает эволюцию эфирного тела на втором дважды семиричном** этапе мессианско-авраамитической телесности. Далее, обращает на себя внимание следующее: четыре элиминированных царя — продолжатели рода — выпали именно из периода эволюции свойств эфирного тела Авраама. Относительно трех царей Давидов (Охозия***, Иоас****,

* R.Steiner “Das Matthäus-Evangelium”, Ein Zyklus von 12 Vorträgen, gehalten in Bern vom 1 bis 12 September 1910, Vortr. 3, S.70-72, R.Steiner Verlag Dornach/Schweiz 1978. Цитируется по русскому переводу: Р.Штайнер “Евангелие от Матфея” 12 лекций, прочитанных в Берне (Швейцария) в сентябре 1910 г. Лекция 3, стр.61, 62. Издательство “Новалис” 2001.

** Не случайно в талмудических трактатах “Кидушин” (4а) и “Евамот” (70а) сказано: “Сыновья сыновей считаются сыновьями.”

*** Охозия царствовал всего год, был под влиянием своей матери — идолослужительницы Гофолии, делал неугодное в очах Господа, союзничал с сыном Ахава и Иезавели Иорамом Израильским, которого пришел навестить в болезни и умер, пораженный, подобно Иораму, Ииуем (4-ая Царств 9; 2-ая Пар.2).

**** Чудом спасенный от рук Гофолии своей теткой и возведенный на трон в семилетнем возрасте ее мужем — ниспровергшим Гофолию первосвященником

Амасия), представляющих цельный трехколенный отрезок генезиса от деда к внуку, это эфирное тело Авраама, вернее, его эволюция, переживала, находясь на мертвой точке, угрожающую стагнацию, тромбоз. И дело тут не только, как полагали экзегеты церкви, в Ахаве с Иезавелью, но и в цепочечно отягощенной эфирной наследственности данных царей от совершившей чудовищное злодеяние (IX в. до н.э.) дочери Иезавели + Ахава, Гофолии, и друг от друга (до замыкающего круг третьего колена). Это проклятие “чертова колеса” в наследственности Охозии – от Ахава и Иезавели, Охозии и Иоаса – от Гофолии, Иоаса и Амасии – от Охозии. Охозия – внук Ахава и Иезавели, Амасия – внук Охозии: вот чем обусловлено узловое существо кровной дисквалификации: поток голубой крови прерывается на Иораме и возобновляется после трехколенной порчи очищенным в Озии (Азария).

Сын наследует индивидуальные черты, семя Я – от отца, а эфирное и астральное тела – от матери. Гофолия застопорила эволюцию авраамитического эфира на три поколения: в своих сыне, (упасенном от ее кровожадности) внуке и правнуке. Т.е. не столько персональная, сколько генетическо-евгеническая несостоятельность служит мерилom матфеевского отсева. Между тем, отцом вошедшего в реестр мужа Гофолии – братоубийцы Иорама (седьмой царь от Давида), является Иосафат; Маннассия был сыном, а Ахаз отцом Езекии; Амон – отцом Иосии. Т.е. речь идет о наиболее богобоязненных, о наиболее благочестивых, о наиболее взывавших Бога в пору разделенного царства царях Иуды – об Иосафате, Езекии, Иосии.

С Иоакимом, сыном Иосии, ситуация несколько иная. Он лично безбожник хоть куда. От Иеремии о нем слышим:

“Горе тому, кто строит дом свой неправдою и горницы свои беззаконием, кто заставляет ближнего своего работать даром и не отдает ему платы его...” (22,13).

“Но твои глаза и твое сердце обращены только к твоей корысти и к пролитию невинной крови, к тому, чтобы делать притеснение и насилие.

Посему так говорит Господь об Иоакиме, сыне Иосии, царе Иудейском: не будут оплакивать его: “увы, брат мой!” и: “увы, сестра!” Не будут оплакивать его: “увы, государь!” и: “увы, его величие!” Ослиным погребением будет он погребен: вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима” (22,17-19).

Согласно Иеремии, по приказу Иоакима, был убит сбежавший от него в Египет и насильственно возвращенный оттуда пророк Урия (26,20,23).

В еврейской традиции Иоаким “злейший из семи безбожных царей Иуды” (Моед Катан 306); если бы не праведность некоторых из его современников, Господь в его богомерзкое царствование уничтожил бы мир (Арахин 17а; Санхедрин 103а); ему, казненному Навуходоносором, действительно, устроили, по слову пророка, ослиные похороны без погребения; найденный впоследствии Иоакимов череп никак не удавалось зарыть, земля выбрасывала его снова и снова (Санхедрин 82а;104а).

Иодаем – Иоас делал угодное в очах Господа до тех пор, пока Иодай был жив. По смерти же последнего стал богопротивником и санкционировал побиение камнями в храме Иодаева сына – пророка Захарии (4-ая Ц.11,12; 2-ая Пар.22-24).

Однако первопричина невключения царя-грешника в Христов регистр – не индивидуальная богопротивность. Для Матфея история тронных Давидов, созидателей-формирователей авраамитического эфира, заканчивается Иосией Благочестивым, кого с полным основанием можно назвать Иудой Маккавеем эпохи Первого храма. Без деятельности великого реформатора, централизатора, очистителя и обновителя иудейского культа Иосии, ради которого Господь отсрочил катастрофу Иудеи, народ Древнего Завета не пережил бы гибель Первого и не воздвиг бы Второй храм.

“Восемь лет было Иосии, когда он воцарился и тридцать один год царствовал в Иерусалиме.

И делал он угодное в очах Господних, и ходил путями Давида, отца своего, и не уклонялся ни направо, ни налево.

В восьмой год царствования своего, будучи еще отроком, он начал прибегать к Богу Давида, отца своего; а в двенадцатый год начал очищать Иудею и Иерусалим от высот и посвященных деревьев, и от резных и литых кумиров” (2-ая Пар.34,1,2,3).

Иосия обновил завет с Господом.

“Потом стал царь на возвышенное место, и заключил пред лицом Господним завет – последовать Господу и соблюдать заповеди Его и откровения Его и уставы Его от всего сердца и от всей души, чтобы выполнить слова завета сего, написанные в книге сей, и весь народ вступил в завет” (4-ая Царств 23,3).

Иосия совершил великую Пасху в обновленном доме Господнем в 18-м году своего царствования (622 г. до н.э.).

“И не была совершаема такая пасха у Израиля от дней Самуила пророка; и из всех царей Израилевых ни один не совершал такой пасхи, какую совершил Иосия, и священники, и левиты, и все Иудеи, и Израильтяне, там находившиеся, и жители Иерусалима” (2-ая Пар.35,18).

“Подобного ему не было царя прежде его, который обратился бы к Господу всем сердцем своим, и всею душою своею, и всеми силами своими, по всему закону Моисееву; и после него не восстал подобный ему” (4-ая Царств 23,25).

Дегрантного эпилога тронной Иудеи после Иосии в наследственном потоке у Матфея нет; династический престол Давида кончается на Иосии; мессианская эволюция свойств эфирного тела Авраама завершается им*.

* В мидрашистской традиции (Exodus rabba 15 (78д) 15 поколений от Авраама до Соломона, по аналогии с 15-ю днями прибывающей от новолуния до полнолуния луны, олицетворяют звездное восхождение Израиля; а 15 колен от Ровоама до Иоакима, по аналогии с 15-ю днями луны убывающей, соответствуют катастрофическому нисхождению еврейства; с ослеплением Седекии свет луны погас. Красивый образ, не так ли? Правда, традент, предположительно, р.Берехия (ок. 340 г.), говоря о 15-ти царях от Ровоама до Иоакима, называет не 15, а 16 имен, не включая, плюс к тому, в счет предшествовавшего Иоакиму Иоахаза (царствовал три месяца), и, кроме того, вовсе игнорируя Иоакимова преемника (предшественника Седекии) Иехонию. Впрочем, если считать венценосцев Иуды от Ровоама до Иосии, то их наберется как раз 15. (См. Н.Л.Strack und P.Billerbeck “Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch”, “Das Evangelium nach Matthäus”, S.43-45; Мюнхен 1922.)

Иехония (царствовал 3 месяца и 18 дней), сын Иоакима, внук Иосии, открывает третий ряд 14-ти царственных Давидов без трона, в которых эволюционирует (до кульминации всех трех тел во Христе) астральная телесность отца Авраама. И хотя об Иехонии Иеремия (22,30) резко отрицательного мнения (“Так говорит Господь: запишите человека сего лишенным детей, человеком злополучным во дни свои, потому что никто уже из племени его не будет сидеть на престоле Давидовом и владычествовать в Иудее”), но согласно еврейской традиции, Господь внял покаянию пленника (Левит рабба 19) в Вавилоне, пересмотрел свое решение, смилостивился над ним (Пешикта раб.Кохана 163а-б) и он сделался предком Мессии* (Мидраш Танхума: Толедот 20).

37 лет прожил низложенный за 666 лет до разрушения Второго храма (597 г. до н.э.) Иоаким. “В 37-й год переселения Иехонии, царя Иудейского, в 12-й месяц, в 27-й день месяца, Евильмеродах, царь Вавилонский, в год своего воцарения, вывел Иехонию, царя Иудейского, из дома темничного...” (4-ая Царств 25,27).

Сообразно Книгам Ездры (3,2), Неемии (12,1) и Аггея (1,1), Салафииль и Зоровавель (Мф.1,12) суть родившиеся в Вавилоне сын и внук Иехонии**. Наряду с тем, Салафииль и Зоровавель есть предки Нафанова Иисуса в Евангелии от Луки (3,27), которые, вероятно, относятся к тому же меченому особой печатью вавилонскому периоду. Дело в том, что в эту кризисно роковую пору истории еврейства обе спасительные ветви-отрасли дома Давидова, великоцарская и великоиерейская, тезоименитски срослись. Соименники – Салафииль, сын Иехонии, плюс Зоровавель***, отец Авиуда (Мф.), и Салафииль, сын Нери, плюс, Зоровавель, отец Рисы (Лк.), тождественны-созвучны друг другу не физически, но духовно, соответственно выполнявшейся и выполненной ими между крушением Первого и воздвижением Второго храма подвижнической миссии.

“Когда в былые времена детям давали имена... выбор имени диктовался совсем иными мотивами, чем в наши дни. Все, что по этому поводу излагается современной филологией, – чистейший дилетантизм.

В те времена даже и вообразить было бы невозможно, что имена существ и вещей могут определяться столь внешними факторами, как в наши дни. Имя было реальностью; оно имело реальную связь с существом или вещью, которые

* Впрочем, на земной царский трон никто из Давидов больше не взошел.

** Следовательно, Салафииль, будучи отцом Зоровавеля (он же Шешбацар), возглавившего первую партию репатриантов в 538 г. при Кире, не мог родиться столь поздно ок. 560 г., после выведения Иехонии из “дома темничного”; т.е. он родился в “доме темничном”, где Иехония обретался семейно, не в слишком строгом заточении, что и понятно, т.к. Навуходоносор заключил его в оковы и увел в Вавилон, вопреки данному слову.

*** По 1-ой Кн.Пар. (3,17-19), Зоровавель – сын брата Салафиила – Федаии. В чем дело? В двойных именах? или Салафииль усыновил своего племянника Зоровавеля? или, б.м., заключил левиратский брак с вдовой своего брата Федаии?

оно обозначало; его звук выражал глубочайший характер существа. Имя было как бы звуковым эхо существа...” (Р.Штайнер “Евангелие от Матфея”, лекция 6, стр.95,96)

Прислушайтесь к соименности двух Салафиилей и двух Зоровавелей. Вслушайтесь в соименность Иисуса, Иосифа и Марии в родословии у Матфея – Иисусу, Марии и Иосифу в родословии у Луки.

Примечательно еще и то, что имена третьего астрально нисходящего ряда 14-ти в Матфеевом регистре совпадают с именами Давидов, потомков Иехонии по 1-й Кн.Пар., только до Зоровавеля*. После него у Матфея, о чем мы знаем, следует Авиуд, в то время как у *хрониста* сыновья Зоровавеля: Мешуллам и Ханания (3,19); “И еще пять: Хашува, Огел, Берехия, Хасадия и Иушав-Хесед” (3,20)**. Который из них Авиуд?

Таким образом, с конца VI в. до н.э. мессианская отрасль Зоровавелидов (Авиуд, Елиаким, Азор и т.д.) в генезисе Иисуса Соломонида скрывается из исторического виду, уходит в тень, эволюционирует тайно***.

* * *

Среди прародителей Мессии в родословии по Матфею пять женщин.

Магнификат величательно звучит в Святках Ев.от Луки, но женские имена в поступенчато восходящем к Богу списке 76/77 (11x7) Лука не приводит. Для перечня Третьего Евангелия характерен солнечный пневматический принцип восхождения от Крещендо к Отцу; в перечне Первого Евангелия этиаблирован лунно-инкарнационный принцип воплощения Солнечного Героя – обетованного Авраамита-Давида – через 41/42 (6x7) ступени нисхождения на земле.

Праматери Иисуса Вифлеемлянина – Фамарь (Мф.1,3), Рахава (1,5), Руфь (1,5) и “бывшая за Уриею” (1,6) приданы-соподчинены могучему мужскому стволу – двухтысячелетнему древу от Авраама. Показателен манифестируемый Матфеем неидеализаторский отбор жен Израилевых. В списке не классические образцы добродетельной семейственности, не Сарра или Ревекка, не Рахиль или Лия, но кровосмесительница Фамарь,

* Зоровавель (“золото” или “отрасль Вавилона”; Шешбацар – “поклонник огня”; Вавилон – “врата неба”) – чрезвычайный комиссар или наместник (областеначальник) персидского шахиншаха в Иудее с 538 по минимум 516 гг. до н.э. Аронид Иисус (Иошуа), сын Иоседеков, великий иерей, первый послерепатриальный первосвященник Иудейский.

** Последнего в этом списке, Ананию (3,24), евр. Таргум к 1-й Кн.Пар. считает предком Мессии (см.Т.Цанн “Евангелие от Матфея” 45).

В евр. Библии (и в западных текстах Священного Писания) не 4 Книги Царств, но 2 Книги Самуила и 2 Книги Царств, причем согласно евр. традиции, автор Книг Царств – Иеремия, а автор Книг Пар. – Ездра.

*** Согласно датируемой II-I вв. апокрифической Книге Еноха (93,1-10; 91,12-17), где на вселенскую историю отведено 70 (10x7) поколений, время от Исаака до Соломона, от Соломона до Вавилонского пленения, и от Вав. пленения до Мессианской эры исчисляется каждый раз по 14 (3x14) поколений.

иерихонская блудница ханаанейка Рахава, моавитянка Руфь и познанная Давидом в прелюбодеянии жена Урии – Вирсавия.

Вдовая Фамарь обманом, под видом блудницы, зачала от своего свекра Иуды и родила на свет детей греха, братьев-близнецов Фареса и Зару (Быт.38). Опередивший при рождении близнеца Зару Фарес (сродни отобравшему право первородства у Исава Иакову) – пращур Давида. Ханаанейская язычница-блудница Рахава: 1.сослужила израэлитам в деле осады и взятия Иерихона весьма полезную разведывательную службу* (Кн.Иисуса Навина 2; 3); 2.сделалась благим примером истинного прозелитизма; 3.стала матерью рожденного ею от Салмона Фаресова потомка – Вооза. (Раввинское предание считает Рахаву женой Иисуса Навина.)

Руфь – мать Овида, отца Иессея, персонально чиста и беспорочна, но уроденная моавитянка, т.е. представительница народа, стоящего под особым проклятием, в прабабках самого Давида царя, такое блюстителем сертификата крови в духе второго Моисея – Ездры, наверняка, мало импонировало. В объективе снова спасительный прозелитизм, плюс личное благочестие снохи-неофитки. Из всех Книг Древнего Завета лишь в Книге Руфи нет кровопролития; из всех первоканонических ветхозаветных Книг лишь в столь непохожих одна на другую Книгах Руфи и Есфири центральный персонаж – женщина.

И, наконец, четвертая из праматерей Иисуса, называемого Христом, жена хеттеянина Урии, Вирсавия, мать царя Соломона, вошла в брачные Давидовы чертоги, переступив через, пусть не ею инициированные, грехи блудодействия и убийства. Впрочем, она – мать Соломона после истового раскаяния-покаяния царя-грешника.

Чем мотивирована эта выразительная выборочность праматеринского родословия родословий? Наглядным разворотом греховности избранных Авраамитов? или разворотом небеспорочной женской наследственности при древе дров? или налицо дифференцированный контраст между прапрабабками Иисуса и Матерью Его Марией?

Быть может, Евангелист хочет еще сказать, что по рождестве Христовом заложенная со Вторым храмом полутысячелетняя эпоха тождества Израиля во духе Иудее во плоти исполнилась и миновала? что ездраитско-неемитский принцип самосохранительной геттоизации еврейства исчерпан и упразднен? Разве наследственность Христа не исходит от арамеянки**, ханаанейки, моавитянки и от двух, в начале и в конце династии Соломоновых, евреянок – Вирсавии и Марии? Разве сыновья Давида – неАронида – не были священнослужителями? Разве Мария не из десятиколенного дома Иосифа по отцу? Колено Иуды, дом и род Давида; колено Левия и дом-род Аарона; однако не колено и не род, но именно дом Иосифа-Израиля.

* Недаром Ален Даллес считал ее первым профессиональным разведчиком.

** Согласно апокрифической Книге Юбилеев (41,1), Фамарь была арамеянской.

Согласно раввинско-мидрашистскому преданию, часто идентифицирующему Сима, сына Ноя, с Мелхиседеком, Фамарь – из дочерей Симовых – принадлежит к священному роду (Аггад Берешит 63§3).

“Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого.

Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее.

Но когда он помыслил это, — се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого;

Родит же Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их.

А все сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит:

“Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог.”

Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою,

И не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего первенца, и н он нарек Ему имя: Иисус ” (Мф.1,18-25)

Мы помним, что дочери иерусалимлян Иоахима и Анны оказались по смерти в 10-7 гг. до н.э. их родителей — старшая, после воспитательных лет при храме, с 5/4 гг. до н.э. на попечении родных в Вифлееме Иудейском; младшая, сначала, в 7 г., у родственников в Сепфорисе, затем, с ок. 4 г. до н.э., в Назарете Галилейском.

Выше говорилось: тенденция сопричисления Марии к роду Давидову датируется временем не ранее II в., в рамках и в русле апробации догмата Непорочного зачатия как зачатия в непререкаемом порядке сверхестественно-безсеменного. Ранее, в I в., т.е. в веке Апостольском, Апостол Павел про такого рода чудеса еще ничего не знает. В Послании к Римлянам сказано о Сыне Божиим, “Который родился от семени Давидова по плоти” (1,3); в Послании к Галатам: “Но когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону” (4,4). Полувеком позже Игнатий Антиохийский говорит о таинстве Рождества Спасителя совершенно верно так: “...из семени Давидова, но от Святого Духа” (К Ефессянам 18). Однако, еще через полвека Юстин уже: 1.уподобляет Р.Х. от Девы Марии (Апология 1,22) мифологическому рождению Персея от Данаи (с которой Зевс соединился в облике золотого дождя); 2.уверяет, что родословие не только Иосифа, но и Марии восходит к Давиду (Диалог с Трифоном 43-45;100;101;120). Далее, во второй половине II в. *давидизация* марианской генеалогии имеет место в “Протоевангелии” (10); во II-III вв. у Ириния (Против ересей 3,21), у Тертуллиана (Против Маркиона 3,17,20;4,1;5,8) и т.д.

Согласно не допускающему возражений тону дальнейшей апологетики, Марианская родословная от Давида обосновывается (когда она вообще как-либо обосновывается) следующим образом. Дщери Израилевы выходили

замуж в пределах колена, к которому принадлежали: следовательно, соответствие коленно-родового происхождения Марии происхождению Иосифа — аксиома, и в доказательствах не нуждается. Но подобного положения в Др.Завете нет. Браки в пределах одного колена/племени (эндогамия), действительно, на протяжении веков прилежно заключались, не будучи вместе с тем заповедно-нормативными, т.е. браки представителей разных колен отнюдь не возбранялись и тоже обычным порядком практиковались. Например, по Кн.Судей, лишь в наказание за преступление сынов Вениаминовых (19-21) израильтяне прочих колен (сурово воздав деликвентам) клянутся “в Массифе, говоря: никто из нас не отдаст дочери своей сынам Вениамина в замужество” (21,1); т.е. прежде Вениаминиты женились на неВениаминитках.

Правда, в Кн.Чисел заповедано: “И всякая дочь, наследующая удел в колена сынов Израилевых, должна быть женою кого-нибудь из племени колена отца своего, чтобы сыны Израилевы наследовали каждый удел отцов своих. И чтобы не переходил удел из колена в другое колено; ибо каждое из колен сынов Израилевых должно быть привязано к своему уделу” (36,8,9).

Но здесь речь идет вовсе не обо всех дочерях Израилевых, а о дочерях, наследующих отцовский удел, т.е. о дочерях из владеющих коленно-племенной землей семей, где нет наследников мужского пола. Причем речь идет об эпохе до ассирийского и вавилонского пленений, когда в XV-VIII вв. до н.э. все 12 колен Израилевых, кроме особостатуированного жреческого колена Левия, были поудельно-поземельно представлены в Израиле*. При распределении Палестины между коленами только Левиты остались без удела: им, всеизраильским служителям культа, были отведены 48 городов, по 4 во владениях каждого из колен. Десять племен и среди них Ефремян полонили, о чем мы знаем, в VIII в. ассирийцы; два оставшихся колена, Иуды и Вениамина, увели в плен вавилоняне. В VI-V вв., при персах, в Палестину совместно с Иудеями и Вениаминитами вернулись отдельные экстерриториальные десятиколенники-эфраимиты. 1-ая Кн.Пар.: “В Иерусалиме жили некоторые из сынов Иудиных и из сынов Вениаминовых, и из сынов Ефремовых, и из сынов Манассиных...” (9,3). Т.о., “некоторые” Эфраимиты репатриировались никак не в обжитый (отлученными от общества Господня) метисами-самарянами когдатошний удел Ефрема, но в Иудею и, главное, в столично-консолидационный Иерусалим.

Засим благочестивый эфраимит-иерусалимлянин Иоахим, во-первых, не владел коленным уделом; во-вторых, мог не иметь никакого наследственного удела; в третьих, мог предоставить свою земельную или другую собственность, при жизни или по завещанию, в распоряжение какой-нибудь орденской (ессейско-терапевтической) общины либо, как ее сочлен, либо, как единомысленный с ессеями мирянин. Далее, являясь избранным израэлитом, он вполне мог взять в жены Аронидку Анну. Ведь сам Аарон

* Почему удельных колен все-таки и без Левия 12? Потому, что до распределения Земли Обета, т.е. в XIX-XV вв. в Египте, их было фактически 13. Дом Иосифа репрезентировали два колена — Ефрема и Манассии.

женится на Елишеве (Исход 6,23) – на дочери предка Давида и предка Мессии Аминадава из колена Иудина (1-ая Пар.2,3; 9-10; Руфь 4,19-22; Мф.1,4; Лк.3,33)*. Стало быть, и Давидиду Иосифу ничего не мешало обручиться с Иосифлянкой Марией.

В X в.до н.э. Соломонид Ровоам и Эфраимит Иеровоам раскололи Царство Израильское на Израиль и Иуду. Теперь, на пороге новой эры, Иуда и Израиль обручально соединились. “И укреплю дом Иудин и спасу дом Иосифов...” – говорит Господь чрез пророка Захарию (10,6).

* * *

Сообразно Кн.Бытие, соединение мужа и жены во браке восходит непосредственно к творческой воле Бога. Не нашлось Человеку, венцу творения Господня, подобного ему помощника...

“И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию.

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою; ибо взята от мужа.

*Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть**.*

И были оба наги, Адам и Ева, жена его, и не стыдились” (2,21-25).

Итак: 1.Таинство брака сотворено и освящено Богом до грехопадения, в раю (не случайно браки заключаются на небесах). 2.Муж и жена становятся одной плотью еще до вкушения от запретного древа, т.е. между становлением одной плотью до и после изгнания из рая есть принципиальная разница. 3.Лишь после вкушения от запретного плода Адам и Ева узнали, что они наги и устыдились (3,6,7); лишь после вкушения от т.н. яблока мандрагоры Господь сказал жене: “..умножая, умножу скорбь твою в беременности твоей: в болезни будешь рожать детей, и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою” (3,16). 4.Лишь по изгнании из рая Адам познал Еву, жену свою (в результате чего родился Каин), именно так, как люди-человеки, муж и жена, познают, зачинают и рожают с тех пор и до наших дней. Значит, каким-то иным неведомым нам образом Адам и Ева были одной плотью до Змиева искушения и изгнания из сада Едемского, иначе говоря, в догрехопадшие времена, по ту сторону добра и зла.

Союз мужа и жены уподобим, следуя библейским пророкам, Завету, который Яхве заключил с Израилем.

* Давид был женат на дочери Саула Вениаминитке Мелхолье (1Ц.18,17-21); женой Аронида Иодая была сестра царя Охозии Давидидка Иосавеф (2-ая Пар. 27,11); Гилель происходил только по материнской линии от Давида.

** Следовательно, брачный союз между мужем и женой есть древнейшая форма союза и родства между людьми.

В Книге Осии сказано: “И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благодати и милосердии.

И обручу тебя Мне в верности и ты познаешь Господа.

И будет в тот день, Я услышу, говорит Господь, услышу небо, и оно услышит землю” (2,19-21).

Пророк Малахия: “...Господь был свидетелем между тобою и женою юности твоей, против которой ты поступил вероломно, между тем как она подруга твоя и законная жена твоя” (Кн.Мал.2,14).

В Талмуде имеются изречения: “Его дом – это его жена”* (Йома 1,1). “Его жена – это он сам” (Менахот 93б). “Всему найдется замена; только жена юности твоей незаменима” (Санхедрин 22а). “У кого умирает жена, для того мир погружается во мрак” (там же). “Смерть жены подобна для мужа разрушению святилища” (там же).

Возвращаемся к Генезису, к началу начал:

“И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию, сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным пресмыкающимся по земле” (1,27,28).

Удостоверьтесь, Господне благословение человеку, мужчине и женщине, на продолжение себя в потомстве имело место быть до грехопадения. Власть мужа над женой, скорбь жены в беременности, рождение детей в болезни, полигамия (Б.4,19), войны, вражда на земле, бесчисленное множество других людских бед и пороков – все это случилось после неотвратимого вкушения человеком от древа познания, после изгнания человека из рая, по сю сторону добра и зла.

* * *

Для общества древних евреев и еврейнок характерен патриархальный уклад, примат фамилии и рода над индивидуальностью, мужа, как главы семейства (как господина), над женой. Вышестоящие общественные инстанции в бывший своего рода частно-правовым институтом брачный сакрамент, за исключением подлежащих юридическому урегулированию прецедентов (Числа 5; Руфь 4), не вмешивались. Об обручально-брачном союзе договаривались между собой родители (т.е. отцы) или опекуны жениха и невесты. Допускалось также самостоятельное сватовство; заключались браки по любви; бывало, что у отроковицы на выданье спрашивалось согласие.

“И взял Иуда жену Иру, первенцу своему; имя ей Фамарь” (Быт.38).

“И призвали Ревекку, и сказали ей: пойдешь ли с этим человеком? Она сказала: пойду” (24,58).

“И был Исав сорока лет, и взял себе в жены Иегудифу, дочь Беора Хеттеянина, и Восемафу, дочь Елона Хеттеянина” (26,34).

* “...возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли” (Ио. 2,16).

Порядок заключения брака предусматривал выкуп невесты или альтернативную службу жениха за нее в течение договоренного срока.

“И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее” (29,20).

Первое упоминание письменного брачного договора содержится в Книге Товита. Промежуточный от обручения до свадебного бракосочетания срок, продолжительность которого нигде не оговорена, также как собственно дифференциации между обручением и бракосочетанием (не только во времена патриархов, но и) нигде в Древнем Завете нет, мог составлять максимум год, минимум считанные дни или даже часы. От заочной помолвки Ревекки до ее ухода к Исааку не прошло и десяти дней (Быт.24,55); Товию ввели к Сарре по составлению обручально-брачного контракта, после ужина, в тот же день (Кн.Тов.7;8). Акт обручения связывал еврея и еврейку узами не менее крепкими, чем брак, вменяя посвященной отныне жениху невесте или обрученной мужу жене абсолютную супружескую верность. В наказание за прелюбодеяние обрученнице, как и замужней женщине, полагалась смертная казнь.

“Если молодая девица обручена мужу, и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею,

То обоих их приведите к воротам того города, и побейте их камнями” (Втор.22,23,24).

Не свадьба (ниссуин), но уже договорная помолвка (эруссин) делала обрученников одной перед Богом и людьми четой. С обручения начинался переход отроковицы из-под власти отца во власть мужа. После свадебного торжества и взятия обрученной жены в свой дом последний становился ее господином, она же его собственностью, в то время как на переходном этапе невеста-обрученница считалась уже частично вышедшей из-под власти родителя, но еще не подпавшей всевластию мужа.

Согласно Мишне (Киддушин 1,1), акт венчания может быть произведен тремя способами:

1.Посредством вручения невесте (или, в случае малолетства невесты, ее отцу) символизирующего выкуп (мохар) дара (кесеф); соответственно школе Гилеля, это перута — мелкая медная монета (школа Шемая предлагает динарий), впоследствии обручальное кольцо. Кесеф освящал обретение женихом невесты, возбравя дорогу к ней всем прочим мужам. 2.Посредством венчального документа, письменного договора (эруссин или шетах киддушин), переданного отцом жениха или самим женихом отцу невесты. В брачном контракте значилось: “Ты обвенчана мне...”; были проставлены имя мужа и согласие обрученной ему жены. 3.Посредством соития брачующихся — биа: буквально “вход к ней”; а “войти к ней” на языке Библии означает не что иное как соитие или соитие как акт бракосочетания по природному естеству. Лишь по разрушении храма, после нац.катастрофы I-II вв., в пору устроения сегрегации, в пору кодификации и регламентации всех норм и форм жизни обезгосударственного рассеянного еврейства форма “биа” была предана обструкции. В III в. Аба Арека (Рав) предписывал наказывать за нее, как за противоцеломудренный игноранс правил обручально-бракосочетательного ритуала, бичеванием. Причем если пер-

вые два способа нельзя безоговорочно экстраполировать на доталмудические времена, то третий, над которым ранее анафема не тяготела, относится именно ко временам доталмудическим.

Плюс к тому, Талмуд (пал. Кетубот 1,25; вав. Кетубот 12а) знает о принятом в Иудее (не в Галилее) обычае, дозволявшем обрученникам, т.е. жениху и невесте, одну недолгую встречу наедине до подвенечного вступления в брак. Согласно талмудистам, этот обычай возник из противодействия победителям-римлянам, которые, надо полагать, после разгрома восстания Бар Кохбы, бесчестили еврейских невест, практикуя в отношении их господское право первой брачной ночи — “Jus prima noctis” (см. также вав. Кетубот 3б; Санхедрин 32б). Вместе с тем, более ранний, нежели палестинский и вавилонский “Кетуботы”, источник конца I в. н.э. “Мегиллат Таннит” (6)* возводит данный обычай-ритуал ко дням притеснений Антиоха Эпифана и восстания Маккавеев. Оказывается, священник Маттафия имел, кроме пяти сыновей, еще и единственную дочь; а выступили отец и братья Хасмонеи против греко-македонян, совершив убийство царского гегемона, который явился накануне свадьбы дочери Маттафии, чтобы воспользоваться своим преступным правом первой брачной ночи. Сим, т.е. избавлением дев Израилевых от бесчестия, вав. “Шаббат” (23а) объясняет особое почитание еврейками праздника Ханукки. Притом сообразно талмудистам, раз введенный обычай не был (став освященным) отменен и тогда, когда преследования прекратились.

Т.о., и древняя венчальная архаика “биа”, и легенда или полублеганда об узурпации ярыми антагонистами еврейства македонянами и римлянами права на осквернение дочерей Сионских (т.е. на разрушительное инородное вмешательство в поток богоизбранной крови, в генезис народа Божия) подтверждают, во всяком случае, одно: ритуальная интимная близость суженых в период между обручением и бракосочетанием не считалась в Иудее II-III вв. ни предосудительной, ни постыдной. Мало того, она носила сакраментальный характер. Впрочем, насколько выводится из дискуссии раввинов (Кетубот 12а), были иудеи, которые придерживались этого иудейского сакраментала и в Галилее.

* * *

Из евангельского текста недвусмысленно следует: беременность Марии началась по ее обручению, но перед бракосочетанием с Иосифом, т.е. перед началом совместной семейной жизни. Для понимания некоторых элементов благовестуемого Матфеем Рождества полезно обратиться к замечательному еврейскому источнику, к второканонической Книге Товита**, где благочестивому иудею Товии, сыну праведного Товита, целительно сопутствует

* Праздничный свиток, содержащий перечень “дней радости” (по поводу различных событий), в которые не должно поститься.

** Датируемая III-II вв. до н.э. она (входит в канон “Септуагинты” и “Вульгаты”) была вплоть до кумранских находок XX в. манускриптно представлена тремя (несколько отличными друг от друга) греческими рукописями.

посланный Товитам в помощь от Бога Архангел Рафаил; где брачный договор тождествен обручению; где бракосочетание – эквивалент брачной ночи; а брачный пир празднуется уже после бракосочетательной ночи (7;8). Читайте Книгу Товита, ищучи в ней не просто современно-научную ангелологию, демонологию и сказку! Так, в главе 8, после очистительного, по наущению Ангела Рафаила, курения, обратившего врага брачного союза демона Асмодея в бег (1-3), звучит проникновенная брачная молитва.

“...И начал Товия говорить: благословен Ты, Боже отцов наших, и благословенно имя Твое святое и славное во веки! Да благословляют Тебя небеса и все творения Твои! Ты сотворил Адама и дал ему помощницу Еву, подпорою – жену его. От них произошел род человеческий. Ты сказал: нехорошо быть человеку одному, сотворим помощника, подобного ему. И ныне, Господи, я беру сию сестру мою не для удовлетворения похоти, но поистине как жену: благоволи же помиловать меня, и дай мне состариться с нею! И она сказала с ним: аминь...” (5-8).

История брака Товии и Сарры, конечно, не абсолютное зеркало евангельских Святок, и тем не менее, она немало способствует постижению тайны Непорочного зачатия. В чем же все-таки феномен последнего, как зачатия отнюдь не безсеменного, но именно безгрешного? Вероятно, и в том, что таинство становления ведомых иерофантами от мистерии евгенического оккультизма брачующихся одной плотью произошло на эдемском, иначе говоря, на недоступном грехопадшим людям уровне слияния мужского и женского начал до грехопадения, т.е. в не отягощенном низменной земной чувственностью беспамятном состоянии храмового сна. Ведь вовсе не простая, но исключительная брачная пара была ведома ессеями-храмовниками – хранителями царско-мессианского генофонда, пестователями генной инженерии за авторством самого Господа Бога.

В обусловившей безгрешность таинственной бессознательности этого упасенного от первородного греха бракосочетания (до бракосочетания) не наяву (ибо наличествующий во многих языках глагол “преспать” или “переспать” отзвучивает именно безгрешное существо эдемского соития) таится глубокий смысл загадочных слов Благовеста: “...прежде, нежели сочтались они, оказалось, что она имеет во чреве от *(плодотворно осенившего Ее)* Духа Святого.

К слову сказать, об абсурдности буквального биологического истолкования зачатия от Святого Духа свидетельствует уже хотя бы то, что Св.Дух (евр.Руах Элоим или Руах ха-Кодеш) в семитских языках (причем Перво-евангелие от Матфея писалось по-арамейски) однозначно женского рода. Неспроста в гностическом апокрифе “Ев.от Филиппа” (Сирия II-III вв.) говорится: “Некоторые утверждают, будто Мария зачала от Св.Духа. Они заблуждаются, они не ведают, что говорят! Где это видано, когда такое бывало, чтобы женщина зачала от женщины?” (17)

Помимо того, не грех снова повторить, или громозвучно спросить: зачем Евангелисту требуется приводить мощное табло двухтысячелетней наследственности от предков к потомкам (14+14+14), если с Иисусом эта наследственность через Авраамита-Давида-Соломонида Иосифа якобы никак не связана?!?!

А чем собственно был смущен Иосиф? Соответственно традиционным толковникам, наивный Обручник, видишь ли, ошеломленный внезапным для него фактом беременности обрученной ему жены, заподозрив, мол, смертный грех прелюбодеяния, т.е., грубо говоря, сочтя себя рогоносцем, и будучи одновременно праведен, вознамерился "тайно отпустить Ее". "Увидел имущую во чреве и впал в величайшее смущение, предполагая ее обольщенною." Ну и ну! Такого рода хворая апологетика, приписывая слову Евангелиста совершенно не присущий оному смысл, волей-неволей подставляет Евангелие злословию оппонентов, подставляется под анекдот.

Коли Иосиф праведен в духе Древнего Завета-Закона (иначе же, до заключения Завета Нового, которого пока еще нет, праведным быть нельзя), то праведность есть прежде всего законнопослушание, покорное следование заповедям. Следовательно, благоправедный иудей-законпослушник не может хотеть тайного отпущения уличенной в супружеской измене суженой. Моисей заповедал побивать виновных в прелюбодеянии обрученниц камнями. "И так истреби зло из среды себя." Неужто праведник Иосиф удумал втихара потворствовать умножению зла в Израиле?

Значит, дело тут не в прелюбодеянии, значит, нечто иное побудило богобоязненного Иосифа расторгнуть союз с Марией посредством разводного письма без указания причины развода (т.е. без огласки), на что закон давал израэлитам полное право (Гиттин 6,2). Значит, прелюбодеятельного деликта в деле нет. В чем же тогда дело?

Обратимся к лекции Штайнера "Троица — праздник свободных индивидуальностей" — к словам, посвященным, в частности, эволюции сошедшего в первую христианскую Троицу на Апостолов всечеловеческого Святого Духа:

"...объяснения, дающиеся в духе истинно эзотерического христианства и облакаемые в образы, говорят, что Дух, называемый Духом Святым, воистину существующий, ниспославший на землю свою силу, когда Христос Иисус, передал свой Дух Земле? Дух, проявившийся прежде при крещении Иисуса Иоанном Крестителем — этот самый Дух, но в иной форме, в виде множества святящихся огненных языков опустился на отдельные индивидуальности первых последователей христианства.

В совершенно особой форме говорится нам об этом Духе Святом в праздник Пятидесятницы. Вспомним значение слов "Дух Святой", как они разумеются в Евангелиях. Как вообще говорили о Духе в древние времена, в т.ч., предшествовавшие христианскому благовестию? О Духе в древние времена говорили во многих смыслах, но особенно в одном. Тогда имелось воззрение, подтверждаемое вновь нашим теперешним духовным познанием, что когда человек через рождение вступает в жизнь, протекающую между рождением и смертью, тогда тело, в которое воплощается его индивидуальность, определяется двояким образом. Ведь человеческой телесности надлежит исполнять в сущности двоякую задачу. Мы со всей телесностью являемся людьми вообще, но прежде всего мы являемся представителями того или иного народа, той или

иной расы или семьи. В древние времена, предшествовавшие христианскому благовестию, еще мало чувствовали то, что можно назвать “человечеством вообще”, тем чувством взаимной принадлежности людей, которое со времени христианского благовестия находит все больше и больше места в человеческих сердцах и которое говорит нам: “Ты — человек вместе со всеми людьми на Земле!” Вместо этого тогда больше чувствовали то, что делает отдельного человека членом отдельного племени или народа. Ведь даже в заслуживающей всяческого уважения религии индусов это выражено в убеждении, что истинным индусом может быть только индус по крови. Этого же принципа во многих отношениях придерживались, хотя неоднократно нарушали его, и представители древнееврейского народа до пришествия Христа. Считалось, что человек был представителем своего народа только благодаря тому, что его ввела в этот народ родительская чета, принадлежащая к этому народу по крови.

Но всегда в человечестве наличествовало и нечто иное, хотя в древние времена у всех народов каждый человек более или менее чувствовал себя членом племени, членом народа, причем чем дальше мы углубляемся в далекое прошлое, тем интенсивнее обнаруживается это стремление чувствовать себя членом народа, а не отдельной индивидуальностью. Лишь постепенно развивалась способность чувствовать себя отдельным человеком, отдельной человеческой индивидуальностью с индивидуальными человеческими качествами. Это чувствовалось как два одновременно действующих во внешнем человеке принципа — сопринадлежность к народу и индивидуализация в качестве отдельного человека.

Относящиеся к этим двум принципам силы различным образом исходили от обоих родителей. Тот принцип, благодаря которому человек больше принадлежал к своему народу, к народной общности, считался унаследованным от матери. В духе этих древних воззрений о матери говорили, что в ней вершит Дух народа. Она была исполнена Духом народа и передавала это присущее ее народу в целом, общенародное. А об отце говорили, что он носитель и наследователь принципа, который дает человеку более индивидуальные, личные качества. Так что при воплощении человека через рождение в жизнь, можно было — и в духе древнееврейского народа дохристианской эпохи — сказать, что он является личностью, индивидуальностью благодаря силам своего отца. Мать же его всем существом была исполнена Духом, который действует в ее народе и который она переносила на свое дитя. О матери говорили, что в ней живет Дух народа. И в этой связи говорили преимущественно о Духе, который из духовных царств на окольном пути через матерей испосылает человечеству свои силы, вливая их в человечество в физическом мире.

Однако, с Импульсом Христа в мир пришло новое воззрение, гласящее, что этот Дух, т.е. Дух народа, должен быть сменен другим родственным ему, но действующим гораздо более высоким образом Духом, — Духом, который соотносится со всем человечеством так, как старый Дух соотносился с отдельными народами. Будучи сообщен человечеству, этот Дух должен был исполнить его внутренней силой, которая говорит: “Я больше не чувствую себя принадлежащим лишь одной части человечества, я принадлежу всему человечеству, я часть всего человечества и все более буду становиться его частью.” Эту силу, излившую общечеловеческое содержание на все человечество, относили к Духу

Святому. Т.о., Дух, проявившийся в силе, которая действовала в матерях как Дух народа, возвысился от Духа до Духа Святого.

Тот, кто должен был принести людям силу, необходимую для того, чтобы вырабатывать все больше общечеловеческого в земном бытии, мог жить как первенец только в теле, унаследованном от силы Духа Святого.

А ее приняла в себя при Благовещении Мать Иисуса. И в смысле Евангелия от Матфея мы слышим как был смущен Иосиф (о котором нам говорится, что он был муж праведный, т.е. в смысле старого словоупотребления такой, который верил, что если у него будет ребенок, то только рожденный из Духа его народа), когда он узнал, что мать его ребенка исполнена, проникнута (ибо таково правильное значение этого слова в нашем словоупотреблении) силой некоего Духа, который является не только Духом народа, а Духом всего человечества. И он не мыслил, что мог бы иметь сообщество с женой, которая родит ему дитя, несущее в себе Духа всего человечества, а не того Духа, которого он придерживался в своем благочестии. Поэтому он хотел, как сказано в Евангелии, “тайно отпустить Ее”. И только после того как из духовных миров было сделано сообщение, давшее ему силы, он решился иметь сына от жены, проникнутой и исполненной силой Духа Святого...”*

Вот чем, а не надуманными подозрениями/уличениями в супружеской измене мотивировалось смущение ветхозаветного благочестивца Иосифа. Как убежденный национал-мессианист он был шокирован проникнутостью матери и эмбриона тем неведомым ему, тем чуждым его менталитету Духом, кто, в отличие от Духа народа – безродный космополит.

От кого же Иосиф узнал об этом? От иерофантов, которые вели богоизбранного неофита (в чьей крови от Авраама и Давида волил Бог) лишь до определенной ступени, дальше которой творческая воля Бога действовала без посредников, т.е. дальше которой оставленный посвятившими неофит был предоставлен самому себе. Что значит Дух Вселенский, волящий в Существо, зачатом Марией?

Человеческая особенность, особый статус Матери Иисуса, называемого Христом, подчеркнут уже в родословном прологе Первого Евангелия, где патриархальный порядок деторождения в связи с Ней нарушен: “Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос.” Впервые на переднем плане в апологии древа древ доминанта не отцовского, не мужского, но материнского женского начала, что и понятно, поскольку тайна Непорочного зачатия – это женская тайна, и поскольку с Марианского Благовещения начинается искупление Евы (Eva–Ave).

Как носитель мессианского генезиса, Иосиф, Давидид по крови, кому предстояло сделаться Иосифлянином по духу, и урожденная Иосифлянка Мария – носительница святилищной материнской телесности, дом Отца, не были посвящены во всю глубину рождественской мистерии. Миссия их

* R.Steiner “Das Ereignis der Christuserscheinung in der dtherischen Welt”, “Pfungsten, das Fest der freien Individualitdt”, GA 118, Dornach/Schweiz, S.168-170.

Р.Штайнер “Праздники года”: “Троица – праздник свободных индивидуальностей”, Гамбург, воскресенье Троицына дня 15 мая 1910 г. ПСС т. 118; Санкт-Петербург Издательство “Дамаск” 2002 г., стр.75-78.

обоих исчерпывалась на данном этапе, с одной стороны, земным отцовством, с другой, земным материнством, т.е. и с той, и с другой стороны рафинированной расово-национальной наследственностью, проникнутой (как оказалось) непостижимым пока для них всечеловеческим Святым Духом.

Только целительное вмешательство Ангела Господня (не Рафаила ли?) у врачевало Иосифа и убедило его в богоугодности происходящего. Притом важно следующее: сновидческий Ангел, как будто, не сказал ему ничего нового, вернее, Ангел сказал опять-таки о Духе Святом (“ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого”), но при этом обратившись к Иосифу: “сын Давидов...” Примечательно то, что этим обращением всюду в Евангелиях титулуется только Иисус; в Святках у Матфея единственный раз – Иосиф. Торжественная доверительная важность обращения-тителатуры из гарантирующих защитный иммунитет уст Ангела-врачевателя очевидна: квинт-эссенция национальной наследственности от Давида и вселенский Святой Дух ни в коей мере не противоречат, напротив, сопутствуют друг другу. Преображение!

* * *

В Ев.от Матфея итога 12 формул исполнения ветхозаветных пророчеств и 47 цитат из Древнего Завета. Открываются они обетованием Исаии: “А все сие произошло...” (1, 22). Спор по поводу этого стиха давний. Церковно-христианские апологеты издревле пытаются подтвердить им чудесное Рождество Христа в результате безсеменно-сверхестественного зачатия от Девы. Иудейские оппоненты решительно возражают: евр.слово “ха-Альма” может обозначать как Деву (“Партенос” в переводе царицы переводов “Септуагинты”), так и достигшую половой зрелости отроковицу, которая, приняв во чреве, естественно, перестает быть девой. Короче говоря, со II-III вв. христиане категорически настаивали на первом значении, иудеи не менее категорично отстаивали второе.

Помимо того, не все талмудисты признавали за произнесенным во дни царя Ахаза пророчеством мессианский характер, относя оное, точнее, исполнение оно, к Ахазову сыну, к делателю удобного в очах Господа венценосцу Езекии*. А иные, в т.ч. Гилель Старший, о чем мы знаем (см.выше), даже считали Езекию пришедшим и прошедшим Мессией. Кстати, иногда Рождество Спасителя ожидалось верившими в перевоплощение душ фари-сеями и ессеями как реинкарнация Давида или Иосафата или Езекии или Иосии.

Но разве высоченная нота предречения и имя “Еммануил” не указывают на более далекую эсхатологическую перспективу, нежели современные Исаие или ближайшие события? т.е. на Пришествие и Пришлеца позначительнее, чем, пусть выдающийся, но отнюдь не единственный тронный Давидид-богоугодник Езекия.

* Однако, насколько следует из Книг Царств (4,18,2) и Хроник (2,29, 1), воцарившийся в возрасте 25 лет Езекия родился еще до воцарения процарствовавшего 16 лет Ахаза (4-ая Ц.16,2; 2-ая Пар.28,1), т.е. Исаия не мог предсказывать “во дни Ахаза... царя Иудейского”(7,1), рождение Езекии как событие будущего.

И наконец, в самых космических, в звездных высотах Исаия, человек Божий, провидит Рождение Солнца Близнецов в знаке Девы. Мессиянизм воистину большого израильского пророка дуалистичен. Вникайте в главы 7,9,11 Книги пророка Исаии.

* * *

“Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою,

И не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус.” (Мф.1,24,25)

В своем полемическом труде “Против Апиона” Флавий пишет:

“Каковы же постановления о браке? Закон признает только естественное совокупление с женщиной, и только в том случае, если оно совершается для рождения детей” (2,24).

Однако, “естественное совокупление” единственно с целью деторождения нельзя назвать жизненной нормой еврейства в целом и нигде в Древнем Завете такая норма всем евреям и еврейкам не предписывается. Сходно и моногамия считалась у израэлитов-иудеев эпохи Второго храма идеальной, похвальной и желательной (формой супружества), но одновременно никому, кроме первосвященника, в обязательном порядке не предписывалась. Во флавиевском случае налицо пропагандистский максимализм апологета-полемиста в защиту единоверцев от клеветнических обвинений (со стороны сограждан по Ойкумене), в частности, в распутстве. Наряду с тем, приводившаяся выше Книга Товита с недвусмысленной ясностью декларирует целомудренный брачный идеал народа Яхве. Что же касается бракосочетательной специфики и ритуального целомудрия не всего еврейства в целом, то в “И.в.” у Флавия содержится весьма интересная, хоть и не во всем проницаемая, информация об одной нецелибатной ветви сектантского ессейства.

“Существует еще другая ветвь ессеев, которые в своем образе жизни, нравах и обычаях совершенно сходны с остальными, но отличаются своими воззрениями на брак. Они полагают, что те, которые не вступают в супружество, упускают важную часть человеческого назначения — потомство: да и все человечество вымерло бы в самое короткое время, если бы все так поступали*. Они же испытывают своих невест в течение трех лет и, если после трехкратного очищения убеждаются в их плодородности, они женятся на них. В период беременности их жен они воздерживаются от супружеских совокуплений, чтобы доказать, что они женились не из похотливости, а только с целью достижения потомства...” (2,8,13).

Три года дальнейшего воспитания прошедших храмовую воспитательную школу отроковиц были связаны с оккультной евгеникой нецелибатных ессеев, т.е. это был заключительный этап подготовки вступивших в пору

* Все прочие представляемые Флавием читателю ессеи (а представляет он далеко не всех) придерживались целибата (И.в.2,8; И.д.18,1,5).

половой зрелости дочерей Сионских к замужеству и материнству, время строжайшего катарсиса в процессе созидания безупречной девственной телесности.

Разве не разумно предположить минимум мирскую (если не орденскую) сопричастность великоизбранной пары, Иосифа и Марии Вифлеемлян (единомысленных с ессеями мирян), к одной необычной группе блюстителей и пестователей чистокровного генезиса — к группе брачующихся messiанистов-ессеев. Не в силу случайного стечения обстоятельств, но вершившей через высоких посвященных волей Всевышнего близилось физическое нисхождение в мир Христа, конечная манифестация в имманентной крови еврейства оплодотворенного Святым Духом Духа Яхве.

* * *

Вспомним о том, что за три года до апрельского Благовещения 2 г. до н.э., весной 5 г. до н.э., в небе, недалеко от звезды я Козерога вспыхнула и на протяжении 70 дней не исчезала Новая звезда — провозвестница рождения Великого царя.

Согласно же гностическому апокрифу “Евангелие от Варфоломея” (III в.), в 33-й день после Христова Воскресения (33 г.), за неделю до вознесенских Сороковин, Мария, Мать Иисуса, говорит Апостолам о первом явлении Ей Ангела Господня, изрекшего: “Радуйся, Благодатная — сосуд избранничества — ибо в Тебе родится исцеление миру. Через три года я ниспошлю Логос и Ты зачнешь во чреве Сына Моего, Которым спасется мир” (5, 70).

* * *

Благовест от Матфея — плод иудео-христианского (ессейско-терапевтического) посвящения. Само имя Евангелиста — Матфей (*дар Яхве*) сродственно имени одного из пяти учеников выдающегося предтечи христианства Иешуа бен Пандиры: Матаи. Чтобы узнать кем был этот Иешуа бен Пандира и чего он хотел, почерпнем сначала сведения из христологии Штайнера, а потом проведем независимое историческое расследование.

“Становление Будды — сына царя Судходаны — факт, завершающий длинную цепь эволюции. В действительности, это течение связано с тем духовным потоком, к которому принадлежали и святые Риши Индии: переход Бодисатвы в степень Будды завершил данный ряд. Но когда Бодисатва завершает свой земной цикл, достигая степени Будды, его сменяет следующий Бодисатва. Об этом говорит и индусская легенда, сообщая, что когда Бодисатва должен был воплотиться на земле, став сыном Судходаны, и подняться до уровня Будды, в духовных мирах он предварительно передал свою корону следующему Бодисатве. Следующий же Бодисатва, долженствовавший действовать на земле, был облечен определенной миссией в человеческой эволюции. Он получил задание руководить духовным движением, представленным терапевтами и ессеями. Именно через эти секты и проявлялось влияние нового Бодисатвы. И вот

в царствование царя Александра Яннай (ок.125-77 гг. до н.э.)* он направил к ессеям в качестве предводителя некую индивидуальность, которая руководила ессейскими общинами примерно за 100 лет до появления на земле Иисуса Христа. Эта личность хорошо известна и в оккультизме, и в талмудических книгах.

Т.к. человек этот жил приблизительно за 100 лет до нашей эры, он, следовательно, не есть ни Иисус Евангелия от Луки, ни Иисус Ев.от Матфея. Он известен в оккультизме как своего рода ессейский предтеча христианства, а в талмудической литературе он носит имя Иисуса, сына Пандиры (Иешу бен Пандира).

Талмудисты распространяли о нем всякие небылицы, снова подхваченные уже в наше время. В реальности это была большая и благородная личность, которую, однако, не следует смешивать с Иисусом из Назарета, как это делают некоторые талмудисты. Духовная наука видит в нем предшественника христианства и мы знаем, что те, кто тогда сочли учение ессеев кощунственным, обвинили Иешу бен Пандира в богохульстве и ереси, побили его камнями, а затем повесили на древе, добавив таким образом позор к казни. Эта оккультная достоверность, о которой рассказывается также в талмудических писаниях...”**

“Мы, стало быть, установили, что Иисус бен Пандира не имел ничего общего и не состоял ни в каком родстве с Иисусом Евангелий; он жил за столетие до нашей эры, т.е. до событий, связанных с пришествием Христа; он был побит камнями и повешен на древе. Его нельзя путать с тем, о ком рассказывают Евангелия.

Дабы узнать о факте существования Иешу, нет нужды обязательно прибегать к оккультной науке или к ясновидению; достаточно ознакомиться с иудейскими, с талмудическими источниками. Эту личность очень часто принимали за евангельского Иисуса начиная уже со II в. н.э. Но помимо того, что никакого тождества между Иисусом бен Пандира и Иисусом Евангелий устанавливать нельзя, нужно сказать, что между ними имеется историческая связь, которую ныне можно установить лишь путем духовно-научного исследования...”***

“В сектах, которые имели целью за сто лет до пришествия Христа подготовить это событие, особенно интересен был применявшийся ими способ посвящения. Оно было специально предназначено для того, чтобы научить ясновидчески понимать значение еврейства, авраамитизма в подготовке Христова пришествия. Эта подготовка была одной из мистерий терапевтов и ессеев, где посвящаемые получали такое посвящение, которое позволяло им благодаря ясновидению понимать связь поколений. Ессей прежде всего должен был постичь значение того, что произошло для еврейского народа через Авраама, понять истинную роль Авраама как родоначальника еврейства. Он должен был

* Александр Яннай прожил 49 (124-75 гг.), а царствовал 27 (102-75 гг. до н.э.) лет (И.д.13,15,5; И.в.1,4,7; см. выше).

** Р.Штайнер “Евангелие от Матфея” 12 лекций, прочитанных в Берне (Швейцария) в сентябре 1910 г. ; Лекция 4, стр. 76,77 ; изд-во “Новалис” Москва 2001.

*** Лекция 5, стр. 78; Vortrag 5, S.91.

посредством личного опыта познать, что Авраам, праотец еврейского народа, первым был наделен зародышем той способности, которая подлежала фильтрации и развитию в крови многих поколений.

Чтобы понять каким образом может осуществиться нечто значительное для всей человеческой эволюции благодаря такой личности, как Авраам, нужно учитывать одну важную истину: всегда в качестве особого орудия, инструмента для судеб человечества избирается какой-нибудь человек, и в этом человеке непосредственно являет себя духовная Божественная сущность...”*

“Существует оккультный закон, который ессеи, благодаря их познаниям и ясновидению, особенно точно соблюдали. Согласно этому закону, наследственность фактически перестает действовать лишь за пределами 42-го поколения. Только через 42 поколения предков можно очистить душу от всего ею унаследованного. Это значит, что человек что-то наследует от отца с матерью, от деда и бабушки и т.д.; но чем дальше мы восходим по ряду предков, тем меньше находим в себе пороков, обусловленных наследственностью, — и всякая наследственность исчезает, когда доходишь до 42-го поколения. Здесь влияние наследственности утрачивается.

Т.о., упражнения ессеев имели целью путем тщательной тренировки освободить душу от всех загрязнений, проникших в нее за 42 поколения. Каждый ученик должен был выполнять тяжелые упражнения, вступив на трудный мистический путь, который приводил его к порогу через 42 ступени очищения. В действительности он должен был проделать 42 определенных этапа, после чего чувствовал себя совершенно чистым и свободным от каких бы то ни было влияний чувственного мира и наследственных пороков, которые могли в нем угнездиться.

И тогда он начинал воспринимать в глубинах самого себя, в самом центре своего существа свое родство с миром духовным и мог сказать себе: “Пройдя через эти 42 последовательные ступени, я восхожу к Богу, который один только и имеет для меня значение.”

Стало быть, ессеи обладали совершенно правильным представлением о том, как подняться к Божественному Существу, Которое еще не воплотилось в материю. Благодаря собственному личному опыту они знали путь к постижению этого. Из всех людей той эпохи одни только терапевты и ессеи ведали об истинной миссии Авраама и знали о взаимосвязи этой миссии с наследственностью. Они знали, что для того, чтобы подняться к Божественному Существу, Которое вступило в наследственный ряд поколений, и чтобы вернуться к тому моменту, когда это Существо еще не связало Себя с материей, нужно пройти через 42 этапа, соответствующих 42-м поколениям. Здесь-то и можно встретить этого Бога. Им было известно еще и другое, — а именно то, что если человек должен подняться по 42-м ступеням, чтобы найти Бога, нужно также, чтобы этот Бог, ради проникновения в человека вплоть до его крови, спустился через 42 последовательные ступени, т.е. чтобы он проделал тот же самый путь в другом направлении. Если человеку нужно пройти 42 ступени, чтобы подняться к Богу, то Богу, чтобы стать человеком среди людей, нужны те же 42 ступени.

* Лекция 5, стр. 81; Vortrag 5, S.92.

Вот чему учили ессеи и в особенности Иисус бен Пандира под влиянием инспирировавшего его Бодисатвы. Соответственно, доктрина утверждавшая, что духу-инспилятору приявшего в себя божественный зародыш Авраама нужны 42 поколения, чтобы спуститься до полного человеческого воплощения, была именно есеевской доктриной. Знать этот факт значит знать источник, из которого черпал автор Евангелия от Матфея.

Иисус бен Пандира особо направлял внимание ессеев на следующее (вспомните, что он жил за 100 лет до того, как завершились 42 поколения): он указывал на то, что ессеи могут лишь частично проделать этот путь через 42 поколения; продолжать свой путь за гранями истории они могли лишь с помощью благодати. Но он уверял их, что близок день, когда этот длинный наследственный ряд станет свершившимся земным фактом, после чего человек, родившийся в конце этого ряда поколений, сможет благодаря собственной крови вознестись так высоко, что в него снизойдет Божественная сила, являющаяся весь дух еврейского народа — дух Яхве — в крови этого народа. Вот в связи с чем Иешу бен Пандира учил, что Зороастр, носитель Аура-Маздао, может воплотиться в человеческом теле только, если это тело будет подготовлено Божественными силами, запечатлевшими свое воздействие в ряде 42-х поколений.

Т.о., есеевские общины находятся у истоков этой доктрины наследственности, с которой начинается Ев.от Матфея...”*

“...эти учения — в особенности то учение, которое у евангелиста Матфея относится к происхождению крови Иисуса из Назарета, — хранились и развивались в тех общинах, которые мы можем назвать общинами терапевтов и ессеев, и одним из великих учителей этих общин был тот самый Иисус бен Пандира, который должен был подготовить эру Иисуса Христа. Во всяком случае, он должен был подготовить хотя бы небольшое число учеников к пониманию того, что по прошествии известного времени, т.е. по завершении 42-х поколений после Авраама, еврейский народ будет в достаточной степени подготовлен к тому, чтобы индивидуальность Зороастра могла воплотиться в крови от Авраама, в потомке Соломона из дома Давида...”**

“...Иисус бен Пандира, довольно хорошо известный в оккультизме, имел пять учеников, причем каждый из этих учеников избрал себе из учения учителя одну особую ветвь, развитию которой он себя и посвятил. Эти пять учеников носили следующие имена: Матаи, Накаи, третий принадлежал как раз к классу нетцеров и звался Нетцер, затем Бони и Тода.

Эти пять учеников Иешуа бен Пандиры (кто, как мы знаем, был замучен за столетие до нашей эры по осуждению в кощунстве и ереси) продолжили его высокое учение в пяти различных отраслях. Духовно-научное исследование выявляет, в частности, что после смерти Иисуса бен Пандиры отрасль, отвечающая за подготовку крови будущего Иисуса Евангелиста Матфея была продолжена учеником по имени Матаи; что же касается отрасли, относящейся к внутренней душевной конституции, отрасли, развивавшейся как старым, так и новым назорейством, то она была передана другому замечательному ученику

* Лекция 5, стр. 81; Vortrag 5, S.92.

** Лекция 6, стр. 97-99; Vortrag 6, S.113,114.

Иисуса бен Пандиры – Нетцери. И Нетцер получил совершенно особую миссию создать небольшую колонию.

В Палестине было множество таких ессейских колоний и в каждой из них культивировалась какая-либо ветвь ессейского учения. Доктрина, которая была поручена именно Нетцери, культивировалась в небольшом местечке, называемом в Библии Назаретом...”*

“Инспирированный преемником Будды Бодисатвой, кому предстоит стать в будущем Матреей Буддой, – Иешу бен Пандира предрекал следующее: “До сих пор положение было таким, что Царствие Небесное не могло спуститься в Царство Малхут, к которому принадлежит Я. Но когда исполнятся времена и завершатся 3х14 поколений, тогда родится отпрыск Авраама из рода Давида – тот, кого мы переживаем как отпрыска Иессея, тот, благодаря кому новое Царство Небесное снизойдет в ту сферу, где живет Я.”

И именно за это учение Иисус бен Пандира был обвинен в святотатстве и казнен (побит камнями). Это учение, действительно, не могло рассматриваться иначе, как страшнейшее святотатство по отношению к посвящению всеми теми, кто не хотели ни признавать, ни позволить другим утверждать, что то, что хорошо и правильно в одну эпоху, не обязательно остается столь же хорошим и правильным в эпоху иную, ибо в промежутке между этими эпохами человечество успело продвинуться вперед...”**

* * *

В Талмуде, который был завершен к 500 г. н.э. и в черпавшем из Талмуда “Толдоте Иешу”, который, складываясь на своем раннем (изустном) этапе параллельно нераннему Талмуду, письменно сложился после 500 г.***, имеет место вопиющая анахронистическая накладка. Вновь на повестке дня феномен сведения *dua k topo*: личность Иешу бен Пандира двойником сомкнулась-сплелась с Иисусом из Назарета. Кадр непровернутой пленки наложился на кадр, контуры на контуры, во II в. н.э. события 100 и 200-летней давности сошлись-смешались, а два задействованных в них “антигероя” составили собирательную персонификацию зла – *ересиарха-миним* – *анти-Израиля*. Причем если в Талмуде первично акцентирован Иешуа бен Пандира, то в “Толдоте”, точнее, в насчитанных С.Крауссом (19-23) 16 редакциях-вариациях “Толдота” (Толдотов) первично заруган Иисус из Назарета.

В общих чертах его (=их) антигеройский скомбинированно-карикатурный биографический компендиум таков. Иешу/Иешуа/Иисус – незаконнорожденный (вопреки байкам христиан о Непорочном зачатии) сын прелюбодеятельной обрученницы или жены (не царского потомка, но) плотника – парикмахерши Мириам****. Так твердолобая (иррациональная)

* Лекция 6, стр. 102; Vortrag 6, S.118-19.

** Лекция 8, стр. 135-36; Vortrag 8, S.156-57.

*** “Толдот Иешу” (История Иисуса) – средневековое иудейское Антиевангелие. Первая письменная версия появилась ок.800 г., предположительно, в Италии.

**** Парикмахерша – евр.”магдала наши”: фонетическая смычка совместила “магдалу наши” с Марией из Магдалы, а Марию из Магдалы с матерью Иисуса Марией.

догма о рождении безсеменном спровоцировала гнусный (рациональный) поклеп о рождении иллегитимном. Здесь антимотив-анахронизм, связанный с Иисусом Евангелия, инфицировал рождество Иешуа, сына Пандиры*.

Не позднее 180 г. оппонент Оригена Цельс знает, со ссылкой на иудеев, версию внебрачного рождения Иисуса от римского солдата по имени Пантера (“Против Цельса” 1,9,1). Между кем, собственно в Талмуде римляне ни к рождеству, ни к деликту, ни к казни Иешуа/Иисуса никак не причастны, что вполне логично, поскольку до 63 г. до н.э., т.е. во дни осуждения и убийства Иешуа бен Пандира, римлян в Палестине попросту не было. (Впрочем, непосредственный повод к появлению в иудео-противохристианском фольклоре римского солдата мы выявим и проясним ниже.) Засим бен Пандир/Пандира (старейшая талмудическая форма), Пантер/Пантера, Пандер/Пандера** ли еще Бен Штада – имя соблазнителя Мириам – иудея (по крайней мере, Талмуд ни разу не называет его инородцем, а в “Толдотах” прелюбодей – однозначно иудей).

Не в детстве, но сравнительно взрослым “сын блуда” побывал в Египте, куда бежал вместе с известным фарисейским учителем (Талмуд) в годы преследования фарисеев царем Александром Яннаем (здесь египетский мотив взрослого Иешуа бен Пандиры анахронистически перенесен на Иисуса Христа). В стране-на-Ниле дерзкий малый приобщился к черной магии, порвал с учителем, с Законом, с праведностью-мудростью предков; вернувшись в землю Израилеву, выдал себя за спасителя-чудотворца, ввел некоторых изра-

* Отталкиваясь от Талмуда, “Толдоты” изошряются на полную катушку и все лады. Иешу зачат матерью не только вне брака, но и аномально, в период месячных: он – “мамзер”, т.е. незаконнорожденный, и “ниддах”, т.е., (дословно) сын менструации; так изобличительно клеймит некоего безымянного ересиарха, впоследствии идентифицированного толдотчиками с Иисусом (см. Краусс “Das Leben Jesu” 168, 262) р.Акиба в трактате “Калла” (41д): “мамзер бен ниддах”. Сами по себе рассказы-матюги “Толдотов” разнятся: в одном варианте (W) благочестивый муж Иоханан Вифлеемлянин обручен с Мириам, которую соблазняет, бессовестно прокравшись к ней под видом отсутствующего мужа ночью, притом невзирая на ее протесты в связи с месячным очищением, злыдень-сосед Иосиф Пандира; Иоаханан бежит от позора в Вавилон (манускрипт Strasburg). В другом “Толдоте” (typus Huldreich) Мириам из колена Вениаминова совершает умышленное прелюбодеевание и бежит вместе с прелюбодеем Иосифом Пандирой в Египет. В манускрипте “Vindobona” Иосиф Пандира – потомственный Давидид и обрученник Мириам; злыдень Иоаханан – сосед-соблазнитель... “Толдоты” герметически использовались в еврейских общинах не столько для полемики с враждебным христианством, сколько для того, чтобы блокировать переход иудеев в христианство: посмотрите, мол, на кого молятся эти “гои”... (см. Краусс “Das Leben Jesu”).

** Имя Пандир или Пандира (происхождение неизвестно) – греческое (см. Strack, P. Bileerbeck “Ev. nach Matthäus” 38), греко-ойкуменическое и римское в форме Panthera. Среди лиц, подписавшихся под некрологом Г. Цезаря в 4 г. н.э. есть римлянин Л. Отакилий Пантера (CIL XI 1421). В “Толдотах” этим олицетворяющим кошачью похоть именем ругательно передразнивается греческое слово “партенос” – дева. Хотя общность этимологии греческого и римского имен под вопросом, а ругательная переключка с “партенос” Талмудом в имя Пандира (а не Пантера) не вкладывается.

ильтян во грех идолослужения-отпадения, в итоге подвергся разоблачению, предстал перед судом, был справедливо приговорен к смерти, побит камнями и повешен (распятие мертвого тела) на древе. Против мистерии Воскресения Талмуд, суггерирующий преимущественно антиобраз Иешуа, сына Пандиры, не полемизирует; зато “Толдоты”, нацеленные в основном против Иисуса Евангелий, Воскресение всячески, различными издевательскими версиями об исчезновении-похищении и конечном выявлении-разоблачении совсем не чудотворного трупа, высмеивают и опровергают*.

Уже в середине I в. н.э. Евангелисту Матфею известна синедриональная дезинформация Каиафы и К^о относительно мнимого похищения Иисусова тела учениками (28,11-15); во II-III вв. сходно воспроизводит т.зр. иудейского лагеря Тертуллиан (*De Spectaculis* 30). Удивительным образом за почти две тысячи лет никому до Штайнера не пришло в голову, что положенные во гроб бранные останки Распятого могла (очень естественно) поглотить при землетрясении разверзшаяся на миг земля**. Она приняла в себя вытолкнутое волнообразными сейсмическими толчками из погребальных пелен тело, как гостию. (О потрясавшейся 3-5 апреля 33 г. земле см. Мф 27,51; 28,2.). Разве гений Воскресения в воскресении смертной плоти?

Короче, даже сказанной пары слов о временах Янная, о Египте не во младенчестве, о казни через побиение камнями достаточно, чтобы усомниться в идентичности евангельского Иисуса талмудическому Иешуа. И не только сомнения такого рода, но и дуалистическая версия еще задолго до Штайнера, по-разному, и из разных побудительных импульсов, притом с автохтонной для Иешуа и Иисуса еврейской стороны, не раз высказывалась.

В XII в. кастильско-иудейский историк арабской Испании Авраам ибн Дауд (бен Давид) писал, что по иудейским источникам, учителем Иисуса Назарея был р.Иошуа бен Перахия, т.е. дело происходило в годы Янная, тогда как по данным неиудеев, Иисус родился при Ироде и был казнен при его сыне Архелае. Хрононесостыковку стоящий на иудейской позиции Авраам бен Давид исчисляет в 110 лет (Краусс 183)***. На парижском, в присутствии Людовика IX, диспуте 1240 г. местный равви Иехиель бен Иосиф говорил о казненном в канун Пасхи Иисусе, внебрачном сыне

* Согласно “Толдоту” (*typus Wagenseil*): 1. самозванец-бастард Иешуа не признает авторитет почтенных раввинов и узурпаторски проповедует в синагоге; 2. хитростью он присваивает неизречимое имя Бога; 3. собирает вокруг себя ватагу последователей-учеников; 4. убеждает сначала царицу Елену (см. ниже), а затем и народ в своем чудотворном мессиянстве, после чего 5. призванный раввинами благочестивец Иуда состязательно одолевает обманщика; 6. в конце концов Иисуса распинают, но тайно перезахороненный учениками труп исчезает; или некий садовник Иуда сбрасывает его в клоаку; или хоронит в своем саду; 7. распространяется слух о воскресении; 8. царица грозит раввинам карами; 9. мудрый р.Танхума (IV в. н.э.!) обнаруживает мертвое тело и оно позорно протаскивается, привязанное за ногу к хвосту лошади, по улицам города на виду у всего народа.

** R.Steiner “*Welten Ich und Menschen-Ich. Mikrokosmisch-Ъbersinnliche Wesenheiten. Die Natur des Christus*”, Vortrag von 9.01.1912, GA 130, S.22, 1963.

*** Приложение к “Книге традиции”: Хасмонеи 50-60а; Иродиане 60-69а; Иудейская война 69б-79.

Марии, как о еврейском ересиархе, жившем во дни Тита (!), и значит, не тождественном Иисусу Евангелий. В 1263 г. на диспуте в Барселоне Моисей Нахманид утверждал, что талмудическо-мидрашистский Иешуа жил за 200 лет до разрушения Второго храма: следовательно, речь Талмуд и Мидраш ведут не об Иисусе Евангелия. В начале и в конце XV в. известные оппоненты христианства, авторитетные каббалисты и полемисты И.Липманн (“Сефер Ниццахон” около 1405 г.) и И.Абарванел (“Майне ха-Иешуа” 67;1496 г.) ратовали, по словам Краусса (8;273), за существование двух одновременных отлучников по имени Иешуа/Иисус в иудейской истории периода Второго храма.

Согласитесь, два-свидетельств немало. И Краусс (8), приводящий также других еврейских сторонников двойственности, напрасно считает т.н. раздвоение Иисуса всего-навсего удобным для подверженных христианской дискриминации иудеев убежищем в их стремлении как-нибудь отмежеваться-дистацироваться от евангельского Распятия. За этой идущей из недр памяти родившего Иешуа и Иисуса народа двойственностью скрыт исторический факт, вернее, факты.

* * *

В Талмуде, не в пример “Толдоту”, нет фиксированной хронологии. В “Толдотах” в виде рождественских дат встречаются: 1.3671 г. (version Wagenseil); 2.3760г. (version Bischof; см. Краусс 182). Эпоха эры новоучрежденной в IV в. н.э. еврейской эры “от Сотворения мира” – 7 октября 3761 г. до н.э.; т.е. первая дата – 3671 г. (классическая дата “Толдотов”) – дает 90, вторая – 3760 г. – 1 гг. до н.э. В чем секрет? А вот в чем: вариант с 3671 г. плурует в пределах жизни Иешуа бен Пандиры; вариант с 3760 г. разумеет рождество Иисуса Христа. Кроме того, есть “Толдоты” с 3708 и с 3728 гг.* иудейской эры, оперирующие, соответственно, 33 и 53 гг. до н.э. Вдобавок к тому, в еврейском средневеком полемическом писании “Опровержение христиан” указан 3740 г. = 21 г. до н.э. (Краусс 182); в хронике “Цемах Давид” (1592 г.) р.Ганс бен Соломон называет 3761 г. = 1 г. н.э. (2); в “Книге генеалогий” (Сефер Юхасин) за авторством Авраама Цакуто (1504 г.) сказано, что Иисус родился не при, как уверяют христиане, Ироде, но в 4-й год правления Янная (16,2; см.Зепп 338), т.е., добавим от себя, ок.100 г. до н.э. Всмотритесь: предел хроноколебаний – весь I в. до н.э.

* * *

Талмуд Вавилонский (Бавли) представляет р.Иошуа бен Перахия и его ученика Иешуа (Санхедрин 1076; Сота 47а). Оба сбежали от свирепых противофарисейских репрессий Янная в Александрию Египетскую. По “установлению мира”, понимай, по смерти царя-тирана (много более доса-

* “Ein judisches Leben Jesu”, Die verschollene Toledot-Jesu-Fassung, Einleitung, Text, Ёbersetzung, Kommentar von G.Schlichting. “Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament”, 24, S.190, Тьbingen 1982.

дившего фарисеям, чем Ирод)*, р.Симон бен Шетах (согласно талмудической традиции, брат жены и преемницы Янная, профарисейски настроенной царицы Саломии) пишет письменный привет-приглашение р.Иошуа с предложением вернуться, дабы (со)возглавить совет старейшин в Иерусалиме. Р.Иошуа снимается с места и в дороге отлучает Иисуса за загадочно отображенное в иносказательном диалоге о корчме и “узкоглазой” корчмарше (словесное) святотатство. В результате, отторгнутый-прогнанный ученик становится идолопоклонником, богохульником, лжепророком; совращает часть несознательных израэлитов с пути истинного и терпит заслуженное, по заповеди (Втор.13), камнебитное наказание.

Все, казалось бы, сюжетно несложно, однако, информация Талмуда Бавли об учителе и отступнике-ученике не без корректуры позаимствована из Талмуда Иерушалми (Хагига 2,2; Санхедрин 6,9), где действующие лица не Иошуа бен Перахия и Иешуа/Иисус, но Иуда бен Табаи и его безымянный ученик, причем инцидент в корчме описан мягче, менее драматично, не настолько скандально: учитель разгневался, ученик ушел вон; ни Янная (причина эмиграции Иуды бен Табаи – попытка иерусалимцев сделать его председателем синедриона), ни 400-разовой трубной анафемы, ни призывов к отступнику покаяться.

Иошуа бен Перахия и Натаи (или Матаи) из Арбелы суть вторая пара из рекомендуемых в хронопоядке талмудистами (Авод 1,4-14; Пеа 2,6) пяти (следом за Антигоном из Сохо) пар знаменитых законоучителей. Пара № 1 – Иосе бен Иозер и Иосер бен Иоханан – обычно датируется временем после 150 г. до н.э.; т.е. пара № 2 процветала во второй половине II в.до н.э., вероятно, при законфликтовавшем с фарисеями Гиркане. Но если она и застала самое начало правления Янная, то явно не дотянула до кроваво-репрессальных 90-80-х и, тем паче, до 70-х гг. I в. до н.э., когда при Саломии синедрионально-политическое верховенство перешло от саддукеев к развязавшим террор против вчерашних гонителей и прочих инакомыслящих фарисеям. Третью пару впервые в иудейской истории далеко не безвластных (фарисейских) законоучителей составили Симон бен Шетах (наиболее презентабельный из числа харизматических мудрецов-равви антагонист Иисуса в “Толдотах”)** и Иуда бен Табаи.

Предложим скомбинированный вывод-версию. Сын в меру эллинизированных родителей-иудеев Иешуа бен Пандира ступил (сродни Савлу/Павлу I в. н.э.) на ученическую стезю в конце II в. до н.э. как ученик (школы) р.Иошуа бен Перахия; во второй половине 90-х гг. бежал вместе

* Янная враждовал с фарисеями долгие годы: распял 800 фарисеев, перерезал на глазах распятых их семьи, вынудил 8 тыс. человек бежать из страны. Ирод задействовал антифарисейские репрессии лишь в конце царствования.

** Согласно Талмуду и “Толдоту”, ересиарха Иешуа/Иисуса одолевают победно противопоставленные ему авторитетные раввины за, в общей сложности, пять, со II в. до н.э. по IV в. н.э., столетий: это Иошуа бен Перахия, Симон бен Шетах, Иоаханан бен Заккай, естественно, р.Акиба и р.Танхума. Примечательно, что среди них нет ни старших, ни непосредственных современников Иисуса Христа: Шамай, Гилеля Старшего, Симона бен Гилель, Гамалиила I.

со вторым наставником (преемником почившего р.Иошуа) р.Иудой бен Табаи, вследствие Яннаевых гонений, в Египет. Там пути обоих разошлись, между ними произошел разрыв. Приобщившийся к древнеегипетской мудрости и к таинствам мицраимских иудеев-терапевтов отторгнутый ученик возвратился на родину (не после учителя, но) еще при благоволившем (из полит. соображений) к ессеям (или ко всем нефарисеям) Яннае*; создал в Палестине, выразимся так, терапевтическую общину ессеев-иешуитов, потом, в царствование Саломии, в пору террора фарисеев, принял, обвиненный ими в смертных грехах, мученический венец. Эвентуальные инициаторы его осуждения – Симон б.Шетах и Иуда б.Табаи. Возникает вопрос: почему непременно в царствовании Саломии? Не только потому, что талмудисты понимают под осудителями-антагонистами Иешуа своих духовных отцов-фарисеев, но, главное, потому, что в “Толдотах” расправа над Иешуа свершается именно при анахронистической царице Саломии, преображенной символическим (и идеологическим) зеркалом накладочной человеческой памяти в царицу Елену.

Речь идет о хорошо известной из Флавия (И.д.20,2;4; И.в.5,2,2;4,2) и Талмуда матери адиабенского царя-прозелита Изата адиабенской царице-прозелитке Елене. Она перешла в иудаизм в 30-е гг. I в. н.э. (т.е. она современница события Голгофы), в 40-е гг. поселилась в Иерусалиме, оказала иудеям немало благоденствий и неоднократно хвалима в иудейских источниках за образцовейшее благочестие**. А нещадно воюющий отщепенца-отлучника Иисуса “Толдот” превратил ее спустя века из адиабенской царицы в иудейскую и сделал высшей властно-арбитражной инстанцией в Иисусовом деле-деликте.

Конечно, ни к процессу больше Иешу, чем Иисуса (Талмуд/Мидраш), ни к процессу больше Иисуса, чем Иешу (Толдот), Елена Адиабенская, да еще в приписанном ей амплуа царицы иудейской (или, и того похлеще, жены Константина Великого!***) никакого фактического касательства не

* Среди свитков Мертвого моря имеется “Хвала” ессеев-кумранитов “Льву Гнева” – “царю Ионафану” (Ионафан – сокр. Яннай), в котором многие кумранисты небезосновательно полагают царя Александра Янная (4Q 448).

См. “Qumran. Die Schriftrollen vom Toten Meer.” P.Davees, G.Brooke, R.Callaway 98, 99, 150, 151, Stuttgart 2002.

** Прибыв в 40-е гг. I в. н.э. в Иудею, где тогда лютовал неурожайный голод, Елена закупила хлеб в Египте, финики на Кипре, устроила благотворительные раздачи и тем спасла множество иудеев от голодной смерти (И.д.20,2,6). Иудейская легенда (Пеа 1,15б; Тоссефта Пеа 4; Бава Батра 12а) изображает это действие, как раздачу сокровищ. Йома (3,10) говорит о ценных дарах Елены храму (золотая лампада над воротами и золотая скрижаль с выгравированным на ней положением закона о каре за прелюбодеяние). Мишнаистский “Назир” (3,6), превознося религиозное рвение прозелитки, славит ее многолетний (14 лет или даже 21 год) назиреат. Она построила себе дворец в Иерусалиме; по смерти ок. 60 г. сына Изата возвратилась в Адиабену; вскоре умерла и была погребена в роскошном мавзолее, заблаговременно воздвигнутом ею в предместье иудейской столицы.

*** В варианте “Толдота” “Vindobona” действие происходит за 70 лет до разрушения храма Навуходоносором! в царствование жены! Константина Великого

имеет. Здесь сработал двойниковый синдром: воюющее обобщенного антигероя народное предание слило современницу Иисуса благочестивую царицу Елену с похожей на нее саном и благочестием современницей Иешуа царицей Саломией воедино. Причем иного смещения тут быть не может, ибо за исключением Саломии Александры, иных самовластных цариц-женщин в иудейской истории эпохи Второго храма нет. Краусс сам (183) верно заостряет внимание на взаимоаккумуляции Саломии и Елены, но вместе с тем категорически отвергает возможность двух Иешуа/Иисусов или некоего Иешу во времена исторической Саломии, сводя обоих к Иисусу из Назарета. Неужто двоица не налицо?*

* * *

Попробуем реконструировать хронологию Иешуа. Экземпляр Талмуда XII в. (манускрипт Florenz № 8,9), единственный, по словам современного немецко-протестантского теолога, юдаиста и исламоведа М.Круппа**, не подпавший ни церковной цензуре, ни иудейской самоцензуре (т.к. рано, не успев подвергнуться цензурованию, стал достоянием церкви), датирует казнь Иешуа/Иисуса “кануном субботы и кануном Пасхи” (Санхедрин 43а). Во всех прочих рукописях Талмуда, беспристрастно отмечает солидарный с Крауссом противник версии двух Иисусов Крупп (183), “канун субботы” отсутствует. Казнь состоялась после вынесения приговора и по прошествии реабилитационного срока в 40 дней, в течение которых свидетелей в пользу осужденного не нашлось***. (В кадре очередная накладка:

Елены!!! 70 лет до разрушения Второго, а не Первого храма, не Навуходоносором, но Титом кривозеркально отображают время Рождества Христова; а 70 лет до Р.Х. отзеркаливают время казни Иешуа, сына Пандиры. Поразительно до какой степени народ, принесший человечеству через Моисея импульс исторического Времени (дар Прометея), оказался дезориентированным в средние века именно во времени.

* Первые письменные сведения о “Толдоте”, как об иудейском пасквиле на житие Иисуса, приводят в IX в. Агобард Лионский и Рабан Мавр. Примечательно следующее: в сродственном раннему “Толдоту” арамейском “Житии Иисуса” (Краусс 6) действуют как современники: гегемон Пилат, Иошуа бен Перахия, кесарь Тиберий, Иешу бен Пандера. Что касается “Толдота”, то только Агобард и одна-единственная еврейско-немецкая версия упоминают Пилата – яркое свидетельство в пользу первичности “дела” и талмудических материалов “по делу” Иешуа, а не Иисуса.

** M.Krupp “Der Talmud. Eine Einföhrung in die Grundschrift des Judentums. Alle Erzählungen über Jesus in Talmud.” (177), Gutersloh 1955.

*** Ниже (Санх. 43), после рассказа о казни деликвента, приводится беседа раввинов: имея в виду 40 реабилитационных дней, “...Ула спросил: “Могло ли что-нибудь измениться в его пользу?” “Он был совратитель, о котором заповедано: “... и да не пощадит его глаз твой, не жалей его и не прикрывай его” (Втор. 13,9). Однако, с Иисусом дело обстояло иначе, поскольку он был близок к “Малхут” (пользовался покровительством “Малхут”). Это слово обычно переводится в примечаниях к современным изданиям Талмуда как “власть”, и объясняется как намек на заступничество за Иисуса Пилата. Так ли? только ли так? Ведь “Малхут”

Иисус Христос был казнен на 40-й день после воскрешения Лазаря.)

Из всех девяти лет царствования Саломии (75-66 гг.) названные хронокоординаты – канун субботы и канун Пасхи – сообразуются лишь с 70 г. до н.э., когда 14 нисана выпало (впрочем, не на пятницу, как в 33 г. н.э. а) непосредственно на субботу 20 апреля, т.е. казнь Иешуа бен Пандира произошла накануне, в пятницу 13 нисана = 19 апреля 70 г. – в канун субботы и в канун праздника Пасхи. Нужно оговорить: пасхальная констелляция 9 апреля = пятница 14 нисана = 66 г. до н.э. в точности соответствует констелляции 33 г. н.э., но до Пасхи 66 г. Саломия не дожила (см. выше); помимо того, казнь Иешуа (имевшего, следуя Талмуду и “Толдоту” заступников при царском дворе) оптимально пришлась не на самое начало и не на самый конец, но, по всей вероятности, на конгруэнтную вершине могущества фарисеев середину Саломиева царствования.

Косвенное подтверждение данной хронореконструкции дают посредством арифметического совмещения “Малая хроника” (Седек Олам сутта) и “Книга Юхасин”: в “Юхасин” (16,2) взятие под стражу “того человека” датируется 3-м годом правления сына Яннай, Аристовула; согласно “Малой хронике”, приписывающей царские годы Саломии Аристовулу, Яннай*

может означать и “светскую власть” и “царствие земное” (Малхут в эзотерике – чувственный мир, где человек пребывает во время бодрствования, когда он полностью осознает свое Я). Не понимает ли Талмуд (или доталмудический информатор Талмуда) под Малхут то же, о чем говорит Штайнер: Иешуа б.П. (а затем его ученик Матаи) учил, что по завершении 3х14 поколений Царство Небесное спустится в Царство Малхут, к которому принадлежит Я. См. “Евангелие от Матфея” лекция 8.

* Живший при Яннае и казненный, по инициативе прежде всего властных фарисеев, при Саломии Иешуа оставил в памяти вышедшего из фарисейства талмудического иудаизма более заметный, более значительный первослед, нежели Иисус, кто родился при менее глобальном (чем, в негативном смысле — Яннай, в позитивном — Саломия) для фарисеев Ироде и был казнен, в первую очередь, саддукеями при прокураторском режиме Пилатом. Никогда история фарисейства не была столь трагической, как при Яннае, и никогда упадочное в I в. н.э. фарисейство не переживало такого внешнего блеска, как при Саломии. Яннай и Саломия заслонили в фарисейско-раввинистической ретроспективе (из I-III вв.) Ирода так же, как Иешуа частично заслонил в Талмуде аккумулировавшего его со временем Иисуса.

В какой мере более или, вернее, долее враждебный к фарисеям нечестивец № 1 Яннай ретроспективно подмял нечестивца № 2 Ирода (сообразно “Мегиллат Таанит”, оба они враги мудрецов и день смерти каждого из них – непостные дни радости) и прочих коронованных Иродиан, видно из двух показательных анахронизмов. 1. В “Мегиллат Таанит” (11) зловещее намерение умирающего Ирода учинить массовую расправу над собранной на иерихонском ипподроме иудейской знатью (И.д.17,6,5) приписано Яннаю (см. ниже); 2. Талм. трактат. “Йома” (18а) сообщает, что Марфа бен Боэт заплатила царю Яннаю деньги, чтобы ее обрученник Иошуа бен Гамала стал первосвященником. Теократор Яннай сам был и царем, и первосвященником, а Иошуа, сын Гамала, первосвященствовал в 60-е гг. I в. н.э. (И.д.20,9,4,7), произведенный в архипастыри последним иродианским царем Агриппой II.

умирает в 73 г. до н.э., т.е. при такой совместительной арифметике 3-й год Аристовула придется как раз на 71/70 гг. до н.э.*

При всем том дата казни Иешуа — весна 70 г. до н.э. — знаменательна тем, что именно в те дни многочисленная армия Тиграна Армянского, чье вторжение в Иудею ожидалось и чего иудейские верхи очень опасались, осаждала у ворот Галилеи Птолемаиду. В походах эллинизированному зороастрийцу Тиграну, несомненно, сопутствовали зороастрийские жрецы-маги. Связь же Иешуа бен Пандира, кто, если верить Штайнеру, провидел предстоящее воплощение великого Заратустры в крови Авраама (от семени Иессея и Давида по линии Соломона) с зороастризмом (почти) очевидна. Не обусловила ли камнебитную расправу, в частности, внешняя угроза, притом угроза особого рода?

Не напрасно на основе Флавия и кумранских свитков делается вывод об удивительной нечуждости ессеям элементов иранского дуализма.

* * *

Драма привлечения/поймки и осуждения при помощи двух подсадных свидетелей идентифицируемого Талмудом (вав.Санхедрин 67а; Шаббат 104б) с Иешуа, сыном Пандиры, ересиарха “Бен Штада”** разыгралась в Лидде (Лод) — место рождения, погребения и почитания одного из популярнейших христианских святых — драконоборца и патрона рыцарей — мученика Диоклетиановых гонений — Георгия Победоносца.

Был ли Иешуа побит камнями с последующим позорным распятием в Лидде?*** или происходил оттуда? учил там? оставил учеников? — вопросы.

Но не впору ли задаться вопросом о реинкарнации?

* Горячо возражая христианам, считающим разрушение храма постигшей иудеев вскоре после Распятия вышней карой, “Юхасин” (16,2) утверждает, что это не так, ибо Иешуа родился не незадолго, а задолго до гибели святилища — в 3671 г. еврейской эры, т.е. собственно “Юхасин” датирует рождение Иешуа 90/89 гг., отводя ему, к тому же, 36 лет жизни.

** “Так поступили с Бен Штада в Лодде, повесив его в канун Пасхи... “Бен Штада? Разве он не Бен Пантера?” Рав Гизда учил: “Мужа звали Штада, любовника — Пантера.” “Нет, мужа звали Пап бен Иуда, а мать (казненного) — Штада.” “Нет, имя его матери, парикмахерши (магдала наши) — Мария. В Пумбедите (раввинская академия в Вавилонии) мы толкуем имя “Штада” так: неверна была эта штада (блудница) своему мужу” (Санхедрин 67а; Евамот 15д).

*** Согласно Кн.Ездры (2,33) и Неемии (7,37), Лод — часть Иудеи; в эллинистическую эпоху Лидда (недалеко от колыбели Маккавеев Модина) — удел Самарии. Со 145 г., после передачи полиса Дмитрием Селевкидом Хасмонею Ионафану, Лод снова часть Иудеи; в I/I вв. центр одной из 11 иудейских топархий. В Лидде царица Елена Адиабенская владела кушей (иер.Сукка 1,1) или особняком. В дни Иудейской войны начальником над Тамной, Лиддой и Иоппией повстанцы поставили ессея Иоанна (И.в.2,20,4). Придя “к святым” в Лидду, Апостол Петр исцелил здесь Христовым именем человека по имени Енней, “который 8 уже лет лежал в постели расслабленным” (Д.Ап.9,32-34). С конца I по III вв. Лидда — один из центров раввинской учености; здесь жили р.Елеазар бен Гиркан и р.Тарфон; тут часто бывал Акиба.

По Талмуду (Санхедрин 106а/106б), лжепророки не достигают середины отпущенных патриархам 70-ти земных лет жизни: колченогий Валаам был убит в возрасте 33/34-х лет. Опять двойниковый синдром!

Тождествен ли классический возраст Христа возрасту Иешуа бен Пандиры? Вряд ли. Согласно А.Безант (“Esoteric Christiani”), последний родился ок.105 г. до н.э. (Е.Бок. “Caesaren und Apostel” Anhang 1;350;1978); согласно Штайнеру (“Ев.от Матфея” лекции 6,8,10), был казнен ок.100 или даже 105 гг. до н.э.; хотя в лекции “Der Christus Impuls in historischen Werdegang” (GA 130, 23; 17.09.1911) Штайнер говорит о рождении этого выдающегося предшественника христианства за 100 лет до Рождества Христа; т.е. штайнеровская хроноцифирь приближительна*. Однако, если согласно опять-таки Штайнеру, Иешуа б.П. основал имманентную отрасль эссеиста при Яннае, то 105 г. до н.э. в качестве года смерти подвижника наотрез отпадает, т.к. Яннай воцарился не ранее 103/102гг. Но и 100-й г. до н.э. в качестве года казни или года рождения не подходит: во-первых, как мы выяснили, Иешуа погиб в царствование не царя, а царицы, кем может быть только Саломия**; во-вторых, на казни настояли, пусть не изначально преследовавшиеся (покровителем эссеев?) Яннаем, но, так или иначе, никогда не располагавшие при нем карательными рычагами власти фарисеи; в-третьих, неспроста иудейские авторитеты считали, что христиане омолаживают свое (рождественское) летоисчисление на 120 или более лет; к примеру, знакомый нам Авраам бен Давид (Каббала Харафад 83,2) измеряет время, отделяющее царствование Константина (306-37 гг.) от христианского Мессии не в 300, “как христиане”, а в 420 лет.

Таким образом, если принять за верное, что первым учителем (отрока) Иешу был р.Иошуа бен Перахия, то это будет означать, что ученик родился лет за 10 до 105 г. до н.э. (возможно, за 99 лет до начала иродианской перестройки храма***). Кто знает, б.м., вложенный Евангелистом Иоанном

* Теософы Е. Блаватская, А.Безант и др. тоже сводили два к одному, будучи уверены, что Иисус Евангелий на самом деле не кто иной как живший почти за век до н.э. Иешуа б.Пандира. Его очередное воплощение они чаяли в индийском мальчике Кришнамутри. Это разногласие по вопросу неповторимости события Голгофы как мистерии Христа Спасителя, т.е. по вопросу христианства и нехристианства, привело к выходу Штайнера (1904 г.) из Теософского общества и к созданию Антропософии.

** Верно датирует казнь Иешуа годами царствования Саломии, причем один раз в постприложении временем ок.70 г., правда, не приводя никаких доводов, Э.Бок. (“Caesaren und Apostel”; 162; Anhang 1;350).

*** В XX в. на базе кумранских находок предпринимались попытки свести Христа к жившему, предположительно, во II в. до н.э. кумранскому “Учителю праведности”, который не идентичен, ни, само собой, Иисусу Христу, ни, следует подчеркнуть, Иешуа, сыну Пандиры, за тождество которого с “Учителем” выступает, например, Бок (“Caesaren und Apostel” Anhang 2; Aufsdtze des Verfassers aus den Jahren 1950-57). Эссеи-кумраниты и эссеи-иешуиты, равно как эсхатология тех и других, вовсе не одно и то же.

в 46 лет храмового строительства смысл не исчерпывается сроками реконструкции Иерусалимского святилища и инкарнационным возрастом Марии на Пасху 30 г. н.э. (откуда 99 лет до Пасхи 70 г. до н.э.).

Например, Ириней Лионский (50,2;38,39) противоречиво полагал, с одной стороны, что на счету крестившегося в 30 лет Иисуса всего три пасхальных празднества, с другой, что Иисус пострадал на кресте в возрасте от 40 до 50 лет (Ио.8,57). О каком Иисусе или о каких Иешуа/Иисусах шла (шла ли?) в протоисточниках Ириней искаженно дошедшая (до него и) до нас моно-речь? Далее, по одному миланскому хронофрагменту раннего средневековья (Codex Ambrosianus lat. N.150 Inf. saec. 9 Bl. 137)*, родившийся в 9-м, крещенный в 46-м и распятый в 58 гг.! Иисус прожил 48 лет. В V в. Августин был вынужден оспаривать-отвергать неортодоксальное мнение о крестной смерти Иисуса в возрасте 46 лет (De doctrina Christiana 2,28). Соприродную оппонентам Августина уверенность высказывал Псевдо-Киприан — неизвестный автор трактата “De montibus Sina et Sions”: гематрия имени “Адам”, дающая число 46, плюс 46 лет храмового строительства не оставляют у Псевдо-Киприана сомнений в возрасте Спасителя**. Разумеется, все авторы этих спекулятивных выкладок очно разумеют Иисуса Христа, но не различим ли за Ним смутный, поросший травой забвения силуэт Иешуа, сына Пандиры?***

Не отзывается ли евангельское слово о Храме и Храме Тела сознательной памятью об Иешуа сквозь призму Иисуса? Всмотримся зорче. С одной стороны, во-первых, — 46 строительно-возрастных лет и три созидательно-телесных дня у Иоанна (2,19-21); во-вторых, — два свидетеля против “разрушающего и в три дня созидającego храм” Иисуса у Матфея (26,21). С другой стороны, во-первых, — два свидетеля против Иешуа в Талмуде; во-вторых, — 46 предположительных лет его земной жизни. Венец творения — сын Авраамов, Давидов, Соломонов — как сосуд для мудрейшей человеческой индивидуальности Заратустры — вот существо святотатственной для саддукеев, фарисеев и большинства разнородных ессеев тайной доктрины Иешуа бен Пандиры.

Итак, отнюдь не исключено, что он (предпоследний перед Иоанном Крестителем пророк) родился в 116 г. до н.э., пережил решающий жизненный перелом в возрасте 30-33-х лет**** (86-83 гг.) и был предан казни 46-ти лет отроду в предпасхальную пятницу 70 г. до н.э. (по неслучайной

* F. Diekamp “Hippolytos von Theben”, Texte und Untersuchungen 82, Mьnster 1898.

** Там же.

*** Еврейский автор Симеон Дуран (Маген Авод 11а; 1423 г.) числит за Иисусом 36 лет жизни (см. Краусс 269).

**** Согласно Штайнеру, возраст решающей перемены в жизни Бодисатвы.

См. “Das esoterische Christentum und die geistige Fьhrung der Menschheit”, 23 Vortr.dge gehalten 1911-12.

“Das Christus-Impuls in historischen Werdegang”, Votr. 17.09.1911.

“Jeschu ben Pandira — der Vorbereiter fьr ein Verstdndnis des Christus-Impulses. Karma als Lebensinhalt.”, Votr. 4.11.1911; 5.11.1911.

“Der Christus-Impuls als reales Leben.”, Votr. 18.11.1911. GA 130; 1962.

случайности за несколько месяцев до рождения во второй половине того же года Ирода), в год провинденциально симметричный разрушению Иерусалимского храма в 70 г. н.э.

* * *

Не остались в стороне от темы Пантер/Пандира и другие, oprичь Оригена, авторитеты церкви. Так, оригенист Евсевий коротко сообщает о клеветническом злобствовании иудеев (*Eclogae propheticae* 3,10): дескать, некий Пантер – настоящий отец Иисуса Христа. У антиоригениста Епифания (78,7,5), напротив, ни слова о клевете, а Пантер – неругательное прозвище деда матфеевского Иисуса – Иакова. И, наконец, дальше всех идет Андрей Критский (*Oratio in circumcissionem; in nativitatem Beatae Mariae* 3): оказывается, Пантер – имя брата Левия, сына Мелхи, в Иисусовой генеалогии по Евангелию от Луки (Иосиф-Илий-Матфат-Левии-Мелхи...); сыном же Пантера якобы был отец Марии – Иоахим. (Версию Андрея Критского разделяют его современник Иоанн Дамаскин и, со ссылкой не на Андрея, а на Кирилла Александрийского, т.е. на V в., автор IX в. Епифаний Монах.) Снова мотив Иешуа б.Пандиры, спроецированный на родословие Иисуса Христа? Или...

Обратите внимание на хронологию. По времени, брат, если не Леви, то Мелхи вполне мог быть, пусть ни в коей мере не отцом Иосифлянина Иоахима, но родителем (в сем случае Давидида-Нафанида) Иешуа. Был ли? Кто скажет? Штайнер говорит об отсутствии какого-либо родства между Иисусом и Иешуа.

* * *

По слову Талмуда, заслуженная кара постигла также 5 учеников Иешуа бен Пандиры. Их имена: Матаи, Накаи, Нетцер, Бони, Тода.

Сегодняшние ученые конструкции (сродни средневеково-теологическим) силятся найти в них новозаветных Апостолов и изумляются – почему, мол, одних 5, а других 12? мало того, почему совпадает, да и то не совсем, лишь одно имя? Действительно, имена Матаи и Матфей (*дар Яхве*) родственны. Но имя “Матаи” расшифровывается еще и как оккультный вопрос “Когда?” на который Евангелист Матфей отвечает.

Талмуд (Санхедрин 43а) аллегорически инсценирует судебный процесс-диспут: по одну сторону (баррикад) – трибунал: ортодоксы-обвинители; по другую – обвиняемые-подсудимые: ессеи-иешуиты.

“Приведенный Матаи сказал: “Дулно ли предать Матаи смерти. Не сказано ли в Писании (Псалом 41,3): Я, Матаи (=Когда?), приду и явлюсь пред лице Божие.” Они изрекли: “Да, Матаи дулно предать смерти, ибо в Писании сказано (Пс.40,6): Матаи умрет и погибнет имя его.”

Приведенный Накаи сказал: “Должно ли предать Накаи смерти? Не сказано ли в Писании (Исх.27,7): Не умерщвляй невинного (=Накаи) и правого.” Они изрекли: “Да, Накаи должно предать смерти, ибо в Писании сказано (Пс.10,8): ...в потаенных местах убивает невинного”.

Приведенный Нетцер сказал: “Должно ли предать Нетцера смерти? Не сказано ли в Писании (Исаия 11,1): И произойдет отрасль (= Нетцер) от корня его.” Они изрекли: “Да, Нетцера должно предать смерти, ибо в Писании сказано (Исаия 14,19): А ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь.”

Приведенный Бони сказал: “Должно ли предать Бони смерти? Не сказано ли в Писании (Исх.4,22): Израиль есть сын Мой (=Бони), первенец Мой.” Они изрекли: “Да, Бони должно предать смерти, ибо в Писании сказано (Исх.4,23): Я убью сына твоего, первенца твоего.”

Приведенный Тода сказал: “Должно ли предать Тоду смерти? Не сказано ли в Писании (Пс.99,1): Псалом хвалебный (=Тода = Хвала = Евхаристия).” Они изрекли: “Да, Тоду должно предать смерти, ибо в Писании сказано (Пс.49,23): Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня.”*

Этот иероглифическо-эзотерический жаргон сшибленных лбами мировоззрений, вкуче с мессианистическим шифром имен подсудимых, демонстрирует (как минимум) степень антагонизма между обновителями-иешуитами и отвергающими их обновление фарисеями, т.е. налицо антагонизм между духовными консерваторами и духовными реформаторами.

Приняв за верное слова Штайнера о том, что каждый из пяти учеников Иешуа б.П. возглавил после гибели учителя определенную терапевтическую ветвь, причем Нетцер основал колонию в Назарете Галилейском, мы можем смело предположить, что задавшийся вопросом “Когда?” Матаи (или его ближайший ученик) обосновался в Вифлееме Иудейском**.

* В одном из “Толдотов” (Краусс 57) Матаи, Наки, Бони и Нетцер – различные имена-прозвища разоблачаемого чародея Иисуса, у которого всего-итого не то 310, не то 12 учеников, трое из которых бегут после бесславного конца учителя в горы Араратские, трое – в Армению, трое – в Рим, прочие – в иные места и народы (59). Другой вариант: трое – в страну Араратскую, трое – в страну Арминия (названная по имени тевтобургского Арминия Германия), трое – в Рим и трое – в Испанию (173). Еще один вариант: трое – в Эдом (=Рим), трое – в горы Араратские, трое – в иные страны мира и трое – вокруг света (267).

** Ессеи-иешуиты занимались, подобно Апостолам, исцелением больных. Согласно Талмуду (иер.Авода Цара 27б), р. Исмаил не допустил к своему умирающему от укуса змеи племяннику врачавателя-миним из числа учеников Иакова из Шехании и возблагодарил Бога за то, что племянник умер в душевно-телесной чистоте, не осквернившись. В Талмуде Иерушалми (Авода Цара 2,2; Шаббат 14,4) и в Мидрашим “Кохелет рабба” (10,5) сказано: Лучше больному умереть, чем воспользоваться (колдовским) врачеванием еретиков. Интересно, что в Талмуде Бавли (Авода Цара 16б/17а) Иаков из Шехании (возле Сепфориса) назван учеником Иисуса Назарянина, тогда как в Талмуде Иер. он намеревается врачевать племянника р.Исмаила именем Иисуса бен Пантера (Хуллин 2,22; Авода Цара 2,2; Шаббат 14,4). В трактате “Шаббат”, где внук р.Иошуа б.Леви все-таки исцелен, “хотя лучше бы он умер”, Иаков нашептывает больному нечто целительное именем Иешуа бен Пандера. Удостоверьтесь, вновь в старейшем Талмуде Иер. фигурирует Иешуа, сын Пандиры, а в позднейшем Талмуде Вав. центр тяжести смещен на Иисуса из Назарета.

А теперь, не забывая о современном спросе на астрономию, астрологию, астрософию, астрологию, посмотрим о чем толкуют звездно-небесные показатели не 7/6 гг. до н.э., но самой, что ни на есть, предрождественской поры. (Делать троекратное Рыбное соединение Юпитера и Сатурна в 7 г. до н.э. датой Рождества Христова или Вифлеемской звездой — это очень похоже на идентификацию Иешуа бен Пандира и Иисуса Христа.) Так вот, в 3/2 гг. до н.э. имела место троекратная конъюнкция уже не Юпитера и Сатурна в знаке Рыб, но Юпитера и Венеры в созвездии Льва: 12 августа 3 г. — первое, 17 февраля 2 г. — второе соединение. Притом встречаясь с Венерой во Льве, царственный Юпитер трижды приближался к его крупнейшей звезде, к царственному Регулу (одна из четырех венценосных звезд иранских шахиншахов). Затем, в ходе третьей особенно впечатляющей встречи 17 июня 2 г. планеты *Мудрости* и *Красоты* настолько близко подошли друг к другу, что, казалось, стали на вечернем небосводе одним созвездием.

В 1980 г. американский ученый Э.Мартин предложил считать (небезызвестную астрологам и ранее, однако, под давлением историков напрочь похороненную) конъюнкцию 3/2 гг. до н.э. Вифлеемской звездой. Мартину решительно возражает апологет кеплеровской конъюнкционной триады 7 г. до н.э. Феррари д'Оччиппо*, сообразно которому, не Венера, а Сатурн — космический спутник-менеджер Иудеи; не Лев, а Рыбы — геоастральное зеркало Палестины. Кроме того, Регул-де — царская звезда Ирана, и значит, в рассматриваемый период — светило парфянских Аршакидов: ему, мол, не пристало вести халдейских звездочетов в дальний Вифлеем, когда ближний Ктесифон совсем рядом. И в конце концов — заключает оспаривающий также много меньшую, в сравнении с конъюнкцией 7 г., уникальность конъюнкции 3/2 гг. Феррари — никакие звездные проявления 3/2 гг. до н.э. на роль Вифлеемской звезды не годятся, поскольку Ирод, несомненно, умер весной 4 г. до н.э; возобновление же спора о дате его смерти, каковую снова, оппонируя Мартину, убедительно доказал и показал некто Harold W. Hoehner — напрасная трата времени.

Скажем так: сводить феномен Вифлеемской звезды к планетарной конъюнкции 3/2 гг. и вправду не обязательно. Но нельзя не возразить Феррари по существу. Интимно близкая народу *Субботы*, народу, принесшему человечеству переживание исторического времени — седьмая планета солнечной системы — охватно-кольцевой Орифиил-Сатурн, не отрицает единовременную приверженность израэлитов импульсам Анаэль-Венеры. (Денница, Утренняя или Морская звезда! Не был ли подобен беспримерный земной храм Иерусалимский — единственная обитель Отца, гребню волны мор-

* K.Ferrari d'Occhieppo "Der Stern von Bethleem", 7-9.

E.L.Martin "The Birth of Christ Recalculated" in "Foundation for Biblical Research", Pasadena, California, 2nd edition, 1980.

"Chronos, Kairos, Christos", Nativity and Chronological Studies presented to Jack Finegan, USA 1989.

ской?) Архангел Орифиил и Архангел Анаил, оба, сродни духовному предводителю народа Яхве – солярному архистратигу Михаилу или сродни ответчику за мировой генофонд – лунному Гавриилу или сродни другим Архангелам – репрезентанты воинства Небесного. Астроактуальное для евреев созвездие Рыб никоим образом не выводит Иуду из-под покровительства Льва, не противоречит избранничеству Иуды, “сильнейшего из братьев своих” (1-ая Пар.5,2) под покровительством Льва. Феррари уверяет, что закрепление за каждым из 12 колен Израилевых определенного созвездия, в частности, за коленом Иуды знака Льва – результат астроэзегетического расклада Книги Бытие (49) в Новое время. Свежо предание... Не указывает ли на сопричастность Иуды ко Льву сам патриарх Иаков (Бытие 49.8-10); не говорит ли о принадлежности Иосифа первородному Тельцу сам первопророк Моисей (Втор.33,13-17)*. У пророка Исаяи (29,1;7) Ариил – Лев Божий – символическое наименование Иерусалима. В Книге пророка Захарии Господь обещает умилосердиться над Своим народом: “И укреплю дом Иудин и спасу дом Иосифов...” (6,10) В Откровении Иоанна сказано: “И один из старцев сказал мне: не плачь, вот лев от колена Иудина, корень Давидов, победил и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее” (5,5).

Итак, взаимосвязь Иуды со Львом – как в прологе, так и в эпилоге Священного Писания; ее констатируют как Генезис, так и Апокалипсис. Неужели только в Средние века обнаружился (в т.ч.) звездный смысл слов Библии? Почему вообще, спрашивается, троекратное соединение Юпитера и Сатурна в знаке Рыб, а потом Юпитера и Венеры в знаке Льва не в состоянии поочередно, без взаимоисключающих крайностей, возвещать (тем, кто слышит) близящееся таинство Рождества Христова? Вдобавок к тому, если Регул звезда царя царей иранского, то она, наипаче, вправе озарять пришествие Царя Царей Вселенского.

Лев в астрологии – дом Солнца, регион сил сердца; сердце – солнце и глагол тела; солнце – сердце и глагол Вселенной. Юпитер – Божественная Мудрость; Венера – Вечная Женственность.

И наконец – повторяя начало, но не продолжение фразы Феррари, – царь Ирод, как мы выяснили, вовсе не помер весной 4 г. до н.э.

Учитывая все сказанное, читатель может самостоятельно поставить обручение и бракосочетание Иосифа и Марии Вифлеемлян под звезду второго и третьего соединения Юпитера и Венеры в знаке Рыб: 17.02.2 – 17.06.2 гг. до н.э. Между этими двумя конъюнкциями – **апрельское Благовещение**.

* Соответственно Штайнеру, в Египетско-Вавилонскую эпоху посвященные звездочеты видели созвездие Льва в знаке Тельца.

“ Die Suche nach der neuen Isis, der göttlichen Sophia.” Vortr. 23, 12. 1920, GA 202.

Возвращаемся на землю. О звезде Вифлеемской, о Звезде Звезд речь впереди: до поклонения волхвов по рождении Солнца Близнецов в знаке Девы время еще есть.

Подведем исторические итоги. Т.о., благовестуемый Евангелием от Матфея **Иисус Соломонид**, сын Давидов, сын Авраамов, родился **6 января 1 г. до н.э.** “во дни царя Ирода”. А точнее? В 33-м году (иерусалимского) царствования Ирода; в самом конце 42-го (от первой ауспикации 7.01.43 г.) года Августа; в правление Сирией не Сульпиция Квириная, но Квинктилия Вара*. Помимо того, интересно узнать: происходило ли это на исходе четвертьвекового понтификата Симона Боэта? или уже при сменившем Симона первосвященнике Матфии, сыне Теофила?

Вспомним о том, что весьма авторитетный в “Толдотах” антагонист Иисуса времен его рождения и 30 лет спустя носит имя Симон (бен Шетах). Более того, р.Ганс (Цемах Давид 2) синхронизирует Иисусово рождение со временем законоучительства Симона бен Гилель (плюс ошибочно Иоханана бен Заккай). Это малоизвестный сын умершего не позднее последнего десятилетия старой эры Гилеля Старшего и отец начавшего законоучительскую деятельность не ранее второго десятилетия эры новой Гамалиила Старшего (учителя Савла/Павла). Т.е. время деятельности Симона бен Гилель (как главы школы Гилеля) приходится как раз на время Р.Х. Сообразно раввинистической традиции, оба они, Симон бен Шетах и Симон бен Гилель, одновременные председатели-нази синедриона, иначе говоря, они как бы фарисейские, в пику саддукейским, контрпервосвященники**. Отсюда, помня в какой мере человеческая память тендирует к сведению одноименных или разновременных действующих лиц воедино, уместно спросить: не намекает ли имя всех названных Симонов — современника Иешуа бен Пандира и современников Иисуса Христа — на факт Р.Х. при первосвященнике Симоне? А если так, что вполне допустимо, то уточним еще одну деталь: стало быть, Симон Боэт (или Симон бен Боэт) был смещен Иродом с первосвященского поста, скорей всего, после 6 января, вероятно, в феврале 1 г. до н.э.

Итак, с Рождеством Иисуса Соломонида **времена**, отпущенные на мисерию голубой крови в еврействе (как в чаше св.Грааля) **исполнились**. Силы богоизбранной наследственности, силы экстракта евгеники от праотца Авраама и царя Давида сказали свое последнее слово. Правда, Тот, Кого издревле ждали в день воителя Марса (Самаил) — во вторник, пришел в мир в день врачевателя Меркурия (Рафаил) — в среду.

* Разве Матфей упоминает Квириная?

** В Талмуде (Шаббат 15а) сказано, что Гилель, Симон бен Гилель, Гамалиил и (современник Иудейской войны) Симон бен Гамалиил облакали синедриональный назиат в течение ста лет до разрушения храма (в реальности председателями синедриона были саддукейские первосвященники), т. е. они действовали в период 30 г. до н.э.— 70 г. н.э. Больше о Симоне бен Гилель ничего не известно и потому, с научной точки зрения, в его существовании принято сомневаться.

* * *

Нелишне освежить в памяти: до IV в. христиане праздновали Рождество 6 января. В дальнейшем этой дате сохранила верность лишь Армянская церковь. **6 апреля** – дата Благовещения в “Армянском Евангелии детства”; **7 апреля** – праздник Благовещения по календарю Армянской церкви*.

* * *

На осень 2/осень 1 г. до н.э. выпадает 63-й (в канун 9-го Юбилея) субботний год по (упраздненному в 140 г. до н.э. Маккавеями) седмичному циклу Ездры и Неемии.

* О Дева-Мать, дочь своего же Сына,
Смиренней и возвышенной всего,
Предызбранная промыслом вершина,

В Тебе явилось наше естество
Столь благородным, что его творящий
Не пренебрег твореньем стать его.

(Данте)

Глава XI

1 г. до н.э. – 1 г. н.э. = 753 – 754 гг. а.У.

Архангел Гавриил:
И с непонятной быстротою
Внизу вращается земля,
На ночь со страшной темнотою
И светлый полдень круг деля.
И море пеной волн одето,
И в камни пеной бьет прибой,
И камни с морем мчит планета
По кругу вечно за собой.

Гете “Фауст” Пролог на небесах

Продвинемся, минуя первую в земной жизни Иисуса, называемого Христом, Пасху (7.04.1 г. до н.э.), на месяцы вперед, в осень все того же богатого событиями 1 г. до н.э. Слово берет Евангелист Лука.

“Как уже многие начали составлять повествование о совершенно известных между нами событиях,

Как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, –

То рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил,

Чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен...” (1,1-4)

Лука – верный спутник Апостола Павла (написавший Евангелие, во многом, от Павла), надо полагать, грекоязычный сириец родом из Антиохии, единственный неиудей среди Апостолов и Евангелистов, начинает свое павлианское Благовествование, словно литературное произведение, классическим художественным прологом. В критиканской литературе новейшего времени сделалось признаком хорошего тона подвергать Луку, “греческого историка”, залихватскому критическому анализу с выявлением у него мифологизмов, произвольностей и противоречивостей как в освещении, так и в хронологизации исторической действительности. Между

тем ни выдумок, ни произвольностей в Третьем Благовесте нет. А во всем, что касается святочной хронологии или сопровождающих ее синхронизмов Евангелисту присуща высокая точность. Историкам не грех поучиться у Луки чувству истории.

Достопочтенный Феофил, кому адресовано вступление, издавна полюблен. Некоторые склонны видеть в нем богатого мецената, иные — неискушенного неофита, третьи — епископа одной из раннехристианских общин. Феофил-Теофил в переводе с греческого означает *друг Божий, боголюбец*, и потому часть экзегетов из числа староцерковных авторитетов усматривали в данном имени не имя собственное, но наименовательное обращение ко всем *богомилам* (Ориген “Гомилии” 1; Епифаний “Панарион” 51,7; Иероним “Anekd. Marede” 3,3). Сим, однако, никоим образом не аннулируется персональная историчность Феофила. Вот, к примеру, согласно Исидору Севильскому (Etymologiae 6,1,37), он был лично близким Луке первым христианским епископом Антиохии Сирийской, т.е. главой антиохийской общины христиан во второй половине I в. н.э. Не исключено. Хотя не исключено также, что Исидор (VII в.) путает евангельского Феофила с одноименным ему широко известным антиохийским епископом конца II в. Короче, отставим идентификаторские потуги за несущественностью.

Благая весть от Луки обращена “ко всем любящим Бога и любимым Богом людям” (Ориген). Перед нами целebник и составитель целebника — врач, причем именно врачеватель, но никак не “инженер человеческих душ”. Он ни с кем не спорит, никого не судит, он говорит от сердца к сердцу, по тщательном исследовании всего сначала и по порядку.

“Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета.

Оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно.

У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных.

Однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом,

По жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения,

А все множество народа молилось вне во время каждения...” (Лк.1,5-10)

* * *

Как известно, иудейское священство делилось на 24 чреды, восходящие, согласно Книге Пар. (1,24,1-18), к главам-избранникам аронидских семейств из потомков сыновей Аарона — Елеазара и Ифамара. В конце благословенного царствования Давида (уже воцарившего над Израилем сына своего Соломона и производившего приготовления в видах предстоящего Соломону построения дома Господня) 16 эпонимов из сынов Елеазара и 8 эпонимов из сынов Ифамара образовали 24 череды (мишмарот; коганат; стража; эфемерида; смена), предназначенные каждая в течение недели, от субботы до субботы, поочередно служить-священнодействовать

сначала при скинии, а потом, со дней Соломоновых, при воздвигнутом им Иерусалимском святилище.

Поскольку глав поколений между сынами Елеазара оказалось вдвое больше, нежели между сынами Ифамара, они были распределены до 16-й чреды включительно по жребию: одно семейство Елеазаридов, одно – Ифамаридов; 8 оставшихся страж представляли только Елеазариды.

“И записывал их Шемаия, сын Нафанаила, писец из левитов, пред лицом царя и князей, и пред священником Садоком* и пред Ахимелехом**, сыном Авиафара, и пред главами семейств священнических и левитских: брали при бросании жребия, одно семейство из рода Елеазарова, потом брали из рода Ифамарова.

И вышел первый жребий Иегоиариву, второй Иедаии, Третий Хариму, четвертый Сеориму, Пятый Малхию, шестой Миямину, Седьмой Гаккоцу, восьмой Авии, Девятый Иешую, десятый Шехании...” (1,24,6-11).

Надо заметить, что новая-новейшая исследовательская литература частенько отказывает Давиду в инициативах с богослужебными чредами: дескать, толковать об этом (искусственно возводимом ко дням Давида) святилищном институте можно (или нужно) со времен после Вавилонского пленения, откуда, сообразно раввинистической традиции (Таанит 2,1) с опорой на Кн.Ездры (2,36-40) и Неемии (7,39-42), возвратились всего 4 чреды — Иедея, Иммер, Пашхур***, Харим, которые уже из своих рядов, посредством дробления и бросания жребия, восстановили 24 доавилонских коганата. Однако, приведение в Кн.Ездры и Неемии семейств аронидских репатриантов вовсе не основание для отрицания твердых Давидовых установлений на данный счет. Неизбежное восстановление структур высшего духовенства, вследствие халдейского разгрома, никак не доказывает, что 24 чреды при Храме впервые появились в период Второго храма.

Календарно на каждую смену приходились две богослужебные недели в (обычном неэмболическом) году, т.е. за 48 недель все 24 стражи успевали, сменяя одна другую, отслужить итого по два раза. Но 48 семидневных недель составляют 336 дней, тогда как невисокосный иудейский год состоял и состоит из 50 недель и 4-х дней = 354 дня, могучи быть недостаточным (хасарин), содержащим 353 дня, или избыточным (шаламим), содержащим 355 дней. А високосный (эмболический) иудейский год включает 384 дня, тоже могучи быть кратким — 383 дня, или избыточным — 385 дней****. Значит, время богослужения 24-х чред, будучи нестабильным, из года в год

* Елеазарид

** Ифамарид

*** Эпонима Пашхур в списке Книги Пар. нет.

**** Вставка 13-го месяца производится в еврейском календаре в 3,6,8,11,14,17 и 19-й годы 19-летнего Метонова цикла. Но началом года не могут быть воскресенье, среда и пятница — 1,4 и 6-й дни завершающейся субботой недели. Если же новый год приходится на один из этих дней, то его переносят на следующий день, а иногда даже на два дня вперед. Поэтому в евр.календаре как простой, так и эмболический (13-месячный) год может быть недостаточным или избыточным.

смещалось. (Причем спроецируем ситуацию на стабильный солнечно-юлианский год длиной в 52 недели, плюс 1 или 2 дня! Разве такое месячное смещение не сродни прецессионному перемещению точки весеннего равноденствия навстречу зодиакальному движению солнца?)

В большие паломнические праздники, Пасха, Пятидесятница, Поставление кушей, все 24 чреды несли храмовую службу сообща — одна, целобрируя в порядке очереди, другие, выполняя вспомогательные ассистентские функции. Давний не законченный по сей день спор о нарушении порядка очередности, из-за, видите ли, совместного отправления культа в праздники, совершенно безоснователен, ибо чреват нарушением космического прообраза богослужения; т.е. освященный принцип ротации не нарушался, не прерывался, не попирался: праздничные недели, несомненно, числились в святилищном календаре за очередной чредой. Выше мы воочию убедились в недецимальности (семью семь) пятидесятого — замыкающего и отмыкающего в бесперебойной (за исключением волевого вмешательства извне) семиричной прогрессии субботней 49-летки — Юбилейного года. Ниже мы сможем воочию убедиться в сакральном постоянстве круговорота мишмарот. Не случайно Мишна (Сукка 5,6-8) говорит о коллективном служении чред в великие праздники, ничего не говоря о нарушении ротационного графика: напротив, очередная смена служила так, как обычно.

Есть, правда, следующая крайне несостоятельная версия: дескать, ввиду совместно-одновременного служения коганатов в весенне-недельный праздник Пасхи (Пятидесятница не в счет!) и в осенне-недельный праздник Кушей, 24 чреды завсегда служили по 25 недель в первое и по 25 недель во второе полугодие, итого, мол, 350 дней. Ой ли? а куда девать 4 (или меньше, или больше) “лишних” дня? Одним словом, фиксированная профанаторская стабильность или профанаторская фиксация сего толка/рода лунно-солярному календарю Храма свойственна не была. Стабильным арифметически-солнечным календарем-механикой протяженностью в 364 дня — ровно 52 недели — пользовались не храмовники, а кумраниты, считавшие *храмовников-тамплиеров* профанаторами божественной солярности. Но путь к Солнцу лежит через рефлекторную Луну.

Каждая чреда делилась на отделения — патрии — в количестве от 4-х до 9-ти. Если, уверяет Талмуд (Таанит 2,1), патрий насчитывалось 7, то на долю каждой выпадал один богослужебный день в неделю; если патрий было 4, то три из них служили по два дня и одна — один день; если 5, то две — по два дня и три по одному дню; если 8, то шесть служили шесть дней и две в один день; если 9, то пять священнодействовали пять дней и четыре — два дня*.

В некоторых чредах за отдельной патрией/патриями были закреплены определенные дни службы, в иных бросался междусобойный жребий: раз в семь лет; раз в год; два раза в год. Идеальный вариант: патрия, служившая

* См. Шюрер (2, 337-57) “Der tgliche Kultus”.

См. Н.Л.Страк, Р.Биллербек “Kommentar zum Neuen Testament”, В. 2.

“Das Evangelium nach Lukas” (2,57).

в понедельник, в очередной раз целебрировала во вторник и т.д. (Таанит 4,68а)*. Чреды заступали на службу в субботу после полудня и уходили со службы неделю спустя в субботу до полудня, т.е. через семь = на восьмой день**.

* * *

Соответственно закону и обычаю, священнослужитель Аронид мог взять в жены любую непорочную отроковицу-евреянку или вдову священника, не имея права жениться на вдове несвященника или на разведенной. Иначе говоря, не ограниченный кастовым выбором жены, он мог оженить, во-первых, дочь священника, во-вторых, дочь левита, в-третьих, дочь любого израэлитя легитимного происхождения (Левит 21,13-15; Иезекииль 44,22). Наиболее принятыми и распространенными в священской среде были, разумеется, браки между сынами и дочерьми Аароновыми. Подчеркивая Аронидство Елисаветы, Лука подчеркивает чисто священско-пастырскую генеалогию Крестителя.

* Низшее духовенство — левиты (привратники, певчие, служки), так же, как и высшее — священники, состояло из 24 подразделений; сходно на 24 общины делились все израэлиты и на 24 национально-религиозных округа вся земля Израилева. Прикрепленная к каждой чреде группа левитов и избранная от соответствующего прихода депутация израэлитов должны были сопровождать свою чреду при восхождении в Иерусалим. Израэлиты допускались до одноименного храмового притвора; левитам вменялась привратническая охрана в портиках и различные обязанности за пределами собственно святилища, в частности, хоровое пение посвященных каждому дню недели, от субботы до субботы, псалмов, которые они пели выстроившись на ступенях, ведущих от притвора Израэлитов к Святилищу. Прочие израэлиты прихода, не явившиеся на служебную неделю своих Аронидов с левитами в Иерусалим, собирались в эти особенные для них дни по месту постоянного проживания в синагогах. В одном Иерусалиме на I/I вв. насчитывалось, по преданию, 48 синагог.

** Об отдельных чредах известно немного. Из первой чреды Иегоиарив/Иоариб (откуда вышел Иосиф Флавий) происходили Хасмонеи. Эта “грешная” чреда была, как мы знаем, по раввинскому преданию, на службе в день разрушения Первого и в день разрушения Второго храма. Некоторые исследователи убедительно полагают, что потомки Иегоиарива заделались первыми в составе 24-х только с приходом к власти Хасмонеев. Из второй чреды Иедаия происходил великий иерей (первосвященник) Иисус, сын Иоседеков (Ездра 2,36; Неемия 7,39) — пришедший с первыми репатриантами в 537 г. из Вавилона в Иерусалим сподвижник Зоровавеля, освятитель в 516 г. Второго храма. Согласно Мишне (Сукка 56б), 15-я чреда Вилга особенно ославилась тем, что дочь Ааронова Мириам бат Вилга изменила вере отцов и вышла замуж (наверное, в годы гонений Антиоха Эпифана) за некоего военачальника на службе у греко-сирийского царя (опять Мириам!).

Живший, предположительно, в VIII в., предположительно, в Палестине р.Елеазар бен Калир (или просто Калир) бичует пороки и оплакивает в 24-х “Песнях скорби” заслуженную участь каждой чреды, называя 24 места обитания изгнанников (после катастроф 70 и 135 гг.) в Галилее. Чреда Авии в элегиях Калира греховна тем, что взмолилась некоему идолу, сказав: “се — Бог”. Нет ли тут намек на признание Иоанном Крестителем из чреды Авии мессиянства Иисуса?

Лишь самые первые из 24 священских кланов проживали в Иерусалиме. Остальные храмовники обитали первоначально в 13 (из отведенных безземельным левитам 48-ми городов) населенных пунктах, в околоиерусалимских уделах Иуды, Вениамина, Симеона, а впоследствии в основном (но не исключительно) в Иудее. В течение года, кроме двух порядково богослужебных и трех великопраздничных недель, рядовые священники занимались скромной трудовой деятельностью: земледелие, ремесла...*

Местожителство Захарии у Луки не уточнено: речь ведется обо “всей нагорной стране Иудейской” (1,65). Различные христианские традиции предлагают семь локализаций: Иерусалим, Вифлеем, Себаста, Хеврон, Махэрус, Ютта, Аин-Карим. Примем наиболее, на наш взгляд, достоверную из них. Египетский апокриф IV-V вв. “Житие Иоанна Крестителя”***, паломник Феодосий (ок. 530 г.) и “Календарь праздников Грузинской православной церкви в Палестине” (ок. 638 г.) называют Аин-Карим – поселение в 7,5 км к западу от Иерусалима, по дороге на Эммаус, Лод и Иоппию.

Невзирая на беспорочность пред Богом, супружеская чета богобоязненных Аронидов была, дожив – он – до старости, она – до лет преклонных, несчастно бездетной. Т.е. причина бездетности Захарии и Елисаветы (Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иоахима и Анны) не в их личных качествах, но в неплодии дома Израилева, в достижении грехопадшим человечеством (на сей раз) глубочайшей точки земного падения на уровне Мертвого моря много ниже уровня моря. Неспроста Иоанн развернет впоследствии свою крещенскую деятельность именно близ впадения Иордана в Мертвое море. Времена нового беспрецедентного перехода через Иордан, перехода из старой эры в новую на рубеже эр снова, как никогда прежде, актуализировались, снова стучались в ворота истории.

Плиний (7,61) пишет о способности женщин современной ему Ойкумены к деторождению максимум до 50 лет, тут же оговаривая: у большинства климакс наступает в возрасте 40 лет. Неизвестно какими статистическими данными любознательный энциклопедист пользовался, но так или иначе, мы вряд ли ошибемся, предположив, что преклоннолетней Елисавете, старшей сестре Анны, было в пору чудесного прихода в мир Иоанна (о чем с трепетом заговорят по всей нагорной стране Иудейской) за 50 лет, т.е. в объективе случай, в любом случае, исключительный: на повестке дня зримое вмешательство сил Неба. Господь смилостивился над домом Иакова и услышал молитву праведного храмовника-тамплиера Захарии.

“Однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом,

По жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения,

* Согласно иудейскому преданию (Таанит 27а), самый священский город Земли Обетованной в конце эпохи Второго храма – это (старый) Иерихон: здесь постоянно проживали 12 чред из 24-х! Так или не так, т.е. половина или не половина, но, видимо, Иерихон, действительно, был местом постоянного проживания не одной эфемериды.

** Этот апокриф впервые издал в 1927 г. в Англии иракский ученый А. Мингана. Авторство епископа Серапиона, современника александрийского патриарха Феофила (385-412 гг.), под вопросом.

*А все множество народа молилось вне во время каждения,—
Тогда явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника
кадильного.*

Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него.

*Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и
жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн;*

И будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются;

*Ибо он будет велик пред Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа
Святого исполнится еще от чрева матери своей;*

И многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их;

*И предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возратить сердца отцов
детям, и непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу
народ приготовленный...” (1,8-17)*

* * *

Святоилищные обязанности распределялись между коганами недельного богослужения опять-таки по жребию (Йома 2,1). К жертве каждения священник, который принося ее, пребывал один, торжественно покинутый сотоварищами, в святилище, он, в отличие от прочих священнодействий, допускался только один раз в жизни (Йома 2,4; 26а) и потому она считалась особенно почетной. Воскурение приготовленного по спец.рецепту (из делящихся на 368 компонентов 13-ти курильных веществ) благовонного фимиама* происходило на золотом кадильном жертвеннике (стоял между золотым семиветвенным светильником и золотым столом-трапезой для 12 зодиакальных хлебов предложения) в закрытой от внешних взоров части святилища (Йома 33б). Таким образом, куря ладан на внутреннем алтаре, Захария находился именно там, в крытом святилище, но никак не в Святом-Святых, куда его, священника 8-й чреды, но никак не первосвященника, фривольно помещают (делая из него первосвященника), да еще в Судный день, некоторые апокрифы и ученые авторитеты церкви, например, Амвросий Медиоланский, Августин, Иоанн Златоуст и др.

Как в открытую, так и в крытую часть святилища, т.е. в так называемое четвертое отделение храма, имели — пишет Флавий (Против Апиона 2,8) — доступ “лишь священники, облаченные в священнические одежды, а в Святое-Святых только первосвященник также в соответствующем облачении. Порядок благочестия был настолько строг, что для священников было положено особое время, чтобы войти в храм. Тем, кто совершал жертвоприношения, надлежало приходить утром с открытием храма и уходить в полдень перед его закрытием. Кроме того, в храм не разрешалось вносить никаких сосудов. Внутри находился только жертвенник, престол, кадильница и светильник — все, что предписано законом...”

* Благоухание кадильного фимиама в ходе его приготовления доносилось, согласно Талмуду (Тамид 3,8), за 30 км от Иерусалима аж до Иерихона и дальше. Жены и невесты-евреянки в пределах от Иерусалима до Иерихона не нуждались в косметике, т.к. благоухали от ароматов с жертвенника кадильного (Йома 39б).

О священническом облачении из Книги Исход узнаем:

“Сделай и сынам Аароновым хитоны, сделай им поясы, и головные повязки сделай им для славы и благолепия.

И облеки в них Аарона, брата твоего, и сынов его с ним, и помажь их, и наполни руки их, и посвети их, и они будут священниками Мне.

И сделай им нижнее платье льняное, для прикрытия телесной наготы от чресл до голеней.

И да будут они на Аароне и на сынах его, когда будут они входить в скинию собрания или приступать к жертвеннику для служения во святилище, чтобы им не навести на себя греха и не умереть. Это устав вечный для него и для потомков его по нем” (28,40-43).

“...И сделали для Аарона и для сыновей его хитоны из виссона, тканые, И кидар из виссона, и головные повязки из виссона, и нижнее льняное платье из крученого виссона,

И пояс из крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленной шерсти, узорчатой работы, как повелел Господь Моисею” (39,27-29).*

О внутреннем алтаре, т.е. о жертвеннике кадильном, в Кн.Исход сказано:

“И сделай жертвенник для приношения курений; из дерева ситтим сделай его.

Длина ему локоть, и ширина ему локоть; он должен быть четырехугольный; а высота ему два локтя; из него должны выходить роги его.

Обложи его чистым золотом, верх его и бока его кругом, и роги его; и сделай к нему золотой венец вокруг...” (30,1-3).

“...На нем Аарон будет курить благовонным курением; каждое утро, когда он prepares лампы, будет курить им.

*И когда Аарон зажигает лампы** вечером, он будет курить им.*

Это всегдашнее курение в роды ваши.

Не приносите на нем никакого иного курения, ни всесожжения, ни приношения хлебного; и возлияния не возливайте на него...” (30,7-9).

Утреннее жертвоприношение совершалось на рассвете; пополуденное, или вечернее — около 2-3-х часов дня. Утром бескровная жертва ладаном

* Вступление в святилищный притвор обуславливалось строжайшим соблюдением норм ритуальной чистоты. Священники ступали в святилище с непокрытой головой и разутыми. Им вменялись (само собой, отсутствие физических недостатков) абсолютная трезвость и предварительное купальное омовение. “И сказал Господь Аарону, говоря /Вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с тобою, когда входите в скинию собрания” (Левит 10,8,9); “Никто не вправе вступать во двор святилища, предварительно не очистившись” (Йома 3,3). Плюс к тому, чистые священники должны были непосредственно перед служением омыть в Медном море руки и ноги. Напомним, гигантский умывальник (на медных волах-тельцах) стоял под открытым небом между крытым святилищем и (внешним) алтарем всесожжения (Исх.30,17-21).

** Лампады меноры, три из которых, согласно Флавию (И.д.3,8,3), горели утром, а семь — с пополуденного вечера и всю ночь. Согласно Мишне (Тамид 3,9; 6,1), одна — утром, семь — с вечера.

предшествовала кровавой жертве всесожжения постоянного, которое включало: сожжение на большом внешнем жертвеннике (25 м ширина; 7,5 м высота) частей ритуально заколотого и ритуально расчлененного однолетнего агнца без порока (перед закланием его поили ключевой водой из золотой чаши); сожжение хлебов приношения и возлияние на дымящийся алтарь виноградного сока — все во приятное благоухание Господу. Причем каждение на внутреннем алтаре имело место после кропления внешнего алтаря жертвенной кровью, но до всесожжения (Йома 3,5). По субботам жертвенная мера удваивалась. Вечерняя жертва производилась в обратном порядке: сначала всесожжение, затем каждение и, наконец, возлияние при жертве всесожжения. Т.е. неизменная в обычные дни, в субботы и праздники мирная жертва каждения (Христос в небесах) обрамляла каждодневную, субботнюю и праздничную жертву всесожжения. Один выбранный по жребию священник кадил вечером (с полудни первого дня службы очередной смены в субботу), другой — утром*.

И хотя Лука молчит о том, на когда именно пришлось каждение Захарии, кое-какие обстоятельства указывают на жертву вечернюю. Первое из них (про второе см. ниже) — Книга Даниила, единственное из ветхозаветных писаний, где вслух, притом дважды (как и в Евангелии от Луки), притом в очень многозначительном пророческом контексте, произносится (не всуе) имя Архангела Гавриила. В явленном Даниилу в дни Вавилонского пленения, “в третий год царствования Валтасара царя”, видении звучат, в том числе загадочные вопросы и ответы.

“И услышал я одного святого говорящего, и сказал этот святой кому-то вопрошавшему: “на сколько времени простирается это видение о ежедневной жертве и об опустошительном нечестии, когда святыня и воинство будут попираемы?”

И сказал мне: на две тысячи триста вечеров и утр; и тогда святилище очиститься.

И было: когда я Даниил, увидел это видение и искал значения его, вот стал предо мною как облик мужа.

И услышал я от середины Улая голос человеческий, который воззвал и сказал: “Гавриил! объясни ему это видение!” (8,13-16).

Любопытно, что объяснив “сыну человеческому видение, относящееся к концу времени”, Гавриил велит Даниилу скрыть тайну 2300 вечеров и утр:

“Видение же о вечере и утре, о котором сказано, истинно, но ты сокрой это видение, ибо оно относится к отдаленным временам” (8,26).

В примечаниях к канону Священного Писания читаем: “2300 вечеров и утр, т.е. 1150 дней, если это выражение относится к двум ежедневным жертвам, которые во время гонения (при Антиохе Эпифане) больше не

* Специально оборудованное место для убоя (расчленения и омовения внутренностей) жертвенных животных (агнцев, овнов, тельцов, козлов) располагалось на северной стороне жертвенника (Левит 1).

О жертвах сверх постоянной — общественных и частных, о больших жертвах в праздники см. Левит 1-7; 23; Числа 28,29; Флавий “И.д.”3,9,1-4.

совершались”. Жертвоприношения, действительно, совершались вечером и утром, но 1150 дней, которые дают три юлианских года и ок. двух месяцев, к гонению Антиоха Эпифана неприложимы, в то время как считая 2300 вечеров и утр как 2300 дней мы получим промежуток времени от освящения Иерусалимского храма в сентябре 8 г. (причем исчисляя не с царскоосвященного 1-го тишири, но с царского и общественного освящения в праздник Кущей) до вифлеемского рождества Иисуса Соломонида в январе 1 г. до н.э. Вот к чему, наверное, относится одна из загадок недораскрытого Гавриилом, ввиду отдаленности времен, видения.

В следующей 9-й главе Книги, на сей раз “в первый год Дария, сына Ассурова, из рода Мидийского”, говорится: “Когда же я продолжал молитву, муж Гавриил, которого я видел прежде в видении, быстро прилетев, коснулся меня во время вечерней жертвы...” (21) Далее следует знаменитое пророчество о решающих временах из весьма репрезентативных в истории Израиля (чего мы касались выше и чего еще коснемся ниже) 70-ти седмин (10 юбилеев): о 7 седминах, 62 седминах и об одной седмиине... (8,24-27)*. В третий раз в Библии, уже в Новом Завете, в Благовесте от Луки Гавриил –

* Если принять, что действие Кн.Есфирь происходит в правление Артаксеркса I Лонгимана (а не, как повелось думать, Ксеркса), то Есфирь была взята “к царю Артаксерксу, в царский дом его, в десятом месяце, то-есть в месяце Тебефе, в седьмый год его царствования” (2,16), т.е. в декабре/январе 458/57 гг., т.е. совсем незадолго до репатриции “Ездры, священника и книжника, в сопровождении многих священников и народа, в седьмый год царя Артаксеркса, в Иерусалим” (Езд.7,7). Далее, пур, т.е. жребий, в связи с планом Амана истребить всех иудеев Персидской империи, “бросали пред его лицом в первый месяц, который есть месяц Нисан, в 12-й год царя Артаксеркса” (Есф. 3,7), т.е. весной 452 г. до н.э. “И пал жребий на двенадцатый месяц то-есть на месяц Адар”, т.е. на февраль 451 г., когда иудеи восторжествовали над врагами своими и справили первый Пурим (9). За 483 года (69 седмиин) до 33 г. н.э.

Что касается 62-х седмиин, по истечении которых “предан будет смерти Христос”, то отправной точкой этих 434-х профетических лет вполне м.б. не отраженная источниками репатриация иудеев в 402 г. до н.э. В 7-й главе 11-й книги “И.д.” Флавий повествует об убийстве первосвященника Иисуса родным братом-конкурентом в храме, в связи с чем персидский сатрап Багой, во-первых, ворвался в храм, во-вторых, заставил иудеев платить подать в размере 50 драхм за каждого ягненка. Элефантинские папирусы подтверждают начальствование над Иудеей около 407 г. некоего Багоя, т.е. к концу V в. ситуация для иудеев изменилась к худшему: сразу или вскоре после Неемии над ними был поставлен не иудей, а перс. Видимо, это произошло в годы Дария II Нота (423-404 гг.), тогда как при Артаксерксе II Мнемоне (404-359 гг.) прежнее положение вещей было восстановлено, вследствие чего Иудея, Иерусалим и Храм отпраздновали заключительный – третий, начиная с 538/37 гг., репатриальный ренессанс.

Последней же седминой-седминами со знаменательной серединой-половиной (Дан.9,27) могут быть и субботняя седмица 29/30-36/37 гг., и роковая семилетка Иудейской войны 66-73 гг. Однако, эсхатопрофетическая хронология Даниила явно не исчерпывается означенными сроками-временами.

Согласно “Септуагинте”, православной Библии и Флавию, персидский царь Книги Есфирь – Артаксеркс (а не Ксеркс). В евр. Библии стоит имя Ахашверош, на чем (почему-то) базируется безосновательная догадка о Ксерксе (486-64 гг.).

вестник Божий, является Арониду Захарии и берет слово спустя 62 года после вступления в Святое-Святых храма Помпея и за 70 лет до разрушения святилища Титом*.

Впрочем, имя свое Архангел называет позже, ибо объятый смущением и страхом Захария (воскурив фимиам, священник падал ниц и молился о благе дома Израилева), не в силах узнать того, кто явился ему по правую сторону жертвенника кадильного, т.е. между курильным алтарем и менорой.

Не Захария, но высшие Иерархии приравнивают несчастье и молитву бездетного пастыря к несчастью и молитве погибающих овец народа Божия. Мессианистическая апология обетования очевидна: иудеи верили, что Илие надлежит прийти прежде, дабы представить Господу народ приготовленный, дабы распознать и помазать обетованного Израилю Богом устами бывших от века пророков Своих Спасителя Давида. Реинкарнация взятого живым на небо Илии пророка составляла неотъемлемый элемент сотериологических чаяний и устремлений еврейства. Однако, не о том помыслил в момент высшего откровения-видения, как оказалось, все-таки маловер Захария. Он усумнился и задал рассудочный рациональный вопрос, воззвал к доказательному знамению.

“И сказал Захария Ангелу: по чему я узнаю это? ибо я стар и жена моя в летах преклонных.

Ангел сказал ему в ответ: я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие;

И вот ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время.

Между тем народ ожидал Захарию и дивился, что он медлит в храме.

Он же вышед не мог говорить к ним; и они поняли, что он видел видение в храме; и он объяснялся с ними знаками и оставался нем.

А когда окончились дни службы его, возвратился в дом свой.

После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев, и говорила:

Так сотворил мне Господь во дни сии, чтобы снять с меня поношение между людьми...” (1,18-25)

Предстоящий пред Богом Гавриил открывается священнику-маловеру во всем Архангельском величии, что незамедлительно указывает адресату Евангелия от Луки, другу Божию, на ветхозаветную аналогию — на уникальный визионерский феномен из Кн.Даниила (и на таинственную близость Третьего Благовеста Книге Даниила). Лунноликий Гавриил снова простирает свою покровительственную длань над народом Яхве: старческая несворачиваемость крови регенерирует. Первый акт прозрения онемевшего Захарии (молчание — золото) свершается чрез наказание за неверие. Знамение наказательно и поучительно. Мистерия возвращения родительских сердец детям и непокоривым образа мыслей праведников вступила в действие, в силу. Если штрафная мера безотлагательно сбылась, то сбудется и обетование.

* Не исключено, что Захария был ровесником помпеянского завоевания Иерусалима.

После каждения в святилище священник выходил к молившемуся вовне народу и вместе с сотоварищами-священнослужителями (ждавшими его снаружи) произносил со ступеней храма аронидское благословение, громко называя при этом запретное к произнесению всеу имя Бога.

“И сказал Господь Моисею, говоря:

Скажи Аарону и сынам его: так благословляйте сынов Израилевых, говоря им:

Да благословит тебя Господь и сохранит тебя!

Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя!

Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!

Так пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я благословлю их”
(Числа 6,22-27).

ЧП в храме вызвало задержку воскурителя фимиама, что изумило народ. Немота облаченного в ослепительно белый хитон, вынужденного объясняться вместо положенного благословения знаками босого старца-визионера усугубила значительность и необычность произошедшего.

Скрытая от взоров жертва избранника Аронида на кадильном алтаре в святилищном полумраке была самым тайнодейственным, самым благоговейным актом в ритуале храмового богослужения. Видения и откровения во время оной случались и прежде (см.И.д.13,10,3).

* * *

В переводе на наше время иудейская суббота наступала в пятницу в 6 часов вечера, но в ходе “вечной” ротации при храме каждая последующая черда сменяла предыдущую не вечером, а, как сказано, в полдень, отчего уходящая смена приносила утреннюю субботнюю жертву, а заступающая – вечернюю. Засим богослужебная неделя мишмарот начиналась вечерней субботней жертвой и заканчивалась утренней субботней жертвой, в восьмой день.

Займемся хронологией. Ставим вопрос ребром: когда священник Захария в составе Авиевой чреды служил и кадил в храме? Этим вопросом уже задавались-занимались Скалигер, Кеплер, Мюнтер, Иделер, Визелер, Ставарс и др. ученые и теологи XVI-XIX вв*. В начале XX в. Шюрер (2,327) подвел безутешный итог: “Попытки христианских ученых хронологизировать ради выяснения даты Р.Х. богослужебную неделю Авиевой чреды (Лк. 1,5) лишены всякого исторического основания.” Да ну! Зачем так мрачно?

Возьмем два примечательно гармонизирующих один с другим опорных хронопункта: 1.для “Армянского Евангелия детства” (3,8) дата зачатия Иоанна Крестителя – **9 октября**, причем непосредственно после праздника Кущей 2-9 октября = 15-22 тишири; 2.литургический поминальный день убитого, согласно восточно-христианской традиции и апокрифам (Протоевангелие

* Скалигер относит Р.Х. на 3, Мюнтер, вослед Кеплеру, на 6, Ставарс на 5, Визелер на 4 гг. до н.э.

К.Wieseler “Chronologische Synopse der Vier Evangelien”, Hamburg 1843, S.140-45.

Fr.Stawars “Die ordnung Abia in Beziehung auf die Bestimmung des wahren Geburtsdatum Jesu”, “Theologische Quartalschrift”, S.201-25, 28 Jahrgang, 1866 Tьbingen.

23,1-3), вскоре по рождении Иоанна Захарии в календаре православной церкви и в греко-славянской апокрифической литературе — 5 сентября.

С другой стороны, и на католическом Западе, и на православном Востоке — дата воплощения Иоанна — 23/24 сентября (т.е. за девять месяцев до летне-солнцеворотного праздника Рождества Предтечи); дата мученичества Захарии в римском мартирологе — 5 ноября. Наряду с сим, знаменитый хорезмийский ученый энциклопедист X-XI вв. аль-Бируни приводит в своих трудах по хронологии распространенную у ориентальных христиан дату инкарнации Купалы — 10 октября (будто бы 1-е тишри); сирийцам знакома также дата 23 элула (сентябрь).

Итак, наши предпосылочные точки опоры — 2-9 октября и 5 сентября. Как они взаимодействуют? к каким годам относятся? Оказывается, в 1 г. до н.э. интервал 2-9 октября в самом деле выпадает на неделю от субботы до субботы, причем в переводе на иудейский календарь это в 1 г. до н.э. в самом деле 15-22 тишри — популярнейший у иудеев праздник Кушей: праздник Господень, или просто Праздник. Следовательно, если Авиева чреда священнодействовала в 1 г. до н.э. с субботы 2 по субботу 9 октября, то в следующий раз она, спустя 24 сменных недели, находилась на службе 19-26 марта 1 г. н.э., а затем, спустя еще 24 недели, служила с субботы 3 по субботу 10 сентября. Т.е. отец младенца Иоанна (который родится 24.06.1 г. н.э.) Захария будет убит в святилищном притворе храма (где он мог пребывать только на службе и по службе), “между жертвенником и храмом” (см. ниже), в очередную богослужебную седмицу эфемериды Авия, а именно — 5 сентября 1 г. н.э.

Как видим, все удивительным образом согласуется. Дальше — больше. 5 сентября 1 г. н.э. — понедельник. Т.о., если число патрий Авиевой чреды соответствовало недельной службе и если они отправляли культ последовательно, одна за другой (примем идеальный вариант), то, стало быть, в седмицу 19-26 марта 1 г. н.э. Захариева патрия celebрировала в пролептическое воскресенье 20 марта, а в седмицу 2-9 октября 1 г. до н.э. — в субботу 2 октября. Стоп! Но коли богослужебных дней каждой патриии было итого, считая обе обрамляющие субботы, не семь, но фактически восемь, то идеальная чреда, в которой на каждую патрию приходится по одному дню, должна была бы состоять из восьми, а не из семи патрий. Между тем, согласно Мишне, их было семь, тогда как при восьми партиях шесть служили шесть дней и две — один день. Верить или не верить? Поверим. Отсюда вывод: при семи мишнаистских патриях, служивших семь дней, отделение, приносившее вечернюю жертву в субботу заступления на службу, приносило неделю спустя утреннюю жертву в субботу ухода со службы, т.е. патрия Захарии служила в 1 г. до н.э. и в субботу 2, и в субботу 9 октября, соответственно, вечером и утром. Вот когда, т.е. в торжественный субботний день 2 октября, в праздничный день 15 тишри, в первый день праздника Кушей*,

* Первый день Кушей славился особенно радостной атмосферой: пением гимнов, музыкой, танцами и яркой иллюминацией: море света в храмовом притворе Женщин (Сукка 5,1-4), где евреи и еврейки справляли празднество совместно.

Первый и восьмой день Кушей — дни священного собрания (см. Лев. 23,35,42).

Захария во время вечерней жертвы каждения удостоился видения Ангела Гавриила по правую сторону жертвенника кадильного. Спрашивается: почему именно в субботу 2, а не в субботу 9, т.е. почему 15, а не 22 тишири, почему в первый, а не в заключительный, в великий, в восьмой день отдания праздника? Теоретически, конечно, возможно и 9 октября, но, во-первых, слова Евангелиста "...когда окончились дни службы его" (1,23) предполагают "дни службы" после видения в храме; во-вторых, речь, по всей вероятности, идет о вечерней жертве; в-третьих, на дворе пока *пролог*, а не *эпilog*. Это через 32 года, осенью 32 г. н.э., на заключительном в земной жизни Иисуса празднике Кущей расклад праздничных дней в святилище будет иным: **"В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко мне и пей..."** (Ио.7,37).

* * *

Но отпадает ли осенне-равноденственная "задевятимесячная" традиция Иоаннова воплощения минимум как день видения Захарии, наотрез? Да, отпадает, ибо всю неделю до Судного дня каждодневную жертву, в т.ч. жертву кадильную, приносил утром и вечером в обязательном порядке лично первосвященник (Йома 1,2). 10 тишири он входил с кадильницей за завесу в Святое-Святых. Т.е., во-первых, по 27 сентября (=10 тишири 1 г. до н.э.)* включительно Захария, не будучи первосвященником, кадить не мог; во-вторых, богослужebные недели 25 сентября-2 октября или 18-25 сентября 1 г. до н.э. Авиевой чреде не подходят, т.к. ротационный отсчет с них не приводит в мартирологическую седмицу 3-5-10 сентября 1 г. н.э., игнорировать которую нет оснований. Важно оговорить и усвоить: несмотря на точное судьбоносное совпадение Авиевой седмицы в 1 г. до н.э. с праздником Кущей, последний (элемент хронологии *saşa*) остается за евангельским кадром: открытым текстом Лука говорит лишь об очередной, а не о великопразднично-внеочередной культовой неделе священника Захарии из чреды Авии: "Однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом..."

* * *

Хроноротируя этот сменный порядок — круговорот мишмарот — от 1/1 г. до н.э. и н.э. в прошлое, мы обнаружим, что в эпохальном 164 г. до н.э., в году очищения Иудой Маккавеем профанированного язычниками храма, седмица Авии выпадает на 5-12 декабря. Эврика!? Не была ли Авиева чреда чредой Обновления? Однако, праздник Обновления, точнее, первый праздничный день Обновления попадает в 164 г. не на 5-12, а на 14 декабря. В чем дело? Логично предположить: к богослужению в очищенном храме приступила та чреда, в служebную неделю которой отправление культа было в 167 г. до н.э. осквернительно прекращено-прервано.

* Неверно *отправляя* Захарию под видом первосвященника в Святое-Святых, Иоанн Златоуст верно указывает Судный день 27 сентября, т.е. понимает 1 г. до н.э.

“В 15-й день Хаслева 145 года, устроили на жертвеннике мерзость запустения, и в городах иудейских вокруг построили жертвенники, и перед дверями домов, и на улицах совершали курения, и книги закона, какие находили, разрывали и сжигали огнем; у кого находили книгу завета, и кто держался закона, того по повелению царя, предавали смерти. С таким насилием поступали они с Израильянами, приходившими каждый месяц в города. И в 25-й день месяца, принося жертвы на жертвеннике, который был над алтарем, они, по данному повелению, убивали жен, обрезавших детей своих, а младенцев вешали за шею их, дома их расхищали и совершивших над ними обрезание убивали...”
(1 Макк.1,54-61).

Убедитесь, мерзость запустения на жертвеннике (курения?) и курения на улицах были устроены уже 15 кислева, за 10 дней до алтарных жертвоприношений 25 кислева. На третий год, в 164 г., решив с народом обновить храм, победоносный Иуда Маккави *“...избрал священников беспорочных, ревнителей закона. Они очистили святилище и оскверненные камни вынесли в нечистое место. Потом они рассуждали об оскверненном жертвеннике всесожжения, как поступить с ним. И пришла им добрая мысль разрушить его, чтобы он когда-нибудь не послужил им в поношение, так как язычники осквернили его; и разрушили они жертвенник. И камни сложили на горе храма в приличном месте, пока придет пророк и даст ответ о них. Взяли камни целые, по закону, и построили новый жертвенник по прежнему. Потом устроили святыни и внутренние части храма и освятили притворы. Устроили новую освященную утварь и внесли в храм свещник и алтарь всесожжений и фимиамов и трапезу. И воскурили на алтаре фимиам и зажгли светильники на свещнике, и осветили храм. И положили на трапезу хлеба, и развесили завесы, и окончили все дела, которые предприняли.*

В 25-й день девятого месяца — это месяц Хаслев — 148-го года, встали весьма рано и принесли жертву по закону на новоустроенном жертвеннике всесожжений. В то время, в тот самый день, в который язычники осквернили жертвенник, обновлен он с песнями, с цитрами, гусями и кимвалами. И весь народ падал на лицо свое, и молились, и воссылали благодарение на небо Благопоспешившему им. Так совершали обновление жертвенника восемь дней с весельем, принося всесожжения и вознося жертву спасения и хвалы...”
(1 Макк. 4, 42-56).

Значит, воскурение на алтаре фимиама, зажжение светильников свещника (лампад меноры) и освещение храма — все это имело место во время с 15 по 25 кислева, а именно (в стартовавшую с 6 часов вечера 4 декабря) предтечную седмицу 5-12 декабря, т.е. начиная с 15 кислева*, со дня

* Б.м., не случайно или по описке, 1-я Макк. (русский синодальный текст), завершая праздничную сводку, странным образом говорит о постановлении праздновать дни Обновления, каждый раз 8 дней, почему-то не от 25, а “от двадцатого дня месяца Хаслева” (4,59), хотя Обновление празднуется 8 дней от 25 кислева, о чем недвусмысленно говорится выше (и в западных текстах стоит: 25 Хаслева). Но не воскурила ли чреда Авии очистительно-обновительный фимиам, при зажженном свещнике, в освещенном храме, особым образом 20 кислева, в среду 9 декабря 164 г. до н.э? (9 декабря в Византии VIII в. праздновалось зачатие Богородицы).

устройства три года назад мерзости запустения на жертвеннике кадильном*. В субботний полдень 12 декабря 8-я Авиева чреда передала порядковую эстафету 9-й чреде Иешуа (опять Иешуа!), а в понедельник утром 14 декабря = 25 кислева 164 г. до н.э., в богослужебную седмицу Иешуа, наступил праздник Обновления – первая Ханукка**.

Соответственно, 8-я чреда Авии — предтеча Обновления; 9-я чреда Иешуа — чреда Обновления. Не от Аронида ли из 9-й чреды происходили дочери Аароновы — сестры Елисавета и Анна?

Восьмидневный праздник Ханукки иудеи праздновали как новый праздник Кушей, с веселием и радостью, по образу и подобию празднества Кушей. Во вступлении ко 2-й Книге Маккавейской братья Иудеи в Иерусалиме пишут братьям Иудеям в Египте: “И ныне совершайте праздник кушей в месяце Хаслеве” (1,9). Ниже, в главе 10, об Обновлении сказано: *“В тот самый день, в какой осквернен был храм иноплемениками, совершилось и очищение храма, в 25-й день того же месяца Хаслева. И провели они в весельи 8 дней по подобию праздника кушей, вспоминая, как незадолго пред тем временем они проводили праздник кушей, подобно зверям, в горах и пещерах. Поэтому они с жезлами, обвитыми плющом, и с цветущими ветвями и пальмами возносили хвалебные песни Тому, Который благопоспешил очистить место Свое. И общим решением и приговором определили — всему Иудейскому народу праздновать эти дни ежегодно”* (10.5-8)***.

* Талмуд рассказывает об установлении 8-дневного праздника следующее (Шаббат 21б). При очищении Святилища израильтяне нашли запечатанный печатью первосвященника (т.е. не оскверненный) сосуд с однодневным маслом для свещника. И случилось чудо! От количества чистого масла всего на один день менора горела 8 дней. Год спустя все 8 дней праздновалось Обновление.

** Посему две циклические богослужебные недели 8-й чреды — 5-12.12.164 г. до н.э. и 3-10.09.1 г. н.э. требуют датировать каждое и видение Захарии седмицей 2-9 октября 1 г. до н.э.

*** Между праздниками Суккот (Кущи) и Ханукки (Обновление) глубокая внутренняя преемственность по нарастающей. Кущи — осенний праздник собирания произведений земли (Левит 23,39), более того, праздник Господень (Левит 39-43; Судей 21,19) — самый народный, самый радостный и самый веселый из трех паломнических иудейских праздников. Куша — палатка, юрта кочевника. Семидневная праздничная жизнь в кушах посвящена памяти 40-летнего кочевья израильтян в пустыне по исшествии из земли Египетской.

Соломон освятил храм в праздник Господень (3-я Ц.8;2-65; 2-ая Пар.5,3), чем обновил завет Израиля с Богом и навеки скрепил завет Израильтян с домом Давида. Неспроста раскольник-Эфраимит Иеровоам перенес празднество в Северном царстве на месяц вперед (3-я Ц.12,32). Иуда Маккавей установил при обновлении святилища праздник Ханукки, не покушаясь (в духе своего отца Маттафии) на завет Израиля с Давидом (см.1-ая Макк.2,57).

Книга Чисел (29,12-39) предписывает в Суккот 15-22 тишири жертвоприношение 70-ти тельцов, в чем раввинская экзегеза видит жертву во благо 70-ти народов Ойкумены и ойкуменический универсализм праздника. Захария (!) пророчесствует новое служение Богу: “Затем остальные из всех народов, приходивших против Иерусалима, будут приходить из года в год для поклонения Царю, Господу Саваофу, и для празднования праздника кушей” (14,16).

Показательно новогоднее настроение двух праздников Света, праздников с осо-

* * *

Пойдем еще дальше. 15 кислева 167 г. до н.э. — это 6 декабря — среда; т.е. если в неделю святотатственного прекращения жертвы служила чреда Авии, то заступила она на последнюю перед устройством мерзости запустения недельную службу в субботу 2 декабря. Отсюда, проворачивая круговорот мишмарот от седмицы 2-9 декабря 167 г. в былое, находим, что в 516 г. до н.э. — год освящения воздвигнутого Зоровавелем и Иисусом Храма — весенний новогодний день 1 нисана выпадает на литургическую неделю (13-20 марта) 1-й чреды Иегоиарив. Сам по себе Второй храм был освящен 3 адара, но богослужение в нем началось с 1 нисана, т.е. позднее 3 адара, но до праздника Пасхи. См., наблюдая последовательность событий, Кн.Ездры:

“И окончен дом сей к третьему дню месяца адара, в шестый год царствования Дария.

И совершили сыны Израилевы, священники, и левиты, и прочие, возвратившиеся из плена, освящение сего дома Божия с радостью.

И принесли при освящении сего дома Божия: сто волов, двести овнов, четыреста агнцев и двенадцать козлов в жертву за грех за всего Израиля, по числу колен Израилевых.

И поставили священников, по отделениям их, и левитов, по чердам их, на службу Божию в Иерусалиме, как предписано в книге Моисея.

И совершили возвратившиеся из плена пасху в четырнадцатый день первого месяца” (6,15-19).*

* * *

А теперь перенесемся из старой эры в новую и продолжим график аронидских эфемерид от рубежа эр в будущее, до конечного для храмового богослужения и храма 70 г. н.э.

Вспомним изречение р.Иосе о том, что в день гибели как Первого, так и Второго храма служила чреда Иоариб. В отношении Первого храма, может быть, верно; в отношении Второго (если быть календарно точным) — нет, ибо последний погиб в неделю 4-11 августа 70 г., тогда как первая чреда служила, в соответствии с реконструированным нами циклом, в неделю 14-21 июля. Но вместе с тем на седмицу 14-21 июля, точнее, как раз на субботу 14 июля пришлось 17 таммуза (=17 панема) — роковой день, когда из-за недостатка священников и отсутствия жертвенных агнцев, ежедневная жертва была прекращена (И.в.6,2,1; Таанит 4,6). В дни с 17 таммуза по 9

бенно активным участием в них женщин. Седьмой день Кушей — Хашана рабба — большой Новый год; светильные огни Ханукки — предтечи светов-огней новогодней елки. Приплюсуем 7-й день Кушей и 8-й день Ханукки к христианскому Рождеству 25 декабря и получим Марианские юбилеи — Новогодье 31 декабря/1 января.

* Сведений о том, что богослужение в храме в период 516-167 гг. прерывалось — нет.

ава иудеи отмечают три недели скорби, причем 17 таммуза считается днем падения большей части Иерусалима (Нижний город) накануне разрушения в день 9 ава святилища вавилонянами и римлянами. Не случайно еврейский и арабский “Иосифоны” датируют (промежуточное) завоевание града Господня Помпеем и Сосием/Иродом постным днем 17 таммуза. Ну, а неделя с субботы 4 по субботу 11 августа 70 г., когда храм был сожжен, календарно числилась и осталась в литургической памяти за 4-й чредой Сеорим. Не на пустом месте р.Елеазар бен Калир выразительно связывает в четвертой из своих 24-х “Песен скорби” именно и только чреду Сеорим с трагедией гибели храма:

“На дорогах к храму мерзость запустения,
С тех пор как его стены рухнули,
С тех пор как золотая вязь священнических облачений разорвана...”*

* * *

Возвращаемся к Захарию и Елисавете, ко дню воплощения на земле Иоанна Водолея-Купалы. Дата **9/10 октября** (9.10 – день Авраама; 10.10 – день Сарры) **1 г. до н.э.** (под знаком равновесных Весов) находится посередине между апрельским Благовещением 2 г. до н.э. и возвращением св.Семейства из Египта весной 2 г. н.э., иначе говоря, это золотая середина *Большого благовещенского круга*. Кроме того, **9 октября 1 г. до н.э.** и Марианское Благовещение Евангелия от Луки — **25 марта 1 г. н.э.** (в богослужбную, с 19 по 26 марта, седмицу Авиевой чреды!) — отстоят на (без одного дня) равном удалении от (вольно? или невольно?) найденного Дионисием Малым нулевого мгновения в точке пересечения старой и новой эр. Плюс: 9 октября 525 г. — календарный день, в который Дионисий Малый** освятил летоисчисление от Рождества Христова***.

* Текст “Песен скорби” см.: “Die galilidischen Heimatorte der 24 Priesterordnungen nach Kalir” von Pastor Windfuhr in Hamburg mit Nachbemerkung von Dalman. Palästinajahrhuch des Deutschen evangelischen Instituts für Altertumswissenschaft des heiligen Landes zu Jerusalem; von G.Dalman; 18-19 Jahrgang, S.80-89, Berlin 1923.

Еще в течение нескольких послехрамовых столетий на вратах галилейских синагог традиционно вывешивалось, а в синагогальном собрании еженедельно называлось имя очередной чреды.

Согласно р.Калиру, местожительство 9-й чреды Иешуа в постхрамовую эпоху — галилейская Арбела (Ирбид), где, по иудейскому преданию (не у Калира), находились могилы матери Моисея Иохаведы, его жены Сепфоры и сестры Мариами. Местожительством 18-й чреды Гапицец был Назарет, первое иудейское упоминание о котором содержится именно у Калира.

** См. Kalender; Verlag Urachhaus, Stuttgart.

*** 9 октября — поминальный день св. Дионисия Ареопагита и св.Дионисия Парижского (Сен-Дени).

* * *

Интересно узнать, как этот весьма необычный праздничный месяц тиши 1 г. до н.э. отображен у Флавия и в Талмуде. Мы помним, зимой, ближе к весне 1 г. до н.э. Ирод заменил смещенного первосвященника Симона Матфием, сыном Теофила. Матфий пребудет на архипастырском посту менее года, до конца декабря (см.ниже). В “Древностях” падкий на сенсации Флавий сообщает в контексте его смещения следующее. “При этом же первосвященнике Матфии случилось, что на один день был назначен другой первосвященник. Произошло это таким образом. Накануне Постного дня Матфий видел во сне будто бы он совокупляется с женой. Так как он в силу этого лишился возможности отправлять свои священнические обязанности, то его заместил его родственник, Иосиф, сын Эллима” (17.6.4).

Подпавший дисквалификационному осквернению Матфий лишился права богослужения в Судный день. Всю неделю перед Постным днем первосвященник, следуя предписаниям ритуальной чистоты, жил отдельно от семьи (Йома 1,38а), в специальных покоях при храме. Про случай с конфузно неурочной поллюцией Матфия знает также Талмуд, где однодневный первосвященник Иосиф, сын Эллима (Йома: бен Элем из Селфориса) зовется “сыном немого”. Согласно талмудической агаде (иер. “Йома” 1,38д; вав. “Йома” 12б; вав. “Мегилла” 72а), он возгордился случайно представившейся ему возможностью первосвященствовать в Судный день и захотел побыть в первосвященском достоинстве подольше, но был (в наказание за неуместную гордыню) тотчас отстранен царем*.

С другой стороны, “Протоевангелие” делает Захарию онемевшим первосвященником (10,2), которого замещает на посту вроде бы сын престарелого Иосифа Обручника, некто Самуил (17,2). Налицо искаженная и анекдотично запутанная переключка смутных отголосков праздничного октябрьского ЧП 1 г. до н.э. в рассказах последующих поколений.

* * *

Пять месяцев потаенной беременности Елисаветы современные экзегеты нередко препровождают восклицательно-вопросительными знаками: дескать, не слишком ли долго? во дает, мол, Лука! Максимальный классический срок сокрытия-необнаружения беременности, по талмудическо-мидрашистским комментариям к Священному Писанию, да и по логике вещей — три месяца. Через три месяца патриарху Иуде сообщили, что его невестка Фамарь беременна (Быт.38,24).

В аномальном случае исключительно поздней беременности Елисаветы дело обстоит иначе. С января 1 г. н.э., т.е. по истечении трех месяцев, она таилась (в частности), из-за жуткого приказа Ирода избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его. И хотя расположенный вовсе не так далеко от Вифлеема Аин-Карим к его непосредственным пределам не

* “Йома” выступает против уравнивания мимолетных заместителей-непомазанников с архипастырями помазанными.

относился, но разве отдавший приказ избить младенцев от двух лет и ниже не мог поднять руку на тех, кто еще в материнских утробах? Ведь речь шла о чудесном зачатии преклоннолетней родственницы Марии Вифлеемлянки, да еще после видения потерявшего дар речи священника в храме.

Елисавете придется таить сотворенное ей Господом целых пять месяцев, т.е. до мартовской смерти тирана, к рассказу о последних месяцах и о начале агонии которого мы сейчас приступаем.

* * *

Прибыв в великопраздничный месяц тишири в Иерусалим, все еще официально не резигнированный отцом цесаревич Антипатр попал с корабля на суд. Заждавшийся блудного сына Ирод удовлетворенно инкриминировал ему (в присутствии подготовленного к тому сирийского легата Вара) покушение на отцеубийство, а затем предоставил обвиняемому время (до завтрашнего дня) для обдумывания самозащиты и даже допустил к нему мать и жену. Ситуация, как мы знаем, обязывала kloкочущего от ярости царя проявлять терпение и уважение к презумпции невинности из расчета. Он пригласил на судилище регионального римского наместника Augusti, чтобы не только от своего, но главным образом от его, с соблюдением всех необходимых законностей-формальностей, имени разоблачить и предварительно осудить легитимированного кесарем престолонаследника. Положение требовало двух независимых адекватного содержания разоблачительных донесений от легата и вассала по начальству – в Центр.

“На следующий день Вар и Ирод председательски возглавили судебное заседание, куда были приглашены также родственники царя, его сестра Саломия, равно как были представлены все те, кто мог дать какие-либо показания, те, кто подверглись пыткам, и схваченные незадолго до приезда Антипатра рабы его матери. У последних обнаружили письма, сводившиеся к тому, чтобы Антипатр не возвращался, так как царь осведомлен обо всем и что единственным теперь для него заступником является император...” (И.д.17,5,3). В “И.в.” читаем: “Письмо гласило: “Все раскрыто твоим отцом. Не предстань перед ним, разве только заручившись покровительством императора.” Когда эти и остальные свидетели были введены, вошел также Антипатр и бросившись лицом к ногам отца, произнес: “Я умоляю тебя, отец, не осуждай меня заранее, а выслушай беспристрастно мою защиту. Если ты только позволишь, то я докажу свою невинность” (1,32,1).

В описании сцены суда “И.д” и “И.в.” разнятся, сходясь, однако, по сути. Во всяком случае, на сей раз запутаться-заблудиться, сверяя-сопоставляя оба источника, невозможно.

Велев Антипатру умолкнуть, Ирод обратил на высокой патетической ноте к Вару плач по себе: несчастный детолюбивый отец стал (как и в Берите) горько жаловаться на недостойных сыновей-отцененавистников и на свою горемычную долю. После вступительного упрека в черной неблагодарности (в ответ на отеческую заботу, разумеется) мертвым Александру и Аристовулу, он порывисто переключился на Антипатра и сказал, что

облагодетельствовал отверженца, ради которого пренебрег детьми от царицы.

“Признаюсь тебе, Вар, в моем заблуждении: я сам восстановил против себя тех сыновей: ради Антипатра я разбил их законные надежды. Когда я им оказывал столько благодеяний, сколько ему? Еще при жизни я уступил ему всю почти власть, всенародно в завещании назначил его моим преемником, предоставил ему ежегодную ренту в 50 талантов и дал на дорогу в Рим 300 талантов; отличил его перед всей моей семьей тем, что представил его императору как спасителя отца. Что те мои сыновья учинили такое, сравнимое с преступлениями этого? И какие улики были выставлены против них в сравнении с теми, которыми доказывается виновность этого...” (1,32,2).

В “И.д.” ударение поставлено иначе: Ирод заявляет Вару, собранию и сыну, что последний “теперь вполне уподобился своим братьям, если они действительно виновны в том, в чем он их обвинял; если же они не виновны, то он напрасно взвалил на них вину и обвинил в тяжких преступлениях близких родственников. Ведь все то, что постановил относительно их сам Ирод, было постановлено исключительно на основании инициатив Антипатра. Ныне братья считаются вполне оправданными, поскольку сам Антипатр изобличен в посягательстве на отцеубийство” (17,5,3).

Подтекст этого аффектированного словоблудия в устах “тароватого старикана”-тирана таков: мол, если сыновья Мариамны понесли наказание заслуженное, то гораздо более них виноватый Антипатр заслуживает осуждения вдвойне; если же они осуждены безвинно, по навету, то виновен в их осуждении никак не он, Ирод, но злостный наветчик Антипатр. Кому как не нам, уроженцам XX в., знать, что тирану свойственно спихивать ответственность за совершенные преступления на плечи вчерашних поделщиков; сажать на скамью подсудимых отыгравших свои заплечные роли церберов. Вина Антипатра в гибели братьев очевидна, но умерли они, перво-наперво, в угоду не ему, а Ироду, осужденные не им, а Иродом. Бурю страстей в большой старческой душе глубоко несчастного, и тем не менее, даже в несчастье безнадежного деспота можно понять; оправдать деспотию мокрушника на троне нельзя.

Впрочем, речь о какой-либо реабилитации не без вины виноватых в данном случае вовсе не шла. Ирод всего-навсего допустил (сгоряча) возможность невинности казненных принцев, чем усугубил масштабы и отвратительность злодеяний Антипатра, более того, предупредил третейского судью Вара (от него многое зависело) держать ухо востро.

“...Вар, будь осторожен! Я знаю это чудовище, я знаю наперед, какую личину он напялит на себя для внушения доверия, какую коварную визготню он поднимет здесь перед нами. Знай, что это тот, который все время, пока жил Александр, предупреждал меня беречься его и не доверять своей особы кому бы то ни было. Это тот, который имел доступ в мою спальню, который оглядывался всегда, чтобы кто-либо не подкараулил меня. Это тот, кто охранял мой сон, кто заботился о моей безопасности, кто утешал меня в моей скорби по убитым (неподражаемо!), кто должен был наблюдать за настроением умов своих живых братьев, мой защитник, мой хранитель!

Когда я вспоминаю это воплощенное коварство и лицемерие, о Вар, тогда я не могу постичь, как это я еще живу на свете, как это я спасся из рук такого предателя! Но раз злой демон опустошает мой дом и тех, кто дороже моему сердцу, превращает всегда в моих врагов, то я могу только оплакивать несправедливость моей судьбы и стонать над своим одиночеством. Но пусть никто из жаждущих моей крови не избежит кары, если бы даже обвинение коснулось всех моих детей сразу” (И.в.1,32,2).

Убедитесь, Ирод, по-прежнему, полон решимости уничтожить всех виновных или подозреваемых в покушении на его власть и жизнь: пощады не будет никому! Он, как “добрый” отец, конечно, перебрал в вопросе обеления мертвых братьев-царевичей, и потому, когда слово взял Н.Дамаский (так как царь разразился слезами и, не будучи в силах продолжать, кивнул Дамаскину), точки над *i* были расставлены четко. Николай деловито превратил Антипатра, вкуче с казненными братьями, чуть ли не в звенья одной заговорщической цепи. Флавий пишет (И.д.17,5,6), что оратор заранее заготовил много различных пунктов обвинения, т.е. он выступил не спонтанно, а хорошо подготовленный, уговорившись с патроном (еще до приезда Вара) насчет своего прокурорского выступления.

Но прежде, чем Н.Д. приступил к реализации домашней заготовки, Антипатр, воспользовавшись рыдальной паузой, и также уповая на Вара, обратил к отцу защитную речь, причем призвал в свидетели логику и Господа Бога. “Ты сам, о отец, защищаешь меня. Как я могу быть отцеубийцей, когда ты, как сам говоришь, во все времена находил во мне стражника. Моя сыновняя любовь, сказал ты, была одна только ложь и лицемерие. Но как это я, по-твоему, столь хитрый и опытный во всем, мог быть настолько безрассуден, чтобы не подумать, что тот, кто берет на свою совесть такие преступления, не может укрыться даже от людей, а тем более от всевидящего и вездесущего судьи на небесах! Или мне было неизвестно какой конец постиг моих братьев, которых Бог так наказал за их злые замыслы против тебя! И что могло меня восстановить против тебя? Притязание на царское достоинство? Я же был царем. Боязнь перед твоей ненавистью? Но не был ли я любим? Быть может, нужда в деньгах? Но кто имел возможность жить роскошнее меня? И будь я отщепенец рода человеческого, обладай я душой необузданного зверя — не должны ли были победить меня благодеяния твои, отец ты мой!” (И.в.1,32,3)

Возражения Антипатра немощны и жалки, хотя Флавий верно оговаривает его бесстыдство и наглость. Но ведь ему ничего не оставалось делать, кроме как ломать, согласитесь, действительно, не лишенную логики (не будь у следствия столь неопровержимых улики) комедию. Касательно своего пребывания и деятельности в Риме он сослался “на свидетельство императора, которого так же трудно обмануть, как самого Господа Бога. Все это могут подтвердить письма императора, причем нехорошо, что больше доверия оказывается тем, кто клеветой стараются посеять смуту” (И.д.17,5,4).

“О каким несчастным сделала меня эта проклятая поездка. Сколько простора я дал зависти! Сколько времени клеветникам! Но для тебя же, отец, и в твоих интересах я предпринял это путешествие для того, чтобы Силлей не посмеялся над твоей старостью. Свидетели моей сыновней любви

— Рим и властитель земли — император, который часто называл меня отцелюбцем. Возьми, отец, это письмо от него: оно заслуживает больше доверия, чем все клеветы, произнесенные здесь против меня; это письмо — мой единственный защитник; на него ссылаюсь, как на свидетельство моей нежной любви к тебе. Вспомни, отец, как неохотно я уезжал, ведь я хорошо знал скрытую вражду против меня в государстве. Ты, отец, сам того не желая, погубил меня тем, что вынудил меня дать время зависти злословить” (И.в.1, 32,3).

Задействованную в отношении августейшего Августа краснобаем множественность нужно, пожалуй, отставить, вернее, децимировать: наверное, раз или два, не более того, кесарь и вправду назвал сына Ирода (иудейского визави араба Силлея) отцелюбцем. Напомним, в связи со скандалом Юлии, повсюдоее, в центре и на периферии, почтение детей к родителям сделалось в тот год для хозяина Ойкумены остро актуальным. С другой стороны, своим, пусть, в сущности, лживым восклицанием (“сколько простора я дал зависти! сколько времени клеветникам!”) Антипатр нелживо подтверждает, что отсутствовал довольно продолжительное время, причем отнюдь не семь, как полагают Отто и Шалит, месяцев, ибо ни один обитатель древнего мира, ни в шутку, ни всерьез, не назвал бы семимесячное “хождение за три моря”, из Палестины в Италию, туда и обратно, долгим. Нелишне обратить внимание: в “И.в.” подсудимый дважды пеняет на губительную долгосрочность командировки, т.е. это очень важное обстоятельство решительно подчеркнуто; в “И.д.” тоже (правда, менее резко) сказано, что придворные интриганы “воспользовались для проявления враждебности досугом, явившимся у них вследствие его (Антипатра) отъезда, и они ничего не смогли бы сделать, если бы он не уехал...” (17, 5, 4): понимай, если бы он не был в отлучке так долго. В новинку читателю звучат постсетования “любящего сына” на свое “нежелание” ехать в Рим: следовательно, он, внутренне ликуя при отъезде, одновременно валял дурака, выказывая родителю, так сказать, противоположные сыновние чувства.

Под конец эскапады обвиняемый проклял пытки, сказав, “что они приводят лишь ко лжи, ибо по самой природе своей обвиняемые говорят в своих мучениях все, что угодно палачам.” (Кому, как не ему было знать об этом!) “Впрочем — добавляет Флавий — он сам предложил подвергнуть его пытке” (17,5,4).

“Если так, то я прошу не верить показаниям исторгнутым пыткой у других, а для меня пусть принесут сюда огонь, пусть в моих внутренностях копаются орудия смерти! Пусть ничье сердце не смягчится воем негодя! Раз я отцеубийца, то я не должен умереть без мучений!” Эти слова, произнесенные со слезами и рыданиями тронули всех присутствовавших, а также и Вара. Только Ирод в своем гневе остался неумолим. Он слишком хорошо знал основательность обвинений” (И.в.1,32,3).

В параллельном абзаце “Древностей” сказано: “...в судилище произошло движение. Все очень жалели Антипатра, который обливался слезами и жестоко царапал себе лицо; даже во врагах его явилось чувство жалости и видно было, что и Ирод поколеблен, хотя и не желал показать это...” (17,5,5). Или все-таки показал... Вару, вроде бы не желая показывать. Вместе

с тем, не Ирода, разумеется, но Вара Антипатру удалось разжалобить. Ирод же предвидел такой вариант, в связи с чем в ход пошел ничуть не тронутый и нимало не смущенный антипатровской слезливостью Н.Дамасский.

Он произнес длинную обвинительную тираду, вполне сродственную прокурорским речам, произносившимся на сталинских показательных процессах Вышинским, у которого обвиняемые хрюкали, шипели, лаяли, короче, безоглядно низводились на зоологический уровень. Притом Вышинский, бичуя еще вчерашних верных ленинцев, бичевал подобных себе уродов, что однако, не мешало его речам быть абсурдными. Так, Н.Д. сначала отделил дерзость Александра и Аристовула (по молодости лет) от гнусности Антипатра, затем сравнил последнего с ядовитой змеей, “хотя и в последних замечается стремление не жалить своих благодетелей”. Потом вменил Антипатру нечто совсем, по-вышински, сногсшибательное: “Ты умертвил своих братьев, доказав их виновность, но не выдал их единомышленников (!). Этим ты доказал, что накануне обвинения вошел с ними в сделку, направленную против твоего отца, желая один воспользоваться плодами отцеубийства и из обоих преступлений извлечь удовольствие вполне достойное твоего характера... Кроме того, ты желал после братьев умертвить также отца своего, чтобы не рискнуть быть избличенным в ложном обвинении их... Ту смерть, которую ты теперь сам заслужил, ты уготовил несчастному отцу своему, задумав не обыкновенное отцеубийство, но такое, какого до сих пор не знала история...” (17,5,5).

Создаваемый Николаем антиобраз архизлодея направлен прежде всего на то, чтобы вразумить Вара и через Вара кесаря, в реакции которых Ирод, повторим, не был уверен. Вар не должен писать в Рим, что Александр и Аристовул незаконно репрессированы, реабилитированы посмертно. Кроя Антипатра мотом, Дамаскин возводил очи не горе, но Вару: Антипатр-де “восстает против добропорядочности Вара и против всякой справедливости.”

“И вот ты настолько уверен в своем бесстыдстве, что выражаешь сам готовность подвергнуться пытке, дабы все преданные отцу твоему оказались лжецами, а твоим заявлениям под пыткой была придана вера. Ты, Вар, конечно, оградишь царя от дерзких поползновений его родных, ты осудишь это гнусное животное, которое притворяется преданным отцу своему лишь для того, чтобы добиться гибели своих братьев и затем самолично овладеть престолом. Ведь ты знаешь, что отцеубийство является одинаковым преступлением как против природы, так и против всех жизненных условий, причем исполнение его несколько не отличается от самого замышления. Тот, кто за это не наказывает, сам совершает преступление против природы” (17,5,5)

Не проглядывает ли в дамаскинской связке между замышлением отцеубийства и его осуществлением толстый намек на тонкую пикантность: на дело Юлии. Летом/осенью 1 г. до н.э. имеющий не одно высокопрестижное знакомство в Риме ойкуменист Николай и Ирод уже вполне могли узнать кое-что существенное о случившемся в прошлом году юлианском скандале. Но поскольку данная тема была запретной, поскольку официально Юлия отправилась в ссылку за разврат и вслух ее отцеубийственные замыслы обсуждать не полагалось, в обвинительной речи против Антипатра

прозвучала параллель закамуфлированная. Гляди, мол, Вар, деликты схожи: не ошибись! не промахнись!

Из последующих пунктов обвинения мы узнаем о “заговорах и жертвоприношениях” Дориды с целью повлиять на царя, иначе говоря, речь опять идет о наведении порчи, т.е. на повестке дня снова колдовство, инкриминированное ранее жене Фероры. Кстати, куда эта безымянная жена, точнее, вдова подевалась, неизвестно. После попытки самоубийства, выдачи ампулы с ядом и дачи, взамен на пощадные заверения царя, уличительных показаний, о ней ни гу-гу. Умершего же год назад Ферору Дамаскин теперь выставил как братолюбца, кого преступный племянник едва не сделал братоубийцей.

Выступление оратора прерывалось показаниями других лиц, причем никто из них не сочувствовал обвиняемому, напротив, высказывания по его адресу были полны ненависти. Давая свидетелям выговориться, обвинитель возобновлял и раз за разом усиливал атаку.”Приведя еще много других разоблачений и подкрепив их соответствующими доказательствами, Николай закончил свою речь” (И.в.1,32,4).

В “И.д.” читаем: “Когда Николай закончил обвинительную речь, Вар предложил Антипатру приступить к опровержению обвинений, если у него имеются доказательства невинности. Притом Вар указал как на свое желание, так и, насколько ему известно, на желание отца его, чтобы Антипатр вышел из суда оправданным (И.д.17,5,6).

Из поведения увальня Вара видно, что он, убежденный доверительной беседой накануне в “искреннем” стремлении Ирода творить суд беспристрастно и справедливо, был настроен, скорее, мирно. Склонный от природы к неагрессивному сребролюбию, сей в меру декадентный аристократ эпохи сытого принципата, вероятно, наблюдал все происходящее не без внутреннего отторжения: с одной стороны, он, похоже, сочувствовал семейному несчастью Ирода, с другой, наверное, глубоко презирал все эти свинцовые мерзости дикой ориентальной жизни. Впрочем, никаких арбитражных сложностей или осложнений в деле не возникло.

Антипатр пал ниц, воззвал, прося засвидетельствовать свою невинность, к Господу Богу и ко всем Ангелам, но более веских юридических доводов римский судья от него не дождался.

Потомственный Аронид Флавий дает характерную оценку неожиданному всплеску религиозности в темной душе Иродова первенца: “Таков уж прием всех непорядочных людей. Когда они задумывают какую-нибудь гнусность, то забывают совершенно Бога и приступают к исполнению своего замысла по личному произволу; когда же их накрывают и они подвергаются угрозе поплатиться за содеянное, они всегда прибегают к Предвечному, прося его засвидетельствовать их невинность.

Так было и с Антипатром. Сперва он решил на все, как будто бы Бога не существовало вовсе; когда же ему был отрезан всякий путь к самооправданию и не на что было опереться, чтобы опровергнуть возведенные против него обвинения, он положился на милость Божию, прося Бога о заступничестве и явлении чуда для его спасения” (17,5,6).

Знаменательна степень поляризации еврейства на перекрестке эр: чаю-

щее Спасения молитвенное благочестие в сердцах верующих и смрадное безбожие в царских чертогах — все под одним и тем же вселенским небом, на одной и той же Обетованной Земле. Две чаши звездных и земных Весов поистине застыли-замерли в угрожающем равновесии.

* * *

“После того как Вар несколько раз обращался к Антипатру, но не добился от него ничего, кроме взывания к Всевышнему, он, видя безуспешность своей попытки, приказал принести яд, чтобы убедиться в его действительности. Когда отравы была принесена, то, по требованию Вара, ее должен был выпить осужденный на казнь преступник, который немедленно упал мертвым. Вслед за тем Вар поднялся с места и распустил собрание. На следующий день он отбыл в Антиохию, где, как в столице Сирии, обычно пребывал” (И.д.17,5,7).

В “И.в.” читаем: “Вар имел еще тайное совещание с Иродом, написал императору о произошедшем в собрании и на следующий день уехал. Царь приказал заключить Антипатра в оковы и отправил в Рим посольство о своем несчастье” (1,32,5).

* * *

Прошло 13 лет с тех пор как тридцатилетний первенец-отверженец был поднят царем-отцом (не от хорошей жизни) в престолонаследники; достиг, казалось, головокружительных высот, вскарабкался почти на самый верх вассальной пирамиды, и вот его песенка спета; второй Яннай из него не получился; круг бесславно замкнулся. Яд, доставленный Антифилом из Египта? привезенный Батиллом из Рима? какую из отрав выпил осужденный на смерть преступник? не суть важно — не все ли равно. Отравы подействовала мгновенно. Вряд ли будет ошибкой предположить, что находившийся тут же, под рукой, Батилл (если он не умер от пыток) убедительно подтвердил от кого и для кого он привез снадобье, после чего Вару, действительно, ничего не оставалось делать, как закрыть судилище и отписать соответствующее письмо кесарю. Результаты разбирательства, при полной беспомощности Антипатра, не оставили державному судье шансов в видах на мировую. Сокрушительные удары повергли несостоявшегося отцеубийцу сначала в нокдаун, потом в нокаут. Без малого царь снова стал презренным отбросом. И впрямь, от псевдовеликого до гротескно смешного всего один шаг.

* * *

“В эти же дни — говорится в “Древностях” — ... (17,5,7); “По завершении уже процесса — сообщает “Война” (т.е. по отбытии Вара в Антиохию) — открылся заговор Антипатра против Саломии. Один из слуг Антифила привез из Рима письма от одной из служанок Юлии по имени Акма. Последняя писала царю, что из сочувствия к нему посылает письма Саломии, найденные ею между бумагами Юлии. Письма были полны самых сильных

поношений имени Ирода и тяжелых обвинений против него. Антипатр их подделал и подкупил Акму переслать их царю. Эта хитрость была обнаружена другим письмом, адресованным той же женщиной на имя самого Антипатра и гласившим следующее: “Согласно твоему желанию, я написала твоему отцу и препроводила ему те письма. Я убеждена, что прочитав их, царь не пощадит своей сестры. Когда все удастся, ты, я надеюсь, не забудешь своих обещаний” (1,32,6).

Т.о., ведя тяжбу против Силлея в Риме, так и не осчастливленный вестью о смерти отца Антипатр не забывал про дорогую тетюшку и задумал угробить хотя бы ее. Т.е. после его отъезда из Италии Акмея отправила на имя Ирода объемистую почту-компромат: письмо лично царю и поддельные письма для царя. Причем эти последние, “полные самых сильных поношений” Иродова имени, Саломия писала (или будто бы писала) подружке-императрице еще тогда, когда тщилась выйти замуж за Силлея. Стоит, однако, усомниться, состоял ли компромат, точнее, весь ли письменный компромат состоял из фальшивок? Ведь Саломия очень даже могла в прошлом горько и резко жаловаться Ливии на тираничность брата, т.е. не исключено, что более злобные подметные письма были присовокуплены к менее злобным подлинным. Погубить Саломию, спровоцировав (в своем присутствии) вспышку безудержной ярости Ирода или, по меньшей мере, сделать тетку опальной и обойденной в завещании вплоть до предсказуемой смерти старика-царя, обе программы, минимум и максимум, дофина устраивали. Насколько он все-таки, невзирая на некоторые сомнения-опасения, заблуждался, возвращаясь домой из Рима, относительно реального положения дел в Иудее.

“Ирод расвирипел от неслыханной гнусности Антипатра и решил было немедленно казнить его, как виновника преступления, направившего все силы свои не только против него и его сестры, но и как человека, введшего смуту в семью Цезаря. К этому побуждала его также Саломия, которая била себя в грудь и предлагала казнить ее, если бы обнаружилось, что обвинение правильно. Царь послал за сыном, подверг приведенного допросу и в ответ на его молчание потребовал назвать имена сообщников. Антипатр взвалил всю вину на Антифила*, но больше не выдал никого. В гневе Ирод решил было отправить сына к императору в Рим, чтобы он там дал ответ в своих страшных злодеяниях. Но затем он испугался, как бы Антипатру не удалось при помощи друзей добиться оправдания и потому велел, по-прежнему, держать его в темнице, в оковах; сам же послал новых послов к императору,

* В “И.д.” (17,5,7) местопребыванием Антифила назван Египет и письмо от него, так же как и другое привезенное его рабом письмо Акмы, приходит в Иерусалим из Египта. О том с каких пор Антифил (вручивший “египетский” яд Февдиону для передачи Фероре) очутился в Риме? или (еще позднее?) в Египте? ничего не говорится. Только вот зачем Акме (или Антифилу) понадобилось, помимо отсылки компромата, писать еще и саморазоблачительное письмо Антипатру? Ведь они расстались совсем не так давно, причем сговорившись обо всем, и главное, о том, что Антипатр не забудет своих бакшишных обещаний. Короче, в кадре опять какой-то “тоннель от Бомбея до Лондона”.

сообщил в какой мере Акмея являлась соучастницей преступления и приложил к этому копии писем” (И.д.17,5,8)*.

Согласно рассказу “И.в.” (1,32,7), царь в припадке гнева хотел немедленно “отомстить Антипатру за все”, уже в это время страдая тяжелым недугом, т.е. он впал в болезнь в дни после отъезда Вара, но еще до прибытия в Иерусалим снабженного специальной двойной почтой раба Антифила. Следовательно, Ирод заболел и снарядил, по раскрытии новых сыновних козней, новых послов к Августу в октябре/ноябре 1 г. до н.э.

“Он написал императору относительно Акмеи и заговора против Саломии; затем велел принести завещание и изменил его так, что обойдя скомпрометированных происками Антипатра сыновей своих, Архелая и Филиппа, назначил престолонаследником Антипу. Императору он, кроме ценных вещей, завещал наличными деньгами 1000 талантов, его жене, друзьям и отпущенникам ок.500 талантов. Многих других он наделил землями и денежными суммами; но самыми блестящими подарками наградил свою сестру Саломию. Вот те изменения, которые он внес в завещание” (1,32,7).

Интересно заметить, что по поводу Антипатра, как “человека, введшего смуту в семью Цезаря”, автобиографический фрагмент Николая Д. (фрг.136) вменяет “смутьяну” сакрилег, мерзопакостное осквернение дома Augusti. Сообразно Отто (143), под кощунством надо понимать оскорбительно-интрижное прикосновение к священной персоне государыни Ливии, из чего Отто делает вывод о сверхсервилизме Дамаскина. Но не таится ли за скороговоркой фрагментарного источника нечто большее? Б.м., вызывающая недоумение Отто чрезмерная в данной связи резкость Николая учитывает недавний юлианский скандал, участникам коего Антипатр крамольно, так сказать, уподобился, ища сообщников среди челяди Августы и подло поделывая письма на ее непорочное имя? Вот вероятный контекст, в котором текст и недоговорки пишущего эту последнюю главу из жизни Ирода (еще при жизни Августу) в Риме автора постижимы гораздо лучше. Кстати, Николай там же говорит о своем ходатайственном содействии Ироду в вопросе осуждения его преступного сына. Значит, послания Верховному не исчерпывались докладной Вару и двумя (с паузой между ними) письмами Ирода. Бывший на сравнительно короткой ноге с Августом Дамаскин присовокупил к царской почте письмо от себя**.

* * *

Свалившиеся на царя беды последнего времени свалили почти 70-летнего старика с ног. Болезнь поразила его не внезапно; вспомним, что более года назад он серьезно (правда, недолго) болел и чуть было не умер

* Никуда, тем более, в Рим, отец залученного с такими предосторожностями назад в Иудею сына посылать (без приказного востребования Августу), разумеется, не собирался.

** И потом бросается в глаза то, что Ирод не упомянул Юлию, дочь кесаря, в завещании, что понятно на 1 г. до н.э., но непонятно на 4 г. до н.э. (научная дата предпоследнего царского завещания).

незадолго до кончины Фероры. Теперь, с ноября 1 г. до н.э., он, томительно ожидая вестей из Рима, слег и, злой на весь свет, всюду видя козни врагов, измену, никому не доверяя, составил новое завещание, где, обойдя, пусть отчасти оболганных, но все равно менее благонадежных Архелая и Филиппа, назначил престолонаследником 18-летнего Антипу (кто на момент назначения уже числился, как преемник Фероры, тетрархом Перей?).

Комедия Иродова житья-бытья неумолимо приближалась к концу. Впрочем, вопросами типа “хорошо ли она сыграна?” этот деспот не задавался.

* * *

Сейчас мы на пороге крайне ответственной хроновехи: предшествующие смерти Ирода – бунт и лунное затмение. Следuem за Флавием по “И.в.” и “И.д.”

“Болезнь Ирода все более и более ухудшалась, т.к. она застала его в старости и горе. Он был уже близок к 70-летнему возрасту, а семейные несчастья до того омрачили его дух, что и в здоровом состоянии он ни в чем не находил для себя отрады. Сознание, что Антипатр еще жив усугубляло его недуг...” (И.в.1,33,1).

“Поскольку царь отчаивался в своем выздоровлении (ему было уже ок.70 лет), то он стал особенно раздражителен против всех и легко сердился. Причиной такому раздражению служило предположение, что все его презирают и что народ радуется постигшей его беде...” (И.д.,17,6,1).

“В эти тяжелые дни он должен был пережить еще народное восстание. В Иерусалиме жили два вероучителя, почитавшиеся особенно глубокими знатоками отечественных законов и пользовавшиеся поэтому высоким авторитетом в глазах народа – Иуда, сын Сепфорея, и Матфий, сын Маргала. Много юношей стекалось к ним, чтобы слушать их учение, образовывая вокруг них каждый день целые полчища. Когда те узнали, как болезнь и горе постепенно одолевают царя, они в кругу своих учеников проронили слово о том, что теперь приходит время спасти славу Господню и уничтожить поставленные Иродом изображения, нетерпимые законами предков; ибо закон запрещает внесение в храм статуй, бюстов и иных изображений живых существ. А между тем царь поставил над главными воротами храма золотого орла. Вот этого-то орла законоучители и предложили сорвать, прибавив, что хотя с этим связана опасность, но что может быть почетнее и славнее, как умереть за заветы отцов; кто так кончает, душа того обретает бессмертие и вкушает вечное блаженство; только дюжинные люди, чуждые истинной мудрости и не понимающие в чем благочестие души, предпочитают смерть от болезни смерти подвижнической.

Одновременно с этими проповедями распространился слух, что царь лежит при смерти. Тем смелее молодежь принялась за дело. Среди бела дня, в присутствии множества народа на территории храма, юноши опустились на канатах с храмовой кровли, ниспровергли золотого орла наземь и разрубили внизу топорами. Немедленно дано было знать об этом царскому начальнику, который быстро прибыл на место с сильным отрядом,

арестовал до сорока молодых людей и доставил их к царю. На первый вопрос: “Они ли это дерзнули посягнуть на золотого орла?” — они сейчас же сознались. На второй вопрос: “Кто им это внушил?” — они ответили: “Завет отцов!” На третий вопрос: “Почему они так веселы, когда их ждет смерть?” они ответили: “После смерти их ждет лучшее счастье” (И.в.1,33,2,3).

Согласно “Древностям”, ревностные законоучителя побудили юношей уничтожить несовместимого с Моисеевым законом царского золотого орла после того как узнали, что болезнь Ирода неизлечима. “Благодаря дерзким нововведениям царя — говорили они — и противоречию этих нововведений основному закону, его и постигли не только неслыханные для обыкновенного человека несчастья, но и сама болезнь его является последствием этого” (17, 6,2). Далее, по “И.д.”, фундаменталисты переходят от слов к делу, когда до них доносится слух, будто царь скончался, а не лежит, как сказано в “Bellum”, при смерти. Затем Флавий выразительно отделяет случайную толпу от организаторов и исполнителей содеянного: первая сочувствовала радикальной акции стихийно и при появлении царского коменданта в страхе рассеялась; исполнители остались на месте из смелости; вдохновители, Иуда и Матфий, считая бегство позорным. Речь, которую взятые с поличным бунтовщики толкнули в лицо царю, подана не в форме вопросов и ответов, но звучит столь же революционно.

“То, что мы задумали, мы решили осуществить, и осуществили все так, как подобает настоящим мужам. Мы желали оградить посвященное Господу Богу святилище от посягательств и тем более укрепило нас в этом решении постоянное ознакомление с законом. Нет ничего удивительного, что закон Моисея, записанный им по указанию Предвечного, мы ценим выше, чем твои постановления. Мы с удовольствием подвергнемся любым мучениям и смерти, ибо сознаем себя не злодеями, а борцами и мучениками за богоугодное дело” (17,6,3).

Касаемо золотого истукана, мнения толкователей расходятся. Некоторые считают, что к исходу царствования Ирод, разочарованный провалом своей политики постепенной интеграции еврейства в римско-эллинистическую Ойкумену, перестал щадить национально-религиозные чувства своих подданных, сознательно шел им наперекор, умышленно унижал евреев. Пока еще нет: до полного разрыва с еврейством самая малость времени еще есть. Но отчасти верно: проводившийся Антипатридом *большевистский* курс приобщения-причащения иудеев к *пролетарско-имперскому интернационализму* в противовес геттоизированной исключительности (при учете нац.особенностей в рамках культурно-вассальной автономии *советско-республиканского типа*) в последнее десятилетие старой эры все явственнее сходил на нет, терпел, невзирая на внешнюю помпу единства царя с народом и народа с римской мировой державой, крах. Проклятый национальный вопрос которым *нарком по делам национальностей* занимался всю жизнь, в удобном ему ключе, на базе его абстрактных идей и установок, не решился и решиться не мог. Кто виноват? Естественно, оказавшийся недостойным такого гениального вождя неблагодарный народ. Вместе с тем, видеть в появлении над фронтоном освященного в 8 г. до н.э. храма золотого орла намеренную антииудейскую провокацию грубо ошибочно.

В строгом ветхозаветном смысле “орлиное” мероприятие, не вызывавшее, кстати, открытого протеста в течение семи лет, прямо противоречит букве Закона: “Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли” (Исх.20,4; Втор.5,8). Тем не менее, приписывать иудейскому узурпатору демонстративную приверженность язычеству в видах откровенного надругательства над святыней закона ни в коем случае не следует. Просто к концу царствования он, как и в первые годы после убийства Мариамны, с *бульшим* усердием и с *бульшим* вызовом практиковал либеральный иудаизм в духе лаицизма Гиркана или Янная. Кроме того, скульптурные изображения златокрылого орла, этого символа божественного Солнца в переднеазиатских широтах, составляют элемент орнамента представленных сегодня руинами римского периода галилейских синагог. Стало быть, если послабления распространялись на синагогальный орнамент, плюс на мозаичные полы или на еврейские саркофаги, то, значит, подобные изображения сделались в достаточной мере неодиозными и однозначных упреков не навлекали. Одновременно, с ультраортодоксальной позиции, храмовая новинка, безусловно, квалифицировалась как святотатство. Правда, экстремистски настроенные ортодоксы, не рискуя при сильной царской руке всплыть на поверхность, до поры молчали.

Придя к власти, Ирод посредством политики кнута и пряника, действуя, во многом, умнее и дальновиднее Хасмонеев, во-первых, разгромил, во-вторых, приручил иудейский национализм, чем надолго погасил оппозицию. Долее четверти века, ото дней неудачного покушения на него группы заговорщиков-ревнителей в театре до присяжного бойкота фарисеев и, наконец, возглавленного двумя фарисейскими законоучителями очищения храма от римско-эдомского стервятника, никаких массовых либо публичных выступлений против режима в стране не происходило: ежовы рукавицы делали свое дело — диссиденты и группы диссидентов бесследно исчезали *на Лубянке* — в Гиркании. Народ безмолвствовал. Ныне же, узнав и поняв, что старый тигр смертельно болен, предтечи Иуды Галилеянина — а выходцы из школы Шамая, фундаменталисты Иуда и Матфий, несомненно, репрезентировали радикальное протозилотское фарисейство — расхрабрились и подали голос. Они призвали молодежь к активному сопротивлению безбожию, к противлению злу насилием.

Так, в самом конце Иродова царствования, за 70 фатально-патриарших лет до гибели храма, впервые проявился взошедший в недрах иродианского режима самоубийственный зилотизм. С одной стороны, иродианский режим породил страшный духовный вакуум, чем вытолкнул наружу противоположную экстрему, создал благоприятную почву для всходов заговорщического революционизма на дрожжах религиозного фанатизма; с другой — в воздухе носилось неистовое метафизическое предощущение близости исполнения времен, скорого прихода спасителя-сокрушителя.

* * *

Между прочим, Шалит любопытно интерпретирует златоорлиный феномен, отвергая несостоятельную языческо-идолопоклонскую версию. Согласно его предположению, орел, по замыслу Ирода, распростер крылья над воротами храма отнюдь не как истукан, но, подобно Ироду, как царственный ангел-хранитель (734). Кто в конце концов соорудил, кто вознес ввысь к небу святилищное великолепие?! На чьих монетах изображен (удачнейшим образом олицетворяющий заразу и Рим) крылатый вестник Солнца, спутник славной иродианско-мессианской государственности?! Кому обязан Израиль непревзойденной за тысячу лет обителью Всевышнего?! Кто превзошел Давида и Соломона? кто как минимум сравнялся с ними, если не он Ирод – царь Иудейский милостью Бога (и милостью Рима)!

“Ибо часть Господа народ Его; Иаков наследственный удел Его.

Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой; ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего.

Как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих:

Так Господь один водил его и не было с ним чужого Бога” (Втор. 32,9-12).

И вот орел в облике *amicus populi Romani* Антипатрида Ирода как бы воспарил надо всем домом Иакова и над его центром – храмом. И подумал Ирод, что это хорошо; и подумали фундаменталисты, что это кошунство. Подумали, но утаили думу до лучших времен, ибо в царстве Ирода за пессимистами ходили оптимисты в штатском.

* * *

Разумеется, Иуда и Матфий осмелели не тотчас. Уже три с половиной десятилетия безбожный похититель престола властвовал над иудеями, не будучи ни уязвим, ни смертен. Тяжелая болезнь царя продлилась до конечной декады декабря 1 г. до н.э., прежде чем настоячивые слухи о его неизлечимом (вопреки правительственным бюллетеням) недуге внушили наиболее нетерпимым ревнителям соответствующий градус дерзости. Слух о смерти или о нахождении тирана при смерти разом воспламенил горячие головы, подпалил порох в пороховницах, подхлестнул к действию.

Тем больнее больной диктатор отреагировал на случившееся. И без того в последнее время ему не давала покоя зудящая мысль о всеобщем презрении, о злорадости евреев постигающим его несчастьям. И вот худшие опасения-ощущения подтверждаются-сбываются. Сорвать и разбить жертвенный дар помазанника и благодетеля, *дар малого отца отечества отцу большому!* Тут можно задохнуться от ярости!

В “И.в.” Флавий пишет: “Непомерный гнев, овладевший тогда Иродом, вселил в него новые силы и помог ему побороть болезнь. Он лично отправился в народное собрание, изобразил в пространной речи молодых людей, как осквернителей храма, которые под предлогом защиты закона преследовали более отдаленные цели, и потребовал, чтобы их судили, как бого-

хульников. Боясь, как бы не было привлечено к следствию множество людей, народ просил его наказать сперва только зачинщиков, затем лишь тех, которые были арестованы на месте преступления, а всех остальных простить. Весьма неохотно царь уступил этим просьбам. Он приказал тех, которые спустились с храмовой кровли, вместе с законоучителями сжечь живьем, остальных же арестованных отдал в руки палачей для совершения над ними казни” (1.33.4).

Рассказ “Древностей” отличается от рассказа “Войны”: “Тогда царь велел заковать их в оковы и послать в Иерихон, куда он созвал всех влиятельных иудеев. Когда последние съехались, он созвал их в амфитеатр. Там, лежа на постели, и не будучи более в силах держаться на ногах, он принялся перечислять все свои заслуги перед ними, упомянул с какими расходами он построил храм, чего не могли сделать в течение своего 125-летнего царствования Хасмонеи, и сказал, что он соорудил его во славу Предвечному и украсил его драгоценными приношениями, память о которых, как он надеется, и слава которых останется за ним и после смерти. Затем он возвысил голос и начал кричать, что они еще при его жизни не стесняются оскорблять его, что днем, на виду у всех, нагло прикасаются к его жертвенным дарам, и что, хотя как будто все это направлено против него лично, если присмотреться поближе, на деле тут совершено простое святотатство.

Боясь, как бы Ирод в своей жестокости не рассвирепел на них и не сделал бы их ответственными за все произошедшее, присутствующие стали утверждать, что это случилось помимо их ведома и что, по их мнению, этого дела нельзя оставить безнаказанным. Ирод обошелся с ними вообще довольно мягко, но сместил с должности первосвященника Матфия, как отчасти виновника всего случившегося, и назначил первосвященником брата жены своей, Иоазара...” Далее читатель уведомляется об осквернительном накануне Судного дня сие первосвященника Матфия, вследствие чего он был заменен на один день своим родственником Иосифом, сыном Эллима (см. выше); затем следует концовка абзаца: “Итак Ирод сместил первосвященника Матфия, а другого Матфия, который поднял бунт, вместе с несколькими товарищами велел сжечь живьем. В эту ночь произошло лунное затмение” (17,6,3,4).

Итак, лунное затмение! Пора размотать этот морской узел в биографии Ирода при т.н. астрономо-историческом выявлении даты его смерти. Но сперва сопоставим вышеприведенные рассказы “Войны и “Древностей”.

Согласно “И.в.”, действие драмы от начала и до конца, т.е до экстренного созыва народного собрания? синедирона? и казни сокрушителей золотого орла, разворачивается в Иерусалиме. Согласно “И.д.”, после ареста ниспровергателей вместе с вдохновителями и быстрого допроса тех и других, развитие сюжета, плюс его эшафотная концовка, (анахронистически) переносятся в Иерихон. Досрочное появление в “И.д.” (где Флавий использовал иной, нежели в “И.в.” источник) Иерихона крайне неоправдано и неуместно: оно искусственно опережает события. В Иерихон Ирод прибывает позже, на обратном пути из и Каллирои, и лишь тогда, потеряв всякую надежду на выздоровление, словно желая, сообразно Флавию, “бросить вызов самой смерти” (И.в.1,33,6), отдаст приказ собрать, причем не в

иерихонском амфитеатре, а на иерихонском ипподроме множество (предназначенных к закланию) иудейских нотаблей.

Царь, наверняка, часто обретался в зимнюю и не в зимнюю пору в роскошно отстроенном им царскосельском Иерихоне, однако, если в момент произошедшего уже зимой, к концу декабря (см. ниже), храмового инцидента, он, будучи серьезно болен (лежа на постели), не покидал (или пока не покинул) столицу, то тем более он не покинул ее тотчас в связи с иерусалимским ЧП, которое требовало скорострельного разбирательства и устрашительного наказания виновных именно там, где было совершено преступление, т.е. в назидание иерусалимлянам, т.е. в Иерусалиме. К чему поспешно, в чарличаплинском темпе, удаляться (уж не улепетывать ли?) совместно с подлежащими примерно осуждению арестантами, мало того, прихватив видных иудеев, куда-то в Иерихон? Зачем устраивать показательное (чтоб впредь всем неповадно было) аутодафе там, вдали от места преступления? В страхе перед всенародным восстанием? или и того хуже, демонстрируя давно привыкшим молчать и вдруг заартачившимся поданным свой страх перед восстанием? Но воспитанием всерьез и не пахло: прихрамовая толпа враз рассеялась. Представители нар. собрания? синедристы?* боясь за себя и страшась массовых репрессий, поспешно отмежевались от экстремистов и с готовностью осудили их**. Спонтанный фундаменталистский акт (вызвав неоднозначный отклик в неоднослойном обществе) вызвал великогневною реакцию монарха мгновенно. И отреагировал он, как и следовало ожидать, точно дернутый за хвост, притом больной тигр, стремительно. Да и пресловутые государственные резоны, престиж режима не оставляли другого выбора. Ни в “И.в.”, ни в “И.д.” нет ни малейшего намека на страх деспота: напротив, весь Иерусалим замер (от его ярости) в ужасе.

Т.о., преждевременный Иерихон “Древностей” — грубый (накладочный) анахронизм. Примем за верное гораздо более достоверный рассказ и расклад “Bellum”. А то, что царь Ирод в день лунного затмения, в конце декабря 1 г. до н.э., и несколько позже, в начале января 1 г. н.э., находился в Иерусалиме, скоро, когда слово опять возьмет Евангелист Матфей, подтвердят пришедшие в Иерусалим волхвы с востока. Повременим.

Кстати, в старом Иерихоне, в этом древнейшем городе Палестины, некогда, в незапамятную доизраэлитскую эпоху, процветал языческий культ Луны. От слова “ерах” — “луна” — и пошло название города: город Луны или град Лунный. Вот теперь самое время разобраться с лунным затмением, вернее, с лунными затмениями.

* В текстах говорится общо и невнятно: в “И.в.” о народном собрании (Иерусалим), в “И.д.” обо всех влиятельных иудеях (Иерихон), хотя речь, вероятно, следует вести о чрезвычайном заседании в Блочном притворе храма (Лишкат хагасит) совета старейшин, т.е. синедриона.

** Ирод все еще не столько смертельно больной душегуб, сколько пока не отчаявшийся в выздоровлении политик, который, исходя из гос. резонов, настоял на осуждении фундаменталистов самими высокопоставленными иудеями за святотатство.

В, так сказать, объемлющем смерть Ирода историко-хронологическом диапазоне в исследовательских источниках формально фигурируют, как правило, три лунных затмения: 1. 12/13 марта 4 г. до н.э.; 2. 20 января 2 г. до н.э.; 3. 9/10 января 1 г. до н.э.* Причем второе и третье из них с XVIII-XIX вв. подавляющим большинством авторитетов отменяются, тогда как первое, знаменитое кеплеровское, сегодня, и не со вчерашнего дня, о чем читатель уже достаточно осведомлен, в повсеместной энциклопедической фаворе. Ирод-де умер после этого затмения и незадолго перед Пасхой; Пасха же иудейская прилась в 4 г. до н.э. на 11 апреля, т.е. она отделена от мартовского затмения всего месяцем. Вдобавок к тому из Флавия ясно, что Ирод умер порядком до Пасхи (см. ниже). Настоятельная рекомендация читателю самостоятельно проштудировать соответствующие главы Флавияны (И.в.1,33; И.д.17,6) и попробовать уместить все отображенные в них от т.н. предсмертного затмения до т.н. посмертной Пасхи 4 г. до н.э. события хотя бы в месячный, уж не говоря о более сжатых сроках, промежуток. Это наилучший способ воочию убедиться в удручающем абстракционизме научно-академической мысли нового-новейшего времени**.

Идем дальше. Затмение 20 января 2 г. до н.э. кульминировало на меридиане Иерусалима днем и к вечернему восходу луны успело (давно) закончиться, бесследно из иерусалимских широт-пределов дневной невидимости исчезнув. По мнению советского ученого Климишина, его можно было наблюдать лишь в западной полушарии***, чему, впрочем, противоречат подробные данные и таблицы Рисса****. Но так или иначе, для нас важно одно: январское затмение 2 г. до н.э. совершенно точно не наблюдалось в Иерусалиме. Правда, если, скажем, о самом астрономическом факте затмения 20.01.2 г. знать, а про его невидимость для иерусалимлян не знать, то оно очень даже (и даже, по историко-хронологическим меркам-параметрам, много лучше, нежели стоящее неприлично близко к Пасхе затмение 4 г.) может подойти как к опосредованной флавиевской дате смерти Ирода

* Таблицы лунных затмений см.:

F.K.Ginzler "Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie", B. 2, Mondfinsternisse, S.541, Leipzig 1914.

Th.Ritter v.Oppolzer "Canon der Finsternisse", S.343, in "Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften", mathematisch-naturwissenschaftliche Classe, B. 42, Wien 1857.

** Иногда наряду с частичным затмением 12/13 марта 4 г. до н.э. упоминается, как теоретически возможное, также тотальное затмение 15/16 сентября 5 г. до н.э.; но, во-первых, вследствие его чрезмерной почти семимесячной отдаленности от ближайшей Пасхи, предпочтение неизменно отдается затмению Кеплера в марте; во-вторых, Флавий несомненно разумеет последнее затмение при жизни и перед смертью Ирода.

*** И.А.Климишин "Календарь и хронология", стр.304-05, Москва, "Наука" 1985. Кстати, в своих высказываниях о Христе и христианстве атеист Климишин напоминает булгаковского Ивана Бездомного до его преобразования после встречи с Воландом.

**** Vierte Beilage "Die Mondfinsternis des 20.01.752 a.U.c.", S.201-11.

в “И.в.” — весна 2 г. до н.э., так и к дате Р. Х. согласно многим авторитетам церкви — декабрь 3/январь 2 г. до н.э.*

Лунное затмение 9/10 января 1 г. до н.э. продолжалось более пяти часов. Центральное и зримое в Иерусалиме (если не мешала погода) на всем своем протяжении оно было в течение полутора часов тотальным и вообще, сообразно верному комментарию Рисса (212-24), качественно редким, масштабно необычайным (217). Рисс и Каспари** единственные из ученых мужей XIX в. уверенно считают (датируя Р.Х. декабрем 2, а смерть Ирода весной 1 г. до н.э.) именно это январское затмение 753 г. а.У. флавиевским и решительно отвергают кеплеровское, неприложимость которого к мнимой дате кончины Ирода весной 4 г. Рисс наглядно реконструирует (см. ниже).

В XX в. за затмение 9/10 января 1 г. до н.э. ухватились авторы-антропософы, а именно позаимствовавшие это затмение (и его аргументацию) у Рисса О.Эдвардс, Х.Краузе-Циммер, В.Бюлер***. Они исходят, во-первых, из для них исключительно штайнеровской даты Распятия — 3 апреля 33 г.****; во-вторых, из для них опять-таки исключительно штайнеровского указания на общую продолжительность земной жизни Христа — 33 года*****; в-третьих, из положения, на сей раз, действительно, одного только Штайнера о том, что возрастная разница между Иисусом Ев.от Матфея и Иисусом Ев.от Луки составляет всего несколько месяцев*****, т.е. менее года.

Собственно хронология истории без Штайнера антропософских авторов не интересует, но 4 г. до н.э., как год смерти Ирода, с их (обусловленной вышеприведенными штайнеровскими исходными) позиции арифметически отпадает и побуждает их искать загадку дуалистического Рождества Христова на рубеже старой и новой эр, т.е., в любом случае, позднее ныне общепринятого интервала 7-4 гг. до н.э. (мол, если Распятие Иисуса Христа в возрасте 33-х лет имело место, по Штайнеру, в 33 г. н.э., то Рождество не могло иметь место в 7-4 гг.)*****

* Время от 20.01.2 г. до Пасхи 17.04. срок более, чем достаточный на все описываемые Флавием от лунного затмения до предпасхальной Иродовой смерти события.

** Ch.Ed.Caspari “Leben Jesu Christi”, Hamburg 1869.

*** O.Edwards “Chronologie des Lebens Jesu”, Urachhaus, Stuttgart 1978.

H.Krause-Zimmer “Herodes und der Stern von Betlehem”, Verl.Freies Geistesleben, Stuttgart 1997.

W.Вьхлер “Der Stern der Weisen”, Fr.G., 1983.

**** Никаких иных дат, кроме 3.04.33 г., Штайнер не приводит.

***** Правда, эти “33 года” понимаются разными антропософскими авторами по-разному: как 32 года и 3 месяца или как 33 года и 3 месяца. Э.Бок (Kindheit und Jugend Jesu), Эдвардс, Краузе-Циммер, Бюлер и Шульц стоят за первый вариант; Э.Функ — за второй.

(См. E.Funk/J.Schultz “Zeitheimnisse in Christus Leben”, Verlag am Goetheanum, Dornach/Schweiz 1983).

***** “Евангелие от Луки”, Лекция 5, стр.89-90: “..всего несколько месяцев отделяют друг от друга моменты рождения обоих мальчиков Иисусов”; “...несмотря на то, что между рождениями двух Иисусов лежит промежуток лишь в несколько месяцев.” “Das Lukas Evangelium”, Vortr. 5, S.97.

***** Считаюсь в Средние века традиционно церковными показателями, воз-

Что верно, то верно: предложенное Риссом затмение смотрится куда предпочтительнее, чем *кеплериада*. Однако, загадку необычности тотально темной луны 9/10 января 1 г. до н.э. нужно искать в ее сопричастности не ко смерти Ирода, а к факту светоносно-солнечного Рождества 6 января 1 г. до н.э. В Иерусалиме шло тогда следствие по делу находившегося в Риме Антипатра, Ирод лютовал, стонал и страдал, но пока отнюдь не умирал. Он умрет, немного не дожив до Пасхи следующего 1 г. н.э., и ненадолго — на два с половиной месяца — пережив последнее в своей жизни лунное затмение 29 декабря 1 г. до н.э.*

Зримое в Иерусалиме с пяти часов зимнего вечера оно было партиальным, случившимся в полнолуние и именно (безальтернативно; бесспорно) тем, на которое (сам того не ведая) пеняет Флавий, и которое, как якобы слишком-слишком поздний (в смертно-иродианском контексте) синхронизм, современными источниками даже формально не упоминается. Нам же ничего не остается делать, как считать лунно-затменный вопрос-ребус решенным!

Итак, вынесенный Иродом, плюс послушным ему синедрионом, смертный приговор ниспровергателям золотого орла был приведен в исполнение 29 декабря 1 г. до н.э. “В эту ночь** произошло лунное затмение”.

А по прошествии недели, точнее, в восьмой день, т.е. **6 января 1 г. н.э.**, в первую годовщину Иисуса Вифлеемлянина, в Иерусалим пришли волхвы с востока.

* * *

“Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят:

Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.

И собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?

Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано чрез пророка:

“И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой Израиль...”

раст Христа — 33 года, и — 33 г. н.э., как дата Распятия, были известны (оставаясь среди прочих дат-вариантов полемичными) издревле. На 33 г. относили Распятие в V в. александриец Панодор, армянский перевод “Хроники” Евсевия (тогда как у Иеронима — 32 г.), позднее Дионисий Малый и др. По этому недогматическому вопросу плюрализм мнений не возбранялся.

* К слову, если исходить из моно-Рождества в соответствии с рождественской датой Дионисия Малого — 25.12.1 г. н.э. — то смерть Ирода сдвинется в канун Пасхи 2 г. н.э. Но перед этой Пасхой нет подходящего лунного затмения, т.к. за затмением 29.12.1 г. до н.э. следует затмение 8.11.2 г. н.э.

** *Ночью и днем* древние называли отрезки времени от захода до восхода и от восхода до захода солнца.

Как видим, волхвы с востока пришли поклониться родившемуся Царю Иудейскому не сразу по его рождению, но в первый юбилей Рождества (в 9-й юбилейный год по седмичному циклу Ездры и Неемии: 1/1 гг.). Ответ на вопрос, какими послерождественскими сроками следует измерять и датировать приход/поклонение мудрецов/магов? — давний предмет расхождений апокрифов, ранних и неранных церковных авторов. Основная трудность в поисках ими приемлемого варианта заключается в том, что таинство рождественского дуализма им невдомек, отчего они тужатся нивелировать или тщатся не заметить т.н. противоречия-разницу в святочных Благовестях. Так, “Протоевангелие” (21) приводит ориентальных звездочетов к стопам новорожденного Младенца тотчас или днями после рождества в ясельный грот, хотя Матфей, в отличие от Луки, ясно говорит не о яслях, но о местедоме, над которым Вифлеемская звезда остановилась и куда необычные пришлецы с дарами вошли. Теми же сроками, впритык к Рождеству, датирует дарственный визит магов Юстин (Диалог с Трифоном 77;78;88;102;106). В “Арабском Евангелии детства” (7) волхвы приходят после Принесения младенца по исполнении дней очищения во храм. В “Армянском Евангелии детства” (11,1) приход царей-звездочетов (для кого скрытая от профанов Вифлеемская звезда взошла в день Благовещения), предшествуя принесению Младенца по исполнении очистительных сороковин во храм, имеет место 9 января, т.е. спустя три дня от известной этому апокрифу рождественской даты 6 января. Согласно экстремально легендарной версии “Золотой легенды” (102-11), Ирод сначала не реагирует на невозвращение к нему волхвов (сочтя их комично опростоволосившимися), и лишь прослышав о Посещении пастухов, плюс о храмовой хвале Симеона и Анны, принимает решение устроить побоище. Но вызванный кесарем в Рим, он откладывает свое черное предприятие на год; вернувшись же через год (!) из Рима, отдает приказ избить младенцев от двух лет и ниже, поскольку-де родившийся Царь Иудейский достиг тем временем годовалого возраста. На поклонение волхвов в первые построждественские дни указывают епископ Гиларий из Пуатье* (IV в.) и иерусалимский патриарх Софроний (VII в.). На собственно, в соответствии с календарем греко-византийской церкви, день Рождества уверенно относит приход магов Иоанн Златоуст (Homil.1 Nat. Christi), Александр (VI в.) и Епифаний (IX в.) Монахи, причем последний, вероятно, черпал сведения из “Хроники” Ипполита Римского (II-III вв.). 13-й послерождественский день, т.е. 6 января, при отсчете с 25 декабря, бронируют за приходом волхвов (из 13-дневного далека) Августин (Sermo 203), учредитель январского праздника Поклонения (в день Богоявления) на Западе — папа Лев Великий (Sermo 32,2), Петр Коместор (XII в.) и, можно сказать, вся средневековая европейско-католическая традиция.

Однако, всем, кто датирует поклонение кудесников днем моно-Рождества, либо 3-м или 13-м после него днем надобно задаться вопросом: каким-таким образом могло в сем случае состояться, по исполнении 40 дней очищения, принесение Младенца во храм? Ведь начатое Иродом преследование Мессии (по тайном отшествии магов в страну свою на восток)

* См. Fr.Diekamp “Hippolytos von Theben” (60).

делало Его публичное посвящение в Иерусалимском храме Господу невозможным.

Поэтому, если “Протоевангелие” о принесении сорокадневного Иисуса во храм вообще глухо молчит, то сообразно апокрифу “Рождество Марии”, приход волхвов падает на 42-й от Рождества день, т.е. сходно “Арабскому Евангелию детства”, на время после Сретенья. Между тем, согласно Евангелисту Луке, после Сретенья св.Семейство преспокойно возвращается в Назарет, а не в Вифлеем (2,39). Спрашивается: когда и зачем оно снова оказалось в Вифлееме? Почему из Евангелия подобный расклад не выводится? Наверное, учтя данное противоречие, известный византийский авторитет IX в. константинопольский патриарх Фотий решил разойтись с каноном и предложил в качестве места поклонения царей-волхвов, вместо Вифлеема, Назарет, притом на 80-й от Рождества день*. Много раньше Фотия, еще во второй половине II в., приблизительно во дни Юстина и *протоевангелиста*, сириец Тациан попробовал, обстоятельно перемежая Матфея и Луку, устранить в своем “Диатессароне”** (Гармония Евангелий) досадную для него (и отнюдь не только для него) “дистармонию” Евангелий. Распорядок Тациана: 1. Посещение пастухов; 2. Сретенье; 3. Возвращение в Назарет; 4. Поклонение волхвов в Вифлееме. Т.е. соответственно Тациану, Рождество свершается в правление Квирина Сирию, а Сретенье обязательно предшествует повлекшему за собой бегство в Египет Поклонению. Но при жизни Ирода Квирина в Сирии нет и не будет: Сирий заведует, в чем мы недавно убедились, и прозаведует еще полгода после смерти Ирода, в чем мы скоро убедимся, Квинтилиий Вар. Кроме того, на повестке все тот же вопрос: откуда, когда и почему в объективе экзегетов после Сретенья и Назарета снова появляется Вифлеем? Вдобавок к тому, при принятии тациановской событийной последовательности, Евангелие от Луки должно бы предшествовать Евангелию от Матфея!

Иные церковные авторы определяют, разумея приказ Ирода об избии младенцев от двух лет и ниже, дистанцию между рождеством и приходом волхвов длиной в два года. Среди *двухгодичников*: Евсевий (Хроника 144), Епифаний (51,9), Теодор Мопсуетский (К Матфею 2,16), Петр Лаодикийский (VII в.), Иоанн Эвбейский (VIII в.), мелькитско-александрийский патриарх Евтихий (X в.). Далее, того же мнения придерживаются апокрифы “Религиозные диспуты при дворе Сасанидов” (VIII в.), большинство рукописей “Псевдоматфея” (16). Но, во-первых, такой неестественный порядок событий пуше прежнего обязывает поменять Евангелиями от Луки и Матфея местами; во-вторых, тем не менее, резонно спросить: неужели волхвы Первого Евангелия пришли на поклонение аж через два года после Сретенья по Третьему Евангелию?! в-третьих, вторичный (после Сретенья) Вифлеем опять, при отсутствии какой-либо евангельской опоры, беспомощно висит в воздухе; в-четвертых, приказ Ирода избить младенцев от двух лет и ниже не есть доказательство прихода волхвов именно во вторую

* Photius, *Amphiloch. quest.*157, Fr. Diekamp (617).

** “Das Neue Testament und fr̄christliche Schriften”, Ёbers. K.Berger, “Diatesaron” (1-3), S.1317-24, Insel Verlag, 1999.

годовщину рождества: неужто старый битый тиран, адепт избияния десяти невинных лишь бы не пропустить одного “виноватого”, не обезопасил себя, выведав у волхвов время появления звезды, впрок?

И потом как (держучись за моно-Рождество) поделить Сирию между Варом и Квиринем? *Назначив* Вара легатом, а Квирина, как это делают некоторые исследователи, специальным кесарским комиссаром по переписи? Но они оба правители-легаты Сирии: один – согласно Флавию; другой – согласно Луке (2,2). Правда, если, согласно Флавию, Вар правитель Сирии до самой смерти Ирода и позже, то Лука о начальствовании Квирина над Сирией при жизни Ирода ничего не говорит.

Сколь ни парадоксально, но датировать приход-поклонение волхвов правильной золотой серединой, т.е. первой годовщиной Рождества, удосужились немногие: Беда Venerabilis и Гаимо Альбертштадский в “Комментариях к Матфею”; один единственный манускрипт “Псевдоматфея” (codex E); один сирийский фрагмент VI в. за мнимым авторством Евсевия (см. ниже); и комментарий к вюрцбургскому Евангелиару VIII в. с оригинальным, сродни фотиевскому “Назарету”, примечанием: дескать, Поклонение случилось в Египте!*

Впрочем, и при правильном годично-годовалом подходе, без дуализма возникают те же неразрешимые противоречия-возражения, в то время как с дуализмом все противоречия разрешаются, все возражения снимаются.

25 декабря 1 г. н.э. в Вифлееме (во дни переписи Квирина) родится Иисус Назарянин, опасности со стороны мертвого Ирода не подверженный. Волхвы же пришли в Иерусалим на рассвете 6 января 1 г. н.э., чтобы поклониться родившемуся 6 января 1 г. до н.э. Иисусу Вифлеемлянину. Они пришли с дарами – золотом, ладан и смирна – в дни, когда Квирина в Сирии не было и в помине, в дни, когда дышащий на ладан Ирод был еще жив. Время прихода звездочетов не может отстоять слишком далеко от события Рождества, но и не примыкает к нему вплотную: 1. “во дни царя Ирода” – 6.01.1 г. до н.э.; 2. “во дни царя Ирода” – 6.01.1 г. н.э. Годичный промежуток вполне соответствует заданному волхвами вопросу: “где родившийся Царь Иудейский?” т.е. речь идет о грудном ребенке, о младенце, родившемся недавно, но вовсе не обязательно сегодня или вчера. “Ибо мы видели звезду Его на востоке”, т.е., в том числе на восходе, “и пришли поклониться Ему.” Любопытно, что, сообразно старейшему рукописному отрывку “Протоевангелия” (папирус Бодмер V), гости с востока увидели младенца не в колыбели, но могущим стоять при помощи матери, т.е. не новорожденным или двухлетним, а приблизительно или точь-в-точь годовалым.

Итак, дабы интегрировать, увы, выпавшее из истории человечества Центральное Событие вселенской истории в историю, необходимо, во-первых, руководствоваться доказуемо-историческим дуализмом Р.Х., во-вторых, нужно реконструировать хронологию саcра, не забывая о хронологии profana, и наоборот.

* К.Кцberlin “Eine Wьrзburger Evangelienhandschrift”, Programm zu dem Jahresbericht der kgl. Studienanstalt bei St. Anna in Augsburg, Augsburg 1891.

Услышав публичный вопрос о Царе Иудейском, Ирод царь, разумеется, встревожился и, само собой, весь Иерусалим с ним. Всего несколько дней назад оскорбленный до глубины души ниспровержением его жертвенного дара деспот предал казни свыше 40 бунтарей; атмосфера в Иерусалиме была тревожнее некуда: над городом еще стоял запах паленого человеческого мяса. Рассвирепелому больному монарху делалось в болезни все хуже; от чреваточащей мысли о презрении иудейских подданных, об их всамделишной радости его несчастьям и близящемуся концу он страдал и стervenел вдвойне-втройне. Все прежние иллюзии безжалостно и окончательно рушились, достижения многих лет теперь, на пороге смерти (мысль о которой он от себя, хватаясь за жизнь, в ужасе гнал), все более явственно виделись зловещей карикатурой, самообманом. Царь и народ вновь (или всегда) разделяла непреодолимая, причем ныне, как никогда прежде, пропасть; впереди зияла страшная черная дыра. Одновременно иудеи замерли, затаили дыхание, страшась вызвать напоследок особенно жестокий приступ тиранической свирепости. И вдруг, на тебе! в столь напряженный неподходящий момент из ориентальных далей заявляются загадочные чужеземцы с чреватым в Иудее прискорбными последствиями вопросом.

Узурпировав не только трон, но и веру иудеев в Царя-Избавителя, Ирод (неизвестно насколько веря в свою идентификацию с ним сам) не испытывал ранее, на протяжении своего долголетнего царствования, страха перед ним, ибо, то был противник, скорее, ирреальный, фантомный. Вплоть до недавней скандальной истории с клятвотказниками фарисеями и с анекдотическим мессианством евнуха Багои (3/2 г.) никаких ощутимых беспокойств иудейский мессианизм сыну идумеянина Антипатра не доставлял, точнее, никак не давал о себе знать вслух. А потому не привыкший к опасности на данном фронте тарентский назначенец, при всем присущем ему суеверии, не верил в появление эсхатологического конкурента чуть ли не с небес, т.е. ниоткуда. Да и сейчас, изойди опасный вопрос от кого-нибудь из иудеев (кто бы посмел?), все выглядело бы гораздо проще, политичнее. Однако, вопрос изошел не от иудеев и даже не от прозелитов, но от таинственных восточных гостей-язычников, вогнав Ирода и вогнав в суеверного Ирода десятикратно усугубленный чрезвычайной ситуацией мистический трепет. Антипатрид весьма встревожился, и призвав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?

В этом срочном собрании-призыве всех первосвященников и отнюдь не всех книжников ошибочно усматривать внеочередное заседание синедриона. Синедристы спешно собрались и вынесли, вернее, марионеточно утвердили смертный приговор виновникам храмового инцидента, тогда как в связи с приходом в Иерусалим волхвов и их интересом к Царю Иудейскому собирать совет старейшин не имело ни резона, ни смысла. Зачем (легитиматорски) выносить не то поту- не то посюстороннюю проблему такого щепетильного толка-рода на обсуждение официального органа — герузии?

Ведь проблемы Царя Иудейского при царе иудейском Ироде официально не существовало.

Кого же понимает под конфиденциально призванными в царские аппараты первосвященниками и книжниками Евангелист Матфей? Согласно Шюреру (2,277), евангельские и флавиевские первосвященники (мн.ч.) иродианских и прокураторских времен — это: 1. функционирующие архипастыри; 2. продолжающие здравствовать экс-архипастыри; 3. видные члены привилегированных духовенско-первосвященских фамилий. В 1/1 вв. патриарших кланов было, судя по Флавию, четыре: Боэт, Фавит, Анна, Камит. Вместе с тем, не следует смешивать первосвященскую множественность в годы Ирода с первосвященской множественностью позднейших лет. Дело в том, что в период после 1 и до 70 г. н.э. мн.ч. “первосвященники”, действительно, охватывает множество лиц, т.к. с начала н.э. архипастыри часто менялись, отчего в одно и то же время здравствовали по несколько разноклановых первосвященников. Не то при Ироде, в правление которого первосвященствовали (до и после Аристовула Маккавея) вавилонянин Ананил, затем Иисус, сын Фавита, потом с 25 г. до н.э. почти четверть века царев тесть Симон Боэт. На январь 1 г. н.э. от фамилий Анна и Камит пока никто в папах иудейских не побывал. Ананил и Иисус Фавит, будучи при заступлении в должность, наверняка, людьми немолодыми, вряд ли пережили долгий понтификат Симона. Матфий, сын Теофила, и однодневник Иосиф, сын Эллима, к четырем ведущим флавиевским кланам не принадлежали, т.е. применительно к январю 1 г. н.э. Евангелист Матфей понимает под первосвященниками очень немногих. Среди них: отставленный в начале 1 г. до н.э. Боэт Старший; его преемник — Матфий; патриарх Судного дня — Иосиф; и сменивший Матфия в самом конце 1 г. до н.э. сын Симона Боэта — Иоазар*. Прибавим сюда пару видных Боэтов и пару видных Фавитов, плюс два-три самых книжных книжника, и получим узкий круг лиц из около 10 человек, которых не сведущий в пророческих писаниях царь, вполголоса, тревожно спросил: “Где должно родиться Христу?”

* * *

Библейский Вифлеем (бет-Лахам; предположительно: *дом Хлеба*) — древний культовый центр ханаанейской богини плодородия Лахама — плодородный оазис в пределах Иудейской пустыни, в 8 км от Иерусалима, на высоте 777 м над уровнем моря.

Град Давидов! Здесь за много столетий до Давидовых рассветов умерла, родив патриарху Иакову своего второго сына Вениамина, прагматеръ Рахиль. “И умерла Рахиль, и погребена на дороге в Ефрафу, то-есть Вифлеем...”

* Назначение первосвященником Иоазара вместо Матфия говорит о том, что после завершения следствия и осеннего суда по делу Антипатра Ирод амнистировал фамилию Боэт. Но своего сына от Мариамны II он в завещании не восстановил. То есть опала была снята с ее отца и подвергшихся ранее пытке братьев — с преемствовавших друг другу на первосвященском посту Иоазара и Елезара (см. ниже).

(Быт.35,19). Ефрафа; Евфрата; Евфрат: — это в Др.Завете и имя собственное, и наименование некоторых геоточек, в частности, соназвание Вифлеема. В “Амарнских письменах” (египетский эпиграфический памятник XV-XIV вв.) Вифлеем (Бит-Нин) назван городом в стране “Урусалим”.

Из Вифлеема происходила сделавшаяся жертвой надругательства Вениаминитов безымянная наложница безымянного левита. Их драматическую историю, с суровым воздаянием всех колен Израилевых Вениаминитам, рассказывает, завершая эпоху Судей, одноименная Книга (19-21). Ее заключительные слова симптоматичны. “В те дни не было у Израиля царя: каждый делал то, что ему казалось справедливым” (21,25). Сообразно следующей за Книгой Судей миротворнейшей Книге Руфи, в Вифлееме вдовья сноха Ноемини (вдовы Елимелеха Ефрафянина) моавитянка Руфь подбирала колосья на поле родственного ее мужу Вооза, женой которого она стала (1-4). “Салмон родил Вооза (от Рахавы); Вооз родил Овида (от Руфи); Овид родил Иессея; Иессей родил Давида (царя)” (Руфь 21,22; Мф.5,6). Повторим, раввинское предание считает Рахаву женой Иисуса Навина, и хотя оно же считает, что Иошуа бен Нун умер бездетным, но, кто знает, б.м., он все-таки оставил потомство, и б.м., Рахава замужествовала за Салмоном после его смерти. Т.е. не восходит ли родословие Иосифлянина Иоахима к Рахаве и к Эфраимиту Иисусу Навину так же, как родословие Давида Иосифа — к Рахаве и к Иудею Салмону?

Удивительным образом ефрафянами, ефрафлянами, евфратянами зовутся в Писании и иные Эфраимиты (ефремляне), и представители колена Иудова — вифлеемляне. Например, Самуил, сын Елканы, ефрафянина с горы Ефремовой (1-ая Ц.1,1); или Давид: “Давид же был сын Ефрафянина из Вифлеема Иудина, по имени Иессея” (1-ая Ц.17,12). В Вифлееме уполномоченный Богом пророк и последний судия Израилев Самуил нашел и помазал в цари пасшего отцовские стада на тучных местных пажитях младшего из восьми сыновей Иессея Вифлеемлянина — пастуха-пастыря Давида.

По смерти Соломона, с распадом царства, Вифлеем укрепил первый тронный Давидид-Соломонид Ровоам. В бурную эпоху Двугарствия скромный град Давидов не в кадре, но те, кому надо, в т.ч. современник падения царства Израильского, пророк Михей (VIII в.), о нем помнят (5,2). В 586 г., после убийства Гедалии, близ Вифлеема ненадолго остановились возглавляемые Иоананом иудеи, ушедшие затем из страха перед халдеями, вопреки слову Иеремии, в Египет (Иер.41,17). Полвека спустя и позднее, т.е. в VI-V вв., многие вавилонские репатрианты, корнями вифлеемляне, новообрели домашний очаг в Вифлееме. Потом, на протяжении веков, град Давидов снова “за рекой, в тени деревьев.” Интересно, что согласно талмудическим источникам (IV в. н.э.), где упоминаний о Вифлееме мало, он — место рождения, притом в трагический день разрушения святилища, сокрытого до времени от мира Мессии по имени Менахем — *Утешитель* (Берахот 2,4; Трени рабба 1,16). В обращенном к Соломону мессианском псалме Давида о Спасителе сказано: “Будет имя его вовек; доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его. И благословятся в нем племена; все народы ублажат его.” (Пс.71,17). В “Пирке р.Елеазара” 3(2) михеевское происхождение Мессии “от начала, ото дней вечных” прокомментировано в связи с этим

псалмом, как происхождение до Солнца. Вспомним пророчество Михея и ответ Евангелиста Матфея на вопрос: Когда?*

Впрочем, история пишется прозой. Не иудейские первосвященники и книжники знают о родившемся Царе Иудейском; о Нем, приведенные в царство Иудейское Вифлеемской звездой, спрашивают иудеев какие-то малопроницаемые язычники. Иудеи, в свою очередь, обмерши, направляют диковинных гостей не к первосвященникам и книжникам, а в царский дворец, к узурпатору не только не из дома и рода Давида, но даже не из дома Иакова, — к тому, кому отцы нации в страхе перед ним покорно отвечают, где, в какой теогеооточке Земли Обетованной должно родиться Христу.

* * *

“Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды.

И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце, и когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.

Они, выслушавши царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.

Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою,

И вошедши в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и падши поклонились Ему; и открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну...” (Мф.2,7-11)

Если теогеографический вопрос первосвященникам и книжникам Ирод задал конфиденциально, то призыв царем волхвов с тем, чтобы вывести у них время появления звезды был тем более не официальным. В подробности о самой звезде Евангелист не вдается. Ясно одно: выведенные Иродом сроки ее появления отразились вскоре на его расчетливо-преступном приказе избить младенцев от (с запасом) двух лет и ниже... по времени, которое он выведал от волхвов. Впрочем, сверхчувственное, первично совсем не конъюкционно-астрономическое, существо и значение Вифлеемской звезды (уникальнейшей из всех когда-либо сиявших людям звезд) видно уже из того, как она вела себя, взойдя и ведя, появляясь и исчезая, идя и останавливаясь. То была поистине сверх-Nova, но доступная (подобно зримо восприятию Апостолами воскресшего Христа) вовсе не каждому, а только прошедшим через особое посвящение взорам волхвов; тем, чьи тысячелетиями обращенные к звездному небу глаза не были удержаны; тем, кому светилась из созвездий Девы и Близнецов душа Христа.

“Звезда воссияла на небе — пишет в “Послании к ефесянам” (19,2)

* Сегодняшние критиканы вторят вчерашним: мол, никакого рождественского Вифлеема не было: дескать, теологическая география неисторична. Дудки! И география, и теохронология, как мы убеждаемся раз за разом, глубоко историчны (и метаисторичны).

Игнатий Антиохийский — звезда сиятельнее всех прочих звезд; и свет ее был неопишум; и все остальные звезды, и солнце, и луна стояли вокруг нее, дивясь ей в хоре небесном. Она затмила все звезды и повергла их в смятение своей несравненностью.”* Юстин (Диалог 106), “Завещание 12 патриархов” (Левий 18) и Ориген (Против Цельса 1,34) толкуют о чудесном восходе чудесной рождественской звезды. Причем Юстин, со ссылкой на свидетельства апостольские, подчеркивает ее восход в момент Р.Х., а Ориген считает Звезду волхвов не подлежащей сравнению с иными созвездиями и звездами низших сфер беспримерной кометой (1,58)**. “Протоевангельские” волхвы говорят Ироду об огромной, заслонившей все звезды звезде, восход которой указал им на рождение Царя Иудейского в земле Израилевой (21). “Oracula Sybillina” (12,30) пророчит (вспять?) воплощение на земле Божественного Логоса с появлением на небе равной солнцу звезды среди бела дня. “Псевдоматфей” (16) оговаривает необыкновенную величину нового небесного светила и сравнивает шедшую перед волхвами звезду с ведущим за собой воинство полководцем. “Арабское Ев. детства” (7) видит в Звезде волхвов Ангела-поводыря. За Ангела-путеводителя в звездном обличье голосуют Иоанн Златоуст (Гомил. Матф.6), Теофилакт (ad. Matth.2), Цезарий Арльский (Dialog 2), Диодор Тарсийский (Фотий “Библиотека” 123).

Иудейская Агада знает про звезду, взошедшую при рождении Авраама. Звездочеты пришли к Нимроду и говорят: “У Фарры родился сын. Возьми его к себе и не отказывай ему ни в чем?” “С какой стати?” — изумляется Нимрод. “Его звезда поглотила четыре звезды и, вероятно, он завладеет двумя мирами.”*** Или иной вариант: “Его звезда пришла от восхода солнца и поглотила четыре звезды на все четыре стороны света... Он и его потомки овладеют всем миром (Сефер-ха-Яшар 11а). Согласно р.Ханине бен Леви (Пешикта раб.42), в день рождения Исаака солнечный диск сиял в 84 раза сиятельнее обычного (“В сто сорок солнц закат пылал”). В “Зоха-ре” Рождеству Мессии сопутствует поглощение его восходящей звездой семи звезд на небе (Senes. fol.74, col.292,293)****. “Пешикта сутарта”, комментируя известное пророчество Валаама (Числа 24,17) о звезде от Иакова

* Среди миров, в мерцании светил,
Одной звезды я повторяю имя,
Не потому, чтоб я ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной молю ответа,
Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света.

(И.Анненский)

** Согласно иудейскому информатору Цельса (со слов Оригена), волхвы приходят не к Ироду I, но к Ироду тетрарху, т.е. к Антипе.

*** “Maase Abraham” (bei Horowitz, Sammlung kleiner Midraschim, 1,43).

Jellinek, Bet-ha-Midr. 2,118. См.Strack, Billerbeck, “Ev. n. Matth.”, S.77.

**** См. Зепп (155).

и жезле от Израиля, восклицает: “В седмицу пришествия сына Давидова взойдет и будет непрерывно в течение 15 дней сиять от востока звезда Мессии”.

Это же знаменитое Валаамово пророчество уверенно согласуют со Звездой чародеев отцы и учителя церкви: Ориген, Киприан, Василий Каппадокийский, Григорий Назианский, Амвросий Медиоланский, Иероним. Короче, свидетельств в пользу спиритуального феномена Вифлеемской звезды, чем, правда, не отрицается ее астрофеномен, хоть отбавляй. Продолжение см. ниже.

* * *

Поинтересуемся теперь, не датированы ли где-либо и кем-нибудь приход-поклонение волхвов именно январем 1 г. н.э., куда мы пришли, следуя за хрононитью Ариадны год за годом, месяц за месяцем. Оказывается, датированы. В приписанном (неведомо кем) Евсевию Кесарийскому вышеупомянутом сирийском фрагменте VI в. сказано: “Во второй год Пришествия Господа нашего, в консульство Цезаря и Капитона, в месяце Канун II, пришли волхвы с востока и поклонились Господу нашему в Вифлееме...”^{*} Ниже говорится, что поднятый в 430 году, в правление Адриана, в консульство неких Севера и Фульга, в понтификат Ксиса — епископа римского, данный вопрос был сведущими в Св.Писании святителями из разных епархий тщательно исследован, а потом, по точном установлении истины, эта история была записана теми, кто о том позаботился.

Разберемся. Точное время пришествия магов с дарами заинтересовало (если верить Псевдо-Евсевию) римскую общину христиан во II в., при Адриане, в епископство папы Сикста (115?-125? гг.) или Ксиса (сведений о нем нет); 430-й год эры Селевкидов = 119 г. н.э. (консулы Север и Фульг в 119 г. не зарегистрированы). Как мы знаем, в ходе IV-V вв. для подавляющего большинства христиан Запада и Востока календарная дата Р.Х. сдвинулась с 6 января на 25 декабря, причем ее часто, особенно в V-VI вв., относили на 25.12.2 г. до н.э. То, что сирийский Псевдо-Евсевий оперирует именно этой датой Рождества подтверждается получаемой из нее консульской датой Поклонения. Впрочем, обойдемся для начала без консулов. Ограничимся арифметикой. Исчисленный с 25.12.2 г. до н.э. “второй год Пришествия Господа нашего” дает годичный интервал 25.12.1 г. до н.э. — 25.12.1 г. н.э. Месяцы сиро-эдесского календаря канун I и канун II параллельны и равнозначны юлианским декабрю и январю. Значит, сообразно одной из древнехристианских традиций, поднесение волхвами даров имело место в январе или, точнее, 6 января 1 г. н.э... в год консульства Г.Цезаря и?.. Эпоним Поклонения волхвов — консул Цезарь — се не кто иной как облекший эпонимическое консульство 1 января 1 г. н.э. старший внук Августа — Г.Цезарь. И пусть Гай заступил на консульскую вахту в паре не с

^{*} Текст см. W.Wright “Journal of sacred literature”, 1866.

E.Nestle “Marginalien und Materialien”, “Einiges über Zahl und Namen der Weisen aus dem Morgenland”, 72-73, Tübingen 1893.

Капитоном, а с Эмилием Павлом*, применительно к дате поклонения Царю Иудейскому мудрецов с Востока, это ничего не меняет: одного консула (из дома Augusti) достаточно: главное установлено. Однако, попробуем все-таки, интереса ради, прояснить капитоновский нонсенс.

Кто таков Капитон и откуда он взялся? Разложим накладку. Л.Эмилий Павел консульствовал в 1 г. н.э. ровно полгода, до 1 июля, когда его сменил конс.суф. Герений Пиченц. Гай официально оставался в должности до конца года. В дальнейшем Павел станет заговорщиком против Августа и будет, преданный забвению, вычеркнут из летописно-фастической памяти: в фастах консульство Герения охватывает круглый год. Уместно спросить: при чем тут Капитон? Возможно, при деле. И у Филона в “Посольстве к Гаю” (30,2), и у Флавия в “И.д.” (18,6,3,4) фигурирует: у первого – просто Капитон, у второго – Герений Капитон. Это кесарский прокуратор Ямнии Палестинской при Тиберии и Калигуле; обвинитель Ирода Агриппы за денежную растрату перед Тиберием; по Филону, ворюга и недруг иудеев. Засим римский когномен *Sarito*, как фамильное прозвище связанного с Палестиной Герения, в природе и в небезразличной христианам иудейской литературе наличествует. Далее, выясняется, что при Домициане, Нерве и при предшественнике Адриана Траяне пользовался широкой известностью Гн.Тициний Капитон – шеф императорской канцелярии, близкий друг Плиния Младшего (видимо, знакомец Тацита и Светония), историк, поэт, меценат, ритор. Т.е. не исключено, что с Капитоном Псевдо-Евсевия (который, называя римлян, игнорирует *nomen gentilicum* и малограмотно орудует когноминальными прозвищами) произошла следующая накладка: ходкий когномен мог равно попасть в хронотекст II-VI вв. и вытеснить редкое прозвище Пиченц под влиянием Флавия/Филона, плюс под впечатлением Тициния Капитона, в результате чего возник собирательный (Герений) Капитон (или просто Капитон). Версия.

Так или иначе, дело не в Капитоне и не в Капитонах, но в том, что волхвы с востока, действительно, пришли поклониться родившемуся в Вифлееме Иудейском Царю в первую годовщину Его рождения, а именно – 6 января 1 г.новой эры.

* Кстати, возможно, годом эпонимии Г.Цезаря и Э.Павла курьезно датирует Поклонение источник VI-VII вв. (предположительно, переработка неизвестной ориентальной хроники) “*Excerpta Latina Barbara*” (“Выдержки на варварской латыни”), где это событие, причем со ссылкой на Евсевия, датировано годом консульства Лепида и Аррунция (*Lepido et Arruntio*). Младший брат Л.Эмилия Павла М.Эмилий Павел Лепид и Л.Аррунций несли консульскую вахту в 6 г. н.э. = 759 г. а.У. Не исключено, что в “Выдержках” безграмотно перепутаны два брата Эмилия – Павел и Лепид, в связи с чем консульский год Павла мог сместиться на 5 лет вперед, куда из-за этого “варварского” смещения, неправомерно попали волхвы с востока. Между тем, Евсевий относит Р.Х. в “И.ц.” на 2, в “Хронике” – на 2/1 гг., а приход звездочетов – на вторую рождественскую годовщину Иисуса (сходно Епифаний). Т.е. по Евсевию и Епифанию, Поклонение может приходиться на исторически верную дату – 6.01.1 г. н.э.

6. 01. 1 г. н.э. — дата Р.Х., согласно творившему в начале V в. в Александрии “отцу александрийской хронологической школы” (RE 18,3;632-35), монаху Панодору. В VII в. не дошедшую, к сожалению, до нас “Хронику” Панодора объемно использовал Георгий Синкел. Масштаб и значение Панодоровых изысканий и дарований спорны, но в отличие от многих других церковных хронистов-компютистов, к примеру, не в пример своему современнику-соотечественнику пасхальному калькулятору Анниану, он, насколько можно судить по материалу Синкела, был в самом деле незаурядным христианским ученым, притом знатоком, а не ignorantом античной учености. Эпоха предложенной Панодором эры “от Сотворения мира” — 29 августа (1 тота) 5493 г. до н.э.; Р.Х. датировано (не, как полагают некоторые, 2/1, но) 1/1 г.* Вместе с тем общеизвестно, что до перенесения в 432 г. (после Эфесского собора 431 г.) Кириллом Александрийским рождественского праздника в Египте на 25 декабря, христиане страны-на-Ниле праздновали Рождество 6 января, т.е., относя ок.410 г. Р.Х. на 1/1 г., александриец Панодор бесспорно разумел не (как думает Иделер) 25.12.1 г. до н.э., но 6.01.1 г. н.э. Эта же весьма редкая в древности дата является рождественской для Армянской Апостольской церкви.

Издrevле, предположительно еще в доахеменидскую, и уж точно в ахеменидскую эпоху, армяне использовали блуждающий иранский год (как говорят, египетского образца): 360 дней + 5 ежегодных эпагоменов. Однако, считать персидский плавающий год пришедшим в Иран из Египта ошибочно. Во-первых, в Иране, при отсутствии високосного (366-го) дня, каждые 120 лет вставлялся високосный месяц, тогда как египетское плавающее время делилось на периоды Сотис-Сириус: за 1460 лет (365x4 — великий год или период Сотис) — начало нового года — 1 тота — последовательно пройдя через все времена года, возвращалось к исходному положению; во-вторых, иранская (персидская) праисторическая культура под знаком Ближнецов предшествует позднейшей египетской культуре под знаком Тельца; в-третьих, хронология родилась из нетварного вечного времени (сообразно учению первомага Зрадашта, Церван — отец Ормузда и Аhrимана) в древнейшем Иране: она — детище Заратустры (Зрадашт)**. Которого? Первого: того, кто, по неподтвержденным данным, жил аж за 5 тыс. лет до Троянской войны. Более того, Сотис-Сириус — звезда Заратустры! Поэтому правильнее

* 1/1 г. верно предлагает Иделер (2,388; 447-51); 2/1 г. неверно — Г.Гельцер (247-49) и О.Зеел (RE 18,3 Panadoros 633). У Панодора 5463 г. — дата смерти Клеопатры; 5506 г. — дата смерти Августа (19.08, 14 г.); т.е. истекающий 28.08.5493 год приходится на 29.08.1 г. до н.э. — 28.08. 1 г. н.э.

См.Н.Gelzer “Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie”, Leipzig 1898.

** По мнению Панодора, которое высмеивает Синкел (60,16), Зороастр открыл и ввел в Халдее (открытый ранее Архангелом Уриилом Еноху) солнечный год. Как известно, Енох прожил 365 лет (Быт.5,23), соответственно числу дней известного израэлитам издревле (что подтверждает кумранский календарь) солярного года.

говорить или, вернее, заговорить о взаимосвязи и преемственности между основоположником прото-Ирана — Заратустрой и отцом-инаугуратором Египта — “трижды великим Гермесом” (Трисмегист). Но тем не менее, каким именно календарем пользовались античные армяне, иранским? или египетским? в точности неизвестно. Бытует мнение, что все-таки египетским!

По принятии Арменией христианства (301 г.), Армянская церковь взяла для определения даты Пасхи на вооружение “Пасхалию” Анатолия Лаодикейского (с ок. 268 г. епископ Лаодикеи Сирийской; родом из Египта; исходная точка “Пасхалии” — 277 г.). Спустя четыре 19-летних цикла, ее в 353 г. (Аштишатский собор) сменил и продолжил “Пасхальный канон” Андрея Византийского. Не столько или, точнее, во-вторых, истечение 200-летнего андреевского “Канона”, сколько или, точнее, во-первых, завершившийся за 100 постхалкидонских лет (451-551 гг.) процесс разрыва монофизитов-армян с диафизитами-халкидонитами (Византия и Запад) обусловили введение в Армении на II-м Двинском соборе в декабре 552 г. через 552 года после Рождества Христова* независимого арм. летоисчисления, эпоха эры которого — 11 июля. Т.е. дата Р.Х. для радетелей этого летоисчисления — 6.01.1 г. н.э.** Эта же дата выводится, например, из синхронизации хроноданных у историков V и X вв. Хоренаци и М.Каланкатуаци. Так, Хоренаци (2,1) датирует отпадение парфян от Селевкидов по хронологии селевкидских царей (31 год Селевка Никатора + 19 лет Антиоха Сотера + на 11-м году Антиоха Теоса), что при исчислении эры Селевкидов с осени 312 г. дает 252 г. до н.э. А Каланкатуаци (3) говорит о “парфянах, овладевших Персией и Ассирией”, т.е. о возникновении отпавшего от селевкидской империи парфянского государства, за 252 до Р.Х.

Впрочем, рождественской хронологии армян не чужда также дата 6.01.1 г. до н.э., в то время как в тесно контактировавшей с крестоносцами Армении Киликийской (1080-1375 гг.)*** была в ходу эра Дионисия Малого.

Далее, нелишне добавить, что в VII в. католикос Анастас (661-67 гг.)

* См. F.K.Ginzel “Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie”, § 261, “Zeitrechnung der Armenier”, В. 3.

Цитирующий Дулуарье Гинцель (316) не приводит автора этого “древнего свидетельства”. А вот историк XI в. Степанос Таронци (Асоһик) хронологизирует введение арм. летоисчисления 28-м годом правления Юстиниана (527-65 гг.) и 24-м годом правления Хосрова Ануширвана (531-79 гг.), т.е. 554 г.: “через 553 года после рождения Спасителя”.

** В средневековом вступлении к “Арм. Еванг. детства” (Manuscr. 2) Р.Х. датировано 43-м годом Августа и 39-м (!) годом Ирода. Отсчитанный с 43 г. до н.э. 43-й год Августа ведет в 1 г. н.э. Ирод правил всего 37 лет, но данная “иро-дианская” датировка совмещает, с одной стороны, “армянскую” дату Р.Х. (6.01.1 г. н.э.), с другой — отсчет лет Иродова правления с 39 г. до н.э. (по “И.в.” Флавия). Или же, если годы Августа исчисляются с 44 г. (от убийства Цезаря), а годы Ирода с 40 г. до н.э. (по “И.д.” Флавия), то дата Р.Х. приходится на 6.01.1 г. до н.э. Т.о., оба возможных варианта балансируют в пределах 1/1 гг.

*** История Армянского царства в Киликии — это история *серебряного века* армянства; это время обручения Армении со Средиземным морем и наибольшего сближения армян в эпоху крестовых походов с Западом.

предпринял попытку ввести стабильный год юлианского образца. Уполномоченный патриархом выдающийся ученый Анания Ширакаци разработал проект реформы, потерпевший, из-за безвременной кончины Анастаса, неудачу. Кстати, в своем пасхальном трактате Анания горячо отстаивает исконность и правомерность (в его годы исключительно армянской) даты Р.Х. — 6 января.

Интересно следующее: в день 6 января армяне празднуют Святое Рождество, включающее Рождество Христово*, Поклонение волхвов и Крещение на Иордане, причем и день, и месяц во всех трех случаях исторически верны: **6.01.1 г. до н.э. (среда)** в Вифлееме родился Иисус Соломонид; **6.01.1 г. н.э. (четверг)** Младенцу поклонились волхвы с Востока; **6.01.30 г. н.э. (пятница)** Иоанн крестил Иисуса (Нафанида в день 30-летия Иисуса Соломонида) в Иордане. Вступивший на патриарший престол в 3000-м году армянской эры “от hАйка” (которая как раз на 3000 лет моложе эры Панодора “от Сотворения мира”!) католикос hОванес (Иоанн) II (557-74 гг.) утверждал, что в основе объединенного празднования Рождества и Крещения лежат “два рождения Христа: первое — от пресвятой Богородицы, второе — по прошествии 30 лет в тот же день с крещением в Иордане”. Седьмой месяц теофорного армянского календаря — Мекекан — и восьмой день каждого месяца — Михр (Mher) — были посвящены солнечному Митре; первый день каждого месяца и восьмой месяц — Арег — самому Солнцу.

Но примечательнее всего то, в какой характерной мере преимущественная церковно-армянская дата Р. Х. отражает централистское сведение *двоицы* в *единицу*, неприятие любого дуализма, диафизитства, всякого другого проявления *dua*. Взгляните: 6.01.1 г. н.э. — исторический хронопункт Поклонения волхвов — находится посередине между двумя рождественскими мистериями и, будучи для армян собственно рождественским, вероятно, восходит к преданию волхвов, исходит из традиции магов.

Ни в одной из принявших христианство стран языческий дуализм не пустил настолько глубокие корни, как в зороастрийско-дуалистической Армении. И ни одна церковь не боролась против всех разновидностей дуализма, будь то зороастризм, манихейство, *сredo* Халкидона, павликианство или тондракийство, так долго и так последовательно, как Армянская. А борются со столь консеквентным упорством обычно против того знания, которое некогда имело место быть и которое никак не хочет уходить. Т.е. *кто-то* в (прошедшей через горнило зороастризма, иначе говоря, через религию магов) раннехристианской Армении знал о дуалистическом таинстве Р.Х. Не случайно креститель армян Григорий Просветитель (сын Анака Парфянина) удалился после Никейского собора (325 г.) в Маниевы пещеры

* А в канун 25.12. Армянская церковь чтит память (царя) Давида, причем — как пророка и пастыря. Рождество Иисуса (Соломонида) — в январе и празднество Давида (предка Сына Давидова) — в декабре! Притом в (святочном) интервале между этими датами — дни Апостолов Петра и Павла, Апостола Иакова и Евангелиста Иоанна, тогда как по обе стороны от воскресной Пасхи — субботние дни Воскресения праведного Лазаря и Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. 9 месяцев от предпасхального литургического дня Лазаря до предрождественского литургического дня Иоанна Богослова! (см.ниже)

— загадочное наименование, которое Хоренаци (2,91) умышленно связывает с придуманной (им или его источником) рипсимеянкой Мани*, чтобы никто не вздумал связать св. Григория с тем великим посвященным, который сказал о себе: “Я, Мани, посланец Света, Апостол Иисуса Христа...” Не случайно инспирировавшая движение богомилов на Балканах, катаров и альбгойцев во Франции павликианская dual-ересь возникла в VII в. именно на Армянском нагорье**.

Известные же *кое-где* и *кое-кому* на Западе уже с VII-VIII вв., но окончательно адаптировавшиеся в Европе не ранее XI—XII вв. имена царей-волхвов — Каспар, Мелхиор, Валтасар (С+М+В) — почерпнуты из “Армянского Евангелия детства” (в основе которого лежит сирийский первоисточник), где они, три мага, одновременно царственные братья (5,10) — Мелкон, Валтасар (Багдасар), Гаспар. Причем, если однажды Балтасар и Гаспар названы царями, соответственно, Индии и Аравии (5,10), а потом наоборот (11,2), то Мелкон/Мелхиор — неизменно царь Персии, т.е. репрезентант Дома Иранского***.

* * *

Число вифлеемских визитеров называлось различно, их дары объяснялись неоднозначно. Еще Ориген не очень уверенно предположил, что три дара преподнесли три мага (Genes.hom. 14,3). В середине V в. папа Лев I высказался определеннее (Sermo 23; Serm Ide eph. u.ер. 16,2). В VIII в. Беда Достопочтенный (или позднейший Псевдо-Беда?) связал трех чародеев с тремя сыновьями Ноя: потомки Сима, Хама, Яфета представляют три части света — Азию, Африку, Европу — семитическое, негроидно-африканское (хамитическое) и яфетическо-индогерманское человечество (in. Matth. Evang. Exposit.). Гиларий (de Eph.), Рабан Мавр и Валафрид Страбон (IX в; аббат из Райхенау) толкуют три дара и дароносное трио как символ признания (магами) во Христе святой Троицы****.

Касательно совмещенного со звездочетским царского достоинства кудес-

* Рипсимеянки — спутницы святой Рипсимэ, принявшие мученический венец в Армении. Согласно шитой белыми нитками постверсии у Хоренаци, одна из рипсимеянок, Мани, “не поспешила за ними... и осталась жить в горах, в каменных пещерах, почему и гора получила название Маниевы пещеры. В одной из пещер впоследствии и поселился св. Григор”.

** Армянскому христианству свойственно особое отношение к особостатуированному 13-му Апостолу Павлу. Вот, например, слова Корюна (ок. 445 г.): “... законоучитель Моисей вместе с сонмом пророков, и шествующий впереди Павел со всем отрядом Апостолов и с животворящим Евангелием Христа” (207).

*** “Excerpta Latina Barbara” называет трех не титулуемых царями волхвов именами: Битизаря, Мелхиор, Гадаспа. Роспись церкви Sant-Appolinare Nuovo (VI в.) в Равенне: Каспар, Мелхиор, Балтасар.

**** Fr. Diekamp “Hippolitos...”, S.65.

R.Hofmann “Das Leben Jesu”, S.127.

H.Kehrer “Die heiligen drei Könige”, in der Legende und in der deutschen bildenden Kunst bis A.D. 1904”, S.23, Strasburg 1904.

ников, первыми о нем обмолвились Тертуллиан (Adv. Marc. 3,13; Adv. Iud.9; De Idol.9) и Киприан (De baptismo Christi 1). На древнем армянском Евангелиаре (Эчмиадзин) три волхва изображены несущими к стопам вифлеемского Младенца снятые с чела золотые царские короны. Несторианская рождественская литургия славит магов-царей из Персии, Индии, Китая (где несториане миссионировали), Фарсиса, с дальних островов и (с золотом страны Офир) из Савы. В VIII в. за царизм чародеев решительно выступали константинопольский патриарх Герман (+733 г.), автор литургических гимнов Космас Иерусалимский (+ ок. 743 г.), Иоанн Эвбейский (742 г.)*. Венценосную версию принято подкреплять ссылками на Священное Писание:

“Цари Фарсиса и островов поднесут ему дань; цари Аравии и Савы приносят дары.

И поклоняться ему все цари; все народы будут служить ему.

Ибо он избавит нищего, вопиющего и угнетенного, у которого нет и помощника.

Будет милосерд к нищему и убогому, и души убогих спасет.

От коварства и насилия избавит души их, и драгоценна будет кровь их пред очами его.

И будет жить, и будут давать ему от золота Аравии, и будут молиться о нем непрестанно, всякий день благословлять его” (Пс.71,10-15).

“Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою.

Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак – народы; а над тобою воссияет Господь, и слава явится над тобою.

И придут народы к свету твоему, и цари к восходящему над тобою сиянию

Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут и дочерей твоих на руках несут.

Тогда увидишь и возрадуешься, и затрепещет и расширится сердце твое, потому что богатство моря обратится к тебе, достояние народов придет к тебе.

Множество верблюдов покроет тебя – дромадеры из Мадиама и Ефы; все они из Савы придут, принесут золото и ладан и возвестят славу Господа...” (Исаия 60,1-6)

Ефа – область и племя в Аравии; Мидиам (Мадиама) – очаг мидианитян – кочевников Аравийской пустыни к югу от красноморского Айлата; Сава – страна Савейская/Сабейская – родина царицы Савской – йеменский юг Аравийского п-ва (Аравия Felix), куда ходил походом Элий Галл и куда наострил лыжи Г.Цезарь. Другая Сава/Саба, где М.Поло в XIII в. видел, по его уверению, мумии трех волхвов (мощи которых с XII в. обретаются в Кельне) – город южнее Тегерана в Иране. Местонахождение Севы/Себы

* Hofmann 127; Diekamp 65; G.Widegren “Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit”, S.70-77; Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nord-Rhein-Westfalen; Geisteswissenschaften, Heft 70, Köln 1960.

H.Kehrer “Die heiligen drei Könige in Literatur und Kunst”, S.30, Leipzig 1908.

неизвестно: присахарская Африка? или у истоков Нила в Абиссинии? Фарсис (Таршиш) — то ли в южной Испании (Тартесс), то ли речь идет о киликийском Тарсе.

Т.о., популярная в средние века буквалистско-псалмистско-профетическая география звездочетов весьма широка. Но волхвы увидели звезду на востоке (апо Анатолон) и пришли в Иерусалим с восходного востока, отчего никакие Испании или северные Африки в расчет братья не могут. Юстин Мученик настойчиво *приводит* магов в Иудею из Аравии (Диалог 77;78; 88;102;103;106); и даже из ближней Аравии — из расположенного в пределах Римской империи (!) Дамаска (78). Звездочеты и вправду, должно быть, миновали по дороге южносирийский Дамаск, однако, идти в Иудею караванным путем через Дамаск вовсе не означает идти из Дамаска. Позднее Юстина за Аравию ратуют Тертуллиан (Adv. Marc.3,13), Киприан (Ep.ph.), Епифаний (Exposit.fid. cath.8)*. На Халдею-Вавилонию, как на родину чародеев, указывают иудей Цельса у Оригена (1,58), Максим Туринский (Hom. 25), Теодот Анкирский (Hom.1 in Nat.Domini 5), Петр Хрисолог (Sermo 156). Как видим, халдейская версия муслировалась, в т.ч. ранними противниками христианства. Ориген, возражая Цельсу, считает ее злобной клеветой и инкриминирует последнему неспособность отличить халдеев от звездочетов. Но Цельсовой вины тут нет, ибо в древности халдеи специализировались по звездам, из-за чего астрологов зачастую звали или же обзывали халдеями. В позитивном либо в нейтральном контексте этноним “халдей” мог быть просто синонимом звездочета; в негативном — синонимом астротарлатана, колдуна, обманщика. Вот почему сердает Ориген, хотя христианин Халкидий прямо величает волхвов халдеями (с.126 ed. Wrobel p. 191)**.

Далее, по поводу домашнего адреса магов или одного из них, подавались единичные голоса за Эфиопию, Китай (несториане) и Индию. Ученый монофизит V в. Исаак Антиохийский (Op.2,218) (и, стоит подчеркнуть, только он) предлагает (олицетворявшую в I/I вв. родину магии — Иран) Парфию***. В основном же церковные авторы, жившие и писавшие (или преобладавшие писавшим) в пору властвования над Ираном Сасанидов, сходятся на Персии. Среди них: Климент Александрийский (Стромата 1,15), Ориген (Против Цельса 1,24), Афраат (IV в.), Афанасий Александрийский (IV в.), Ефрем Сирийский (IV в.), Иоанн Златоуст (Homil. sept. in caput. Matth. sec.), испанец Ювенк (IV в.), Пруденций из Сарагосы (349-405 гг.), Диодор Тарсийский (Фотий “Библиотека” 223), Кирил Александрийский. Плюс приписывавшийся в средние века Иоанну Златоусту, предположительно, арианский источник V в. “Opus Imperfectum in Matthaеum” (Неполный комментарий к Матфею), Валафрид Страбон, Теофилакт (+1125 г.), Евтимий Цигабен (XII в.)****.

* H.Kehrer 31; Diekamp 63-64.

** T.Zahn “Ev. nach Matth.”, 88.

*** E.Nestle “Marginalien und Materialien”, “Einiges über Zahl und Namen der Weisen aus dem Morgenland”, 67-83, Tübingen 1893.

**** Kehrer 30-33; Diekamp 63.

H.Kehrer “Die heiligen drei Könige in Literatur und Kunst”, S.22, Leipzig 1908.

* * *

Иринею Лионский (3,9) первым охарактеризовал дары волхвов: золото – царю, в знак признания за Младенцем всецарского достоинства; ладан (фимиам) – Богу (во приятное благоухание Господу); смирна – “Тому, кому должно крестно пострадать за род людской, быть погребенным и нетленно воскреснуть” (смирну использовали при бальзамировании мертвых тел). Иринею вторят Ориген (Против Цельса 1,60): золото – Царство; смирна – Смерть и Воскресение; ладан – Божественность; Гиларий (Comm. in Matth.1), который особо подчеркивает в смирне указание на нетленность тела Христова; Амвросий Медиоланский, Августин (Sermo 130 in Eriphan. Domini), папа Лев I (Sermo 32), Беда, Валафарид Страбон, Теофилакт, Петр Равеннский (XV в.).

У Беды имеется также следующее толкование: золото – символ духовности как истинной религиозности; ладан – благоухание добродетельности; смирна – умерщвление грешной плоти (Matth. Evang.Expos.). Согласно Бедо, каждый из трех пришлецов преподнес Младенцу по дару. Другая католическая традиция считает, что каждый преподнес Спасителю мира все три дара.

Сиро-христианский манускрипт VI в. “Сокровищница” (45)*, где сиятельнейшая на небе Звезда (с Девой и коронованным Младенцем посередине) явилась царям/магам/халдеям/мудрецам Персии в 42-м году Августа, за два года до Рождества, определяет золото – Царю, смирну – Врачевателю-Исцелителю, ладан – Первосвященнику (по чину Мелхиседека).

* * *

Но неужели волхвов-царей-звездочетов было всего трое? Не совсем, ибо христиане на сирийском Востоке думали иначе. Так, таинственная “Книга Сифа” (из “Неполного комментария к Матфею” = Псевдо-Златоуст) говорит о поклонении в Вифлееме 12-ти мудрецов. Сходного мнения придерживаются Иаков Эдесский (VII-VIII вв.), несторианские авторы Теодор Бар-Кони (VIII-IX вв.) и Мар-Соломон (XIII в.), сиро-монофизиты Бар-Балул (X в.), Бар-Салиби (XI в.) и Мар-Михаил (XII в.)**. Младший современник Беды Иаков Эдесский пишет: “Маги, пришедшие в Иерусалим с востока, происходили из Персии от сыновей сына Сима – Элама, и было их не трое, как они изображаются живописцами для простого народа, а 12, как о том сообщают достоверные письменные источники.”*** Иаков Эд. и Бар-Салиби (Дионисий Сириец) придают 12 кудесникам свиту из 1000 чел.; Мар-Михаил – из трех тыс. конных и 5 тыс. пеших.

На Западе версию 12-ти чародеев перенял только Петр Абельяр (Serm.4 in Eriphan. Domini.); на сирийском Востоке трио презентует лишь “Сокровищница” (45).

* “Меарат Гацце” (= Псевдо-Ефрем) за мнимым авторством Ефрема Сирина.

** Nestle 68; Kehrer (1904) 28-30; (1908) 72-75.

*** Nestle 71,72.

Несториане и монофизиты приводят не чуждые друг другу списки с дюжинными именами (и отчествами) дюжины. Воспроизведем для наглядности два из них.

Бар-Балул	Мар-Соломон (“Пчела”)
Агдуиад	Царвандад
Хадундад	Гормизд
Шетаф	Гушнасп
Аршик	Аршак
Церванд	Цервандад
Аригу	Орго
Арташашт	Артаксест
Эстанбудон	Эстунбудан
Магдук	Марух
Ахширеш	Ассуер
Сордолах	Сардалах
Мардук	Мерудах

Перечень Мар-Соломона больше похож на каталог Бар Кони; перечни Бар Салиби и Мар-Михаила больше напоминают номенклатуру Бар Балула.

Согласимся: не поднатужишься – язык сломаешь. Ясно, впрочем, одно: все эти списки имен у авторов VII–XIII вв. восходят к общему (неперво-)источнику, черпавшему в свою очередь из...?

Есть и иные, тоже отчасти языкосломные конструкции. Например, в армянской традиции, помимо Мелкона, Гаспара, Багдасара, имеются еще два более поздних как тройственный, так и двенадцатиименный варианты. Первый: Матахилата, Фесба, Салахотата; второй: Цахтун – царь страны Гог (языческая Армения), Аревн – царь Персии, Цуан – Мидия, Зарех – Парфия, Арташиш – Ассирия и т.д. Три эфиопских предания представляют три трио: 1. Аунусон, Албита, Киссад; 2. Минсурам, Бадсиба, Ликон; 3. Менсор, Саир, Теокено. Персидское предание: Амад (*он пришел*), Цуд-Амад (*он пришел быстро, стремительно*), Друст-Амад (*он пришел благополучно*). Грузинская номенклатура: Вискара, Меликона, Валастар. Петр Коместор настаивает на еврейском и греческом звучании имен: евр.: Апелл, Амер, Дамасий; греч.: Галгалат, Магалат, Сарахин. Иаков Гиацинт: Атор, Сатор, Ператор (анаграмма “Sator”). Готфрид де Буссеро (XIII в.): Дионисий, Рустик, Элевтерий*. “Сокровищница”: Гормизд – царь Персии, Иездигерд – царь Савы, Пероз – царь Севы (45). Это еще не все, но с нас (пока) хватит. Теперь понятно, из-за чего ни один евангельский сюжет (исключая чудесные исцеления) не подвергся стольким нападкам-нареканиям и такому недоверию критиканов нового-новейшего времени, каковым подверглось Поклонение волхвов?

* Рустик и Элевтерий – имена спутников-сомучеников (или свойств) Дионисия Парижского.

* * *

Вторичность, третичность и легендарность в нагромождении прошедших через множество рук и интерпретаций царско-кудеснических имен очевидны. Плюс к тому, над мистерией волхвов в апокрифах довлеет политическая конъюнктура различных эпох — от Ахеменидов и Сасанидов до Омейядов и Аббасидов. Не случайно “Книга Сифа” в “Армянском Евангелие детства” (11,11) (где волхвы апеллируют к ней на приеме у Ирода), Иполит Фиванский, Гр.Абулфарад в “Истории династий” (83), Иоанн Эвбейский связывают магов, в том либо ином контексте, с Киrom или Камбизом. Причем, если у Иоанна Эвбейского они венценосные вассалы Кира, то в одном из вариантов “Ипполита Фиванского” Кир преобразуется в снаряжителя дароносцев Михр-Шапора. Т.е. налицо как смешение ахеменидских мотивов с сасанидскими, так и двустороннее поглощение персидскими Ахеменидами и персидскими Сасанидами современного Таинству Голгофы парфянского периода истории Ирана. Причина ясна: повторим, первоцерковные авторы творили в эпоху Сасанидов (возводивших себя к Ахеменидам и намеренно предавших Парфию проклятию памяти), но факт есть факт: говоря об Иране времен Голгофы, нельзя забывать ни о Парфии, ни о западном авангарде Дома Иранского — Армении. Посмотрите, в вышеприведенном армянском варианте не трех, а двенадцати царей-чародеев на переднем плане репрезентация Арийско-Иранской ойкумены (Иран = Ариана) — Армения, Персия, Мидия, Парфия.

Итак, в объективе 3 или 12 звездочетов. Помимо того, настенные росписи в римских катакомбах иногда потчуют зрителя-созерцателя четверицей. Чересчур упрощенную формулу — три дара — три мага — лучше, пожалуй, отставить. Скомбинируем восточное и западное предания и примем за верное группу из 10-15 (возможно, 12) странников, чем отнюдь не отрицается тройственность несомых ими даров или три четверицы в составе 12 носителей индивидуально-групповых имен каждая: Каспар, Мелхиор, Валтасар: С+М+В. Не на пустом месте Мар-Соломон в “Пчеле” закрепляет жертвенные золото, ладан и смирну за тремя квартетами. Арифметическую точность перенимать не обязательно; любопытную информацию и информацию к размышлению проработать полезно. И незачем ставить вопрос бескомпромиссным ребром, дескать или маги, или цари, или халдеи. Среди пришедших в Вифлеем волхвов с востока были и маги, и цари, и халдеи, вместе и порознь, в одном и не в одном лице.

* * *

Рассмотрим для примера, как версию, венценосную кандидатуру Артавазда III Армянского. Он родился, вероятно, около 50 г. до н.э.; его взшедший на престол в 56/55 гг. отец уже в 69 г., после Тигранакертского поражения армян от римлян, сделался соправителем своего родителя Тиграна, т.е. появился на свет не позднее 87-85 гг. Попал ли Артавазд Меньшой в египетский плен к Антонию и Клеопатре (34 г.)? отправился ли в компании старшего брата Тиграна и других родичей из Александрии в

Рим (30 г.)? провел ли в городе-на-Тибре почти десять до проримского переворота на Араксе (20 г.) лет? или нашел в 34 г. напару со старшим из братьев Артавазидов Арташесом политическое убежище в Парфии? — неизвестно. Во всяком случае, в 4 г. до н.э. ему выпало (либо пришлось занять) при содействии римлян, вместо пропарфянски настроенного племянника Тиграна, армянский престол. Во 2 г. до н.э. римский ставленник, лишившись трона, повел борьбу против соединившихся в царственном браке брата и сестры (б.м., близнецов?) Тигана и Эрато, а в следующем 1 г. до н.э. куда-то бесследно запропастился; согласно куцой скороговорке эпитомированного Диона, вдруг умер от какой-то неведомой болезни, следом за чем последний по мужской линии (безальтернативный) Арташесид Тигран направил изъявление покорности и тронную челобитную в Рим. К слову дополнить: весьма своевременный уход Артавазда из политики, при, разумеется, взаимном нежелании сверхдержав воевать, непосредственно обусловил разрядку римско-парфянского конфликта и очень поспособствовал снятию международной напряженности.

Будучи непростыми смертными, а зачастую и теократорами, цари в древности, особенно на Востоке, проходили высокое жреческое посвящение. Достоинство первосвященника, иначе говоря, главного мага (могпет) в Парфии или в Армении облакал, как правило, представитель царского рода: сам венценосец или его близкий родственник, в первую очередь — брат. Геродот (1,101) и Страбон (15,13,1) называют магов индийским племенем. Не исключено, что первоначальное иранское жречество составляло, подобно давшему Израилю Аронидов и левитов колену Левия, одно специально облеченное священским служением индийское племя, тогда как в дальнейшем когдатошний этноним “магои” стал обозначать все построенное уже не обязательно по родовому принципу зороастрийское жречество, т.е. магустан в целом. Например, первый армянский царь из династии Аршакидов, коронованный Нероном на римском Форуме Трдат, младший брат шахиншаха Вологеса, был митраистским посвященным, соответственно Плинию (30,16-18) и Диону (63,1-7), жрецом (династического бога Аршакидов) Митры.

Из Плиния и Диона узнаем также, что он, едучи за короной в Рим, не путешествовал морем. Элементы огня и воды считались у парфян священными: они избегали суетно-судходно прикасаться к морю; не вели, чтобы не осквернять мировой купельный водоем (один из источников живой жизни), морскую торговлю. Кстати, сходно, в *золотом веке* Вергилия, когда “урожай без распашки земля приносила”, люди не пахали девственную землю и тоже не оскверняли судходством море. По армянскому языческому верованию, солнце — вдохновитель всего живого, уходило вечером в материнское лоно моря на Западе и рождалось утром из океанских глубин на Востоке. Интересно, что по дороге в Рим царя-мага Трдата сопровождали трехтысячный контингент из парфянских всадников, большая царская свита из магов и множество римлян. Сама же поездка длилась аж 9 месяцев. Неспроста Мар-Михаил придает идущим в Вифлеем царям-волхвам свиту из 3-х тыс. всадников; неспроста “Армянское Евангелие детства” окружает царей-волхвов, которые приходят к рождественской колыбели Звездного Принца спустя 9 месяцев после восхода Вифлеемской звезды, 12-тысячным

(!) эскортом. Перенесенные на чародеев-дароносцев мотивы беспримерного римского вояжа Трдата несомненны, однако, все это, вопреки мнению ученых мозгачей, никак не разоблачает и не отрицает ни исключительный феномен Вифлеемской звезды, ни факт Поклонения волхвов Христу.

При встрече с Нероном в Неаполе Трдат отказался сдать меч (“парфяне никогда не расстаются со своими мечами”)*, прибитый поэтому гвоздями к ножнам (Дион 63,2). В Риме он хотел посвятить Нерона “в мистерии магов”, но, по ядовитому замечанию Плиния (30,17), последний не потянул на них. И наконец: во время форумной коронации, приняв возложенную на него римским кесарем диадему, армянский царь преклонил перед ним колена и взмолился Нерону, как Митре.

О Трдатовых (но из династии Арташесидов) предшественниках в Армении, Тигране II и Артавазде II, известно, что они почитались как боги. Тиару Тиграна, указывая на космократический характер его власти, украшала восьмиконечная звезда, его царская мантия была усыпана вышитыми на ней золотыми звездами. Греческие надписи на его монетах гласят: “царь Тигран Теос”; Артаваздовы монеты величают Артавазда “Божественным”.

Это об Армении Ервандидов ахеменидского периода уникально дезориентированный во времени Хоренаци, упоминая Дария Последнего и одновременно размашисто перенося время и место действия в I в. н.э. (т.е. в годы Веспасиана и Тита), пишет: “Он (царь Ерванд) построил отдельный небольшой город, похожий на его собственный, на расстоянии около 40 стадий к северу, на берегу реки Ахурян, и дал ему название Багаран, что означает: в нем собраны алтари. Он перенес туда идолов из Армавира и, построив храмы, назначил первосвященником своего брата Ерваза” (2,40).

Так или иначе, для нас важно следующее: брат царя в достоинстве главного жреца в языческой Армении (разных эпох) — дело обычное. Спрашивается: разве Артавазд (III), сын Артавазда (II), не мог быть магупатом при царственном брате Тигране или, скорее, поочередно при двух старших братьях, сначала — при Арташесе, потом (возможно, посодествовав устранению в 20 г. парфянофила Арташеса) — при римском протезе Тигране? Ответ ясен: мог и вполне. Ну, а если он мог быть и магом, и царем, то значит, он мог, как посвященный халдейской школы, уйти, будучи вовремя извещен, от мирской суеты сует в I г. до н.э. отнюдь, вопреки шепелявой “похоронке” Диона, не на тот свет, но изначально в Междуречье — в Халдею, чтобы уже оттуда двинуться вместе с таинственными спутниками на поклонение великому Царю Царей в Иудею, на запад — в Вифлеем.

Примечательно, что древнейшая форма иранского имени Артавазд — Artawazdah; авестийская — Asawazdanch; причем — в “Авесте” (Яст 5,72;13, 113) — это трабант и сподвижник грядущего Спасителя**. В армянской мифологии “авестиец” Asavazdah (кормилец, датель и распределитель истины)*** = Артавазд — это Солнечный Герой-драконоборец или прикованный

* См. Флавий (И.д.18,2,4).

** См. “Iranisches Namenbuch” von F.Justi, S.38 “Artawazdah”, Marburg 1895.

*** “Götter und Mythen der kaukasischen und iranischen Völker”, herausgegeben von H.W.Naussig “Mythologie der vorchristlichen Armenier”; “Altiranische und zoroastrische Mythologie”, S.297, Klett-Gotta Stuttgart 1986.